ЛОРЕТ
ЭНН УАЙТ
ВЫСШАЯ
ЛИГА ДЕТЕКТИВА
«ДЕВЯТЬ ЛГУНИШЕК НА САМОЛЕТ ПОПРОСИМ,
ОДИН СМЕРТЕЛЬНО ОПОЗДАЛ,
И ИХ СТАЛО ВОСЕМЬ...»
ПОГЛОЩЕННЫЕ СУМРАКОМ
DAPHNE DU MAURIER
AWARD-WINNING
AUTHOR
18+

Лорет Энн Уайт

Поглощенные сумраком

Моим родителям и всем врачам и медсестрам, которые заботились о них, пока я начинала, писала и заканчивала эту книгу. А также моим дорогим братьям, сестрам и дочерям, близким и далеким, которые помогали поддерживать домашний очаг. Я люблю вас всех больше, чем могу выразить словами.

Сейчас

Иногда стоит бояться… только себя

8 ноября, воскресенье

Прежде чем официантка приносит завтрак, я беру пакетики сахара из коробочки на столе и поспешно засовываю их в карман. Потом я жадно поедаю «Особую тройную яичницу Клуэйн-Бэй для лесорубов» и прошу официантку принести еще один тост. Я ломаю тост на кусочки и собираю ими жир от бекона и остатки яичных желтков на тарелке. Потом допиваю кофе и обвожу взглядом небольшой дешевый ресторан.

Пусто. Официантка ушла на кухню.

Я выпиваю сливки из кувшинчика. Теперь мой желудок готов лопнуть, но я беру салфетку и аккуратно заворачиваю в нее кусочки хлеба, которые просто не могу доесть. Я отправляю салфетку в карман одолженной куртки, где уже лежат пакетики с сахаром.

Внутри тепло, но я не снимаю куртку из-за холода, который до сих пор пробирает меня до мозга костей. Врачи сказали, что со мной все в порядке. Они сказали, что мне повезло. Все они говорили одно и то же – полицейские, санитары, члены поисково-спасательной группы. Я верю им. Мне невероятно повезло, и я могу лишь благодарить счастливое расположение звезд, которое помогло мне выжить.

И вот я здесь, всего лишь с забинтованным черепом, головной болью, несколькими порезами и синяками. Я – единственное живое существо, которому удалось пережить это.

Ибо в конце может остаться только один.

А дойти до конца – значит прийти к началу, не так ли? Кажется, Т. С. Элиот писал что-то в этом роде[1]. О том, что конец находится там, где все начинается, и лишь те, кто рискнул зайти слишком далеко, могут узнать, как далеко можно зайти.

Возможно, завтра я согреюсь. Возможно, тогда моя животная потребность в еде немного успокоится.

Движение за окном привлекает мой взгляд. Это женщина из полиции, констебль Биркен Хаббл, идет по тротуару от озера. Коллеги называют ее Хабб. Ее лицо было первым, которое я увидела, очнувшись в крошечном помещении бревенчатого дома, служащего больницей в этом уединенном северном городке. Она – одна из трех полицейских, расквартированных в Клуэйн-Бэй, где я оказалась после того, как меня доставили на вертолете из дикой глуши.

Я наблюдаю за ней. Хабб – невысокая, светловолосая и плотно сложенная. У нее важная походка служителя закона, похожая на боцманскую ходьбу вразвалочку, румяные щеки и округлое довольное лицо, выглядывающее из-под ондатровой шапки с опущенными наушниками. Но за обманчиво дружелюбной внешностью скрывается настоящий коп. Мне кое-что известно о том, как носить маску Януса. Возможно, поэтому они послали ее за мной; они думают, я могу сделать промашку и что-нибудь рассказать ей. Они убеждены, что я что-то скрываю.

Полицейские из Клуэйн-Бэй хотят еще раз допросить меня – ради формальности, как они сказали, – в крошечной дощатой штаб-квартире местного отделения Королевской конной полиции Канады, расположенной по пути к озеру. Они уже задавали мне бесчисленные вопросы в больнице, сразу же после эвакуации и после того, как врач и медсестры стабилизировали мое состояние. Я рассказала им все, что могла.

Дверь раскрывается, и Хабб входит внутрь, впуская за собой волну холодного воздуха. Она утирает нос тыльной стороной большой черной перчатки и кивает мне. Я – единственный клиент заведения, так что меня трудно не заметить. Ресторан находится на нижнем этаже единственного мотеля в городе. Это полицейские поселили меня здесь.

Я поднимаюсь со стула, натягиваю одолженные перчатки и прошу официантку добавить счет за еду к моему счету за проживание в мотеле, а затем следую за констеблем Хаббл навстречу морозному ветру, задувающему с озера.

Пока я иду рядом с ней в куртке с чужого плеча, мои глаза слезятся от ветра, из носа начинает лить как из ведра. Тогда я запускаю руку в карман и нащупываю салфетку, засунутую туда за завтраком. Когда я достаю салфетку, недоеденный тост с хрустящей корочкой вываливается на мерзлый тротуар. Я останавливаюсь в приступе

мгновенной паники и быстро подбираю его с земли. Сую обратно в карман, и моя душа вдруг наполняется радостью. Я смеюсь; кусочек хлеба спасен от забвения. Теперь мне не грозит голод. И на улице сплошная красота: туманные завихрения и обрывки облаков, необъятный простор, повсюду вокруг заснеженные вершины, – чудесная тишина и уединение маленького городка на севере Британской Колумбии.

Меня потрясает сладостно-горькая, невероятно острая и почти неизбывная красота окружающего мира, ощущение простого бытия. Это ощущение несообразно с катастрофичностью моего положения. Пятнадцать дней назад меня бросили в бездонную яму, в черную глушь моей собственной души. Там обитало Чудовище, и оно посмотрело мне в глаза, и оказалось, что Чудовище было мной.

Но у меня хватило сил отвернуться от этого обвиняющего взгляда. Моя внутренняя сила рвалась наверх и выгрызала путь на волю. И тогда Чудовище осталось там, внизу. Далеко, очень далеко.

Меня спасли.

Скоро нагрянут репортеры. Камеры, вопросы, критические суждения. Мне еще предстоит пройти это тяжкое испытание. Но сейчас, в это ясное и бодрящее снежное утро возле берега озера Клуэйн, рядом со мной только констебль Хабб. А на всякий случай у меня есть пакетики сахара и кусок хлеба с хрустящей корочкой.

В полицейском участке Хабб приводит меня в комнатку без окон с грязно-белой плиткой на полу. В центре стоит прикрученный к полу металлический стол и по одному пластиковому стулу с каждой стороны. Я бросаю взгляд на потолок и замечаю маленькую видеокамеру в верхнем углу.

– Сержант Денье скоро придет, – говорит Хабб и закрывает дверь. У меня почти сразу же начинается одышка, и я начинаю сжимать и разжимать кулаки. Мы познакомились с сержантом Мэйсоном Денье еще в больнице. Он находился вместе с поисковой группой, которая помогла вывезти меня из леса.

Медсестра сказала мне, что Мэйсон Денье лишь недавно прибыл в Клуэйн-Бэй. Он был опытным детективом из отдела расследования убийств в большом городе, но по какой-то причине, еще неизвестной членам небольшой местной общины, выбрал перевод в эту тихую полицейскую гавань на севере.

Я снова смотрю на камеру, и слабое беспокойство, покалывающее где-то глубоко в груди, начинает расти и пульсировать.

Дверь открывается, и входит Денье с папкой бумаг, ручкой и блокнотом. В его темных волосах на висках поблескивает седина. Он носит мундир RMCP[2] и бронежилет. Насколько я понимаю, будь он городским следователем по уголовным делам, он был бы одет в красивый костюм с галстуком. Взгляд его серых глаз кажется цепким и оценивающим, но в их глубине застыла боль. Этот человек пережил нечто очень тяжелое. За его обманчиво тихим поведением скрывается нечто темное и опасное, словно подводный электрический кабель.

Каковы ваши секреты, мистер Денье?

Какую ложь вы готовы поведать?

Потому что мы все лжем.

Каждый из нас – и тот, кто утверждает, что не делает этого, – наибольший лжец.

Вспышка воспоминания слепит меня. Кровь. Ужас в глазах другого человека. Мое сердце бьется быстрее.

– Как вы себя чувствуете сегодня утром? – спрашивает Мэйсон, заходя к столу с другого конца. Он кладет на стол папку и блокнот, прежде чем стряхнуть с плеч форменную куртку и повесить ее на спинку стула. – Голова не болит?

Я прикасаюсь к повязке на лбу, едва ли не ожидая снова увидеть окровавленные пальцы. Но чувствую лишь жесткую, обволакивающую ткань бинтов.

– Я… Спасибо, мне гораздо лучше. Просто слабая головная боль.

– Нормально выспались в мотеле?

– Да, – говорю я. – А вы хорошо выспались?

Наши взгляды пересекаются. Он изучает меня.

Он оценивает, был ли мой вопрос обусловлен невинной вежливостью, или я исподволь бросаю вызов его авторитету и стараюсь сделать его скорее человеком, нежели стражем порядка. Низвести его до моего уровня.

– Да, спасибо, – спокойно отвечает он.

Но морщинки в уголках его глаз свидетельствуют о другом. Я подозреваю, что он плохо спал. Возможно, бессонница – это разновидность «новой нормальности» для бывшего городского копа из

отдела убийств. Я неплохо сужу о людях и многое знаю о «новой нормальности».

– Спасибо, что пришли, – он указывает на стул, ближайший ко мне. – Садитесь, пожалуйста.

Я снова бросаю взгляд на камеру и осторожно усаживаюсь. Кладу руки на стол ладонями вниз, но желание бежать отсюда только усиливается. Теперь я чувствую его как пульсирующее давление под повязкой на голове. Клаустрофобия тоже в новинку для меня после многосуточного пребывания в горах и лесах. Я внушаю себе, что в этом подвиге заключается настоящая сила. Теперь у меня она есть. Я могу то, чего другие не могли – и *не смогли* – сделать.

Я выжила.

– Кофе? – спрашивает он. – Сок, чай или вода?

Я качаю головой.

Мэйсон открывает блокнот, просматривает несколько строк мелкого рукописного текста, предупреждает меня о том, что наша беседа записывается, и предлагает мне назвать мое имя под запись. Потом он смотрит мне в глаза и спрашивает:

– Вы хотите, чтобы кто-то еще присутствовал при нашем разговоре?

Я качаю головой.

– Вы уверены? Мы можем предоставить вам сотрудника из агентства помощи жертвам преступления. Вы можете попросить адвоката…

– Нет.

Он смотрит на меня.

– Хорошо. Вы в любое время можете попросить о перерыве.

– Кто наблюдает за нами? – я киваю в сторону камеры.

– Два сотрудника RMCP.

– Детективы?

– Да.

Я покусываю нижнюю губу и вновь киваю. Мои ладони, лежащие на крышке стола, взмокли, несмотря на холод, пронизывающий кости.

– Я хочу, чтобы вы еще раз подробно описали, что случилось после того, как группа покинула лесной дом.

Еще один проблеск воспоминаний. Треск выстрелов. Тело, подвешенное за шею. Крики, ужасные крики…

– Не торопитесь, – мягким и дружелюбным тоном продолжает он. – Опять-таки дайте мне знать, если вам понадобится чье-то присутствие.

Девять лгунишек на самолет попросим,
Один опоздал, и их стало восемь…

– Давайте начнем с воскресного утра 25 октября – со встречи в отеле «Тандерберд» у причала гидросамолета, где вы познакомились друг с другом.

Я смотрю в его зоркие серые глаза. Как он мог прийти к этому пониманию? Как вообще кто-то мог знать об этом?

Мы стали группой людей с животными инстинктами. Любая наша слабость была усилена и обострена ощущением вины, страхом, голодом и крайней усталостью. Самой потребностью выживания. Такая борьба выводит на первый план самые тревожные и непредвиденные аспекты человеческой личности. Это изменило нашу реальность. Вероятно, до сих пор мы понятия не имели о том, что это такое.

Теперь я знаю, что Реальность – текучая и эфемерная вещь, которая зависит от тех, кто тебя окружает. За пределами контекста твое восприятие не может быть понято и осознано теми, кого не было рядом. Как объяснить, что тебя за несколько часов вырвали из средоточия цивилизации и забросили в черный лес, в сердце тьмы из сказок братьев Гримм?

Я тихо кашляю, чтобы прочистить горло.

– В то утро у причала нас было восемь человек. Восемь, включая экскурсовода.

Поиск

Мэйсон

30 октября, пятница

В конце октября темнота рано наступала в Клуэйн-Бэй, особенно там, куда падали длинные тени от гранитных гор. А когда она наступала, то была абсолютной. Никакого мягкого искусственного света над городком. По сути дела, Клуэйн-Бэй едва ли можно было назвать городом. Он не имел муниципального статуса, здесь не было ни мэра, ни городского совета. Силы правопорядка ограничивались маленьким отделением RMCP из трех человек в северном округе Британской Колумбии со штаб-квартирой в Принс-Джордж.

Клуэйн был родным домом примерно для шестисот постоянных горожан, живших в деревянных домах на нескольких продуваемых ветрами улицах на побережье озера Клуэйн, одного из крупнейших природных озер на севере Британской Колумбии. Летом выдавались прекрасные деньки, привлекавшие любителей дикой природы. Но зимой озеро замерзало и задувал жестокий северный ветер. В Клуэйне имелась маленькая взлетно-посадочная полоса, новая набережная с променадом, крошечное почтовое отделение и некоторые жизненно необходимые магазины и службы, включая пекарню, бензоколонку и мотель с баром-рестораном на первом этаже. За последними улицами на окраине только лесовозные дороги и вездеходные колеи тонкими нитками уходили в густые бескрайние леса и скалистые горы. Клуэйн-Бэй был воплощением северного захолустья, и сержант Мэйсон Денье чувствовал это, сжимая рулевое колесо полноприводного полицейского автомобиля, пробираясь по глубоким колеям крутой лесовозной дороги в сумерках, где облака смыкались с вершинами деревьев.

Вызов поступил полчаса назад.

Двое охотников наткнулись на место крушения гидросамолета. Он рухнул среди деревьев вдоль берега ущелья, несущего белую кипящую воду из озера Таксис в Таксис-Ривер. Охотникам удалось связаться по

радио с другом, который позвонил в полицейское отделение Клуэйн-Бэй по стационарной линии. В Клуэйне не было мобильной связи. Формально Мэйсон был главой отдела, но о канцелярской работе не могло быть и речи. Одна из двух его сотрудников, констебль Биркен Хаббл, уже находилась на месте и брала показания у охотников. У другого сотрудника, Джейка Подгорски, был выходной день.

Фары автомобиля Мэйсона высветили еще одну водную полосу. Лесовозная дорога вышла из употребления, и глубокие диагональные канавы были вырыты через регулярные интервалы для предотвращения эрозии. Включив полный привод, он приблизился к канаве под углом в тридцать градусов. Это стоило ему пробуксовки на подъеме. Когда ведущее колесо уперлось в дно канавы, он вывернул руль в противоположную сторону и стал аккуратно подниматься на другую сторону. Но у заднего бампера его автомобиля оказался недостаточный дорожный просвет. Бампер и выхлопная труба заскрежетали и залязгали об камни. Он выругался.

Деревья смыкались вокруг по мере подъема. Ветки скребли по бортам автомобиля, как ногти по грифельной доске. Это напоминало ему о школе, о Дженни и Люке. Перед его глазами возник яркий образ: Люк со своим маленьким динозавром на рюкзаке в первый день школы. Он стиснул руки на рулевом колесе, когда сердце забилось сильнее, подавил непрошеное воспоминание и проверил показания GPS. Он должен был находиться рядом с рекой. Туман наползал со склона горы и запускал свои мглистые пальцы в ветви. Огни фар Мэйсона были похожи на мглистые тоннели в полумраке. Возможно, он сделал неправильный выбор, когда согласился на эту должность.

Как правило, уединенные северные аванпосты вроде этого были уделом новобранцев из «резервного дивизиона» в Реджине. Но для Мэйсона, ветерана уголовного розыска с двенадцатилетним стажем, это был выбор без выбора, ситуация между двух огней. Он сам подал запрос о переводе на новое место.

Либо это, либо закопаться в еще более глубокое дерьмо по пути к дисциплинарному взысканию. Или, хуже того, к бесславному увольнению.

Возможно, ему следовало подать в отставку и заблаговременно покончить с этим. Но что-то глубоко внутри побуждало Мэйсона продержаться хотя бы еще немного, попытаться выиграть время и

найти спокойное, надежное место, где можно будет находиться ниже зоны радарного поиска. Возможно, через два-три года в этом захолустье он будет готов вернуться в большой город, к серьезным уголовным расследованиям. Возможно, тогда у него снова появится вкус к жизни.

Но другая часть сознания Мэйсона, – его деструктивная часть, – нашептывала, что он обманывает себя. Он больше никому не нужен. Он – просроченный товар. Никто больше не захочет работать с ним или доверять ему.

Это твой последний выбор.

Он обогнул крутой изгиб дороги и увидел кроссовер Хабб, припаркованный под свисающими ветвями пихты; двигатель, работавший на холостых оборотах, выбрасывал маленькие клубы белого дыма. Окна были затуманены, но Мэйсон мог различить три силуэта внутри. Перед кроссовером стоял покрытый запекшейся грязью внедорожник, раскрашенный в камуфляжные цвета. На сиденье лежал светоотражающий жилет. Мэйсон остановился за кроссовером. Хабб вышла из автомобиля и вразвалочку направилась к нему, неестественно согнув руки, чтобы не касаться ременной перевязи с кобурой. Она была коротышкой, – пожалуй, не более пяти футов двух дюймов в сапогах со стальными подковками, – и тяжелая оружейная перевязь вместе с бронежилетом под курткой делали ее фигуру гротескно пухлой. Хабб очень нравились пончики из пекарни напротив полицейского отделения. Ее щеки и нос раскраснелись от мороза, глаза блестели от влаги.

– Привет, босс, – сказала она, когда Мэйсон вышел из автомобиля.

Он до предела застегнул молнию на форменной куртке. При сырой погоде на такой высоте мороз быстро проникает под кожу. Он услышал звук текущей воды.

– Место крушения там, – она указала в сторону густой рощи и кустарников с бурыми осенними листьями. – Он пролетел по оврагу за деревьями, но там густая растительность. Я не смогла разглядеть сверху, но охотники говорят, что хвост завис прямо над рекой, а остальное застряло на скальном карнизе и в грунте на берегу.

– Эти ребята нашли его? – Мэйсон кивнул в сторону внедорожника с двумя темными силуэтами.

– Да. Я сняла показания. Попросила их подождать, чтобы вы могли поговорить с ними, если понадобится. Оставила сидеть там, где тепло.

– Есть признаки, что крушение произошло давно? – спросил Мэйсон, направляясь к деревьям перед оврагом. Хабб следовала за ним, хрустя каменистой землей. Звук текущей воды усилился. Влага оседала на ветвях хвойных деревьев и клубилась в воздухе.

– Они сказали, что там нет ржавчины. Похоже, он рухнул совсем недавно. Кто знает? Позавчера я видела в новостях, как поисковая партия нашла остатки самолета тридцатилетней давности. Возле Клируотера… но они нашли его только потому, что искали другой пропавший самолет из Альберты.

Это был недостаток Хабб: она слишком много болтала. Она не могла остановиться, и это доводило Мэйсона до белого каления.

Он раздвинул ветки, которые Хабб пометила полосками оранжевой флуоресцентной ленты, и шагнул вперед. Придерживаясь за еловую ветку, он попытался заглянуть в расщелину через кусты. У него засосало под ложечкой: земля круто обрывалась перед мысками его сапог. Вода гремела и рокотала примерно в сорока футах ниже, взметая облачка крошечных капель, оседавших на все вокруг. Сказать, что он боялся высоты, было бы преуменьшением. Ему удавалось скрывать этот изъян, – возможно, до сих пор, когда он должен был показать свой профессионализм новой команде и горожанам, которые уже сомневались в его способности управлять ситуацией в этом захолустном уголке, затерянном в глуши.

– Я уже позвонила Кэл, – жизнерадостно сообщила Хабб у него за спиной.

Он оглянулся через плечо.

– Кэл?

– Клуэйнская поисково-спасательная группа. Кэл Саттон руководит ей. Нам понадобятся технические специалисты с веревками и опытом работы в проточной воде, если мы хотим поднять эту развалину на берег. Я также связалась с департаментом транспортной безопасности.

Мэйсон молча глядел на нее. Ее щеки стали пунцовыми.

– Я, э-ээ… Рэй, то есть сержант Тед Ньюмен, который был здесь до вашего приезда, – он обычно оставлял связь с поисково-спасательной группой на мое усмотрение, поэтому я решила…

– Поэтому мы взяли инициативу на себя.

– Да, но если вы предпочитаете…

– Нет, все нормально. Мы будем придерживаться заведенного порядка… пока что.

Пока я не пробуду здесь достаточно долго и не выясню, как все устроено.

Она сглотнула, и ее глаза перестали улыбаться.

– Да, сэр.

Мэйсону предстояло заполнить много пробелов. Он прибыл лишь две недели назад, и было ясно, что его предшественника любили и уважали. Настолько, что жители Клуэйн-Бэй в несвойственной для них манере провели целую кампанию за продление срока службы сержанта Теда Ньюмена в их городке. Но правило о переводе соблюдалось неукоснительно, и теперь они получили Мэйсона, который был не в настроении заводить друзей.

– В департаменте транспортной безопасности есть сообщения о воздушных судах, потерпевших крушение или пропавших в этой местности? – спросил он.

– Нет, сэр. Никаких сообщений о разбившихся или пропавших самолетах в этом регионе за последние два года. Следователи департамента находятся в режиме готовности. Они отправят группу, как только мы получим больше информации.

Крепко держась за ветку, Мэйсон робко прощупал ногой пружинистую поверхность под ногами.

– Осторожнее, сэр. Этот мох может соскользнуть вниз.

Почва казалась надежной. Медленно, осторожно он перенес вес на переднюю ногу и немного наклонился вперед. Он видел часть фюзеляжа и поплавок гидросамолета. Он чуть-чуть подался вперед. Левое крыло врезалось в борт ущелья, хвост находился в реке, окруженный бурунами белой пены. Мэйсон тихо выругался и обратился к Хабб:

– Как охотники вообще нашли его здесь?

– Они ранили медведя! – крикнула она в ответ, перекрывая грохот воды. – Охотились на черного самца прошлым вечером и неудачно подстрелили его. На рассвете пошли по следу. Медведь спустился в ущелье, и они последовали за ним.

– Что, прямо *туда*?

– Наверное, медведю очень хотелось жить.

А охотникам, должно быть, очень хотелось убить его, если они решили спуститься с этих скал.

– Они видели кого-нибудь внутри самолета? – крикнул он, еще чуть ближе придвинувшись к краю, чтобы разглядеть кокпит. Его рука начала дрожать, желудок взбунтовался.

– Нет, сэр.

Ветка в его руке треснула со звуком ружейного выстрела. Прежде чем Мэйсон успел это заметить, она отломилась от дерева. Он упал и покатился, ударяясь о камни. Потом ухватился за кустик, выросший из трещины. Ему удалось приостановить падение, но скользкие ветви выскользнули из ладони. Он заскользил по влажному мху, снова ударяясь о камни, слепо хватаясь за кустики и ростки, торчавшие из трещин. Но ничего не помогало. Он тяжело врезался в каменный карниз, выпиравший над ревущей рекой, оттолкнулся ногами, снова покатился и со стуком приземлился на опрокинутый фюзеляж самолета. Он замер, сердце бешено билось. Все плыло у него перед глазами. Секция фюзеляжа, на которую он опирался, угрожающе накренилась над пенистой водой: поверхность была скользкой, как мокрое мыло.

Панель издала металлический скрип, похожий на стон. Он почувствовал, как металл подается под его ногой, и застыл в полной неподвижности.

– Сэр! С вами все в порядке, сэр? *Сержант?*

– Все нормально! – рявкнул он из последних сил. Медленно, очень медленно он повернул голову к окошку кокпита, и у него замерло сердце. Прямо перед его лицом – достаточно близко, чтобы прикоснуться, если бы он осмелился протянуть руку, – находился труп, висевший вверх ногами на месте пилота, прочно удерживаемый ремнями безопасности. Его ватно-белое лицо распухло, рот был разинут, затуманенные глаза смотрели на Мэйсона. Светлые волосы были очень коротко подстрижены, в ухе блестела серьга, и до Мэйсона вдруг дошло, что пилот был женщиной. Со своего места он больше никого не видел внутри, но это был плохой наблюдательный пункт. Он сделал глубокий вдох, сосчитал до трех и дюйм за дюймом начал пятиться вверх по склону, дальше от фюзеляжа и от края воды. Самолет протяжно заскрипел. Металл скрежетал по камню,

погружаясь немного глубже в бурлящую воду. Буруны вокруг хвостовой части стали более заметными.

Мэйсон включил рацию, прикрепленную у плеча.

– Хабб? Ты слышишь меня, Хабб?

Он отпустил клавишу вызова и выругался. Самолет снова пошевелился. Время как будто растянулось. Его поле зрения резко сузилось, в ушах зазвенело. Вестибулярная дезориентация. Он закрыл глаза, пытаясь избавиться от головокружения и подавить зарождавшуюся панику. Лицо сильно вспотело.

– Сэр?

Он нажал на клавишу.

– В кокпите находится мертвый пилот – судя по всему, женщина. Установи связь по спутниковому телефону. Вызови коронера и группу SAR[3] в полном составе.

Он помолчал, перевел дух, стараясь взять под контроль панику и новый прилив адреналина.

Молчание. Он снова нажал клавишу.

– Хабб? – Нет ответа. – Ты меня слышишь, Хабб?

Он осторожно поднял голову и посмотрел на небо. Но это движение перераспределило вес его тела, и сила тяжести дала о себе знать. Он заскользил по мху и снова со стуком врезался в фюзеляж самолета. Металл застонал в ответ. Вода взметнулась еще выше, подталкивая остатки корпуса.

Вот дерьмо!

– Хэй! – раздался крик сверху. – Сержант Денье! Оставайтесь на месте, не шевелитесь! Я спускаюсь.

Мэйсон не рискнул бы пошевелиться. Если бы он соскользнул дальше, то оказался бы в кипящей белой воде рядом с грудой истерзанного металла.

Конец веревки шлепнулся на карниз и повис у его лица. Он услышал движение наверху. Мелкие камешки и галька запрыгали вокруг него. Он закрыл глаза.

Через несколько секунд человек спустился на плоскую и относительно сухую часть карниза. Мэйсон открыл глаза и увидел сапоги. Рука в перчатке потянулась вниз.

– Вы можете ухватиться за мою руку? – спросил женский голос.

Мэйсон сглотнул и потянулся вверх. Кто-то ухватил его за запястье, и облегчение буквально затопило его.

– Крепко держите мое запястье; это образует более прочный замок. – Теперь их запястья переплелись.

– Отлично. Теперь я собираюсь подтянуть вас. Помогайте себе ногами, хорошо? Упирайтесь мысками в камень и отталкивайтесь.

Он кивнул. Когда спасательница потянула его за руку, он осторожно оттолкнулся от фюзеляжа и мелкими шажками стал подниматься к ней. Но в это время гидросамолет с громким скрежетом соскользнул в воду. Бурлящая вода охватила его и со всех сторон хлынула внутрь. Секунду спустя он пропал, поглощенный волнами и брызгами пены.

Мэйсон застыл.

Проклятье!

Он только что отправил вниз по течению потерпевший крушение гидроплан вместе со всеми уликами.

– Не смотрите туда. Сконцентрируйтесь на мне. Просто сосредоточьтесь на движении.

С ее помощью Мэйсон дюйм за дюймом поднимался вверх по каменистому склону. Наконец после нескольких скольжений, когда приходилось останавливаться и переводить дух, он выбрался на более плоскую и сухую часть карниза. Женщина помогла ему опуститься на колени. Он тяжело дышал, промокший от пота и речного тумана. Заморосил дождь. Она сразу же закрепила страховочную веревку и обвязку на его теле.

– Вы не ранены? – спросила она, когда убедилась, что он надежно закреплен.

– Нет.

– Уверены?

Он поднял голову, по-прежнему стоя на коленях. На женщине был шлем с головным фонарем. Становилось темнее, и свет фонаря слепил его, поэтому он не мог ясно видеть черты ее лица.

– Я Кэл, – представилась она. – Келли Саттон, Клуэйнская поисково-спасательная группа. Жаль, что мы не познакомились при более благоприятных обстоятельствах, сержант Денье.

Она улыбалась; он мог это разглядеть, несмотря на свет фонаря. Широкая белозубая улыбка.

На Мэйсона накатило раздражение. Ее веселое дружелюбие с учетом того, что он только что отправил самолет с уликами в бушующую реку, было последним, в чем он нуждался.

– Вы не видели признаков жизни?

– Ответ отрицательный, хотя я не вполне уверен. Женщина выглядела так, будто она была мертва уже некоторое время.

– Женщина?

– Возможно, мужчина, но серьга навела меня на мысль о женщине.

– Ясно. На рассвете мы начнем поиски ниже по течению. Посылать моих ребят в темноту – значит рисковать их жизнью, особенно в таких условиях. Эта часть Таксиса опасна, когда вода стоит высоко. Ладно, давайте выбираться отсюда. Нас подстрахуют сверху.

Келли нацепила на него новые веревки и карабины.

– Вы когда-нибудь занимались этим? – поинтересовалась она.

– Нет. – Он был уверен, что она ощущает его дрожь.

Она провела инструктаж. Мэйсон боролся с головокружением и шумом крови в ушах, пока выслушивал ее наставления.

– Готовы? – спросила она.

Он заморгал и отвернулся от луча ее фонаря.

– Да, насколько это возможно.

Она немного помедлила, видя его страх, ощущая легкую дрожь в его голосе.

– Все будет хорошо, – тихо сказала она. – Просто расслабьтесь и следуйте моим инструкциям.

Она подняла руку в перчатке и широким круговым движением помахала тем, кто стоял наверху.

– Хорошо, поднимайте нас! – крикнула она.

Мэйсон повис в воздухе, покачиваясь на веревке.

Пора показать себя новым знакомым, Денье. Только не обделайся.

Ему двадцать лет удавалось скрывать акрофобию[4] от своих коллег. Теперь уже ничего не поделаешь. Чтобы успокоиться, он вызвал мысленный образ бутылки виски, ожидавшей его в уединенной избушке почти на берегу озера, которая теперь стала его домом. Он подумал, что если испытание окажется непосильным для него, то можно будет выпить бутылку за один присест и устроить заплыв в один конец.

Гости в лесном доме

Дэн

24 октября, суббота

Дэн Уитлок сидел в задней части челночного автобуса компании Executive Transit. Его туристическая группа находилась в пути уже два часа после того, как они покинули отель «Гейтуэй» при Ванкуверском международном аэропорте. Он в очередной раз посмотрел на часы.

Ему нужно было покурить. Или выпить. Или то и другое. Он посмотрел в тонированное окно. Бесконечные леса и вершины проплывали мимо, когда автобус начал горный подъем на извилистой трассе Си-Скай[5]. В автобусе было восемь туристов, включая его, а также экскурсовод и водитель. Они направлялись к хребту Тандерберд, новомодному курорту для горнолыжного спорта и гольфа к северу от Сквомиша, открытому для лыжников в первой половине года. Но сейчас была осень: слишком поздно для гольфа, слишком рано для горнолыжников. Свежевыпавший снег покрывал горные склоны, и снаружи было холодно. Дэн ненавидел холод. Он мог какое-то время терпеть его, но не более того. В пятьдесят девять лет у него начинались боли в суставах и разыгрывалась подагра.

Он еще раз посмотрел на часы. Теперь уже недолго. Сначала он отправится в бар отеля или, по меньшей мере, воспользуется мини-баром в своем номере. Выпивка, как и все остальное в этой увеселительной поездке, производилась за счет заведения. За счет концерна RAKAM[6], оплачивавшего поездку. Согласно плану, их группа должна была переночевать в новом роскошном отеле на Тандерберд-Ридж. На следующий день в десять утра они поднимутся на борт зафрахтованного гидросамолета компании «Вест Эйр» и полетят в высокогорную глушь, где в тайном месте, глубоко в Британской Колумбии, находится роскошный курорт с лесным домом и купальнями. Их будут кормить и поить по высшему разряду, обеспечат шведскую сауну и массаж горячими камнями. Кроме того, в

течение десяти дней они могут париться в отдельных саунах на озере или наслаждаться костровыми площадками, защищенными от ветра, на берегу озера, в окружении «первозданной природы». Не стоило и говорить о бесплатном баре и обслуживании номеров. Дэн выиграл эту поездку в казино в июле этого года.

Из утреннего разговора за шведским столом отеля «Гейтуэй» с другими участниками курортной поездки он узнал, что оздоровительный курорт «Лесная сень» еще не был официально открыт для посетителей, но новые менеджеры стремились к «взаимовыгодному партнерству» с деловыми предприятиями, которые специализировались на гостиничном бизнесе, доставке продуктов, безопасности и рекламе в нишевых рынках сбыта. Ради этого несколько профессионалов были направлены для оценки «новых ощущений» с целью решить, собираются ли они участвовать в тендерах для заключения долгосрочных контрактов.

Дэн не особенно беспокоился о том, кем были его спутники и по какой причине они оказались рядом с ним. Он принял свой выигрыш, потому что никогда не отказывался от бесплатных подарков. Никогда. Особенно если речь шла о выпивке, изысканной еде и о том, что называлось роскошным отдыхом. Он был усталым, пожилым частным сыщиком, который большую часть своей жизни обслуживал клиентов низшей категории, выползавших из дерьма дренажных канав, поэтому ему вряд ли представилась бы возможность оплатить такой отдых из собственного кармана. Кроме того, ему могло повезти. Он будет тесно общаться и выпивать с богачами, влиятельными людьми, и это может открыть реальные перспективы. Эти старички могли нуждаться в частном сыщике вроде него, чтобы подчищать за ними отбросы; в старом добром следопыте, который держался тише воды ниже травы и действовал на задворках закона. Даже частные сыщики из лучших юридических фирм иногда передавали ему под столом свои наиболее темные дела.

Женщина, сидевшая перед ним, повернулась и улыбнулась ему:

– Мне так нравятся тайны. А вам?

Ее звали Моника Макнил. Трепетная брюнетка чуть старше пятидесяти, с безупречным макияжем. Она была замужем за лысеющим типом, сидевшим рядом – доктором Макнилом, профессором микологии в университете Торонто. Моника была

наследницей сети бакалейных магазинов, сумевшей вывести свою семейную империю в эпоху цельнозерновых и органических продуктов и превратить сеть «Натуральное питание» в убийственное оружие для конкурентов. Теперь ее компания владела «зелеными» супермаркетами почти во всех городах страны. У сети натурального питания также имелся отдел доставки продуктов, поэтому Монику пригласили в эту замечательную поездку.

Дэн кашлянул, чувствуя себя неуютно под ее испытующим взглядом. Привлекательные женщины оказывали такое влияние на него.

– Разумеется, – ответил он. – То есть кому они не нравятся?

Он в самом деле любил тайны. Чем глубже и темнее, тем лучше. Он зарабатывал на жизнь, занимаясь раскопками чужих секретов. Их сила была прямо пропорциональна тому, что он мог потерять – или приобрести – после их раскрытия.

– Не могу дождаться того, что мы увидим завтра, – Моника улыбнулась еще шире.

Он кивнул и подумал о том, что она может приударить за ним. Ему было бы легче терпеть своих спутников, если бы он мог как следует выпить; то немногое, что он употребил сегодня утром в мини-баре, уже давно выветрилось. Моника перестала улыбаться, повернулась и продолжила тихую беседу со своим мужем, грибных дел профессором.

Кто в здравом уме может выбрать специализацию, связанную с грибами?

Дэн переключил внимание на наблюдение за остальными. Это был один из его талантов.

За рулем находился Берт Кундера. Он владел двумя такими автобусами и небольшой флотилией лимузинов. Берт стремился заключить транспортный контракт с «Лесной сенью», что позволило бы ему совершать челночные рейсы между Ванкуверским аэропортом и причалом для гидросамолета на Тандерберд-Ридж. Смуглый и темноволосый, невысокий, крепко сложенный. Дэн решил, что он завсегдатай спортзалов. Он вел себя с непринужденной уверенностью и был легким в общении. Приятный парень, который смотрит на жизнь позитивно.

Их экскурсовод Аманда Ганн сидела за водительским креслом; ее блестящие черные волосы были собраны в сложный узел на затылке.

Она что-то проверяла в своем планшете, перемещая картинки длинными пальцами с накрашенными ногтями. Тощая, как экс-модель, слишком костлявая на его вкус. Ему подавай сиськи. Но ему нравилась форма ее губ. Широкие, подкрашенные алой помадой. Два ряда отбеленных зубов. Ее глаза были темными и влажными. Она носила дизайнерские солнечные очки, сдвинутые на лоб, – он решил, что это больше ради моды, чем по необходимости.

Кэтрин Колбурн, режиссер дорожных документальных фильмов, сидевшая по другую сторону прохода от Аманды, через окно вела запись на новенькую цифровую видеокамеру, по ее словам, водонепроницаемую. Кэти была чрезвычайно привлекательной блондинкой тридцати пяти – сорока лет. За тарелкой с низкоуглеводным завтраком она сообщила, что перешла к визуальной документалистике после того, как завершила карьеру телерепортера. Теперь у нее был свой канал на YouTube. По ее словам, материнские обязанности вынудили ее сменить карьеру. Дэн помнил ее по телепередачам; они все ее помнили. Более десяти лет назад Кэтрин Колбурн была ежевечерней ведущей нового городского телеканала. Потом разразился какой-то скандал, но он не помнил, с чем это было связано.

Дебора Стронг, сидевшая за спиной Кэти, смотрела в окно. Тихая брюнетка. В ней было что-то, наводившее Дэна на мысль, что в тихом омуте черти водятся. Она владела компанией под названием «Бутик для домохозяек» и была намерена заключить с курортом контракт о домоуправлении.

Напротив Деборы сидела женщина с такими пронзительными темными глазами, что они казались черными, – Джекки Блант. Ей было около пятидесяти лет. В ней было что-то тревожное – особенно в том, как она поглядывала на Дэна, когда думала, будто он этого не замечает. Он мог бы поклясться, что где-то встречался с ней. И он бы поставил деньги на то, что когда-то она работала в полиции. Яблоко от яблони недалеко падает. Вероятно, именно это объясняло тревожное ощущение знакомства с ней. Опять-таки, Джекки Блант изучала всех и каждого с какой-то нервирующей напряженностью, как будто считывала микроскопические сигналы и откладывала их про запас для последующей расплаты. Она руководила компанией «Безопасные

решения» в Барлингтоне, штат Огайо, и, судя по всему, была первым кандидатом на заключение контракта по обеспечению безопасности.

На курорте в Тандерберд-Ридж им предстояло познакомиться с еще одним гостем – косметическим хирургом Стивеном Боденом, руководителем отделения косметической медицины хирургической клиники Оук-Стрит. А также с пилотом гидросамолета, Стеллой Дагер.

Аманда повернулась к пассажирам и одарила их улыбкой яркостью в сто ватт.

– Почти приехали! – провозгласила она.

Это сообщение пробудило в голове Дэна ее чрезмерно жизнерадостную утреннюю презентацию.

Это потрясающее место. Совершенно поразительное место! Истинная роскошь прямо на берегу кристально-чистого озера в девственной глуши. Абсолютно никого – никого! – на много миль в любую сторону. Идеально для гостей, ищущих приватность и уединение. Оздоровительный курорт «Лесная сень» удовлетворяет все потребности наших избранных клиентов, включая косметические и оздоровительные процедуры. Концерн RAKAM в настоящее время ведет переговоры с двумя частными хирургическими клиниками в Британской Колумбии. Цель заключается в том, что наши гости, которые хотят улучшить свою внешность – получить идеальную грудь, подтянутый живот, молодое лицо – или пройти эксклюзивные медицинские процедуры, могут прилететь в Ванкувер, где их встретят представители транспортной компании – такие, как Берт, – и немедленно отвезут в одну из клиник, где они пройдут все необходимые процедуры, после чего их менее чем за сутки доставят в пятизвездочный отель «Тандерберд-Лодж». Оттуда они полетят на гидроплане в уединенное частное поместье в лесной глуши, где смогут отдыхать и восстанавливать силы в мирной обстановке с полным набором санаторно-курортных услуг, включая бассейны, парную и прибрежные сауны с дровяным отоплением в старинной скандинавской традиции. Плюс гурманские блюда в духе Западного побережья, приготовленные из свежайших природных ингредиентов…

По мнению Дэна, все это было полным абсурдом. Что за бизнес-план, предусматривающий двухдневное путешествие после хирургической операции, прежде чем пациенты смогут восстановить силы на природе? Но кто он такой, чтобы судить об этом? Богачи

совершали всевозможные идиотские поступки, не имевшие, с его точки зрения, никакого смысла, да и в любом случае ему было наплевать, пока они оплачивают его счета и пополняют запасы спиртного в баре.

Тем временем автобус замедлил ход. Послышалось мерное тиканье индикатора. Берт свернул по шоссе на недавно заасфальтированную дорогу. Большая деревянная вывеска с резным орлом указывала путь в «Тандерберд-Лодж».

За окном Дэн видел массу темных облаков, приближавшихся с северо-востока. Ветер раскачивал ветви деревьев. Внезапно он ощутил слабый укол беспокойства, но не уделил этому особого внимания. Ему нужно было выпить, вот и все. Первые признаки абстинентного синдрома.

Но когда автобус начал петлять по новой дороге и темные хвойные деревья подступили ближе с обеих сторон, беспокойство Дэна превратилось в неопределенное, однако вполне четкое ощущение ужаса.

Он никогда не любил дикую глушь.

Гости в лесном доме

Стелла

25 октября, воскресенье

Стелла Дагер проверила свой предполетный список. Все было в порядке. Она прикрыла глаза козырьком ладони и обвела взглядом окружающие горы, визуализируя взлет и посадку, траекторию полета с точками выхода на заданную высоту и аварийные протоколы, чтобы после того, как она окажется в кресле пилота, в случае возникновения проблем действовать автоматически.

Большую часть времени стояла прекрасная погода. Лазурное небо. Белые снежные россыпи на склонах горного амфитеатра, золотистые и оранжевые вкрапления листопадных деревьев посреди хвойного леса. Озеро Тандерберд переливалось солнечными бликами, и ее «Хэвиленд» DHC-2 Beaver Mk1 мягко покачивался на поплавках у причала. Но конус ветроуказателя начал наполняться и поскрипывать на стойке, когда направление ветра изменилось и с севера подошли холодные воздушные массы.

Они должны были принести с собой черные облака, маячившие вдалеке. Стелле нужно было поскорее поднять громоздкую машину в воздух и перелететь через горный хребет. Поперечные ветры в этой местности бывали очень коварными. И смертоносными. Она посмотрела на часы, понемногу начиная раздражаться.

Аманда Ганн, контактное лицо концерна RAKAM, заказавшая чартерный рейс Стеллы, сообщила ей, что пассажиры соберутся на причале и будут готовы к посадке еще до десяти утра. Двери гидроплана были открыты. Стелла подготовилась к погрузке багажа, прогрела свою «птичку» и провела быструю проверку систем безопасности. Но было уже 10.23 утра, и никаких признаков туристической группы. Стелла тревожно взглянула на конус ветроуказателя, надувавшийся и хлопавший по мере того, как ветер набирал силу. Она потянулась к мобильному телефону. Но когда она

была уже готова позвонить Аманде, блестящий черный микроавтобус с логотипом «Тандерберд-Лодж» остановился на площадке для высадки перед причалом.

Ее охватило облегчение. Когда Стелла убрала телефон, дверь автобуса открылась, и вышла очень стройная женщина. Она была одета в черные джинсы и черную кожаную куртку, полупрозрачный белый шарф был свободно обернут вокруг шеи. Под мышкой она держала планшет с зажимом для бумаг. За ее спиной возник мужчина в униформе отеля и поспешно направился к багажному отделению микроавтобуса. Женщина распорядилась выгрузить багаж, пока выходили остальные пассажиры. Потом она спустилась по лестнице на причал и грациозно прошла на высоких каблуках по деревянным сходням…

– Аманда Ганн, – с легким придыханием сказала женщина, когда подошла к Стелле. Она сверкнула хищной улыбкой и протянула изящную руку. – Мы познакомились по телефону.

Стелла не видела выражения ее глаз, скрытых за большими солнечными очками от модного дизайнера. Она пожала руку Аманды. Ладонь экскурсовода была прохладной и гладкой, как у младенца, не то что натруженные руки Стеллы. Сильный порыв ветра донес до Стеллы аромат ее духов и швырнул ей под ноги горсть осенних листьев. Аманда не только злоупотребляла духами, но и курила сигареты с ментолом. Стелла сразу же невзлюбила ее.

– Мне так жаль, что мы опоздали, – сказала Аманда. – Один из наших гостей проснулся больным, и… – Она оглянулась, чтобы проверить, как портье помогает пассажирам выносить на причал сумки и чемоданы. – Сначала я думала, что это обычное похмелье, – быстро продолжала она, как будто желая завершить объяснение, прежде чем подойдут остальные. – Бар открыт допоздна, и всегда случается, что один или два клиента забывают о мере. Я полагала, что он придет в форму после горячего душа и чашки кофе, поэтому мы ждали, но ему действительно очень плохо. Он утверждает, что никак не может улететь сегодня, так что боюсь, у вас будет одним пассажиром меньше. – Она попыталась изобразить улыбку, но у нее ничего не вышло.

Стелла достала список пассажиров.

– Кого мы вычеркиваем? – спросила она.

– Дэна Уитлока, – ответила Аманда. – У меня есть прокатный автомобиль. Когда мы вернемся, я отвезу его в город и по пути высажу у врача. Челночный автобус останется здесь для обратной поездки, когда вы доставите гостей сюда.

Стелла просмотрела список и нашла имя Дэна Уитлока. Между тем подошел портье, несущий два чемодана.

– Где нужно разместить багаж, мэм?

Она указала на заднюю часть самолета, где багажная дверь была откинута вверх.

– Можно приступать? – поинтересовался он.

– Пока нет. Просто сложите вещи перед багажной дверью.

Она хотела сверить каждое багажное место со списком пассажиров. Судя по ее опыту, пассажиры не воспринимали всерьез ограничения веса, принятые в малой авиации, и часто пытались тайком протащить на борт лишний багаж. Неправильно распределенный груз мог привести к катастрофе, особенно во время взлета или посадки, когда вес груза радикально влиял на технические показатели самолета. Она вычеркнула из списка имя Дэна Уитлока.

– Вы взвешивали багаж? – обратилась она к Аманде.

– Да, вчера в аэропорту и сегодня рано утром. Все как полагается, – Аманда выглядела все более нервной. – Я дала понять, что все необходимое будет предоставлено за счет курорта, от экологических туалетов до элитного алкоголя и продуктов.

Пока она говорила, пассажиры собрались вокруг.

Все были представлены друг другу, и Стелла проверила каждого пассажира по списку. Берт Кундера из транспортной компании. Моника Макнил, менеджер по доставке продуктов. Натан Макнил, ее муж и партнер в этом туре. Дебора Стронг – менеджер по гостиничному бизнесу. Кэти Колбурн – журналистка и бывшая звезда теленовостей. И Джекки Блант, специалист по вопросам безопасности. Джекки ненадолго удержала взгляд Стеллы, и та увидела вопрос в ее близко посаженных глазах. Это вызвало у нее легкую дрожь, и чуть заметное беспокойство шевельнулось в глубине ее существа.

– Мы знакомы? – спросила Стелла.

Джекки прищурилась.

– Нет, не думаю.

Но тон ее голоса наводил на мысль, что Джекки может думать иначе. Пока они разговаривали, Кэти обвела группу своей компактной видеокамерой, что заставило Джекки слегка отступить назад и улыбнуться.

– Прямо картинка на коробке швейцарского шоколада, – сказала Кэти, медленно поворачиваясь, чтобы запечатлеть амфитеатр заснеженных горных вершин.

– Никакого сравнения со швейцарским шоколадом, – возразила Моника хрипловатым голосом певицы из кабаре. – Это настоящий рай на заднем дворе.

– Правда? А что я говорила? – Аманда продемонстрировала белозубую улыбку, призванную держать клиентов в приятном расположении духа.

Стелла сказала портье, что можно начинать погрузку багажа.

– Что это за самолет? – поинтересовалась Кэти, продолжавшая съемку.

– «Хэвиленд» Beaver Mk1, – сказала Стелла, понимая, что обращается к потенциальным зрителям видеоканала Кэти Колбурн. – Культовый канадский гидросамолет, спроектированный после Второй мировой войны. Первый «Хэвиленд» сошел с производственной линии в Торонто еще в конце 1940-х годов. На севере его называли «воздушной упряжкой».

Пока она говорила, Кэти делала панорамную съемку сине-желтого гидроплана.

– Слушайте все! – Стелла повысила голос. – Правило номер один: не переступайте красную линию на причале, – она указала где. – Поскольку время поджимает, я начну прогревать мотор, а потом проведу короткий инструктаж по технике безопасности. Но вам нужно твердо соблюдать первое правило. Встреча с пропеллером сильно изменит вашу жизнь… или завершит ее.

Люди обменялись взглядами, и общее настроение немного изменилось. Стелла была рада продемонстрировать свой авторитет и дать им понять, что на борту самолета ее слово будет решающим. Она направилась к двери кокпита.

– Минутку, – окликнула Аманда. – Мы ждем еще одного гостя.

Стелла остановилась и провела быстрый подсчет по головам.

– У нас шесть пассажиров.

– Да, но мы еще ожидаем прибытия доктора Стивена Бодена. С ним пассажиров будет семь. – Аманда посмотрела на свои дорогие часы. – Он позвонил из Сквомиша примерно двадцать минут назад и теперь может появиться в любую секунду.

Стелла смерила Аманду долгим взглядом и вернулась к своему списку.

– Здесь нет никакого Стивена Бодена.

– Должен быть, – Аманда подошла ближе и посмотрела.

– Я не вижу Бодена, – сказала Стелла.

– Он пластический хирург из хирургической клиники Оук-Стрит. Он играет ключевую роль в нашей поездке.

Стелла отвела женщину в сторону и понизила голос:

– Послушайте, у меня в списке было семь пассажиров, включая Дэна Уитлока. Конструкция моего самолета обеспечивает перевозку только восьми человек, включая пилота. Ваш босс был поставлен в известность об этом, когда вы заключали контракт со мной. Я все четко объяснила. Тогда как мог появиться дополнительный пассажир, если ваше начальство не могло знать о том, что Дэн Уитлок заболеет и откажется от полета? Если бы этого не произошло, мы не смогли бы разместить столько пассажиров.

Аманда побледнела и нахмурилась.

– Я *послала* вам список, – тихо, настойчиво сказала она. – Я уверена, что имя доктора Бодена было в этом списке. Минутку… – она пролистала страницы, прикрепленные к ее планшету. – Вот мой список.

Их списки не совпадали.

Периферийным зрением Стелла видела, что Джекки Блант пристально наблюдает за ними и явно старается подслушать их разговор. Аманда покосилась в сторону Джекки и шагнула в сторону, перекрывая обзор. Она привлекла Стеллу ближе к себе. Флаг, установленный на площадке рядом с микроавтобусом, хлопал на ветру, и оттяжка начала лязгать по флагштоку. Конус ветроуказателя больше не трепетал и жестко указывал в одну сторону. Стелла изнывала от нетерпения. Она посмотрела на гряду облаков, надвигавшуюся с севера и подступавшую все ближе.

– Должно быть, вышло какое-то недоразумение, – прошептала Аманда. – Послушайте, мне правда очень жаль. Это мой первый пиар-

контракт с концерном через агентство по временному трудоустройству. Я… я немного нервничаю. Мне нужно все сделать правильно, понимаете? Для меня это будет грандиозный контракт, если они захотят продлить его.

Она сглотнула. Порывы ветра разметали несколько прядей безупречного узла ее волос, укрепленного фиксирующим спреем.

Стелла немного смягчилась.

– Тогда нам повезло, что Дэн Уитлок заболел, – сказала она. – Мы можем внести изменения. Но если доктор Боден не приедет в течение пяти минут, пока я буду проводить инструктаж, то он не полетит. Понимаете? Это мой чартер. Мой самолет, мои правила. Безопасность прежде всего. Как и вы, я хочу получить долгосрочный контракт, и насколько я понимаю, это испытание на профессионализм для меня и для вас. Как на кинопробах.

– Да. Конечно, все верно. Я сейчас позвоню ему, – голос Аманды нервно подрагивал, когда она сунула руку в карман куртки. Было ясно, что ей очень хочется сохранить контракт с RAKAM.

Стелла вернулась на кокпит. Пронизывающий взгляд темных глаз Джекки следовал за ней, подкрепляя ощущение, что эта женщина почему-то знает ее.

Стелла повернула ручку предстартовой заливки топлива и устроилась в кресле пилота. Перед лопастями пропеллера озеро сужалось в виде буквы V между горами. Она проверила колпачок масленки: заперто. Уровень топлива, показатели ручного насоса – все выглядело нормально.

Она подкачала давление в топливопроводе и повернула рубильник в рабочее положение. Потом аккуратно подвигала вверх-вниз рычагом на приборной доске и включила зажигание. Двигатель издал хнычущий звук, как автомобиль, который не хочет заводиться. Она включила индукторы, и мотор «Хэвиленда» закашлял, просыпаясь. Она отрегулировала смесь, пока мотор не зарычал на более ритмичных, привычных и уютных оборотах, а лопасти пропеллера не слились в сплошной круг. Ощущение адреналина в крови тоже было приятным. Это была ее стихия, где она чувствовала себя непринужденно. Ее самолет. Предвкушение полета.

Она предпочитала подождать до шестисот оборотов в минуту, прежде чем решила, что двигатель достаточно прогрелся.

Стелла встала, но когда она собралась приступить к инструктажу, серебристый «Ягуар» с откидным верхом с ревом вылетел на береговую площадку и остановился за микроавтобусом, взвизгнув тормозами. Все головы повернулись в ту сторону.

Из «Ягуара» вышел высокий мужчина средних лет. Грива песчано-бурых волос развевалась на ветру, который стал слишком сильным, чтобы Стелла могла чувствовать себя спокойно. В ней закипало раздражение. Она снова проверила время, посмотрела на ветроуказатель. Сухие осенние листья волнами катились по причалу. Мужчина нагнулся к заднему сиденью автомобиля, подхватил рюкзак, закинул его за плечо и бодро зашагал по лестнице. Его бутсы стучали по доскам причала, шаги были длинными и уверенными, а на загорелом лице играла мальчишеская улыбка. *Питер Пэн,* подумала она. *Но с комплексом превосходства, свойственным хирургам.*

– Ох, слава богу, – пробормотала Аманда, когда хирург приблизился к ней.

– Аманда? – громко спросил он. – Ну, кто же еще это может быть?

Аманда обменялась с ним горячим рукопожатием.

– Так *хорошо* встретиться с вами лично, Стивен, – в ее голосе звучало нескрываемое облегчение. Но краешком глаза Стелла заметила, что Моника Макнил заметно насторожилась при появлении хирурга.

Заинтригованная, Стелла повернулась к ней. Моника побледнела. Она посмотрела на своего мужа, который раскрыл рот, как будто собирался что-то сказать. Но тут же закрыл и яростно взглянул на Монику. Кэти снимала происходящее, а Джекки и Берт возились со своими мобильными телефонами. Дебора, казалось, отпрянула от яркого света, излучаемого блистательным присутствием доктора Стивена Бодена. Мотор самолета продолжал работать. Стелле хотелось поскорее улететь отсюда.

– Слушайте все! – Аманда повысила голос. – Это последний член нашей замечательной группы, доктор Стивен Боден, возглавляющий хирургическую клинику Оук-Стрит, который хочет распространить услуги косметической хирургии на нашем курорте.

– Стелла Дагер, – она протянула руку за его рюкзаком. – Я ваш капитан на этом воздушном судне.

Их взгляды встретились. Стелла ощутила моментальный вызов, брошенный альфа-самцом. Его улыбка немного сникла, когда он передал ей свой новенький рюкзак.

Когда она загружала рюкзак, то услышала голос доктора Бодена:

– Моника? Боже мой, какой сюрприз! Прошла… целая вечность.

– Семь лет, – ровным тоном сказала Моника. – Это мой муж, Натан.

– Мы встречались, – оживленно сказал Натан, пожимая руку Стивену. – На том мероприятии по сбору средств, не так ли? Ваша клиника проводила его для фонда помощи детям. Там еще был министр здравоохранения.

– Полагаю, так оно и было, – он быстро взглянул на Монику. – Не могу припомнить это мероприятие. Впрочем, прошло столько лет… – Стивен засунул руки в карманы и покачался с пятки на носок. – Так что привело вас на эту чудесную вечеринку? Еда?

– Потенциальный контракт на кейтеринг, – быстро ответил Натан. Моника кашлянула и отвела взгляд.

– И мы до сих пор не знаем, куда направляемся? – Стивен повернулся к Стелле, закрывавшей багажную дверь. – Стелла? – он повысил голос, перекрывая звук работающего мотора. – Вы можете сказать, куда вы нас доставите… Где это секретное место?

О, блистательный гладиатор, спаситель группы, возглавь нас! Постучи кулаками в грудь перед мистером Макнилом и его женой!

Она отряхнула руки.

– Это остается сюрпризом по требованию моего работодателя, – она тоже повысила голос. – Ладно, слушайте все!

Лица повернулись к ней.

– В салоне работает климат-контроль для обеспечения комфортной обстановки. Каждое кресло оснащено ремнями безопасности. – Она показала, как нужно пристегиваться. – Возле каждого кресла есть шумоподавляющие наушники, с помощью которых вы можете слушать музыку, а также поддерживать связь со мной.

Она перечислила еще несколько пунктов.

– В маловероятном случае, если самолет погрузится в воду, самой большой проблемой будет подводная ориентировка и поиски выхода в перевернутом состоянии. Поэтому, когда вы будете занимать места, уделите время, чтобы рассчитать направление выхода, взяв точку отсчета от вашего правого колена. Если выход находится справа, когда

вы находитесь в вертикальном положении, он останется справа, даже если самолет перевернется.

Она дала еще несколько наставлений о поведении под водой.

– Помните о том, что перед выходом под водой необходимо сделать глубокий вдох. Откройте глаза. Сориентируйтесь по отношению к аварийному выходу. Твердо запомните контрольный ориентир – вы не сможете сделать это под водой, с закрытыми глазами. Если вы сидите рядом с выходом, подождите, пока вода не заполнит кабину на три четверти, прежде чем открывать дверь. Только тогда можно отстегнуть ремни безопасности. Хватайтесь руками за переборки и подтаскивайте себя к выходу, пока не окажетесь за пределами фюзеляжа. Только после этого можно надувать спасательный жилет.

Она показала, где находятся спасательные жилеты и как пользоваться ими. Лица пассажиров стали озабоченными, если не встревоженными. Вот и хорошо: пусть они серьезно относятся к этому. Дебора нервно посмотрела на гидроплан и сжала кулаки. Стелла решила, что она боится полета больше, чем остальные.

Она быстро объяснила им, где находятся аварийные GPS-маячки, комплекты жизнеобеспечения, аптечки, огнетушители и другое спасательное снаряжение. Потом продемонстрировала безопасную технику посадки и высадки из самолета.

Когда они начали посадку, она добавила:

– Не курите и, пожалуйста, переведите мобильные телефоны в режим полета, – она улыбнулась. – Добро пожаловать на борт.

– Ох, подождите! – воскликнула Джекки. Она поспешила к Аманде и протянула ей свой телефон. – Вы не могли бы сфотографировать нас перед гидропланом?

Туристы собрались перед желто-голубым самолетом.

– Улыбаемся! – крикнула Аманда. Она сделала несколько снимков. – Дебора, подвиньтесь по- ближе, – она махнула рукой. – А теперь скажите «сы-ыр»!

Все улыбнулись.

Аманда протянула телефон Джекки, которая пробежала пальцами по экрану, открывая приложения.

– Пост в Инстаграме? – поинтересовался Стивен. – С хэштегом «волшебное путешествие в дикий лес»?

Она посмотрела на него без улыбки.

– Нет, в Фейсбуке. И да, что-то в этом роде. Пока мы не потеряли сигнал мобильной связи.

После того как все расселись по местам, двери закрылись, а причальные фалы были втянуты, Стелла пристегнулась в кресле пилота и направила гидроплан в озеро.

Когда они покинули укромную бухту, ветер задул в полную силу, и гидроплан закачался на мелкой зыби. Стелла открыла дроссельную заслонку, снова подумав о списке пассажиров и о пропавшем Дэне Уитлоке.

Когда ее «птичка» поднялась в воздух и ощутила первые удары бокового ветра, было 11.45 утра. По радио она сообщила о вылете диспетчерской службе «Вест Эйр».

Гости в лесном доме

Аманда

Аманда Ганн поспешно вышла из лифта отеля «Тандерберд» на четвертом этаже. Срочный вызов от управляющего поступил сразу же после того, как она собрала туристическую группу для отправки на причал. Она пробежала по коридору, свернула за угол и остановилась как вкопанная перед высокой фигурой управляющего отелем. Он положил руку ей на плечо, и его глаза влажно блеснули. Его щеки раскраснелись, и от него разило потом.

– Он… ушел, Аманда. Мне очень жаль, но он умер.

Кровь резко отхлынула от ее лица. Ее мир завертелся. Она прислонилась к стене, чтобы не упасть, и недоверчиво посмотрела на управляющего, который остановил ее, прежде чем она успела войти в номер Дэна Уитлока. Она видела распахнутую дверь у него за спиной.

– Что? – пробормотала она.

– Дэн Уитлок скончался. Медработники сделали все возможное, но он был фактически при смерти еще до их прихода.

– Как? Что… я хочу сказать, что с ним случилось?

Она была убеждена в том, что один из ее подопечных страдает от жестокого похмелья, и была довольно раздражена по этому поводу. Тревога снедала ее, когда она попыталась заглянуть в открытую дверь номера Дэна.

Это ужасная ошибка. Все это лишь ужасная ошибка, иначе не может быть.

Оттуда, где она стояла, Аманда могла видеть двух врачей «Скорой помощи», склонившихся над неподвижным телом на кровати. Ее охватила паника. Аманда оттолкнула менеджера и вошла в комнату. Врачи все еще работали над Дэном, пытались реанимировать его. Его кожа была голубоватого оттенка, как от нехватки кислорода. Ее сердце затрепетало где-то ближе к горлу.

– Что произошло? – снова спросила она, когда менеджер подошел к ней сзади. Она развернулась и пронзила его взглядом. – Он был вполне

нормальным, когда я оставила его здесь! Просто напился до тошноты. Я… я только спустилась к гидроплану, чтобы присмотреть за остальными… как это могло случиться так быстро?

– Не знаю, – ответил управляющий, который сам был пепельно-бледным, не считая красных пятен на скулах. – Он позвонил на стойку регистрации около сорока минут назад. Дежурный сказал, что на другом конце линии ему никто не ответил; было только странное дыхание в трубке. Тогда послали коридорного проверить, все ли в порядке. На стук никто не ответил, но он слышал за дверью хрип, кашель и звук удара. Он воспользовался картой, чтобы войти в номер, – менеджер сделал паузу и посмотрел на грузного мужчину, лежавшего на полу. – Наш клиент, то есть Дэн Уитлок, хватался руками за горло, давился и задыхался. Наш сотрудник сразу же позвонил 911 вон с того телефона рядом с кроватью, – он указал на телефон. – Потом он попробовал сделать искусственное дыхание, но тот уже посинел. Врачи «Скорой помощи»… они приехали совсем недавно, но не смогли ничего сделать.

– Но… у него было всего лишь похмелье и головная боль, – она с силой провела ладонью по лбу.

Розыгрыш. Вот что это такое.

Эта нелепая мысль застряла в мозгу Аманды. Реакция отрицания. Все что угодно, только не это.

Это испытание, как и говорила женщина-пилот. Часть рабочего интервью. Они хотят посмотреть, как я могу справиться со стрессовой ситуацией, имея дело с особыми клиентами, которые высоко ценят свою конфиденциальность. Посмотреть, способна ли я сделать все тихо и прилично, найти изящный выход из положения, если у них случится передозировка наркотиков или что-нибудь в этом роде.

Она медленно направилась к распростертому на полу телу Дэна Уитлока, собираясь удостовериться в том, что он действительно мертв, а не решил сыграть с ней злую шутку. Но один из медиков удержал ее за руку.

– Отпустите меня! – отрезала она и рывком высвободила руку.

– Мадам, нам нужно, чтобы вы отступили в сторону. Пожалуйста.

Ее глаза защипало от подступивших слез.

– Вы… вы можете объяснить мне, что произошло? – тихо спросила она.

– Похоже на анафилактический шок.

Она уставилась на него.

– То есть вроде аллергической реакции?

– Мы нашли одноразовый шприц рядом с его рукой.

– У него страшная аллергия на морепродукты; он даже рассказывал об этом вчера вечером, – прошептала Аманда. – Это было в анкете, которые все они должны были заполнить перед отъездом. Я проявила осторожность, – она повернулась к управляющему отелем. – Вы, конечно же, сказали поварам, что он аллергик?

– Разумеется. Это было учтено в меню шведского стола и среди обслуживающего персонала. Морепродукты хранились отдельно от всех остальных блюд.

Она посмотрела на тарелку с наполовину съеденным омлетом на столе под окном.

– Он получал обслуживание в номере. Утром он заказал завтрак; сотрудники утренней смены знали о…

– Мэм, – обратился к ней врач «Скорой помощи». – Вам нужно выйти из комнаты. Судебный следователь уже в пути. Здесь все должно оставаться так, как есть.

– Следователь?

– Таковы правила в случае внезапной смерти.

– Здесь будет расследование? Оповестят его родственников?

– Когда мы узнаем, кто они такие, и вообще есть ли у него родственники. В подобных случаях всегда проводится расследование.

У Аманды подгибались колени. Она не могла сглотнуть. Абсурдно, но она подумала, как это отразится на ее профессиональных рекомендациях. Захочет ли корпорация RAKAM в дальнейшем когда-либо воспользоваться ее услугами? А если это *она* виновата, что в его меню попали морепродукты? Или даже в том, что он имел малейший контакт с аллергенами?

Менеджер взял ее за руку, но она отмахнулась.

– Мне нужно позвонить начальству.

Аманда вышла из комнаты и прошла немного дальше по коридору. Она остановилась и набрала контактный номер для связи с RAKAM.

После нескольких гудков телефон переключился на голосовое сообщение:

– Этот номер больше не обслуживается.

Она нахмурилась и проверила вызов. Может быть, неправильно набранный номер? Она попробовала еще раз.

После четырех гудков пришло такое же сообщение: «Этот номер больше не обслуживается».

Ошеломленная, она медленно опустила телефон. Голос Стеллы Дагер эхом отдавался у нее в голове:

– Тогда нам повезло, что Дэн Уитлок заболел… Конструкция моего самолета обеспечивает перевозку только восьми человек, включая пилота. Ваш босс был поставлен в известность об этом, когда вы заключали контракт со мной. Я все четко объяснила. Тогда как мог появиться дополнительный пассажир, если ваше начальство не могло знать о том, что Дэн Уитлок заболеет и откажется от полета?

Аманда попробовала еще раз.

– Этот номер больше не обслуживается.

Гости в лесном доме

Дебора

Дебора Стронг смотрела в иллюминатор. За желтой конечностью крыла мерцающие озера перемежались с зубчатыми горными вершинами и искристыми каскадами ручьев и рек. Девственно-белый снег лежал на самых высоких пиках. Наиболее крутые склоны были испещрены бурыми шрамами от сошедших лавин. Темно-зеленые леса казались бесконечными, и нигде не было видно признаков человеческой жизни. Великолепное зрелище. Холодное. Чуждое и враждебное.

Самолет резко накренился. У Деборы засосало под ложечкой, и она отвернулась, ощущая легкую тошноту. Недавний завтрак подкатил к горлу, и она пожалела о том, что съела лишний рогалик.

Дебора сидела в задней части самолета, перед брезентовой занавеской, отделявшей пассажиров от багажа. Сбоку от нее, возле противоположного иллюминатора, сидела Джекки Блант – женщина с действительно зловещей аурой. Деборе она казалась пугающей. Время от времени она замечала, что Джекки наблюдает за ней.

Перед Деборой сидела Кэти Колбурн, снимавшая виды за окном. Справа от нее расположился Берт Кундера. Деборе нравилась его внешность: он был симпатичным, с оттенком дерзкой самоуверенности, которая могла бы показаться отталкивающей у другого мужчины. Такова лотерея жизни. Берту выпал счастливый билет, и от него исходила позитивная энергия. Он выглядел умелым и достаточно опытным, а его улыбка была настолько приятной, что Дебора обратила внимание на его безымянный палец. Он носил обручальное кольцо. Ну да, разумеется. Дебора не то чтобы находилась в активном поиске; просто, судя по ее опыту, все привлекательные мужчины были «пристроены», как и многие не слишком привлекательные. О последней категории она знала слишком много.

Супруги старшего возраста, Натан и Моника Макнил, сидели прямо за пилотским креслом Стеллы Дагер.

Стелла казалась олицетворением уверенности и авторитетности. Определенно такие качества Деборе хотелось бы видеть у пилота, поднимающего в небо тяжеловесную желто-голубую махину и держащего в руках жизнь пассажиров. Ее поразило, что гидроплан вообще смог подняться в воздух, но теперь, высоко над землей, у нее возникало ощущение покоя, особенно в качественных наушниках, отсекавших глухой рев работающего мотора и лязгающую вибрацию металлических частей самолета. В Стелле было нечто притягательное. Ее нельзя было назвать миловидной – скорее, суровой и закаленной. Вероятно, дело было в ее спокойных серых глазах, очень коротко стриженных волосах необычного серебристого оттенка и в спортивном, мускулистом телосложении. Вероятно, ее уравновешенность и манеры сильной и уверенной в себе женщины тоже вносили свой вклад. Дебора восхищалась этим.

Стелла была женщиной, какую она хотела бы видеть в числе своих подруг. Но вместе с тем Дебора чувствовала, что Стелла вряд ли снизойдет до нее и будет воспринимать ее как равную себе, даже если проявить инициативу для основы дружеских отношений.

Пластический хирург Стивен Боден занимал место второго пилота рядом со Стеллой. Он направился туда кратчайшим путем, не позаботившись даже сделать вид, что может уступить кому-то еще.

Телефон Деборы завибрировал у нее в руках. Она посмотрела на экран. Как только они перешли в режим стабильного полета, она опубликовала в своей соцсети одну из фотографий, которые сделала на причале у гидроплана. Под ее постом уже появилось три маленьких сердечка, и она улыбнулась.

– Мне казалось, что нас попросили выключить телефоны во время полета.

Дебора резко вскинула голову, когда женский голос прозвучал в ее наушниках.

Джекки Блант.

Женщина смотрела на нее, и выражение ее обветренного лица было странным. По шее Деборы пробежали мурашки.

– Значит, здесь все еще ловит мобильная связь? – снова зазвучал в ее наушниках голос Джекки. Ощущение казалось слишком интимным,

как будто женщина говорила в голове у Деборы. Она кивнула и ощутила, как к ее щекам приливает краска. Она была сконфужена и одновременно рассержена тем, что Джекки обратилась к ней через систему внутренней связи, где все на борту могли слышать их.

– Я забыла, – тихо ответила Дебора и выключила свой телефон.

Джекки не сводила с нее взгляда. Дебора вдруг осознала, что Джекки Блант смотрит не на телефон, а на маленькую татуировку в виде ласточки на внутренней стороне ее запястья. Она быстро повернула руку и отвела взгляд. Ее сердце громко стучало в груди. Ей казалось, будто эта женщина из службы безопасности видит ее насквозь, точно знает, кто она такая и где она была. Что она совершила. Она вспомнила слова своего психотерапевта:

«Вам не нужно оценивать себя по меркам вашего темного прошлого. Как и все остальные, вы заслуживаете нормальной жизни. Вы искупили свою вину. Вы имеете право чувствовать себя достойным человеком».

Дебора еще раз осмыслила эти слова. У нее не было причин бояться Джекки Блант. У нее не было никаких оснований считать себя незначительной по отношению к Стелле Дагер или к кому-либо еще. В этой увеселительной корпоративной поездке она имела такое же положение и обладала такими же правами, как и все остальные. Она рассчитывала на долгосрочный контракт по оказанию клининговых и хозяйственных услуг высшего качества, и ей пришлось вкалывать до изнеможения, чтобы достигнуть такого статуса. Гораздо больше, чем многим другим, потому что она начинала с самых низов. И она обнаружила, что хорошо разбирается в гостиничном бизнесе, умеет руководить персоналом и находить эффективных сотрудников. И благодаря этому она познакомилась с замечательным мужчиной, с которым собиралась провести остаток своей жизни. У нее был секрет: она вынашивала его ребенка. Когда он вернется домой, она расскажет ему об этом и они поженятся.

– Вы кого-то мне напоминаете, – тихо сказала Джекки ей на ухо.

Дебора вздрогнула, потом медленно и нехотя повернулась к Джекки. Та щурила темные глаза, пристально глядя на нее.

– Кат… Катарина. Кажется, так ее звали.

Сердце Деборы замерло в груди. У нее пересохло во рту. *Моргай. Дыши. Нужно выглядеть как обычно*. Она пренебрежительно пожала

плечами.

– Вы когда-нибудь носили это имя? – спросила Джекки.

Дыши.

– Нет.

Но женщина продолжала разглядывать ее. Она снова обратила внимание на татуировку на запястье Деборы.

Черт побери. Нужно было убрать татуировку. Я знала, что это нужно сделать! Но как это могло произойти? Откуда она знает о Катарине?

Самолет снова лег на одно крыло, внезапно открыв вид на городок далеко внизу – множество разноцветных домиков, растянувшихся вдоль берега озера, уходившего к горизонту. Голос Стеллы зазвучал в наушниках: она диктовала координаты GPS своему диспетчеру. Дебора услышала, что они пролетают над поселком Клуэйн-Бэй.

Я Дебора. Меня зовут Дебора Стронг. Я сильная. Я невеста и будущая мать. Я никогда не слышала о Катарине. У меня успешный бизнес. Я не знаю никакой Катарины…

– Вы не возражаете, если я поснимаю вас? – спросила Кэти Холбурн, повернувшись к ней.

Сердце Деборы забилось еще быстрее, щеки раскраснелись.

– Конечно нет, – сказала она так спокойно, как только могла. Все они дали письменное согласие на фотографирование и видеосъемку. Они также согласились с тем, что любые видеоролики и фотографии могут быть использованы в рекламных целях для продвижения курорта.

– Можно задать несколько вопросов? – поинтересовалась Кэти, нагнувшись над сиденьем и сфокусировав камеру на лице Деборы. Прядь льняных волос упала ей на щеку. Она была похожа на ведущую телешоу: хорошенькая и заинтригованная.

– Разумеется, – Дебора покрутила обручальное кольцо на пальце.

– Вы глубоко задумались, когда смотрели в иллюминатор несколько минут назад. О чем вы думали?

Я Дебора. Меня зовут Дебора Стронг. Я сильная женщина…

– Так красиво, – она улыбнулась. – Я думала о том, какая поразительная красота ожидает нас там, внизу. Прямо как написано на автомобильных знаках этой провинции: «Прекрасная Британская Колумбия».

– Вы Дебора Стронг, – уточнила Кэти для своих будущих зрителей или же для собственной записи. – У вас есть собственный бизнес?

– Да, гостиничный бизнес или ведение домашнего хозяйства. Мы оказываем эксклюзивные услуги для небольших учреждений элитного класса.

Она посмотрела на остальных пассажиров в наушниках, которые должны были слышать ее слова по внутренней связи. Но они не проявляли никакого интереса.

– Вы родились и выросли в Британской Колумбии?

– Прошу прощения?

– Вы родились в Британской Колумбии?

В голове у Деборы прозвучал сигнал тревоги. Она почувствовала острый укол страха.

Нет, нет, все в порядке. Деборе Стронг нечего скрывать. Можно держаться близко к истине…

– Нет, я родилась в провинции Альберта, недалеко от Эдмонтона. Я переехала в Британскую Колумбию, когда была… гораздо моложе, чем сейчас.

Кэти сделала паузу, ожидая продолжения. Дебора не стала продолжать. Она чувствовала, что Джекки слушает ее и наблюдает за ней.

– Вам было бы приятно время от времени отдыхать на природе, в уединенном месте?

На короткий феерический момент Деборе показалось, что Кэти Колбурн уже работает на корпорацию RAKAM и что ее записи и вопросы являются составной частью огромного собеседования, по результатам которого она будет показывать отснятые материалы своему начальству.

– Если получится, – осторожно сказала Дебора. – Время от времени.

– У вас есть дети?

Она нервно кашлянула.

– Нет… пока нет.

– Но у вас есть жених? – Кэти улыбнулась, опустила камеру и выключила аппарат. Ее взгляд был добрым. – Я видела кольцо.

Мысль об Эване принесла ей облегчение, как и осознание, что интервью Кэти, больше похожее на допрос, подошло к концу.

– Он военный, служит в ВВС на авиабазе Комокс, – сказала она. Она гордилась Эваном. Ей *нравилось* говорить о нем. – Ему часто приходится выполнять разные миссии, поэтому мой бизнес-контракт будет устраивать нас обоих. А как насчет вас? – спросила Дебора, чтобы отвлечь внимание от себя. – У вас есть дети?

Кэти просияла. За ее блестящей внешностью популярной телеведущей проступило что-то очень понятное и человечное. Ее улыбка была обезоруживающе искренней, и Дебора сразу прониклась к ней симпатией.

– Дочка, – с гордостью сказала Кэти. – Ей совсем недавно исполнилось шесть лет.

– Как ее зовут?

– Габби, – Кэти нашла фотографию у себя в телефоне и развернула экран перед Деборой.

– Чудесная девочка, – Дебора взяла телефон, чтобы рассмотреть получше. – И очень похожа на вас.

– Скорее, на своего отца.

Перед внутренним взором Деборы промелькнуло воспоминание о ее собственном отце. О том, как он гнался за ней по зеленой летней лужайке, усеянной полевыми цветами.

«Ах ты, гадкая девчонка! Катарина, немедленно иди ко мне! Ты маленькая тварь!»

Дебора помотала головой и протянула телефон обратно.

– За эти десять дней она успеет по вам соскучиться.

– Ну, один день долой, осталось еще девять, – Кэти снова улыбнулась. – И скорее, это я буду скучать по ней, – она отбросила светлую прядь волос, упавшую на ярко-голубые глаза. – Я много разъезжала по работе, но перестала этим заниматься после того, как родилась Габби. Поэтому я ушла из новостей кабельного телевидения в дорожную теледокументалистику. Лучшая смена работы в моей карьере. Сама себе режиссер, гораздо более гибкий график работы, и теперь я могу проводить больше времени с дочерью.

Дебора уже слышала все это за завтраком.

– Значит, сейчас Габби живет с вашим мужем?

– С ее отцом. Мы развелись спустя год после ее рождения.

– Ох, – Дебора ощутила щемящий холодок внутри, и ее представление о счастливой матери немного померкло. Ее угнетала

мысль о том, что все радости и волнения влюбленности, вся душевная работа, вложенная в совместную жизнь и решение завести ребенка, пришли к такому бесславному завершению. Она инстинктивно прикоснулась к животу, где созревала ее собственная тайна.

– Мы приближаемся к месту назначения, – раздался голос Стеллы Дагер в ее наушниках. – Если смотреть пристально, вы увидите его между деревьями в конце озера.

Все оживились. Пассажиры подались вперед, глядя в иллюминаторы, когда Стелла направила гидроплан по длинному изгибу кривой, чтобы все могли хорошо видеть. Внизу сверкало узкое зеркало водной поверхности, вдаваясь в долину между двумя горными хребтами с крутыми склонами по обе стороны. Густой лес с бурыми проплешинами снежных лавин подступал к самой воде. Озеро казалось глубоким и очень темным – синий цвет выглядел почти черным на фоне золотистых солнечных зайчиков.

Нигде не было ни дорог, ни даже тропы вокруг озера. Дебору снова изумило полное отсутствие следов человеческой деятельности. Гидроплан пошел на снижение, направляясь к дальнему берегу озера.

– Лесной дом находится в дальнем северном конце, – Стелла указала вперед.

– Теперь вы можете раскрыть название озера? – прозвучал в наушниках голос Стивена Бодена.

– Это озеро Таксис, – сказала Стелла, – хотя его длина составляет двадцать миль, или более тридцати двух километров, максимальная ширина не превышает двух километров. У юго-западного берега из него вытекает река Таксис, которая затем впадает в озеро Клуэйн.

– Значит, тот городок, над которым мы пролетели, называется Клуэйн-Бэй? – спросил Натан.

– Верно, – ответила Стелла. – Он очень маленький, но становится более оживленным в летний сезон.

Она опустила носовую часть «Хэвиленда», и гидроплан резко сбросил высоту. К горлу Деборы подступила тошнота. Она крепко обхватила живот, сдерживая приступ воздушной болезни, пока воды озера Таксис приближались, готовясь принять желто-голубую птицу. Краем глаза она заметила гряду темных облаков, наползавшую с севера. Боковые воздушные потоки начали трясти и раскачивать

самолет со все возрастающей силой. Дебора затаила дыхание. Пассажиры обменивались тревожными взглядами.

Пока Стелла старалась выровнять гидроплан, в салоне воцарилось зловещее молчание. Машина снова легла на одно крыло и возобновила спуск по длинной, неторопливой спирали.

Горы и леса развернулись вокруг и поднялись навстречу. Дебора была охвачена благоговейным страхом. Она стучала зубами. Ветер снова встряхнул самолет, и металлические переборки загудели.

– Не знаю, как остальные, а я жду не дождусь коктейлей, обещанных в брошюре, которую нам разослали по электронной почте, – громко заявил Берт Кундера по общей связи, и напряжение немного уменьшилось. Кто-то натужно рассмеялся.

Дебора увидела белые гребни волн на отрезке озера, не защищенном от поперечных ветров. Внизу, у подножия черной гранитной горы, похожей на надгробие, появился темный силуэт здания, полускрытый густо растущими деревьями. Дебора услышала, как Стелла снова называет диспетчеру координаты GPS и докладывает о заходе на посадку. Она также сообщила о сильном боковом ветре и о надвигающемся шторме.

По мере приближения к пункту назначения здание приобретало все более отчетливый вид, и Деборой овладело недоброе предчувствие. Все выглядело не так, как она представляла. Ничего похожего на картинки из брошюры или фотографии на сайте лесного курорта.

– Оно… оно выглядит иначе, – пробормотала Моника, огласив всеобщее мнение.

– Это не курортный коттедж, – сказал Стивен и повернулся к Стелле: – Это другое место, да?

Стелла промолчала; она сосредоточилась на приборной панели «Хэвиленда», сражаясь с боковым ветром.

Сердце Деборы бешено стучало в груди. Она закрыла глаза, когда вода ринулась навстречу трясущемуся гидроплану, и вознесла безмолвную молитву всем богам, которые могли ее услышать.

Гидроплан коснулся воды, резко шлепнул поплавками и несколько раз подскочил на водной поверхности. Звук двигателя изменился. Да, они сделали это, им удалось совершить посадку. Стелла медленно повела машину к причалу, торчавшему из воды среди камыша и ряски.

У тропы, поднимавшейся от причала, между домом и водой стоял громадный тотемный столб с вороном наверху. У резного ворона был длинный клюв с множеством деревянных зубов и мощные раскинутые крылья. Эта карикатурная птица восседала на голове стилизованного медведя с человеческими зубами и агрессивно высунутым языком. Другой тотемный столб чуть меньшего размера стоял недалеко от первого. Оба были покрыты облезшей краской; дерево посерело от времени и непогоды. Они стояли как древние стражи, предупреждавшие чужаков, которые могли осмелиться на высадку. *Здесь вам не место*. Слова как будто возникли из ниоткуда и шепотом прозвучали в голове у Деборы. *Здесь вам не место*.

Вокруг было тихо.

Стелла выглядела напряженной. Она подалась вперед, изучая окрестности, пока гидроплан приближался к причалу.

Появился фасад дома. Заморосил дождь. Небо вдруг потемнело. Они вошли в тень облаков, надвигавшихся из-за гранитной горы. Ветер усилился.

Двухэтажный дом был сложен из бревен, настолько потемневших от времени, что при таком освещении здание казалось серебристо-черным. Ряды окон наблюдали за ними сверху, темно-зеленые ставни напоминали распахнутые веки. Над парадной дверью висели выбеленные рога.

Участок вокруг дома зарос колючим кустарником и покрыт мхом с пятнами лишайников.

– Это не курорт, – сказал Берт.

– Похоже на «Оверлук», – прошептала Моника.

– Что? – спросил Натан.

– Тот жуткий отель из романа Стивена Кинга.

– Нет, не похоже, – возразил Берт. – В кино дом выглядел совсем по-другому. И этот гораздо меньше.

– Так он выглядел в моем воображении, – тихо сказала Моника. – Я не видела фильма.

– Стелла, что это за место? – жестко спросил Стивен по общей связи. Дебора видела, как он сердито уставился на пилота, выпрямив голову и расправив плечи. Бравый хирург, который умел резать людей на операционном столе, перекраивать и зашивать их обратно в лучшем виде, сейчас выглядел так, словно мог испытывать страх.

– Мне дали эти координаты, – тихо сказала Стелла. Она подвела гидроплан к причалу. Тем временем дождь усилился. Он барабанил по крыше, стучал в иллюминаторы и танцевал на воде, образуя миллионы ямок и пузырьков. Ветер завыл, когда шторм начал набирать силу.

– Свяжитесь с кем-нибудь по радио, – велела Джекки со своего места в задней части самолета.

Дебора оглянулась на нее. Женщина включила свой мобильный телефон и проверила доступность сети, но связи не было. Ее темные, непроницаемые глаза превратились в щелочки, подбородок жестко выдвинулся вперед. Кэти молча снимала виды за окном. Дебора тяжело сглотнула, когда поплавок ткнулся в замшелую опору причала. Казалось, им никто не пользовался уже долгие годы.

– Свяжитесь с кем-нибудь по радио, – повторила Джекки, повысив голос. – Выясните, что происходит. Выясните, куда мы попали.

– Я передала координаты по радио.

– Что вам сказали? – требовательно спросила Джекки.

– Это то самое место. Координаты совпадают с указанными в контракте «Вест Эйр» на перевозку вашей группы.

– Нет, так не пойдет, – сказал Стивен. – Я не подписывался… на *это*, – он махнул рукой в сторону массивного бревенчатого здания. – Вы должны забрать нас отсюда. Доставьте нас обратно, и поскорее.

Как будто по суфлерской подсказке, дождь пошел еще сильнее, а ветер поднял волны, достигавшие краев причала и раскачивавшие самолет.

– Давайте посмотрим, ладно? – предложила Стелла и выключила мотор. – Как бы то ни было, я не смогу вывезти вас отсюда, пока погода не улучшится. У меня есть ПВП, или правила визуального полета. Согласно этим правилам, полет совершается в дневное время и при нормальном освещении. Пилот должен видеть, иначе мы можем врезаться в гору.

– Она права, – сказал Берт. – Давайте проверим. – Он расстегнул ремни безопасности. – Возможно, настоящий санаторий находится за деревьями или в следующей бухте. Может быть, это неудачная шутка.

Впрочем, его голос был неуверенным.

– Возможно, нас облапошили, – мрачно произнес Стивен.

– Но зачем? – удивленно спросила Моника.

Стелла открыла дверь со стороны пилотского кресла. Влажный, холодный ветер ворвался в кабину.

Один за другим они стали высаживаться из гидроплана, осторожно ступая с поплавка на скользкую зеленую слизь, покрывавшую доски причала. Дебора была последней. Стивен протянул руку, чтобы помочь ей.

Как только она перенесла вес тела на мокрую доску, ее нога заскользила так быстро, что Дебора распласталась на причале и скатилась в воду, даже не успев понять, что случилось. У нее перехватило дыхание. Она ослепла от внезапного шока и затрепыхалась в холодной воде, глотая воздух и хватаясь за стебли камыша. Чья-то рука ухватилась за воротник ее куртки и вытащила ее на причал. Она села, откашливаясь и задыхаясь; ее глаза наполнились слезами, волосы прилипли к лицу.

– Вы в порядке? – Стелла склонилась над ней.

– Я… я не умею плавать. Не умею плавать. Я…

– Все в порядке, Дебора, – Стелла погладила ее руку. – Теперь вы в безопасности.

С помощью Берта она помогла Деборе встать на ноги.

Дебора дрожала как осиновый лист. Вода стекала с нее и хлюпала в ее туфлях. Она едва дышала от холода и пережитого потрясения. Когда она попыталась сделать шаг, то скривилась от боли и подогнула левую ногу.

– Кажется, я вывихнула лодыжку. Я… не могу идти.

Все потрясенно смотрели на нее. При виде их побледневших лиц Дебора испугалась еще сильнее. Дождь хлестал наискосок под сильными порывами ветра.

– Моника и Натан, помогите Деборе добраться до дома, – сказала Стелла, взявшая инициативу в свои руки. – Мне нужно пришвартовать самолет к причалу. Берт, вы не могли бы проверить, есть ли тут поблизости настоящий санаторий или другое здание? – Она потянулась за причальным канатом. – Джекки, я прошу вас помочь мне и подержать эту стойку, пока я буду закреплять фал.

Джекки молча кивнула. Натан и Моника взяли Дебору под руки и осторожно повели по скользкому причалу, следя за тем, чтобы она не наступала на больную ногу. Стивен оставался на месте и гневно озирался по сторонам, словно отказываясь примириться со своей

участью и обвиняя всех остальных в том, что он попал сюда. Кэти деловито снимала происходящее. Прогремел гром.

С помощью Моники и Натана Дебора наконец выбралась на берег. Когда они пошли к дому по узкой, заросшей тропинке, она услышала голоса Джекки и Стеллы, разговаривавших на повышенных тонах. Джекки снова сказала что-то о том, что нужно вызвать помощь по радио, а Стелла сердито оборвала ее и понизила голос. Дебора оглянулась через плечо.

За пеленой дождя она видела, как Стелла привлекла Джекки ближе к себе, и они о чем-то заспорили. Джекки вдруг замерла и посмотрела на самолет.

– Осторожно, тут ступенька, – предупредил Натан.

Дебора перевела внимание на дорогу перед собой, пока они хромали под дождем в сторону мрачного дома.

Поиск

Келли

31 октября, суббота

– Но ты обещала! – захныкал Бенджамин на пассажирском сиденье, пока Келли вела свой внедорожник по усеянному рытвинами проселку, направляясь к реке, к командному посту своей поисково-спасательной группы, чтобы искать разбившийся самолет. Она опаздывала. Было уже больше девяти утра, но солнце еще не поднялось над горами; в это время года оно должно было появиться примерно через двадцать минут. Впрочем, восход мало что мог изменить в такой ненастный день. Облака низко стелились над горами, и снег с дождем наискось хлестал по лесу. Ее стеклоочистители вычерчивали мутные дуги на ветровом стекле. Она испытывала раздражение к новому копу, который отправил самолет в реку, где тот застрял.

– Я знаю, Бен, я все понимаю. Мне очень жаль, – она притормозила, чтобы объехать яму, заполненную глинистой жижей. – Я обязательно возмещу твою потерю, – она улыбнулась ему, хотя на душе у нее было совсем не радостно. – И мы сегодня купим особый десерт, когда отправимся ужинать к твоему папе, хорошо?

Слезы размыли темную тушь на ресницах Бена и проделали серые дорожки на мучнисто-белом гриме, покрывавшем его лицо, пока он ерзал и подпрыгивал на сиденье. Следы остались даже на кроваво-красной губной помаде, которой он нарисовал себе жуткую клоунскую улыбку вокруг рта. Он качал головой, накрытой шипастым париком психоделического зеленого цвета, в тон зеленому жилету под алой курточкой. Ее маленький восьмилетний Джокер. И она опять подвела его.

Система тылового обеспечения Келли дала сбой сегодня утром. Когда она уже готовилась к выходу, Рэйчел, которая всегда брала на себя заботу о Бенджамине, когда Келли выезжала для работы со своей группы, позвонила и сказала, что вся ее семья слегла с жестокой

простудой. Келли тщетно попыталась в срочном порядке найти другого надежного человека, который смог бы отвезти Бена на давно и страстно ожидаемую вечеринку в честь Хэллоуина, но после нескольких звонков была вынуждена сунуть мальчика в свой автомобиль вместе с его айпэдом, наушниками и книжками. У нее не оставалось иного выбора.

– Там будут все мои одноклассники, кроме меня, – причитал он. – Я снова буду неудачником! Теперь придется ждать до следующего года. А ведь *ты обещала*! – от бессильного гнева он сжимал кулачки в перчатках. Чувство вины пронзило Келли.

– Могу поспорить, что ты даже самолет не найдешь вовремя! И мы не успеем съездить к папе сегодня вечером. И мы не посмотрим кино. У нас не будет ни жареного цыпленка, ни десерта, который ты обещала. Потому что ты не держишь свои обещания!

Келли сделала глубокий вдох и напомнила себе о том, что больше нельзя пользоваться словами вроде «я обещаю».

– Надеюсь, мы найдем самолет до наступления темноты, – сказала она. – Тогда мы успеем съездить к папе.

– Кто был на этом дурацком самолете? И почему он вдруг разбился?

– Женщина-пилот. – Она вписалась в очередной крутой поворот на извилистой лесной дороге. Покрышки скользили и увязали в глубокой грязи. – Мы еще не знаем, кто она такая и почему ее самолет потерпел крушение. Но мы примерно представляем, где он мог застрять ниже по течению.

Как местный управляющий спасательной службы, вчера вечером Келли отправила групповое сообщение, где дала своей команде из четырнадцати добровольцев координаты места сбора недалеко от реки Таксис. Оттуда группы должны были отправиться дальше пешком или на квадроциклах. Поиски с воздуха в такую погоду были невозможны, как и использование дрона. Одним из ее заместителей был энергичный Оскар Йохансон. Келли поручила ему поставить штабной автомобиль SAR на обозначенной стоянке, откуда она будет руководить поисками вместе с одним из полицейских. Будучи добровольцами, они всегда работали с ведома полиции и под контролем правоохранительных органов.

Формально только полицейские могли поручить группе SAR проведение поисковой операции, но после того, как Келли позвонили из полиции, она должна была связаться с координационным центром чрезвычайных ситуаций и получить регистрационный номер для операции. Без этого номера добровольцы лишились бы страховки и не смогли бы получить денежную компенсацию в случае травмы или увечья.

Келли получила эту работу «по наследству» от своего мужа Питера. Она согласилась временно выполнять ее – так сказать, греть место для него. И ей это нравилось. Она хорошо справлялась со своими обязанностями. Она умела ладить с людьми, обладала хорошими лидерскими навыками и позитивным взглядом на мир и имела обширную подготовку. Кроме того, она провела достаточно поисково-спасательных операций, чтобы считаться ветераном в этом деле. Однако в глубине души все, – включая ее саму, – ожидали возвращения Питера на командный пост. Она постоянно испытывала ощущение тикающих часов, уходящего времени.

Келли выехала на поляну. Несколько машин уже стояло под деревьями, в том числе заляпанная грязью патрульная машина RMCP с полосами вдоль бортов и мигалкой на крыше. Оскар расположил штабной автомобиль SAR на задней стороне поляны, освобождая место для парковки. Возле машины был установлен раздвижной навес со столом внизу, где стояли два электрических кофейника, кружки и пластиковые тарелки с домашней выпечкой. Сержант Мэйсон Денье стоял у стола и беседовал с Оскаром, который держал в руке кружку горячего кофе. Оскар был норвежцем с очень светлыми волосами, страстным скалолазом и байдарочником, последние восемь лет жил в Канаде. Он был специалистом SAR по спасению людей в бурных водах. Келли очень полагалась на его талант, силу и выносливость. Еще к числу его достоинств относилось сдержанное чувство юмора.

Когда она парковала свой автомобиль между деревьями и ветви скребли по крыше, ее мысли обратились к новому сержанту. Если бы вчера Мэйсон Денье подождал еще несколько минут до ее приезда, то они были бы избавлены от нелегкой задачи, да еще и в такую жуткую погоду. Бенджамин попал бы на свою вечеринку в честь Хэллоуина.

Вместо этого она посылала людей на поиски в том районе реки Таксис, который считался опасным в дождливую погоду и представлял

смертельную угрозу для любого, кто мог оказаться в бушующей ледяной воде. Ее раздражение усилилось, когда она поставила автомобиль на ручной тормоз, выключила двигатель и потянулась на заднее сиденье за своей фуражкой и коробкой сдобных булочек, которые она напекла вчера ночью. Выпечка помогала бороться с бессонницей, которая в последнее время превратилась в непрошеную спутницу.

– Пошли, Бен, – она надела фуражку, выпустила волосы, собранные в «конский хвост». – Впрочем, ты можешь остаться в автомобиле. Генератор будет поддерживать тепло, а ты пока поиграй или почитай книжку. Но если захочешь, то сможешь даже помочь нам с поисками, – она старалась держаться жизнерадостно.

Бен нахмурился и плотно сложил руки на груди. Он опустился на сиденье – нелепое и сердитое маленькое существо с клоунской физиономией под кислотно-зеленым париком. Келли ощутила, как нарастает беспокойство.

– Бенни?

– Я хочу, чтобы он вернулся домой.

Эти слова выбили ее из равновесия. Ее мысли смешались, и она тяжело сглотнула.

– Он… он вернется, Бен.

– Когда?

– Скоро, – она закашлялась. – Надеюсь, очень скоро.

Сын посмотрел на нее накрашенными тушью глазами на расплывшейся маске Джокера.

– Ты обещаешь?

Боль огненным цветком распустилась в ее груди, когда она услышала иронию в голосе маленького мальчика. Вместе с болью пришло негодование, вслед за ними гнев. Все смешалось в одном горячем, ужасном, ядовитом коктейле. Как она могла обещать своему сыну то, над чем сама была не властна? Келли глубоко задышала, стараясь восстановить спокойствие, необходимое для предстоящей операции.

– Почему бы тебе самому не спросить его сегодня вечером? – тихо сказала она.

Напомаженный рот распахнулся, когда он недоверчиво уставился на нее.

– Ты что, совсем глупая? Он мне не скажет; ты же *знаешь,* что он этого не сделает!

Она заморгала при виде жгучей ярости в глазах мальчика и тихо сказала:

– Тебе нужно спрашивать его о подобных вещах, Бенни. Нам обоим это нужно. Думаю, так будет лучше. Если он будет серьезнее к ним относиться, то это случится.

– Ты врешь!

Кто-то постучал в затуманенное окошко. Это был Оскар; он жестикулировал и указывал на свои часы, а потом на штабной автомобиль, где ждал Мэйсон Денье. Келли махнула рукой, давая понять, что скоро подойдет.

– Пошли, Бенни, – повторила она.

– Я не хочу.

– Твой папа захотел бы, чтобы мы нашли этот самолет, Бенджамин. Он бы гордился тобой, если бы узнал, что ты помог нам.

– Я не буду помогать. Лучше посижу в этом тупом автомобиле!

– Ты уже помогаешь, Бенни, – просто потому, что находишься рядом. Иначе я бы даже не смогла приехать сюда.

Она открыла дверь.

– Меня зовут Бен, а не Бенни, – его нижняя губа дрожала.

– Прошу прощения, Бен.

Почему я больше не могу называть своего ребенка Бенни? Ему всего лишь восемь лет. Можно ли поставить его возраст на паузу до тех пор, пока Питер не вернется домой? Как я могу допустить, что Питер пропускает столько важных моментов жизни Бена – все эти дни, недели и месяцы?

Сколько лет пройдет, прежде чем Питер снова войдет в их дом? Сколько еще ждать, пока Келли снова увидит свет любви в глазах своего мужа, услышит его смех, почувствует его прикосновение и снова займется с ним любовью хотя бы еще один раз?

Бен отвернулся от нее, вновь сложил руки на груди. Его плечи вздрагивали: он плакал.

– Бен?

– Я не пойду. Останусь в автомобиле.

Келли набрала в грудь побольше воздуха.

– Хорошо. Но я не могу оставить двигатель включенным. Когда замерзнешь, приходи погреться к штабному автомобилю, ладно?

Молчание. Зеленая голова так и не повернулась к ней.

С болью в сердце Келли вышла из автомобиля, закрыла дверь и, сгибаясь под ветром и мокрым снегом, направилась к тенту, где ждали Оскар и Мэйсон Денье. Оскар держал в руках планшет с прикрепленным к нему регистрационным списком SAR.

– О, ты принесла булочки, – обрадовался он.

– Доброе утро, сержант Денье. Извините за опоздание, но сиделка Бена заболела, и мне пришлось взять его с собой. – Келли поставила на стол пластиковую коробку с булочками и открыла крышку. – Угощайтесь. С этой стороны булочки с семенами тыквы и подсолнуха, а там – с кусочками банана и черникой. Без сахара, только с бананом, чтобы подсластить.

– Называйте меня Мэйсон, – сказал сержант. – И еще раз спасибо за вчерашний день.

Она встретилась взглядом с его светло-серыми глазами с глубокими лучиками морщин в уголках. Что-то в выражении этих глаз заставило ее помедлить и приуменьшить значение его вчерашней ошибки.

– Давайте надеяться, что мы скоро найдем этот «Хэвиленд», – бодро сказала она, взяв булочку и налив себе кофе. – Можно приступать?

Пока она говорила, на поляну выехал еще один автомобиль с работающими стеклоочистителями, которые только размазывали грязь по ветровому стеклу.

– Это Джулия, – сказал Оскар. – Я попросил ее взять с собой Зиппера. Подумал, что этот инцидент будет хорошей тренировкой для служебной собаки из подразделения K9, натасканной на поиск трупов. Джулия поставит свою подпись в регистрационном списке, и тогда мы сможем приступить к делу.

Келли и Мэйсон смотрели, как Оскар бежит по грязному снегу к машине Джулии. Та вышла наружу и открыла багажник своего кроссовера, чтобы освободить лабрадора шоколадного цвета, сидевшего в дорожной клетке.

Мэйсон выбрал булочку и впился в нее зубами.

– Значит, это Зиппер? – он кивнул в сторону лабрадора, энергично натягивавшего поводок.

– Да. – Келли потягивала кофе, наблюдая за резвившимся Зиппером. Пар клубился у ее лица. Она обратила внимание на других членов группы, которые уже приехали и теперь проверяли свое снаряжение, перекладывали рюкзаки или болтали, разбившись на маленькие компании и укрывшись под деревьями. Они знали, что ее и Оскара нужно оставить в покое для планирования поисковых работ.

Мокрый снег по-прежнему падал, иногда сменяясь ледяным дождем. Вода капала с защитных касок и тяжелых мокрых ветвей. Скорее всего, такая погода продержится до вечера, и видимость будет паршивой. Келли была благодарна хотя бы за то, что им не придется искать выживших. Жертвы катастроф не могут долго протянуть на таком холоде – от силы день-другой. Иногда не более четырех часов, в зависимости от психики. Она стала специалистом по поиску пропавших людей, предсказывая, кто из них и почему мог направиться в ту или иную сторону и каковы их шансы на выживание в любой конкретной ситуации. Ей так хорошо это удавалось, что ее стали часто приглашать помогать другим группам SAR во время особенно трудных поисков в Британской Колумбии.

– Кто такой Бен? – спросил Мэйсон.

Келли обернулась и посмотрела на него. Он перестал жевать и замер, держа в руке кусочек сдобной булки Келли, завернутой в несколько бумажных салфеток. Она указала на булку.

– Что, совсем скверная?

Он скорчил гримасу.

– Вообще ужасная.

Она фыркнула.

– Вот что я слышу, когда пытаюсь кормить здоровой едой полицейских, которые любят пончики.

– Кто сказал, что я люблю пончики?

– Но вы же полицейский, не так ли?

Он улыбнулся. На его худых щеках появились ямочки, и это, как ни странно, успокоило ее. Она отмахнулась от этого ощущения, но оно показалось ей совершенно необычным.

– Бен – это мой сын, – сказала она. – Восемнадцатого числа ему исполнилось восемь лет, и он очень расстроен тем, что ему придется пропустить вечеринку на Хэллоуин.

Улыбка Мэйсона померкла.

– Восемь лет?

– Ну да, совсем недавно.

Мэйсон быстро взглянул на ее руку, потом перевел взгляд на автомобиль, где темный силуэт головы Бена, так и не снявшего парик, был виден как тень за мглистым окном.

– Это прекрасный возраст, – тихо сказал он, не сводя глаз с автомобиля. – Наслаждайтесь моментами, не давайте им ускользать от вас.

Келли нахмурилась.

– У вас есть дети?

– Нет, – ответ прозвучал резко; его лицо стало бесстрастным, как будто он облачился в броню и выставил щит. Профессиональный полицейский. Это заинтриговало ее.

Оскар вернулся под навес, держа в руках готовый список.

– Ладно, все здесь, – произнес он звучным голосом с певучим норвежским акцентом. – Давайте составим план нашего представления.

Оказавшись в штабном автомобиле, Келли расстелила на столе топографическую карту. Извилистые контурные линии обозначали сложный рельеф местности с высокими утесами и глубокими ущельями, через которые протекала река Таксис.

Келли указала пальцем на точку на карте.

– Последний раз я видела «Хэвиленд» здесь, в теснине Таксиса. Мертвый пилот, – вероятно, женщина, – был пристегнут в кабине. На первом этапе операции наша цель состоит в поисках тела и остатков самолета.

– А мы уверены, что она была мертва, когда ее увидели? – поинтересовался Оскар.

– Я уверен, – сказал Мэйсон.

Оскар потер квадратный подбородок, изучая карту.

– И там не было других пассажиров?

– Я никого не заметил, но у меня была плохая позиция для наблюдения, – ответил Мэйсон.

– «Хэвиленд» Beaver Mk1 может вместить от шести до восьми пассажиров, в зависимости от внутренней конфигурации, – сказал Оскар. – Здесь такие самолеты обычно используются для наблюдения

за ледниками и для обзорных экскурсий. Но до сих пор никто не сообщил о пропавшем самолете или об опоздавшем пилоте.

– Мы проинструктируем членов группы искать признаки наличия пассажиров, – сказала Келли. – Гидроплан уплыл на стремнину вот здесь, – она сдвинула палец к извилистой линии реки. – С учетом высокого уровня воды и силы течения, особенно после дождей и необычно теплой погоды, я полагаю, что фюзеляж могло перенести через первый водопад в многоступенчатом каскаде, и мы с наибольшей вероятностью, – ВО примерно 60 %, – найдем его вот здесь, – она постучала по карте. – В большом бассейне под первым водопадом.

– ВО? – с вопросительной интонацией произнес Мэйсон.

Келли встретилась с ним взглядом и снова ощутила странную дрожь. Она кашлянула.

– Это вероятность обнаружения. Мы работаем с неопределенными величинами и прилагаем максимальные усилия там, где вероятность кажется наиболее высокой. Если мы ничего не находим, то расширяем зону поиска.

– Сейчас слишком сильный ветер и плохая видимость, чтобы запустить дрон, – почти про себя заметил Оскар, продолжавший рассматривать карту.

– Его инфракрасная камера не поможет найти мертвое тело, – добавила Келли.

– Да, но при хороших условиях камера может показать силуэты под водой, – он указал на бассейн под первым водопадом. – Джулия может работать с Зиппером по этому берегу. Сейчас преобладает северо-западный ветер, так что этот участок расположен с подветренной стороны к бассейну, это лучшее место, где собака сможет учуять любой запах, исходящий от воды.

– Значит, собака найдет самолет в реке под водой? – спросил Мэйсон.

Оба спасателя выразительно посмотрели на сержанта. Возможно, он был первоклассным детективом в большом городе, но, несомненно, это была его первая поисково-спасательная операция, и ему просто не хватало опыта.

– Запах идет от тела в разбитом самолете, – сказала Келли. – Джулия Смит последние два года работала с Зиппером, чтобы он мог получить сертификат на определение трупного запаха даже в

ничтожных количествах. Она донимала местного зубного врача и выпрашивала у него удаленные зубы, чтобы натаскать собаку на запах человека. Эти собаки могут работать и на плавсредствах, но инструктор должен понимать движение запахов, которые поднимаются с пузырьками воды или другими способами, чтобы правильно интерпретировать реакцию собаки.

– Если Джулия и Зиппер хорошо сработались, это сэкономит массу времени и ресурсов в будущем, – сказал Оскар.

– Хорошо. Значит, команда K9 будет работать у большого бассейна. Вторая команда выдвинется на вездеходе ниже по течению, вдоль этой старой лесной вырубки, – Келли указала место. – Мы направим третью команду к верхнему уровню водопада на тот случай, если фюзеляж застрял на порогах и не свалился в первый водопад. Будем регулярно сверяться, менять дислокацию или собираться вместе в зависимости от результатов поиска, но остановимся до наступления темноты, – она подняла голову. – Эта операция не считается критической по времени. Маловероятно, что остались выжившие, и моя задача состоит главным образом в том, чтобы не подвергать лишней опасности наших людей.

Последнюю фразу она произнесла ради Мэйсона.

– Что касается нас, – добавил Мэйсон, – навигационная служба не получила сообщений о пропавших самолетах или незавершенных рейсах ни в одном из информационных центров. Не было принято никаких сигналов с аварийных транспондеров. А управление воздушного транспорта сообщает, что в канадском реестре гражданской авиации нет гидроплана с регистрационной аббревиатурой C-FABC.

– Вы уверены, что это точная аббревиатура? – спросил Оскар.

– Я все правильно запомнил, – холодно ответил Мэйсон.

Келли и Оскар обменялись взглядами. Оскар приподнял бровь.

– Однако в архивном реестре имеется «Хэвиленд» с такой аббревиатурой, – продолжал Мэйсон. – Но он был удален из действующего реестра десять лет назад.

– Что это значит? – спросил Оскар.

– Согласно правилам управления гражданской авиации, из реестра удаляются воздушные суда, которые были разрушены, уничтожены, навсегда списаны с летного учета или считаются пропавшими без

вести после окончания поисков, – пояснил Мэйсон. – Или если самолет пропадает без вести более шестидесяти суток.

– Значит, этот гидроплан был списан со службы? – спросила Келли. – То есть у него не было полетной лицензии?

– Иногда допускается повторное использование регистрационных знаков для другого воздушного судна, если старый самолет был окончательно списан, но в данном случае нет никаких указаний, что это было сделано.

– *Faen*, – тихо выругался Оскар на своем родном языке и провел рукой по коротко стриженным волосам. – Выходит, мы ищем нелегальный самолет?

– Возможно, – сказал Мэйсон.

Адреналин забурлил в крови Келли, пока она смотрела на Мэйсона. Она резко встала и потянулась за курткой, которую сняла в теплом автомобиле…

– Интересно, что за груз он перевозил… контрабанду?

– Может быть, наркотики, – предположил Оскар, надевавший куртку. Они последовали за Келли на ветреную поляну, где она созвала свою группу для инструктажа.

Поиск

Мэйсон

Мэйсон наблюдал за Келли, пока она умело и подробно отвечала на немногочисленные вопросы после инструктажа. Эта женщина была уверена в себе и в роли лидера чувствовала себя отлично. Властному виду Келли Саттон мог бы позавидовать любой полицейский. Внимание Мэйсона переключилось на группу добровольцев, стоявших под дождем. Самому старшему было на вид около шестидесяти лет; младшая девушка выглядела на девятнадцать. Закаленные жители горного края. Мэйсон всю жизнь работал с жесткими, напористыми людьми, но здесь была жесткость иного рода. Таких людей хочется иметь на своей стороне, когда ты проигрываешь или тебе нужна помощь вдалеке от любых прелестей цивилизации. Эти люди полагались на себя, а не на технологию.

– Ищите следы масла или керосиновой пленки на воде, – говорила Келли, пока они стояли перед ней, плотно застегнув куртки, а вода стекала по шлемам. – А также необычные следы вдоль берегов. Оставайтесь начеку, – она помедлила и поочередно посмотрела на каждого члена своей группы. – В поисковой операции не бывает случайных совпадений, и ничто не должно считаться слишком мелким или незначительным для сбора, записи и доклада. Всегда есть шанс, что какая-то странность может стать главной уликой, когда сформируется общая картина, – ее взгляд остановился на Мэйсоне. – Пока складывается впечатление, что этот самолет летел без надлежащего разрешения, и мы не знаем, какой груз находился на борту, если он вообще там был. Сбор улик должен проводиться с учетом того, что наш поиск может лечь в основу уголовного расследования, – она выдержала паузу. – Есть еще вопросы?

Они покачали головами.

– Тогда давайте приступим, – сказала Келли. – Но прежде всего не забывайте об осторожности!

Когда волонтеры SAR разделились на команды и начали выдвигаться к местам поиска, дверь автомобиля Келли распахнулась. Маленькое гуманоидное существо с зелеными волосами и в длинной фиолетовой куртке спрыгнуло в грязь. У Мэйсона кровь застыла в жилах.

Он смотрел, как маленький мальчик бежит по грязному месиву к штабному автомобилю SAR, и мозг подсказывал: *это сын Келли.*

Но другие мысли устремились по темному тоннелю в прошлое. Хэллоуин два года назад. Люк. Он носил такой же костюм Джокера. Дженни купила его на распродаже в «Уолмарте», когда каждый второй мальчик в округе хотел получить точно такую же обновку. Кровь отхлынула от его лица; окружающие звуки превратились в неразборчивое жужжание.

Ощутив чью-то руку на плече, он развернулся и встретился взглядом с Келли.

– Сержант? С вами все в порядке?

Он встряхнулся, стараясь вернуться в настоящее время.

– Да, спасибо. Я… я буду в своем автомобиле, если понадоблюсь вам. Мне нужно… проинструктировать капрала Хаббл.

Он быстро направился к своему автомобилю, ощущая на себе взгляд Келли, сверливший спину. Его сердце бешено стучало. Это было жестокое потрясение, причем совершенно неожиданное. Но маленький Бен Саттон находился примерно в том возрасте, что и его Люк. Тот же рост, те же цвета. Мэйсон никогда не думал, что призраки прошлого будут преследовать его здесь, – во всяком случае, не таким образом.

Мэйсон забрался в автомобиль и завел двигатель, чтобы прогреть салон. Потом вызвал Хаббл по спутниковому телефону.

– Сэр, – отозвалась она. – Вы что-то нашли?

– Поиски только начинаются. Мне нужно, чтобы вы связались с уголовным подразделением северной окружной штаб-квартиры RMCP в Принс-Джордже, сообщили им текущий статус расследования и ожидали дополнительных подробностей по мере их поступления.

– Думаете, гидроплан перевозил контрабанду?

– Мы не исключаем такую возможность. – Переброска наркотиков через огромные пространства северной глуши была серьезной проблемой не только для дельцов, но и для полицейских. – Держите их

в курсе; в итоге это может оказаться связанным с одним из нераскрытых дел.

– Подтверждаю. Я перезвоню, если они предложат новую информацию со своей стороны.

Мэйсон отключился. На самом деле ему не нужно было звонить Хабб, но на улице он в какой-то момент почувствовал себя лишним. Он видел через окно, как Келли беседует с Беном перед штабным автомобилем SAR. Судя по всему, Бен о чем-то спорил со своей матерью. Стекла в машине Мэйсона запотели, когда салон прогрелся, и он вытер влагу, чтобы продолжить наблюдение. Келли опустилась на корточки в грязи и привлекла Бена к себе, крепко обняв его. Маленькая голова в зеленом парике на миг опустилась ей на плечо, и она накрыла ее рукой в перчатке. Их поливало дождем, и трогательность этой картины уколола Мэйсона прямо в сердце.

Эта сцена вдруг вызвала в нем воспоминания о Дженни.

Он едва ли не чувствовал ее присутствие в своем автомобиле – настолько сильно, что это причиняло боль. Другое воспоминание было выцветшим, как старая фотография: они втроем перед Рождеством. Это было их последнее семейное Рождество. Ноющая физическая боль зародилась где-то в животе и мучительно сдавила грудь. Кто мог знать, что горе окажется такой злобной и коварной сущностью, которая ослепляет тебя, когда ты даже не думал об утрате, но внезапно не можешь отделаться от мыслей о ней? Что-то с глухим стуком упало на крышу автомобиля, и кусок мокрого снега медленно съехал по ветровому стеклу. Лес снаружи как будто потемнел, туманные щупальца клубились вокруг. Местность выглядела призрачной, зловещей и определенно недружелюбной. Мэйсон глубоко вздохнул и посмотрел на часы. Здесь от него почти ничего не зависело, и оставалось только ждать. И ему не хотелось сидеть в фургоне штабного автомобиля вместе с Келли и Беном.

Он снова задумался о том, насколько опрометчивым и даже пагубным было решение занять эту должность и застрять здесь, посреди диких гор, вдалеке от всего знакомого и привычного. Это была некая разновидность холодной тюрьмы, откуда он не сможет сбежать по меньшей мере два года, если хочет и дальше быть полицейским. Иногда он был не уверен, что хочет этого. Иногда он не был уверен даже в том, что хочет жить.

Келли отвела Бена в штабной автомобиль. За окнами машины Мэйсона снова сгустился туман. Усевшись в этом мглистом коконе, он заставил себя вызвать из памяти перевернутое лицо пилота, ее молочно-белые глаза, безжизненно смотревшие на него. Регистрационные символы, выведенные черной краской на фюзеляже. Он точно запомнил их, не так ли? Они тоже были перевернуты, но Мэйсон обладал необычной способностью запоминать длинные последовательности букв и цифр. Неужели он теряет рассудок?

Минуты вяло тащились за минутами. Он снова посмотрел на часы.

Хабб связалась с ним по спутниковому телефону и сообщила, что в архивных материалах уголовного отдела в Принс-Джордже нет ничего, связанного с упавшим самолетом.

Он снова представил себе картину крушения. Поплавки торчат в воздухе, крылья сломаны. Пилот висит с открытым ртом, удерживаемый привязными ремнями.

Он решил вернуться в штабной автомобиль SAR и спросить, как продвигаются поиски. Но когда он открывал дверь, из фургона выпрыгнула Келли, державшая каску в одной руке, другой поднимая капюшон куртки над фуражкой. Она поспешила ему навстречу.

– Есть находка! – сообщила она, как только Мэйсон вышел из машины. – Команда K9 обнаружила остатки гидроплана в мелководной части бассейна, который мы определили как место наиболее вероятного обнаружения. – Ее щеки раскраснелись, глаза взволнованно горели. – Оскар со своими скалолазами смог закрепить его, и они уже начинают поднимать его по частям на лебедке. Пойдемте, – она протянула ему каску. – Я могу доставить нас туда на квадроцикле, но вам придется ехать отдельно; мне не с кем оставить Бенни.

Бен вышел из фургона в куртке с логотипом SAR с чужого плеча, слишком большой для него. Он сменил свой парик на каску, а его руки в больших перчатках казались несуразно длинными. Мэйсону показалось, что мальчик выглядит комично и трогательно. Бен засеменил следом за матерью, которая направилась к двум квадроциклам, стоявшим в грязи за штабной машиной. Мэйсон пошел туда же, пытаясь вспомнить, когда он в последний раз водил квадроцикл. Он испытывал облегчение, смешанное с легким

недоумением. Они нашли остатки самолета, причем довольно быстро. Вот и слава богу; это отчасти искупало его глупость.

– Вы же знаете, как им управлять? – спросила Келли, помогая Бену устроиться на одном из квадроциклов.

– Да, – он забрался на сиденье и включил двигатель, стартовавший с приятным утробным рычанием. Тогда он надел каску. Келли сделала то же самое. Бен, сидевший у нее за спиной, крепко прижался к ней. Она завела двигатель, передала вызов по рации и покатила в лес.

Мэйсон последовал за ней по извилистой тропе, петлявшей между деревьев. Келли задала быстрый темп, и ему понадобилась максимальная сосредоточенность, чтобы не терять ее из виду и держаться прямо. Но через двадцать минут поездки Мэйсон вошел во вкус и даже испытал прилив восторга, сходный с ощущением свободы. Сосредоточенность на дороге, на постоянной скорости и новых ощущениях – все это, пусть и ненадолго, позволяло ему оторваться от своих призраков.

Возможно, переезд в Клуэйн-Бэй был не таким уж плохим решением.

Они обогнули гребень холма, и Келли сбросила скорость. Он последовал ее примеру. Двигаясь неторопливо, Келли начала спуск по крутому и скользкому склону. Один раз она остановилась и оглянулась посмотреть, как идут дела у Мэйсона. Он поднял вверх большой палец, и она поехала дальше.

За прогалинами между деревьями в мглистом воздухе он неожиданно увидел речные бассейны и услышал рев водопада наверху. Он остановил квадроцикл и несколько секунд просто наслаждался. Это было поразительное зрелище: дикое и необузданно прекрасное. За туманом над краем верхнего бассейна он увидел ярко-красные куртки технических экспертов SAR, работавших с канатами и системой шкивов для вытаскивания из воды остатков гидроплана.

Он последовал за Келли, которая уже была на месте. Они остановились на тропе, недалеко от берега. Мэйсон и Келли сняли каски и поднялись по крутому склону к скалам над водой.

Когда они вышли к скалам, фюзеляж показался из воды. Двое мужчин со скрипом и скрежетом вытянули его на плоский каменный карниз. Гидроплан потерял оба поплавка; крылья были практически оторваны, а фюзеляж проломлен с одного борта.

Оскар вышел на мелководье и заглянул в кабину пилота. Он застыл неподвижно и довольно долго находился в этой позе, пока Келли и Мэйсон не спустились к нему. Когда Оскар выпрямился, его лицо было очень бледным, и он обратился к Мэйсону, а не к Келли:

– Вам нужно это увидеть, сержант.

Мэйсон в форменных сапогах побрел по мелководью. Он снял с пояса фонарик и наклонился, чтобы заглянуть в тень под разбитым кокпитом. Женщина-пилот по-прежнему находилась в страховочной упряжи, но ее лицо было располосовано на куски. К горлу Мэйсона подступила тошнота; это он допустил такое, когда отправил самолет к порогам перед водопадом. Ее голова была изогнута под неестественным углом. Он посветил фонариком вбок и только тогда увидел нож. Его сердце подпрыгнуло, и он заставил себя наклониться еще ближе.

– Вот паскуда, – прошептал он.

Нож, воткнутый по самую рукоятку, торчал в шее пилота с правой стороны. Судя по расположению клинка, Мэйсон предположил, что ее сонная артерия была перерезана мгновенно. Рядом с ножом была еще одна небольшая рана: бескровная, зияющая, ромбовидной формы. Создавалось впечатление, что убийца с ножом нанес два удара. Возможно, первый был пробным, или у него дрогнула рука, но второй был смертельным. Женщина должна была истечь кровью за минуту. Его мысли беспорядочно скакали. Могла ли она быть зарезана в воздухе? Было ли это причиной крушения? И что в таком случае стало с нападавшим?

– Похоже на «Скрэйд», – тихо сказала Келли.

Он не заметил, как она подошла и встала рядом.

– Что?

– «Скрэйд». Старая марка охотничьих ножей. Их называют «пробойниками» из-за агрессивно загнутого кончика лезвия. Этот довольно старый: видите кожаные накладки светло-коричневого и шоколадного цвета на рукояти? – она указала пальцем. – И клинок перед гардой потемнел от окисления. Он изготовлен из высокоуглеродистой стали, которая с возрастом приобретает красивую патину. С новой нержавеющей сталью такого не бывает.

Он сурово посмотрел на нее.

– Красивая патина?

– Мой отец коллекционировал ножи. Я до сих пор храню его коллекцию.

– Мне нужно, чтобы ваша команда отступила в сторону, Келли. Теперь это расследование убийства.

Гости в лесном доме

Моника

25 октября, воскресенье

Моника позволила Деборе тяжело опираться на нее и Натана, пока они помогали хромавшей женщине подниматься по тропе от причала. Моника сочувствовала ей. Причиной был не только холод; то неглубокое место, куда упала Дебора, было заполнено вонючей илистой водой и заросло камышом. От ее промокшей одежды исходил тухловатый запах, а волосы слиплись от ила и кусочков мертвых водорослей.

Они медленно двигались вперед под барабанившим дождем, потому что заросшая тропа, ведущая к дому, тоже была грязной и скользкой. Колючие кусты, сбросившие листву, преграждали путь на поляну перед домом, и повсюду виднелись заросли мха и белесые грибы. Кажется, даже в ясные дни это место не получало достаточно света.

Странное место для дома, подумала Моника. Здесь, в сырой тени, под сенью горы, похожей на надгробие.

За колючими кустами на них надвигались деревья. С высоты полета окрестные леса казались бесконечными и нарушались лишь неприступными горными хребтами, уходившими за горизонт. Ветви раскачивались на ветру; лес поскрипывал и стонал. Толстые щупальца тумана обвивались вокруг дома. Здание было большим и двухэтажным, сложенным из огромных бревен, потемневших с годами. Ряд грязных окон наверху следил за их приближением, словно глаза, подернутые мутной катарактой.

Когда они приблизились к тотемным столбам, Моника посмотрела вверх.

Подножия столбов до середины обросли мхом и лишайником. На голове деревянного ворона с раскинутыми крыльями сидел живой ворон, похожий на судью в черной мантии. Она взглянула на Натана и

убедилась, что он тоже изучает тотемы. Его лицо было напряженным; судя по всему, он испытывал не меньший страх, чем она сама. Эта мысль наполнила Монику странным и не вполне уместным негодованием. Ей хотелось, чтобы Натан нашел выход из положения. Чтобы он спас ее, как рыцарь в сияющих доспехах. Глубоко внутри она сознавала, что хочет, чтобы Натан произвел впечатление на Стивена. Ей хотелось, чтобы Стивен завидовал Натану, а не относился к нему свысока. Как ни грустно, хотя муж обожал Монику, он иногда приводил ее в замешательство, просто оставаясь самим собой. Ей казалось, что это плохо отражается на ее репутации; она не смогла сделать спутником своей жизни привлекательного альфа-самца, и люди относились к ней не очень серьезно, потому что она вышла за «грибного профессора», который уже начал лысеть и округляться в талии.

Ворон внезапно расправил крылья и черной тенью слетел со столба под дождем. Он исчез в густых облаках, накатывавших из-за гранитной горы.

Она оглянулась посмотреть, продолжают ли Стелла и Джекки спорить друг с другом. Но Стелла забралась в самолет и теперь вручала Джекки предметы багажа, а та передавала их Стивену, относившему вещи к дальнему концу причала.

– Они выносят наш багаж из самолета, – обратилась Моника к Деборе. – Скоро мы отмоем вас и переоденем во все сухое. И Стив осмотрит вашу лодыжку. Он же врач; я уверена, что он сумеет помочь.

– Теперь уже *Стив,* а не Стивен? – осведомился Натан с другой стороны от Деборы.

Моника предостерегающе взглянула на него.

В лесу раздался шум: треск, затем громкий шорох. Все дружно остановились и стали вглядываться в глубокую тень.

Деревья вокруг шевелились и перешептывались друг с другом. Сердце Моники забилось быстрее. Лес казался разумным существом, недовольным их присутствием. Натану нравилось думать о деревьях в такой антропоморфической манере. Он любил напоминать ей, что все они связаны под землей мицеллярной сетью, – информационными магистралями, с помощью которых они могут общаться друг с другом, предупреждать о грозящей опасности, гибели или болезнях. От этого у

Моники по спине пробегал холодок. Она даже отказывалась составить Натану компанию, когда он приглашал ее прогуляться за грибами в лес неподалеку от дома. Из-за него лес казался ей злонамеренным существом.

– Что это было? – прошептала Дебора, широко распахнув глаза.

Моника прищурилась, вглядываясь в темноту между стволами. Ей показалось, что она видела что-то черное, двигавшееся за деревьями, но потом оно пропало.

– Наверное, это просто ветер чудит, – бодро сказала она. – Давайте лучше посмотрим, сможем ли мы войти в этот дом.

Стивен подошел сзади с двумя сумками в руках.

– Посмотрю, открыт ли дом, – буркнул он и пошел дальше.

– Что, если там кто-то есть? – окликнула Дебора.

– Тогда они могли бы развести камин и приготовить нам ужин! – не оглядываясь, крикнул Стивен. – Но я сомневаюсь; похоже, что дом годами стоял заброшенным.

Он поднялся по широким ступеням крыльца и остановился на площадке перед дверью с рогами, прибитыми наверху.

– Какого черта он вообще здесь делает? – тихо пробормотал Натан.

– Ты же слышал Аманду, – резко сказала Моника. – Как и нас, его пригласили для оценки потенциальных возможностей этого места.

– Это выглядит неестественно.

– Но я в этом не виновата, не так ли? Перестань вести себя так, как будто я пригласила его сюда. Я понятия не имела…

Дебору, прижавшуюся к ней, начала бить крупная дрожь.

– Я и не винил тебя, – прошипел Натан. – Я сказал, что это выглядит неестественно, как странная случайность.

– Это случайность, что Стивен руководит клиникой пластической хирургии? А я случайно возглавляю сеть магазинов здорового питания со службой доставки? У меня и у него есть успешный бизнес, Натан. Что странного в том, что нас *обоих* приглашают к участию в тендере за шикарный контракт? У тебя чрезмерно обостренная реакция.

– Знаешь, что чертовски странно, Моника? Я совсем не вижу условий для этого шикарного контракта. Это, – он махнул рукой в сторону мрачного дома, – это определенно не санаторно-оздоровительный курорт «Лесная сень» с услугами высшего класса. Что выглядело несусветной чушью с самого начала, – идея о том, будто

пациенты после хирургической операции захотят лететь в такую глушь для «восстановления сил». По-моему, доктор Стивен должен был бы сам задуматься об этом… если только он что-то не затевает.

Она встретилась с мужем взглядом и начала понимать его опасения. Их вчерашний разговор эхом отдавался у нее в голове.

«Я откуда-то знаю Берта Кундеру, но не могу припомнить откуда, – сказал Натан. – И у меня нехорошее ощущение по этому поводу».

«А ты его спрашивал?» – поинтересовалась Моника.

«Он сказал, что не помнит меня, но не может быть уверен на все сто процентов».

А сегодня утром Моника заметила, как Берт внимательно смотрит на Натана за завтраком. Вероятно, он напрягал память, пытаясь что-то вспомнить. Или на самом деле вспомнил?

Оба они также знали лицо Кэти Колбурн по выпускам вечерних новостей, когда они жили в Ванкувере. Образ Кэти Колбурн с микрофоном в руке у Моники был нерасторжимо связан с кошмаром, который ей хотелось забыть, поскольку Кэти освещала *тот самый инцидент*. Моника могла думать о нем только в образном смысле, как о *том самом инциденте*. Отсутствие конкретных подробностей облегчало ей совесть и позволяло думать о случившемся как о чем-то постороннем для нее.

Но *тот самый инцидент* был громкой темой для новостей, поэтому Кэти было поручено освещать его.

И Кэти Колбурн ничего не знает о моей связи с тем инцидентом. Вообще ничего. Мы смогли замять это дело. Мы смогли остаться безнаказанными. Поэтому нам не о чем беспокоиться.

Но оставался Стивен, который тоже был нерасторжимо связан с *тем самым инцидентом.* И он находился здесь.

Темный, холодный ужас зашевелился в груди Моники. Что-то глубоко скрытое и непрошеное стучалось в стены, воздвигнутые в ее сознании вокруг старых воспоминаний.

– Если бы я знал, что он будет здесь, то не стал бы приезжать, – прошептал Натан. – Как ты можешь ожидать, что я проведу десять дней с…

– Этого не будет! – яростно вмешалась Дебора. Она задрожала так сильно, что лязгнула зубами. – Она… С – с-стелла уввезет нас отсюда. З-з-завтра мы отправимся д-домой. Все это ужасная ошибка!

Они подошли к крыльцу. Откуда ни возьмись, появилась Кэти Колбурн, снова снимавшая их на камеру. Моника вспыхнула от раздражения.

– Вы не могли бы просто выключить эту дрянь? – резко спросила она.

Кэти опустила камеру и посмотрела ей в глаза.

– Мне очень жаль, – невозмутимо сказала она. – Но вы все подписали…

– Мы подписались под поездкой на роскошный курорт, Кэти, – отрезал Стивен и застучал кулаком в дверь. – Так что можно обойтись без формальностей.

Кэти нахмурилась. Стивен постучал еще три раза и крикнул:

– Эй там, внутри! Есть кто дома?

Только глухое эхо от ударов отозвалось на его крики.

Сердце Моники учащенно забилось.

Стивен пнул дверь ногой и дернул за ручку. Тяжелая деревянная дверь была не заперта и со скрипом отворилась. Стивен замер на пороге, напряженный как струна и явно готовый метнуться в сторону, если кто-то бросится на него изнутри.

– Есть кто дома? – спросил он в темноту.

Молчание было ответом, но казалось, будто дом выдохнул через дверь порыв влажного воздуха с душком плесени.

Стивен шире распахнул дверь, подобрал сумки и вошел в дом. Моника, Натан, Дебора и Кэти последовали за ним.

– Эй! – снова громко крикнул Стивен. – Есть кто живой?

В полумраке медленно кружились пылинки, потревоженные звуком его голоса. Когда глаза Моники приспособились к сумраку, тени приобрели очертания. Они находились в пещерообразной комнате со сводчатым потолком, достигавшим второго этажа. Деревянная лестница поднималась на галерею с рядом дверей наверху. Исполинский каменный камин занимал центральное место у одной стены. Кожаные диваны и стулья с плавно изогнутыми ножками в виде когтистых лап были сгруппированы вокруг кофейного столика перед очагом. Длинный обеденный стол стоял возле арочного проема, судя по всему, ведущего на кухню. На кофейном столике находилась книга в кожаной обложке и нечто вроде шахмат с резными деревянными фигурками, расставленными на черно-белой каменной доске. Моника

отпустила Дебору, оставив ее на усмотрение Натана, и шагнула дальше.

Медленно поворачиваясь по кругу, она обозрела U-образную галерею наверху. Первобытные маски – жуткие лики с длинными, жесткими черными волосами и разинутыми ртами – висели на стене рядом с лестницей. На другой стене над старинной конторкой висело ружье и старая плетеная корзина для рыбы. Другую стену украшали картины, написанные маслом и заключенные в массивные рамы. В промежутках между ними были закреплены головы животных, обработанные хорошим таксидермистом. Олень, лось, оскалившаяся пума. Это место больше всего напоминало музей. Монике казалось, что они прошли через портал во времени и оказались в прошлом или в какой-то альтернативной вселенной.

– Эй! – снова крикнул Стивен. Сверху посыпалась пыль. Все задрали головы, пытаясь определить, откуда она летит. Над ними висела люстра, сплетенная из оленьих рогов, размером не меньше, чем «Фольксваген»-«жук».

– Здесь кто-нибудь есть? – выкрикнул Стивен. Его голос слегка дрогнул.

Звук раскатился по всему дому и вернулся к ним гулкими отголосками. Казалось, дом закряхтел – или это был лишь ветер, усилившийся снаружи и задувавший под стропилами?

– Боже мой, Стивен, прекрати орать, – резко произнес Натан. – Здесь никого нет.

В камине послышался шорох. Все повернулись на звук. Шорох раздался снова; скрежет крошечных когтей по камню. Сердце Моники заколотилось.

Они обменялись взглядами.

– Просто крыса или мышь, – тихо сказал Стивен.

Моника подошла к двери, ведущей из большой комнаты, и осторожно приоткрыла ее.

– Ох, смотрите! – воскликнула она. – Здесь есть огромная ванная комната. С ванной и всем остальным.

Она вошла внутрь и нагнулась над ванной, потом повернула медный кран. В трубах что-то закашляло и зазвенело. Из крана пошла струя воды чайного цвета, из другого такая же. Потом вода начала

очищаться, и в трубах заухало, когда заработал насос, скрытый где-то внутри здания.

– Вода должна поступать из колодца, – сказал Стивен, стоявший у двери. Натан подошел сзади, помогая Деборе. Кэти оставалась в большой комнате и продолжала снимать.

– Или ее качают прямо из озера, – возразил Натан.

Стивен неприязненно покосился на него.

– Над ванной есть газовая колонка, – сказала Моника. – Она нагревает воду, проходящую по трубам. – Она повернула ручку аппарата, и внутри заплясали язычки голубого пламени. – По крайней мере, у нас есть горячая вода.

– Только не пейте ее, пока не прокипятите как следует, – предупредил Натан.

– Дебора, милая, идите сюда, – Моника протянула руку. – Сейчас мы поможем вам вымыться и согреться. Натан, ты принесешь сумку Деборы? Стивен, вы не могли бы посмотреть, есть ли здесь кухня с запасом еды, и можем ли мы приготовить себе чай или кофе?

Моника помогла Деборе дойти до деревянной табуретки под стихотворением, висевшим в рамке на стене.

На вешалке было восемь полотенец. Она понюхала одно из них, и оно показалось ей затхлым, так как провисело уже довольно долгое время, но вполне чистым.

– Может быть, кто-то из мужчин разведет огонь? – крикнула она, когда Натан закрыл дверь ванной.

Моника помогла Деборе снять мокрую куртку, стянуть обувь и носки. Вернулся Натан с ее сумкой. Он поставил сумку на пол и немного помедлил.

– Мне жаль, любимая, – наконец произнес он.

Моника кивнула.

– Все в порядке.

Он накрыл ладонью ее щеку и с силой повернул к себе. Это изумило и немного испугало ее. Он заставил ее смотреть вверх, прямо ему в глаза.

– Все будет замечательно, – твердо сказал он.

Она сглотнула, глядя на него.

– Да, все так и будет, – сказал он. – Мы прорвемся.

Вместе с этими словами пришли нежданные чувства. Она часто заморгала. Натан любил ее. Ради нее он готов был сдвинуть небо и землю. Возможно, ее ответная любовь была не такой сильной, и это причиняло ему боль. Возможно, она подтолкнула его слишком далеко, стала чересчур невнимательной. Но здесь, где Стивен и Кэти Колбурн вернули ей воспоминания о том ужасном времени, она осознала, что нуждается в нем. А он нуждался в ее поддержке, потому что они разделяли тайну, способную погубить их обоих. Вместе со Стивеном. И бремя, наложенное этой старой тайной, было бы невыносимым для одного человека.

Натан повернулся, собираясь выйти. Но когда он начал закрывать за собой дверь, она позвала его.

– Оставь ее приоткрытой, хорошо? Только… маленькую щелочку.

Их взгляды встретились, и он почти незаметно кивнул.

Моника повернулась к Деборе. Только тогда она обратила внимание на слова, вышитые крестиком на обрамленном холсте над головой Деборы.

Прокляты те, кто согрешил
И покрывает ложью дела свои,
Ибо Чудище восстанет изнутри,
И они раскаются в содеянном.

Она замерла и увидела выражение своего лица в покрытом ржавыми пятнышками зеркале над старой фаянсовой раковиной.

– Что случилось? – спросила Дебора, заметившая внезапную перемену.

– Я… нет, ничего. Все в порядке. Вам нужно будет помочь устроиться в ванной? – спросила она и наклонилась, чтобы открыть краны.

Но в ее сердце поселилось новое беспокойство.

Гости в лесном доме

Натан

Натан обнаружил Стивена – златовласого волокиту с туго набитыми карманами и мышцами, накачанными на соревнованиях по триатлону, – в большой кухне, где тот возился со старой газовой плитой.

Кухня была темной и выглядела закопченной. Центральное место занимал массивный остров с каменной столешницей и разделочной доской, над которым был развешан ассортимент потемневших медных сковородок, кастрюль из литого железа и другой кухонной утвари. В углу стоял деревянный блок с ножами всевозможных размеров. Мясницкий секач размером с мужской ботинок лежал на разделочной доске рядом с колотушкой для отбивания мяса. Натану они показались похожими на средневековые пыточные инструменты.

– Боже правый, – пробормотал он. – Похоже на нечто из другой эпохи или из фильма ужасов.

Стивен поднял голову.

– Газ, – сказал он и похлопал по плите. – По-видимому, он поступает из большой цистерны с пропаном где-то за домом, – он протер пятно на грязном окне, выходившем на задворки дома. – Видите?

Натан подошел ближе и посмотрел. Он увидел Берта, который равномерно наклонялся и выпрямлялся в тумане рядом с открытым навесом, задняя стена которого представляла собой длинную поленницу. Берт тоже заметил их. Он поднял топор над головой и помахал им с ликующей улыбкой, а потом указал на поленницу. В другой руке он держал большой нож с агрессивно загнутым наконечником лезвия.

– Какого черта он там делает? – спросил Натан.

Стивен открыл окно.

– Дрова сухие! – крикнул Берт. – Здесь есть топор и все остальные инструменты. Мы можем развести огонь.

Он убрал жутковатый нож в ножны, прикрепленные к поясу, и послал всем еще одну торжествующую улыбку, прежде чем разместить на чурбане грубо спиленное полено. Расставив ноги пошире, он размахнулся топором и с глухим стуком опустил его. Полено раскололось пополам.

– Он похож на озорного бойскаута в летнем лагере, – пробормотал Стивен, закрывая окно. – Выглядит слишком довольным, что по меньшей мере странно в таких обстоятельствах.

Натан еще немного посмотрел через грязное окно, как Берт рубит дрова. Этот парень явно находился в расцвете сил. Тренированный, мускулистый. *Мужественный.* Судя по всему, он рассматривал жизнь как большое и увлекательное приключение, от которого нужно брать все возможное и получать удовольствие по полной программе. Когда Натан перестал так относиться к жизни? Приходилось ли ему вообще так наслаждаться жизнью?

Может быть, в этом и заключалась его проблема. Пока он смотрел, он снова обшаривал закоулки своей памяти, пытаясь вспомнить, где раньше видел Берта Кундеру. Чем дольше он смотрел, тем более тревожным становилось его ощущение.

– Она работает! – воскликнул Стивен.

Натан вздрогнул.

Стивен указал на газовую плиту. Вокруг одной из горелок танцевали язычки голубого пламени. Хирург взял чайник со свистком, стоявший рядом с плитой, и направился к раковине. Когда он повернул кран, в трубах заурчало, и послышался звук работающего насоса. Стивен лил воду, пока она не очистилась, потом сполоснул чайник, наполнил его и поставил на плиту.

Натан наблюдал за ним. Он чувствовал себя как человек, попавший в некую альтернативную реальность.

– Скажите, Стивен, почему вы вообще решили, что эта затея с лесным курортом в дикой глуши будет полезна для вашей клиники? – спросил он.

Стивен замешкался. Какое-то время он не смотрел на Натана, а потом тихо сказал:

– У меня были сомнения. Косметический туризм – развивающаяся отрасль. Мы могли бы завязать партнерские отношения, и это стало бы

возможностью для маркетинга. Я просто хотел проверить, как все устроено.

– Почему? Потому что вы знали, что Моника тоже приедет?

Стивен гневно уставился на него. В воздухе повеяло опасностью. Натан вдруг осознал присутствие ножей, мясницкого секача, тяжелых сковородок и прочей кухонной утвари повсюду вокруг них.

– Поищите кружки, хорошо? – сказал Стивен и повернулся к столешнице.

Натан колебался. Он не доверял этому человеку, но решил пока что оставить все как есть. Ясно, что эта ситуация во всех отношениях была странной и двусмысленной. Он открыл несколько дверей в буфетных тумбах, пока не обнаружил в одной из них стеклянные стаканы и фаянсовые кружки. Он потянулся за кружкой.

– Что за чертовщина? – произнес Стивен.

Натан повернулся к нему с кружкой в руке. Стивен держал разноцветную коробку с детской кашей быстрого приготовления, которую он взял из бумажного бакалейного пакета, лежавшего рядом с плитой. Он сосредоточенно хмурился.

– «Тути-Попс»? С клубничным ароматом? – Он порылся в пакете и достал товарный чек. – Куплено немногим более месяца назад. Кто-то недавно побывал в этом доме.

Стивен более внимательно посмотрел на чек и внезапно побледнел.

– А вот это странно, – прошептал он. – Это совсем странно.

– Что именно?

Он протянул чек Натану.

– Посмотрите, где это было куплено.

Натан взял чек и прочитал название магазина. У него судорожно сжалось сердце; в ушах зазвенело. Он медленно поднял голову и встретился взглядом со Стивеном.

– Магазин «Китс-Корнер» на Четвертой Западной улице, – тихо сказал Стивен.

Сцена из прошлого жарко вспыхнула в сознании Натана. Моника, рыдающая в их старой спальне. Ее красное лицо раздулось и покрылось пятнами; слова вырывались наружу вместе с хриплым дыханием.

«Я… Я видела коробку с детским питанием, Натан. Она была раздавлена, и каша рассыпалась… маленькие цветные комочки под

дождем. И яйца, разбитые яйца…»

– Что еще лежит в пакете? – неожиданно охрипшим голосом спросил Натан.

Стивен достал картонку с десятком «натурально выращенных» яиц и батончик «Сникерс».

У Натана задрожали колени. Время как будто растянулось. Этого не было в новостях. Там ничего не сообщили о яйцах, детской каше и шоколадном батончике. По определенной причине полицейские решили скрыть эту информацию. Только они с Моникой знали правду. И Стивен тоже. Ему стало нехорошо; казалось, его может стошнить в любой момент.

Стивен вроде бы успокоился и продолжал рассматривать чек.

– Мы… раньше мы жили на этой улице, – прошептал Натан. – В двух кварталах от этого магазина.

Но доктор Стивен Боден знал это. Он очень хорошо это знал.

Волны воспоминаний прокатывались между двумя мужчинами. Это были общие, но не совместные воспоминания. Они выросли и превратились в нечто осязаемое на этой закопченной кухне. В то, что связывало и одновременно разделяло их. В то, что Натану как будто удалось похоронить и забыть годы и годы назад. В то, что в конце концов заставило их с Моникой переехать на восток, – фактически спастись бегством. Попытаться начать все сначала. Он перевел взгляд на коробку с детской кашей; пеликан Тути поедал «Тути-Попс». Когда-то Стивен держал в руках такую же коробку. Звенья прошлого смыкались и превращались в цепь, сковывавшую их обоих.

Никому из них не хотелось облекать в слова это бесформенное ощущение. Ни один из них даже не осознавал, что происходит на самом деле, не говоря уже о попытках как-то выразить это.

Берт с шумом вошел на кухню через заднюю дверь с охапкой дров в руках. Оба вздрогнули.

– Что-то случилось? – он перевел взгляд со Стивена на Натана.

– Нет, ничего, – Стивен откашлялся.

– Газовая плита и колонка работают, – сообщил Натан. – И здесь есть водопровод.

Он повернулся спиной к остальным и начал с преувеличенной деловитостью вынимать кружки из буфета. Его сердце гулко стучало в груди, над верхней губой выступил пот.

– И здесь есть чай, кофе, банки с тунцом и готовым супом, – добавил Стивен, поспешно открывший еще несколько дверей в буфетных тумбах.

Берт нахмурился.

– Что ж, по крайней мере, мы не останемся голодными. – Он направился в большую гостиную, но помедлил у выхода. – Я обнаружил тропу. Похоже, она ведет к другой бухте, но было уже слишком темно, чтобы ходить туда без фонарика.

– Думаете, она может привести к настоящему лесному курорту? – спросил Стивен.

Натан заморгал. Со стороны это выглядело так, словно врач был готов ухватиться за любую соломинку и как будто до сих пор надеялся, что Стелла допустила ужасную ошибку в определении координат по GPS-навигатору.

– Мы можем проверить завтра утром, если только… – начал Берт.

– Настоящего лесного курорта не существует, – Джекки возникла у двери, ведущей из большой комнаты на кухню.

Все повернулись к этой плотно сложенной женщине с пронзительными темными глазами.

– Это не ошибка, – резко сказала она. – Это разводка, дурной розыгрыш.

– Что вы имеете в виду? – спросил Берт.

– Разве вы не видели табличку снаружи, рядом с парадной дверью? Дом называется «Лесная сень», как и санаторно-оздоровительный курорт «Лесная сень». Вот сами посмотрите, – она достала из кармана брошюру и развернула ее на каменной столешнице кухонного островка. – Я сделала распечатку с веб-сайта еще до отъезда, – она указала на фотографию роскошного коттеджа. – Это фальшивка, прифотошопленная к тому месту, где мы сейчас находимся. Видите эту бухту и форму соседней бухты? А эту гору? Так выглядит местность с воздуха. Мы находимся здесь, но какие-то умники нафотошопили вокруг целый курорт. Они стерли часть леса, добавили отдельные домики и красивые дорожки, а фотографии интерьеров взяли с других курортных сайтов или рекламных материалов, – она обвела их взглядом. – Все было сфальсифицировано с самого начала. Нас заманили сюда. Всех до одного. И теперь мы находимся в ловушке.

Зловещий холодок пробежал по кухне. Наверху хлопнула ставня, и засвистел ветер. Сырой, вязкий туман сгустился за окнами, и внутри сразу же потемнело.

– Но почему? – спросил Берт, так и державший дрова в руках.

– Бог знает, – Джекки медленно провела рукой по волосам. – Но прямо сейчас мы тут застряли. Мы заглотили наживку и попали в какую-то загадочную тюрьму в лесной глуши.

– Но мы не в ловушке, – Стелла вошла на кухню. – У нас есть самолет. Есть пилот в моем лице. У нас хватает топлива. Мы…

– У нас нет проклятого радио! – отрезала Джекки и развернулась к Стелле с яростным взглядом.

– *Что?* – произнес Стивен.

Серые глаза Стеллы гневно сверкнули, отвечая на вызов Джекки.

– Давайте, расскажите им. Радиопередатчик выведен из строя, провода перерезаны. Это диверсия.

– Но я слышал, как вы разговаривали с диспетчером по радио, – растерянно сказал Натан.

– Оно не работало, не так ли, Стелла? – сказала Джекки. – Диспетчер не мог вас услышать. Никто не знает, что мы здесь, верно?

Стелла стиснула зубы.

– Когда вы собирались сообщить нам об этом, Стелла? – поинтересовался Стивен.

– Я не хотела делать это сразу же. Страх и тревога – нехорошее дело, когда…

– Когда *что*? Бог ты мой! Кто вы такая, чтобы решать, что нам нужно или не нужно знать? – Стивен буквально взъелся на нее. – Ради всего святого, вы же обычный пилот, а не распоряжаетесь нашими жизнями.

– Есть шанс, что утром я починю рацию. Если бы поломка была мелкой и я бы успела все сделать сегодня, то вы бы так и не узнали об этом.

– Значит, вы решили поиграть в Бога, – презрительно заключил Стивен. – Потому что иначе *мы бы ударились в панику,* – он выразительно помахал пальцами у висков.

– А вы не паникуете? – спросила она.

На кухне воцарилась тишина. На какой-то безумный момент показалось, что дом подслушивает их. Что он живой и враждебно

настроен к ним. Натан почувствовал, как волоски на его руках встают дыбом. Он был чувствительным к подобным вещам и мог ощущать, что деревья в лесу слушают и смотрят на него.

Берт первым нарушил молчание:

– Когда вы узнали, что рация повреждена?

Стелла глубоко вздохнула и сняла с головы мокрую фуражку.

– Она работала вчера днем, когда я летела к хребту Тандерберд. Я обнаружила неполадку только после нашего взлета сегодня утром.

Они пораженно уставились на нее. Берт кашлянул.

– Значит, кто-то повредил рацию ночью, когда гидроплан стоял на причале у отеля «Тандерберд»?

– Очень похоже на то, – ответила Стелла.

– Выходит, мы никому не можем сообщить о себе, – сказал Стивен. – Вообще никому. И никто не ожидает нашего звонка, потому что мы сказали друзьям и близким, что десять дней будем находиться в уединенном месте, где нет мобильной связи.

– Если мы не вернемся через десять дней, то по крайней мере «Вест Эйр» будет знать, куда нужно направить людей, чтобы найти нас, – сказал Натан.

– Нет, не будет, – возразила Стелла. – Я получила координаты GPS в текстовом сообщении вчера вечером. Сегодня утром я собиралась сообщить их моему диспетчеру и только тогда поняла, что рация не работает.

– Вот так, – заключила Джекки. – Разве вы не обратили внимания, что мы слышали в наушниках только то, что она сама говорила? Мы не слышали ответов диспетчерской службы «Вест Эйр», а ведь связь должна быть двухсторонней.

Так вот почему Джекки сцепилась со Стеллой на причале, подумал Натан. Вот о чем они спорили.

– А как насчет Аманды Ганн? – поинтересовался Берт. – Она знает координаты?

– Нет. Я уже сказала, что лично получила их в текстовом сообщении от концерна RAKAM.

– Значит, им все известно, и они кого-нибудь пришлют сюда, – предположил Натан.

– Ну да, конечно, – Джекки презрительно усмехнулась. – Тот самый концерн RAKAM, который самым очевидным образом

сфальсифицировал эту проклятую поездку. Вы в самом деле полагаете, что они собираются оказать нам помощь?

– Вот бл…дство, – выругался Берт. – Но почему кому-то понадобилось это сделать? Что за дьявольщина здесь творится? Что вообще происходит?

Он переводил взгляд с одного лица на другое; его руки явно начинали уставать от тяжелой охапки дров.

– Сначала нам нужно установить приоритеты, – сказала Стелла. – Этот штормовой фронт задерживает нас здесь. Сейчас идет проливной дождь, но до утра может выпасть снег. У нас есть наш багаж и теплая одежда. У нас есть дрова, и мы можем развести огонь, – она кивнула в сторону открытых буфетных тумбочек. – Судя по всему, в ближайшее время нам не грозит голод. Стало быть, мы поедим, займемся своими делами, будем оставаться в тепле, пока шторм не уляжется, а потом улетим домой и сообщим об этом инциденте.

– Нет… нет, я не согласен с таким положением вещей, – в словах Стивена пульсировал гнев, за которым угадывалась обыкновенная паника. Натану доставляло удовольствие видеть этого самоуверенного человека растерянным и даже *испуганным*.

– Прислушайтесь к ее словам, Стивен, – сказал он. – Они имеют смысл. Вероятно, завтра утром мы сможем починить рацию и во всем разобраться. В темноте, да еще в такую непогоду, мы можем только оставаться здесь. Сейчас Моника помогает Деборе принять ванну и согреться. Вы же врач: посмотрите, что у нее с лодыжкой. Мы приготовим кое-какую горячую еду из консервированных продуктов, а потом решим, что делать дальше.

– Сколько времени по прогнозу может продолжаться штормовая погода? – спросила Джекки у Стеллы.

– Несколько дней, – Стелла потерла подбородок. – Возможно, целую неделю.

Комната снова погрузилась в тишину. Ветви деревьев, раскачиваемые ветром, скребли по наружной стене, а со стороны горного склона доносились странные стонущие звуки.

Заверещал свисток. Все вздрогнули и принялись оглядываться по сторонам. Пар с громким свистом вырывался из носика закипевшего чайника. Последовавший за этим нервный смех звучал не менее

пронзительно. Смеялись все, кроме Джекки, которая молчала и недовольно смотрела на собравшихся.

Стивен снял чайник; было заметно, что его мышцы вибрируют под рубашкой, как натянутые струны.

– Натан, – сказала Стелла. – Вы не могли бы помочь Монике довести Дебору до дивана перед камином? А вас, Берт, я попросила бы разжечь камин.

Берт как будто вспомнил, что продолжает держать охапку колотых дров.

– Да-да, само собой. – Он вышел из кухни.

– А где Кэти? – спросила Стелла.

– Ведет съемку перед парадным входом, – отрывисто сказала Джекки. Она повернулась и тоже вышла из кухни.

Стивен залил кипятком чайный пакетик и обратился к Натану:

– Кем эта летчица себя возомнила, если думает, что может командовать нами? Кто ее сделал начальницей? Кто разрешил ей…

– Ох, лучше заткнитесь, Стивен, – довольно резко сказал Натан. – Она здесь единственная, кто говорит разумные вещи.

Но что-то в поведении Стеллы тоже беспокоило его, хотя он и не мог понять, что именно.

– А я болтаю глупости? – взъярился Стивен. – Вы это хотите сказать?

Рот Натана наполнился горечью.

– Я вас знаю, Стивен, – тихо сказал он.

Стивен прищурился. Его взгляд сочился ядом. В этот момент доктор Стивен Боден выглядел как человек, который способен на убийство. И Натан точно знал, что он уже это совершил.

– В самом деле? – произнес Стивен.

– Да, в самом деле, – Натан отвечал медленно и взвешенно, не сводя глаз со Стивена. – Моника многое рассказывала о вас. Мы с ней делились всеми секретами.

Стивен сглотнул.

– Стелла Дагер раздражает вас потому, что она не простирается ниц перед вашей божественной хирургией. Я прав? Вам кажется, что она не уважает вас и подрывает ваш авторитет. Она раздражает вас еще и потому, что лучше контролирует ситуацию, и вдобавок она сильная женщина. Она не из тех, кому захочется раздвигать перед вами ноги.

– Пошел ты к чертовой матери, Натан, – прошептал Стивен. Атмосфера опасно накалилась. – Ты знаешь, какое слово я имел в виду. – Хирург покосился на дверь и понизил голос до сиплого шепота: – Ты знаешь, почему твоя жена изменяла тебе.

– Я мог бы уничтожить твою карьеру, Стивен. Мог бы уничтожить твою клинику.

– Но если ты это сделаешь, то сам пойдешь на дно, братец. Вы *оба* пойдете на дно, – последовала пауза и кривая ухмылка. – И у тебя яиц нет, чтобы это сделать. Знаешь, в чем твоя проблема, профессор Гриб? Твоя беда в том, что ты действительно любишь ее.

На шее Натана выступили жилы, его руки рефлекторно сжались в кулаки. Он посмотрел на деревянную стойку с кухонными ножами. На какой-то момент им овладело дикое желание схватить один из этих ножей и вонзить его поглубже в кишки Стивену Бодену. Он хотел убить его, по-настоящему хотел.

Блаженная ухмылка Стивена стала шире. Он взял кружку чая.

– Она вертит тобой, профессор. Она держит тебя на коротком поводке. – Он пронес кружку мимо Натана, слегка задев его на ходу, когда прошептал ему на ухо: – У профессора-подкаблучника не хватит мужских силенок, чтобы свалить меня, – верно, Натан?

Слова повисли в пустой кухне, как брошенный вызов.

Сердце Натана гулко колотилось в грудную клетку. Его пальцы сжимались и разжимались.

Он снова посмотрел на ножи.

Гости в лесном доме

Кэти

Кэти Колбурн помогла Стелле отнести багаж в комнаты наверху, пока остальные занимались камином. Стелла носила головной фонарь, который взяла с собой из аварийного комплекта на гидроплане. Потом они зажгли одну из нескольких керосиновых ламп, обнаруженных в кладовой на кухне.

На верхнем этаже было семь спален; каждая дверь выходила на U-образную галерею, по периметру большой гостиной. Окна четырех спален были обращены к озеру, а в других трех спальнях они смотрели на подножие окутанного туманом горного склона. В каждой комнате имелись двуспальная кровать, деревянный шкаф и комод с тремя ящиками. Каждая комната была оборудована примыкающей маленькой ванной с туалетом. Их украшали антикварные картины и предметы ушедших эпох.

– По одной комнате на каждого из нас, – обратилась Кэти к Стелле, когда они расставляли багаж перед дверями.

– Если супружеская пара пожелает ночевать на одной кровати, – сказала Стелла, входя в одну из комнат с видом на озеро. – Хотите занять эту спальню?

Кэти вошла следом за Стеллой и положила свою дорожную сумку рядом с темной кроватью с четырьмя резными деревянными столбиками. Белое постельное белье слегка пожелтело. Она приподняла уголок наволочки и почуяла слабый запах плесени. По ее спине пробежал мелкий холодок.

Стелла отошла, чтобы сложить свои вещи в соседней комнате, а потом вернулась к ней.

– Я нашла еще одну керосиновую лампу, – летчица подняла старую медную лампу с мерцающим огоньком. Тени дрожали и метались вокруг, пока она двигалась по комнате. Снаружи доносился ритмичный стук: Берт рубил новую порцию дров для камина.

Кэти смотрела, как Стелла подходит к окну и вглядывается в ненастные сумерки. Она смотрела на свой самолет. Кэти подошла к ней.

– Как вы думаете, что на самом деле случилось с рацией? – тихо спросила она.

Стелла глубоко вздохнула. Ее лицо в свете керосиновой лампы казалось бледным и угловатым. Она даже выглядела похудевшей и усталой. В ее глазах промелькнуло какое-то неясное чувство.

– Не знаю. Могу лишь предположить, что кто-то пробрался в кабину ночью или совсем рано утром и перерезал провода, ведущие к антенне. Изначально самолет не был оборудован радиосистемой, ее смонтировали потом. – Она помедлила. – Кто-то хорошо знал, что он делает. Это преднамеренный саботаж.

– Но *почему*?

– Это вопрос на миллион долларов, не так ли? Почему мы все оказались здесь? Почему именно мы?

– Как вы думаете, что происходит? – спросила Кэти.

Стелла поджала губы и задумалась.

– Я просто не знаю. Возможно, произошла ужасная ошибка, и мне прислали неверные координаты.

Но она не выглядела уверенной в этом.

– Поговорите со мной, Стелла, – тихо настаивала Кэти. – Скажите, что вы на самом деле думаете.

Женщина-пилот провела рукой по волосам.

– Мне следовало включить проверку радиосистемы в предполетную процедуру. Но вчера все работало, поэтому я… *Проклятье*. Мне так жаль, Кэти. Это я во всем виновата.

– Нет, это не так. Вы находились на борту по той же причине, что и все остальные; вас интересовала возможность заключить выгодный контракт. Если нас одурачили, то и вас тоже.

– Всех, кроме Натана, – сказала Стелла.

– Что?

– Натан оказался здесь по приглашению своей жены. Он не принимал участия в потенциальном тендере.

Кэти пристально посмотрела на нее.

– Думаете, это имеет какое-то значение?

– Не знаю, – Стелла немного помолчала и наморщила лоб, словно вспомнила что-то неприятное. – Мне кажется, я каким-то образом знакома с Джекки Блант. И она тоже узнала меня, но не говорит об этом. И… может быть, я даже видела доктора Стивена Бодена когда-то раньше. Однако… – она приглушенно выругалась, – все это похоже на какое-то безумное извращение.

Кэти ощутила легкий спазм в животе. Стелла тоже почему-то казалась ей знакомой, но она не могла вспомнить, где и при каких обстоятельствах их пути могли пересечься. Казалось, нечто большое и мрачное, чего она не могла уловить, безмолвно нависает над ними и соединяет их невидимыми нитями, пока что неподвластными для понимания.

– Вы знакомы с кем-то из остальных пассажиров? – поинтересовалась Стелла.

Пульс Кэти участился. Она отвернулась к окну, пока обдумывала свой ответ, но снаружи уже совсем стемнело, и она могла видеть лишь зыбкие отражения ее самой и Стеллы с лампой в руках. Из-под оконной рамы тянуло холодным воздухом. Стекла были тонкими и плохо удерживали тепло.

– Разумеется, я знаю Монику Макнил, унаследовавшую сеть бакалейных магазинов, которая теперь возглавляет продуктовую компанию «Натуральное питание», – медленно сказала Кэти. – Она была известной персоной несколько лет назад, когда я работала ведущей в ванкуверской телекомпании. В то время она активно занималась благотворительностью и пропагандой здорового питания по принципу «от фермы к вашему столу».

– Моника из Ванкувера? – спросила Стелла.

– Да. Тогда они с мужем жили в Китсилано.

Воспоминания вернулись к Кэти при мысли о фешенебельном районе Китсилано в Ванкувере, который был отделен лишь мостом от городского центра. Она освещала некоторые горячие сюжеты и происшествия в этом районе. Тем не менее она не могла припомнить место, где она могла бы лично встретиться с Моникой Макнил. Вместе с тем ощущение знакомства со Стеллой начинало крепнуть среди вороха полузабытых воспоминаний в ее голове. Во время работы на телевидении она встречалась с таким множеством людей и

подготовила столько новостных сюжетов, что все сливалось в одну размытую картину.

– А мы с вами встречались? – обратилась она к Стелле.

Стелла наклонила голову к плечу.

– Я… так не думаю. То есть ваше лицо мне знакомо по теленовостям, но не припоминаю, чтобы я встречалась с телезвездами в реальной жизни.

Кэти стало совсем тревожно. Стелла подошла ближе и положила ладонь на ее руку.

– Все будет в порядке. Мы разберемся с этим делом. Давайте проверим последнюю комнату, а потом посидим у камина и подкрепимся, хорошо?

Стелла понесла лампу к двери, и Кэти повернулась за ней. Тени кренились и разбегались в стороны; движение на стене заставило ее повернуть голову. Тогда она увидела *это*: большую картину. Когда они вошли, она была скрыта от глаз Кэти за антикварным шкафом.

Картина была огромной и занимала полстены в высоту. Написана маслом в темных тонах. Это было изображение в натуральную величину – маленькая девочка примерно шести лет с лампой в руке, босоногая и в полупрозрачной ночной рубашке. Ее лицо было немного повернуто в сторону, как будто она глядела на художника. Светлые шелковистые волосы мягким облаком окружали ее лицо. В другой руке девочка держала маленькие золотые весы с неглубокими чашечками по обе стороны. В одной из чашечек лежало нечто похожее на миниатюрное человеческое сердце. На лице ребенка играла озорная улыбка.

Желчь подкатила к горлу Кэти. Ее сердце застучало с перебоями. Она не могла пошевелиться, не могла вздохнуть.

Стелла обернулась на пороге.

– Кэти? В чем дело?

– Я… Я… – Кэти протянула руку к картине. – Это.

Стелла нахмурилась и поспешно вернулась в комнату посмотреть, на что она указывает.

– Картина?

– Кто… кто ее нарисовал? Откуда она здесь? – голос Кэти был хриплым и приглушенным от внезапного страха.

– Я не знаю.

– Прочитайте… вы можете прочитать подпись внизу?

Стелла недоуменно посмотрела на нее и подошла к картине. Она приподняла лампу и наклонилась к надписи в правом нижнем углу.

– Тут написано «ПРАВОСУДИЕ».

– А имя автора?

Стелла покосилась на Кэти.

– Там нет имени. Только надпись «ПРАВОСУДИЕ».

Время растянулось. Как в замедленной съемке, Кэти отступила к широкой кровати и тяжело опустилась на нее, не в силах удерживать собственный вес. Она глядела на картину. Ее начало подташнивать.

Стелла быстро поставила лампу на прикроватный столик. Она уселась рядом с Кэти и взяла ее за руку.

– Кэти, посмотрите на меня. Что происходит?

– Картина… – слова замерли у нее в горле. Тиски страха сдавили сердце.

– Очень красивая, – сказала Стелла. – И похоже, старинная.

– Это Габби.

– Что?

– Это… это Габби. Моя дочь, – собственные слова приводили ее в ужас.

– Что вы имеете в виду?

– Я… – К ее глазам подступили слезы. Разум затуманился, мысли пришли в смятение. Дрожащей рукой она порылась в кармане своей куртки и достала телефон. Включила, открыла фотогалерею.

– Видите? – она поднесла экран к лицу Стеллы.

Стелла замолчала, глядя на фотографию, потом посмотрела на картину. Наконец их взгляды встретились; Стелла выглядела потрясенной.

– Та же поза, такая же ночная рубашка, – прошептала она. – Тоже босая, такие же волосы, такая же улыбка на лице.

Кэти утерла слезы, катившиеся по щекам.

– Кроме весов Фемиды и человеческого сердца в чашке. Что… что это может означать?

Кэти затрясло. Маленькая дочь была величайшей драгоценностью в ее жизни. Габби. Девочка, которая изменила ее. Заставила ее переосмыслить прежнее видение мира и даже ценность ее брака с распутным мужчиной.

– А вы… Кто мог видеть эту фотографию? – спросила Стелла. – Вы выкладывали ее в социальных сетях?

– Я… я знаю, что мне не следовало бы так поступать. Наверное, глупо было публиковать фотографии мой девочки там, где они были доступны каждому пользователю. Особенно с учетом того, что я была известной телеведущей. Но… это такой прекрасный снимок, – она удержала взгляд Стеллы. – Вы думаете, что я подвергла риску моего ребенка? О господи! – Она непроизвольно прикрыла рот ладонью. – А что, если с Габби что-то случится, пока я буду сидеть взаперти в этом месте? Что, если…

Стелла похлопала ее по руке.

– Пожалуйста, Кэти, не надо так думать. Постарайтесь успокоиться. Истерика никому не поможет. Нам нужно иметь ясную голову, чтобы во всем разобраться.

Дрожащими руками Кэти утирала все новые слезы.

– Подумайте, – сказала Стелла. – Кто сейчас рядом с Габби?

– Ее отец.

– Вы доверяете ему в данном случае?

– О господи, да. Только с Габби. Он… он мог изменять мне, но он обожает свою дочь. Он готов убить ради нее.

Стелла сурово нахмурилась, изучая лицо Кэти.

– Я не имела в виду *убийство*, – выдавила она. – Просто, если она окажется в опасности… – ее голос пресекся.

– Тогда он в любом случае ей поможет.

Но когда Стелла смотрела на картину, Кэти была далеко не уверена, что эта властная женщина верит собственным словам. Стелла могла сказать что угодно, лишь бы выглядеть убедительно.

– А у вас есть дети, Стелла?

– Нет. Я… не могу иметь детей.

– Прошу прощения, я только…

Стелла отмахнулась от ее слов.

– Все в порядке. Это всего лишь факт, не более того.

– Вы замужем?

– В разводе, – ответила Стелла.

– Почему?

Стелла тихо фыркнула и ненадолго умолкла.

– Это из-за неспособности родить, – наконец сказала она, отвернувшись и потянувшись к лампе.

– Боже мой, извините.

Стелла встала с лампой в руках.

– Такова жизнь. Теперь давайте спустимся к остальным. Думаю, нам пора посовещаться и кое-что выяснить.

Гости в лесном доме

Джекки

Ветер сотрясал дом, и ставни хлопали все громче по мере того, как шторм снаружи набирал силу. Деревья скрипели и скреблись в окна, а из дымохода доносились зловещие звуки. Джекки казалось, будто лес ожил и пытается любыми способами проникнуть в дом.

Люди собрались у пылающего очага, разожженного Бертом. Поленница поднималась до каменного карниза перед камином; дров было достаточно, чтобы поддерживать огонь и отгонять темноту ночи.

Кэти рассказала им о картине. Телезвезда превратилась в пустую оболочку, с тех пор как увидела *это*. Ее проклятая цифровая камера наконец была выключена, ее лицо стало молочно-белым.

Старинные напольные часы громко тикали. Берту хватило глупости завести их большим ключом, и теперь маятник раскачивался взад-вперед с отчетливым, почти угрожающим звуком: *тик-ток, тик-ток.*

Натан раздал всем по тарелке супа. Он подогрел суп из консервов, которые они со Стивеном нашли на кухне. Никто не выглядел голодным, но все обхватили горячие тарелки руками, как будто теплая еда обеспечивала связь с цивилизацией, которую они оставили позади, оказавшись заброшенными посреди лесной глуши.

Дрова потрескивали, поворачиваясь в камине. Дым сочился в комнату; было ясно, что каминную трубу уже довольно давно не чистили.

Джекки резко поставила свою тарелку на кофейный столик и поднялась на ноги. Она не могла есть, не могла усидеть на месте. Тревожные связи, оформившись в ее разуме, подталкивали к определенным действиям. Она обошла людей, собравшихся вокруг камина, доставая книги с тяжелых книжных полок, выстроенных вдоль стены. Тонны книг. Старые переплеты, старинные обложки. Отдельные кожаные переплеты. Отдельные первоиздания, некоторые с подписями авторов. Известные сказки: «Красавица и Чудовище», «Гензель и Гретель». С иллюстрациями, совершенно не похожими на диснеевские

мультфильмы и больше напоминавшими нечто из подвала подсознательных ассоциаций Карла Густава Юнга.

– Что вы разглядываете? – поинтересовался Стивен, поблескивая глазами в отраженном свете очага.

– Братья Гримм, – сказала Джекки, раскрывая иллюстрированное издание сказок 1940 года.

– У владельца этого места определенно имеются деньги, – сказал Натан, оторвавшись от супа и напряженно глядя на Джекки. Он казался самым голодным. – Бог знает, почему он решил оставить все это богатство собирать пыль и плесневеть в тени этой жуткой горы.

Джекки раскрыла другую книгу, сдув пыль с обложки. Запах был таким же, как в букинистических лавках Торонто, которые она любила посещать. Это была ее страсть. Книги. Хотя другие люди никогда не догадались бы об этом, глядя на нее. Впрочем, ей было безразлично их мнение. Она высоко ценила неприкосновенность своей личной жизни. Она делилась своими страстями и увлечениями только со своим партнером.

Это было старое издание Агаты Кристи, «Убийство в Восточном экспрессе». Детективные романы, действие которых происходит в закрытом помещении, принадлежали к числу ее любимых произведений. Ей нравилось их читать с самого детства. Возможно, именно это вывело ее на стезю охраны закона. Головоломки человеческих отношений в замкнутом пространстве.

Она оторвала взгляд от книги и еще раз посмотрела на Кэти. Кто-то приложил огромные усилия, чтобы воспроизвести реалистичный образ дочери Кэти на той картине. Сначала нужно было найти фотографию в социальных сетях, а потом собственноручно изготовить картину или заказать ее хорошему художнику. Потом нужно было доставить ее сюда и повесить наверху. Картина была большой и тяжелой. Потом Кэти пригласили в инсценированное путешествие, и в результате она попала в дом, где смогла увидеть эту картину. Но ради чего? У Джекки не оставалось сомнений, что их собрали вместе по какой-то извращенной причине. Они были как-то связаны друг с другом. Но как? И почему?

Она опознала Дэна Уитлока в автобусе. Для этого потребовалось некоторое время. Прошло почти четырнадцать лет, и Дэн заметно состарился, к тому же облысел. Его лицо оплыло, щеки обвисли.

Двойной подбородок, тяжелые мешки под глазами и дополнительные пятьдесят фунтов веса, – неудивительно, что ей потребовалось некоторое время, чтобы определить личность полицейского осведомителя, который однажды нанял ее для того, чтобы провернуть грязное дело. Тогда она находилась в подавленном состоянии и имела склонность к выпивке. Тогда она нуждалась в деньгах. То был мрачный период в ее жизни.

Берт внезапно поднялся на ноги. Он тоже никак не мог успокоиться. Он снял каминную решетку и подбросил еще дров в очаг. Потыкал их кочергой, обошел вокруг диванов и направился к подножию лестницы, где снял со стены одну из туземных масок. Он поместил ее перед лицом и развернулся к остальным.

– Бу-уу!

– Да пошел ты, Берт! – отрезала Кэти.

Берт с обиженным видом опустил маску. Он повесил ее обратно, потянулся за ружьем на стене и раскрыл приклад. Направил ствол к свету и заглянул внутрь. Джекки смотрела, как он повесил ружье обратно на стенные крючки. Ее взгляд упал на винтажный нож, который он носил в ножнах на бедре. Берт подошел к старинной конторке и стал выдвигать и задвигать ящики.

– Эй, здесь есть коробка с патронами, – он достал коробку и посмотрел на ружье, висевшее на стене.

– Оставь их в покое, Берт, – сказал Стивен.

Все посмотрели на него.

– Просто не трогай ружье, ладно?

Берт наклонил голову, продолжая удерживать взгляд Стивена. Джекки ощущала дух соперничества, возникший между ними. Берт убрал коробку, но атмосфера в комнате изменилась.

Джекки переключила внимание на Стеллу, изучавшую резные фигурки на каменной шахматной доске. Она брала их одну за другой и пристально рассматривала. Каждая фигурка немного отличалась от остальных.

Дебора сидела на диване, подняв ногу с перевязанной лодыжкой. Бледная и молчаливая, она пыталась есть суп. По словам Стивена, у нее было растяжение, но не очень сильное. Если наложить компресс и держать ногу повыше, опухоль скоро пройдет. Дебора почувствовала, что Джекки смотрит на нее, и встретилась с ней взглядом.

Где я видела тебя и эту татуировку с ласточкой, Дебора Стронг? Почему я помню тебя как Катарину? Я откуда-то знаю тебя, и ты знаешь об этом. Ты не та, за кого себя выдаешь. Что ты скрываешь? Почему ты так разнервничалась, когда я упомянула о твоей татуировке?

Потом до нее дошло. Это было как удар молнии, высветивший темное прошлое, – то самое прошлое, которое плавно вписывалось в орбиту Дэна Уитлока. Она точно помнила, кем была Дебора Стронг. Ее звали Катариной. *Катарина Василева по прозвищу «Кити Кэт».* Молодая проститутка. В то время она была очень юной. Вытатуированная ласточка и размышления о Дэне Уитлоке пробудили глубоко захороненные воспоминания. У Джекки сильно забилось сердце, крошечные иголки закололи кожу. Она обвела взглядом остальных, пытаясь вписать их в эту головоломку. Но, словно при сборке кубика Рубика, как только она выстроила цельную картину с одной стороны, другие аспекты головоломки распались на части.

Моника и Натан сидели рядом на диване; оба выглядели напряженно. Еще на причале Джекки определила, что супруги из Торонто давно знакомы с доктором Стивеном Боденом и что между ними существуют определенные трения. Над верхней губой Моники выступили капельки пота, а Натан не сводил глаз с Берта. Возможно, они тоже когда-то встречались друг с другом.

Джекки переключила внимание на Кэти. Работая в сфере тележурналистики, Кэти освещала множество событий и происшествий. Она могла быть косвенно связана с каждым из присутствовавших в комнате. А как насчет Стеллы Дагер? Женщина-пилот казалась смутно знакомой; это ощущалось в особом выражении ее глаз, в изгибе губ, когда она разговаривала.

Джекки закрыла «Убийство в Восточном экспрессе» и поставила книгу на пыльную полку. Потом она заметила, что книга, лежавшая на кофейном столике, тоже была романом Агаты Кристи. Она нахмурилась, взяла книгу и смахнула пыль с обложки.

«Десять маленьких индейцев».

Этот экземпляр в жесткой обложке был издан в начале 1930-х годов. Могло ли произведение Агаты Кристи быть опубликованным в Северной Америке под таким странным названием? Первоначально роман назывался «Десять негритят», и неудивительно, что в США его

посчитали еще менее приемлемым, чем «Десять маленьких индейцев». В конце концов книга была переиздана под названием «А потом не осталось никого».

Тревожное предчувствие зашевелилось в сознании Джекки, когда появились новые связи и ассоциации. Она снова посмотрела на Стеллу. Женщина держала в руке резную фигурку и, в свою очередь, странно смотрела на Джекки.

Джекки раскрыла обложку, и на каменный пол слетел листок бумаги. Она наклонилась, подняла листок и поднесла его к лампе, чтобы прочитать напечатанный текст.

Это было стихотворение.

Девять лгунишек на самолет попросим,
Один опоздал, и их осталось восемь.
Восемь лгунишек вошли в лесную сень,
Один увидел правду, и их осталось семь.
Семеро лгунишек нашли дурную весть,
Один не удержался, и их осталось шесть.
Шестеро лгунишек старались выживать,
Один судью увидел, и их осталось пять.
Пятеро лгунишек не могли жить в мире,
Один топор увидел, и стало их четыре.
Четверо лгунишек ушли в лес, но смотри —
Одного зарезали, и их осталось три.
Трое лгунишек не нашли покоя,
Один повесился, и их осталось двое.
Двое лгунишек ударились в бега,
Одному – пуля, другому жизнь дорога.
Последний лгунишка решил, что победил,
Ведь в конце остался только он один.
Но может быть… не должен остаться ни один.

Взгляд Джекки упал на фигурки.

Чтоб меня!

– Дайте мне, – резко обратилась она к Стелле и протянула руку за фигуркой.

Все уставились на нее. Снаружи хлопали ставни. Еще одно обугленное бревно свалилось на решетку, послав в комнату клуб дыма.

Джекки тщательно осмотрела фигурку. Она сидела на низком каменном карнизе перед камином, спиной к огню. Подавшись вперед, она стала брать каждую фигурку по очереди и изучать их.

Девять фигурок. Девять лгунишек.

– Это отвратительно, – сказала она вслух. – Какое-то умственное извращение.

– В чем дело, Джекки? – спросил Натан. – Что вы видите?

Она встала и взяла листок бумаги со стихами. Потом прочитала их заново.

– «Девять лгунишек на самолет попросим, / Один опоздал, и их осталось восемь… Последний лгунишка решил, что победил, / Ведь в конце остался только он один», – закончила она.

Их глаза поблескивали в свете пламени, лица были напряженными и бледными. Они молчали.

– Это из романа Агаты Кристи, – сказала Джекки. – Эта бумажка была заложена в книгу с историей о группе незнакомых людей, которых безымянный хозяин пригласил на свой уединенный остров. Потом они все умерли, один за другим.

– Потому что это было для них наказанием, – добавила Дебора. – Я видела телесериал.

– Да, – согласилась Джекки. – Один из персонажей, которого называли «судьей», считал, что они избежали справедливого наказания. Поэтому он убивал их одного за другим, – она указала на резные фигурки. – Смотрите, на доске стоит восемь фигурок. Но есть еще одна, – она взяла другую фигурку, лежавшую на столе рядом с доской. Ее «голова» была отрезана. – Это девятая фигурка. В стихотворении говорится о девяти лгунишках; значит, это Дэн Уитлок, – она помахала безголовой фигуркой.

– Почему? – спросил Берт.

– Потому что он остался без головы, дурачина, – сказала Джекки.

Берт злобно насупился.

– И что с того? Какого дьявола это может означать?

– Дэн мертв, – просто ответила Джекки.

В комнате наступила тишина, если не считать глухого тиканья антикварных часов. Затем Кэти вскочила со стула.

– Вы этого не знаете! – пронзительно вскрикнула она и махнула рукой в сторону шахматной доски. – Это… это просто нелепо! Вы не

могли знать заранее, так что все это ложь.

Она с горящими глазами повернулась к остальным и ткнула пальцем в Джекки.

– Скажите ей. Скажите, что она сумасшедшая.

– Разве? – спросила Дебора.

Все повернулись к ней.

– Как иначе объяснить все, что случилось? Наше приглашение, этот дом, координаты GPS, картина наверху, напечатанное стихотворение, вложенное в старый роман Агаты Кристи? Книгу специально оставили на столе рядом с шахматной доской, чтобы мы обратили на нее внимание.

– Нас всех за что-то наказывают, – тихо пробормотала Моника с отстраненным взглядом. – Каждого из нас выманили сюда, завлекли потенциально выгодными контрактами для нашего бизнеса, сыграли на нашей алчности. А теперь мы заперты здесь ради… ради какой-то чудовищной игры, придуманной с определенной целью. И этот стишок в книге Агаты Кристи – не единственный в доме. В ванной есть стих о грешниках, которые покрывают ложью свои дела и должны раскаяться в содеянном, – она указала нетвердой рукой на доску с резными фигурками. – Те, кто это сделал, потратили массу времени и средств. Они психопаты, и они собираются нас убить. Одного за другим, как в книге. И я готова поспорить, что Джекки права и Дэна Уитлока больше нет в живых.

Кэти расплакалась.

Стивен вскочил с места.

– Да ладно, кому нужны такие театральные эффекты? Это, – он указал рукой на резные шахматные фигурки, – вы хотите сказать, что это инсценировка реального убийства? Очнитесь, ради всего святого! Никто не собирается умирать. Вернитесь к действительности. Это… это больше похоже на какой-то розыгрыш.

– Вы говорили с кем-нибудь из концерна RAKAM, Стивен? – спросила Моника.

Он сверкнул глазами на нее.

– Ну а вы?

– Я говорила с Амандой Ганн. Она была моим контактным лицом.

Моника повернулась к остальным.

– А как насчет вас? Здесь есть человек, которому приходилось встречаться с другими представителями RAKAM, кроме Аманды Ганн?

Никто не ответил. Ветер завывал на заднем дворе, и дом тихо поскрипывал. Языки пламени в камине и керосиновых лампах раскачивались из стороны в сторону.

– Возможно, за этим стоит Аманда, – предположил Берт.

– А может быть, какой-то анонимный человек из RAKAM просто нанял ее по электронной почте, а она, в свою очередь, связалась с нами от лица этого так называемого концерна?

– У RAKAM есть сайт, – сказал Берт. – Я проверил.

– Верно, – сказала Джекки. – Сайт, набитый красивыми фальшивками, отредактированными в монтажных программах. Такие же картинки есть в фальшивых буклетах, которые нам разослали по электронной почте.

Стивен выхватил телефон из кармана и попытался открыть страницу в сетевом приложении.

– Здесь нет приема, Стивен, – сказала Моника. – На этот раз у тебя не получится настоять на своем.

Стивен испепелил ее взглядом.

– К чертовой матери, – буркнул он. – Я пошел спать.

Он направился к лестнице.

– Лучше запри свою дверь, Стивен! – крикнул Натан вслед хирургу, пока тот с шумом поднимался по лестнице.

– Нам всем лучше запереть двери, – почти неслышно прошептала Дебора, когда ее взгляд жестко скрестился со взглядом Джекки.

И, судя по выражению бледно-голубых глаз женщины, Джекки осознала, что Дебора, или Катарина Василева по прозвищу «Китти Кэт», наконец-то поняла, где они встречались в прошлом.

Поиск

Келли

31 октября, суббота

– Мы нашли рухнувший самолет, папа. Это желтый «Хэвиленд», – Бенни говорил с набитым ртом, потому что откусил кусок пиццы. Келли решила не поправлять сына; она была рада смотреть и слушать, как он разговаривает с отцом. Кафе, где подавали жареных цыплят, было уже закрыто, когда они вдвоем наконец преодолели снежный буран и въехали в Сильверкрик, находившийся примерно в часе езды от Клуэйн-Бэй через горный перевал. Густой снегопад начался на перевале после того, как они оставили Мэйсона и Оскара заведовать продолжением операции на реке Таксис. Поездка продолжалась гораздо дольше обычного из-за погодных условий. Из-за этой задержки Келли снова подвела Бена, поскольку обещала ему ужин с жареными цыплятами, когда они приедут к его отцу.

– Я тоже помог, папа. Мама мне разрешила, – Бен быстро покосился на нее. Келли улыбнулась и кивнула, чтобы он продолжал говорить.

– Когда Оскар и остальные вытащили «Хэвиленд» из реки на канатах и круглых штуках, он был перевернутый и весь *раздавленный!* Поплавков не осталось, а одно крыло совсем оторвалось. А женщина-пилот была *совсем мертвая*, – он еще раз взглянул на свою мать. – Я слышал, как они говорили, что у нее нож в шее.

Бенни наблюдал за лицом отца, ожидая его реакции. Глаза Питера были широко открыты. Он как будто смотрел на сына и, наверно, даже слышал его слова, но никак не реагировал. В отличие от пациента в коме, который находится в бессознательном состоянии и как будто погружен в глубокий сон, у Питера были циклы сна и бодрствования. Он открывал глаза, самостоятельно дышал, кашлял и чихал. Его пальцы дергались. И, несмотря на тяжелую травму мозга, Келли была

убеждена, что видит искорки жизни в глазах Питера, когда Бенни говорит с ним.

Он полулежал на больничной кровати. Но сегодня утром он казался более изможденным и худым, чем обычно. Его кожа в отсутствие солнечного света стала бледной, почти полупрозрачной. А раньше он был таким бодрым и загорелым! У Келли ныло сердце.

На экране телевизора, свисавшего с потолка в углу, шел фильм «Белый Клык». Снаружи было темно, и Келли видела их отражения на оконном стекле, в мерцающем голубом свете телеэкрана. Маленькая семейная палата. Отдельная комната с телевизором. Келли не знала, как долго они еще смогут оплачивать эти маленькие привилегии. Ее сезонная работа проводником в туристической компании продолжалась с мая до конца октября. Зимой она занималась административной деятельностью, но, не имея никаких дальнейших перспектив, подумывала о поисках более привлекательной работы. Питер был лесником, и средства, выплачиваемые по страховке за его инвалидность, позволяли только сводить концы с концами. Она провела рукой по волосам и сняла резинку, стягивавшую их сзади. Из-за нее у Келли разболелась голова. Тело ломило от усталости. Любые поисково-спасательные работы проводились на волонтерской основе. Это была их общая страсть с Питером, дававшая ей возможность работать на природе вместе с единомышленниками даже в самое неудобное время. Ей приходилось принимать непростые решения, а следующие решения должны были стать еще труднее.

Она внимательно следила за реакциями на лице Питера, пока их сын болтал о школе, о пропущенной вечеринке на Хэллоуин, о смешном щенке, которого взял к себе домой его друг. В душе она знала, что Питер слушает, верила в это всеми фибрами своего существа. Питер хорошо реагировал, когда терапевт тихо напевал ему; она видела это в его глазах. Ему нравились детские фильмы с погонями и приключениями.

Поэтому она и платила за телевизор, установленный в этой больничной палате.

Келли наклонилась и взяла мужа за руку. Его кожа была прохладной, ногти ровно подстрижены. Ее сердце сжалось от сладостно-горьких чувств. Эта рука помогала ей подниматься на разные горные вершины. Она была такой мозолистой, такой сильной.

Она нежно погладила тыльную сторону его ладони подушечкой большого пальца и заговорила:

– Не беспокойся, Питер. На самом деле Бен не видел мертвого пилота, – она посмотрела на сына. – Он в основном помогал управлять ситуацией, когда мы находились на командном пункте, – она улыбнулась Бену. – А когда Оскар сообщил о находке, мы поехали туда на квадроциклах. Сейчас Оскар принял руководство на себя, пока они будут ждать прибытия судебного следователя и криминалистической группы, которые займутся извлечением тела. Но мы с Бенни не хотели пропустить визит к тебе, поэтому Оскар отослал нас. – Она сделала паузу. – Он передает тебе привет… они все болеют за тебя и ждут, когда ты вернешься.

Келли застыла. Показалось ли ей, что Питер сжал ее руку? Ее пульс участился, и она посмотрела ему в глаза.

– У нас новый полицейский, па, – Бен отодвинул коробку с пиццей и взял пакет сока. – Он ехал за нами на квадроцикле. Такой же здоровый, как офицер Тед, только еще выше. И волосы у него черные, а не желтые, как у Теда.

Келли ощутила странное стеснение в груди. Она не рассказала Питеру о новом сержанте, который отправил разбившийся самолет в последнее плавание через пороги реки Таксис. Не сказала ему, как ей забавно, что закаленный городской коп из отдела тяжких преступлений совсем не ориентируется в дикой глуши и боится высоты. До несчастного случая с Питером они бы в такой вечер открыли бутылку вина после того, как Бен отправился бы в постель. Они бы сидели у огня, смеялись и шутили насчет разных забавных случаев во время поисков. Будучи опытными скалолазами, получавшими удовольствие от покорения высот, они бы, конечно, не упустили случая позабавиться над испуганным копом. И над тем, из каких глубин он появился. Как и в полиции, в поисково-спасательной службе был свой запас специфического черного юмора и неприличных шуток. Везде есть борьба за власть.

А после они бы просто сидели, обнявшись. И потом, может быть, занялись бы любовью.

Но что-то удержало ее от упоминания имени Мэйсона Денье.

– Теперь это уголовное расследование, – объяснила она Питеру. Внезапно ее пронзила дрожь беспокойства. Кажется, он стал еще

бледнее и его щеки ввалились еще сильнее?

Это игра света. Я позволяю своему воображению слишком много вольностей. Мне нужно оставаться бодрой и собранной, ради Питера и Бена. Им обоим нужно верить, что скоро мы снова станем нормальной семьей.

– Да, – Бен энергично кивнул головой в зеленом парике, который он опять напялил, хотя дождь и снег давно смыли краску с его лица. Это придавало ему эксцентричный и вместе с тем скорбный вид. – Какой-то гад это сделал, но полиция прихлопнет его, – он хлопнул в ладоши. – Вот так! И я помогал.

Келли ощутила прилив любви и гордости за сына, как будто он в самом деле имел к этому какое-то отношение. Она мысленно взяла на заметку, что нужно внушить ему более ответственное отношение к своей работе. Пусть он почувствует себя членом команды.

– Надеюсь, следователь вскоре установит личность погибшей, – сказала она, взяв пиццу и без особого удовольствия прожевав очередной кусок. – Или они найдут что-нибудь важное.

Кто-то вошел в палату у нее за спиной; она увидела отражение в оконном стекле.

– Миссис Саттон?

Келли оглянулась.

– Доктор Стюарт? – она быстро поднялась на ноги и отложила недоеденную пиццу. – Я… не ожидала сегодня вечером вас увидеть…

Он улыбался, но что-то болезненно сжалось у нее внутри, пока она смотрела ему в лицо.

– В чем дело?

– Можно вас на минутку? – он взглянул на Бена. – Мы выйдем в коридор, а медсестра присмотрит за Бенджамином.

– Я… да, разумеется. Бен, я скоро вернусь, хорошо? – Она помедлила. – Не начинай чизкейк без меня, слышишь? – она сделала строгое лицо.

– Ну конечно, мам, – он покачал ногами под стулом, глядя в телевизор.

Келли прошла за врачом в семейную приемную.

– У Питера осложнения, Келли. Я только что получил результаты последних анализов крови, и есть признаки, что бактериальная инфекция в его крови не реагирует на терапию. Мы переводим его на

более сильные внутривенные антибиотики, но если ночью его состояние ухудшится, нам придется перевести его в реанимацию, где можно тщательнее следить за показателями жизнедеятельности.

Ее словно кипятком обожгло.

Только не снова.

Они уже дважды прошли этот путь. Инфекции. Пребывание на больничной койке в вегетативном состоянии влекло за собой всевозможные риски, особенно если это продолжалось больше года. Но каждый раз Питер справлялся с болезнью.

– Он сильный, – сказала она.

– Да, он такой.

– Вы или кто-то из сотрудников позвоните, если что-то изменится? Я… сняла номер в мотеле из-за непогоды, так что мы будем рядом.

– Разумеется.

Келли поблагодарила врача, и он вышел из коридора. Она посмотрела ему вслед, потом медленно подошла к окну, выходившему на автостоянку перед больницей. Снежинки танцевали в мягком сиянии под островками фонарей. Тихое и прекрасное зрелище. Но еще и коварное. Она подумала о напряженной четырехчасовой поездке через горный перевал из Клуэйн-Бэй в этот городок, где имелась нормальная больница со специальными условиями для ухода за такими пациентами, как Питер. Потом жестко потерла лицо обеими руками.

Несчастный случай с Питером произошел год и два месяца назад. В первые дни она не знала, сможет ли он выйти из комы. Две недели он находился на грани. Потом вышел из комы: ее восторги и надежды воспарили до головокружительной высоты. Но потом она узнала, что, хотя Питер может открывать глаза и, возможно, как-то воспринимает окружающий мир, но не в силах ни на что реагировать из-за серьезной травмы мозга. По словам врачей, он находился в вегетативном состоянии. И она камнем упала с небес на землю. А теперь… это могло продолжаться долгие годы. Она читала о полицейском на Ванкувер-Айленд, который провел более тридцати лет в таком состоянии после прямого столкновения с другим полицейским автомобилем на высокой скорости. Наверное, ей и Бену стоило бы переехать в Сильверкрик, чтобы постоянно находиться рядом с Питером. Но это означало бы, что Бену придется расстаться со своей

школой и его друзьями, покинуть их тесную общину. Расставаться с группой SAR Келли было так же тяжело, как с семьей. Ее самое горячее желание заключалось в том, чтобы Питеру стало лучше и он смог вернуться домой. Это было *возможно*, – она хотела верить. Это могло случиться в любой день, совершенно неожиданно. В одно прекрасное утро он мог очнуться и заговорить с ними. Какой смысл в переезде, если Питеру вдруг может стать лучше? Возможно, ей стоит пожить здесь на съемной квартире и посмотреть, как Бен сможет справиться самостоятельно.

Келли собралась с силами и вернулась в больничную палату.

– Как тебе кино? – спросила она у Бена.

– Нормально. Теперь можно съесть чизкейк?

– Конечно, – она положила руку на лоб Питера. По крайней мере, сегодня они переночуют в мотеле по соседству. А завтра наступит воскресенье, и Бену не надо будет в школу. Если понадобится, они останутся на целую неделю, а потом ее сын наверстает упущенное.

– Мам, если мы останемся в городе, то сможем сходить в боулинг? – спросил Бен, снимая пористую пленку с упаковки чизкейков.

– Конечно, – она попыталась улыбнуться, несмотря на подступающие слезы. Бен посмотрел на отца.

– Мне бы хотелось, чтобы папа пошел с нами.

Она кивнула.

– Мне тоже, сынок. Мне тоже.

* * *

Когда Бен, приняв душ, уже уснул на кровати в номере мотеля, Келли все еще сидела в полутьме на другой кровати.

Она чувствовала себя безмерно одинокой. Это было глупо, потому что у нее был Бен и много других хороших людей. Друзей. Коллег. Все они поочередно посещали Питера, как и парни с ее работы. Не было такого дня, чтобы кто-нибудь не сидел возле его кровати. И это что-то значило.

Она мысленно вернулась к мертвой женщине-пилоту, к растерзанному трупу с ножом в горле. Кем она была?

Как она попала туда?

Был ли у нее кто-то близкий, ожидавший ее возвращения домой?

Келли спустила ноги с кровати и проверила, как там Бен. Он крепко спал. Она подтянула одеяло к его подбородку и на цыпочках вышла из комнаты. Потом прошла по коридору к оконной нише возле лестничного колодца. В Сильверкрике работала сотовая связь, поэтому она набрала с мобильного стационарный домашний номер Оскара. На звонок ответили после третьего гудка.

– Алло?

Келли немного приуныла. Это была девушка Оскара, Мелинда.

– Привет, Мел, это Келли. Оскар вернулся после вызова? Я надеялась услышать, что ребята кое-что выяснили насчет пилота.

– Он еще не вернулся, но я встретилась с Хабб в кафе около часа назад, и она сказала, что Оскар со своими техниками везет к реке следователя с криминалистами из группы опознания. Они хотят успеть сегодня, поэтому ставят палатки, пока снег не замел все следы. Хабб сказала, что следователи из департамента транспортной безопасности прилетят завтра утром.

– Пока неизвестно, кто управлял самолетом?

– Еще нет.

– Спасибо, Мел. Завтра я позвоню Оскару.

– Вы с Бенни ночуете в Сильверкрике?

– Да. Возможно, мы останемся здесь на день-другой.

– Это из-за Питера или перевал завалило снегом?

– У Питера очередная инфекция. Впрочем, я недавно получила уведомление, что дорога перекрыта из-за аварии.

– Мне очень жаль, Келли.

Ее слова что-то надломили у Келли внутри. Она судорожно вздохнула и откинула волосы, упавшие на лицо, не в силах ничего сказать, – по крайней мере, чтобы не выдать свое состояние.

– Ты в порядке, подруга?

Нет. Я совсем не в порядке. На самом деле, это продолжается уже давно, но я не сознавала, какую цену мне приходится платить.

– Да, все нормально, – она постаралась изобразить бодрый тон. – Просто интересно, как обстояли дела с расследованием после моего отъезда.

Она отключилась. В любом случае теперь это было полицейское расследование.

Келли вернулась в свой номер. Бен продолжал спать, тихо посапывая. Она молча смотрела на его профиль и уже не в первый раз думала о том, что он становится все больше похожим на Питера. Слезы жгли ей глаза. Она тихонько поцеловала сына в щеку и испытала мимолетное ощущение вины за свой интерес к расследованию Мэйсона.

Поиск

Мэйсон

2 ноября, понедельник

Мэйсон смотрел, как патологоанатом Калеб Скиннер откидывает простыню. Тело покойной лежало на стальном столе. Пилот Джейн Доу[7]. Женщина среднего роста, около пятидесяти лет или чуть за пятьдесят. Подтянутая, с хорошо развитой мускулатурой. Скиннер провел аутопсию сегодня утром. Зашитый Y-образный разрез резко выделялся на фоне бледной, помертвевшей кожи.

Мэйсон пришел в морг, находившийся в подвальном помещении больницы Сильверкрика, чтобы выслушать предварительный отчет Скиннера и приобщить к числу вещественных доказательств орудие убийства, одежду пилота и все, что могло быть обнаружено на теле покойной. Отдел тяжких преступлений Северного округа RMCP официально возглавил расследование. Главным следователем был детектив Горд Филдинг из штаб-квартиры Северного округа в Принс-Джордже, работавший в сотрудничестве с Мэйсоном, полицейскими из Клуэйн-Бэй и группой экспертов-криминалистов. Департамент транспортной безопасности тоже вел расследование, что было обычным делом в случае авиакатастроф. По мере поступления новой информации могла потребоваться помощь полиции из других регионов.

У покойной не было ни удостоверения личности, ни бумажника – только пострадавший от воды мобильный телефон в заднем кармане джинсов. Телефон уже находился в руках криминалистов, которые пытались восстановить данные. В разрушенном самолете до сих пор не было обнаружено регистрационного списка, других документов или грузов. Не было и признаков наличия других пассажиров. Оставалась возможность, что вещи могли быть выброшены за пределы гидроплана при крушении или дальнейшем сплаве по речным порогам. Техники

SAR вместе с полицией и группой K9 продолжали поиски вдоль берегов реки.

Мэйсон наклонился, чтобы лучше видеть, куда указывал доктор Скиннер.

– Две входные раны на шее, – сказал патологоанатом. – Первый разрез согласуется с размером и формой клинка, обнаруженного в другой ране.

– Значит, первая рана была неглубокой?

Скиннер кивнул.

– Тоже нисходящая траектория, но под немного иным углом. – Он поднял руку над головой, стиснув в кулаке рукоятку воображаемого ножа, и опустил невидимый клинок быстрым колющим движением.

Мэйсон приподнял бровь при виде такого энтузиазма в наглядной демонстрации.

– Второй, более мощный и направленный удар был нанесен выше и сбоку, примерно вот так, – Скиннер снова энергично продемонстрировал удар и воткнул невидимый клинок поглубже.

– Значит, нападавший стоял над ней, – сказал Мэйсон, изучая рану. – Либо она дернулась, либо нападавший немного изменил позицию после первого удара.

Он окинул взглядом видимую часть тела и сосредоточил внимание на левой руке.

– Похоже на рану, полученную при защите, а? – он указал на разрез на тыльной стороне левой руки трупа.

– Рана была нанесена перед смертью, поэтому жертва могла защищаться. Характер пореза также согласуется с загнутым лезвием ножа «Скрэйд».

Мэйсон присмотрелся к рукам женщины. Ее чистые ногти были очень коротко обрезаны и не имели следов лака. Единственным украшением были серьги в виде крошечных серебряных колечек. И она носила часы марки «Гармин». Ее светло-серебристые волосы были пострижены в модном ультракоротком стиле. По какой-то причине такая стрижка у Мэйсона ассоциировалась с дизайнерами и архитекторами.

Он поднял ее холодную правую руку и повернул к свету. Никаких травм. Тогда он взялся за левую руку и увидел порез на ладони.

– Тоже защищалась? – спросил он.

– Да, и опять-таки рана согласуется с типом клинка.

Он вспомнил слова Келли.

Их называют «пробойниками» из-за агрессивно загнутого кончика лезвия.

Мэйсон попробовал вообразить сцену: пилот находится в кресле и понимает, что на нее собираются напасть. Она вскидывает левую руку, чтобы защитить лицо, и правую, чтобы заблокировать нападающего. Он снова посмотрел на ее лицо. Бескровная рваная рана на ее щеке снова открылась.

– Это посмертная травма, – сказал Скиннер.

Мэйсон кивнул, испытывая слабое чувство вины. Перевел взгляд на волосы погибшей.

– Натуральная блондинка или седая? – спросил он.

– Ни то, ни другое. Пилот Доу была брюнеткой; это можно видеть по корням волос, – Скиннер указал пальцем. – Но могла пробиваться естественная седина, и, возможно, она красила волосы, чтобы скрыть это.

Мэйсон пожевал щеку изнутри, размышляя об этой ничтожной дани тщеславию. Краска плюс крошечные сережки. Все остальное свидетельствовало о строгой дисциплине и функциональности – от коротко обрезанных ногтей до короткой стрижки и отсутствия других украшений.

– Другие травмы? – спросил он.

– Посмертные сотрясения от ударов, переломы большой и малой берцовой кости.

– Значит, все посмертные травмы были получены, когда мертвое тело рухнуло в водопад вместе с остатками гидроплана?

Скиннер кивнул. Мэйсон внутренне поморщился.

– Стало быть, фактической причиной смерти была…

– Потеря крови, – закончил Скиннер. – Первая рана была не смертельной, но вторая рассекла сонную артерию. Она быстро истекла кровью.

Мэйсон взглянул в темные глаза доктора Скиннера под тяжелыми веками. У врача было узкое лицо, кожа оливкового оттенка и густые черные волосы. Рост шесть футов два дюйма, такой же, как у Мэйсона. Он подумал, что фамилия Скиннер была не слишком удачной для патологоанатома[8].

Он повернулся к телу, лежавшему на столе, и медленно обошел вокруг, продолжая размышлять.

Кто ты?

Ты находилась в воздухе и управляла самолетом, когда на тебя набросился убийца с ножом? Был ли он пассажиром? Почему гидроплан не зарегистрирован? Откуда он взялся? Куда ты летела – в условленное место, чтобы забрать груз? Или ты недавно выгрузила его? Возможно, он пропал в реке.

Мэйсон чувствовал, что недалек от истины. Он был почти благодарен этой неизвестной летчице за то, что она спасла его от ощущения некомпетентности и придала ему энергии, чтобы встать с постели сегодня утром. За то, что теперь ему не придется то и дело возвращаться к мыслям о себе и о своей утрате. Или о призраках прошлого, которые последовали за ним даже сюда.

Он пошел к стойке, где лежал пакет с вещественными доказательствами: нож «Скрэйд», ее серьги, часы и одежда.

Если она включила следящую функцию GPS на своих часах, то техники могли бы добыть информацию о ее передвижении.

Она носила дорожную одежду популярных брендов; вещи выглядели новыми и не содержали прямых указаний на место покупки. Рубашка Simms с высоким воротником и скрытыми пуговицами, водонепроницаемая куртка North Face. Флисовый джемпер с начесом от Patagonia, джинсы Bauer, нижнее белье Jockey, носки от Icebreaker. Рукой в перчатке Мэйсон взял ее турботинок и перевернул его. Он выглядел новеньким, с минимальным износом на мыске. Девятый женский размер, фирма Merrell. Она носила классический комплект одежды для пребывания на природе. Ему казалось, что все вещи были куплены недавно, как бы специально для поездки. Это было ощущение, а не факт, но он привык доверять своим интуитивным реакциям. Они открывали пути для расследования, обеспечивали необходимые вопросы.

Он снова представил пилота Джейн Доу в этой одежде, сидевшую за приборной доской «Хэвиленда». Загадочная женщина с короткими, обесцвеченными, серебристо-белыми волосами. Способная, тренированная, готовая к перелетам в дикой глуши. Он представил себе громкий звук работающего двигателя. Мобильный телефон в заднем кармане. Что-то здесь было не так.

Задний карман тесно облегающих джинсов – не то место, где женщина обычно держит мобильный телефон. Она сидела на телефоне во время полета. С другой стороны, многие кладут телефон в задний карман, особенно мужчины. Мэйсон представил себе другого человека в кабине самолета, который приближался сзади. Скорее всего, нападавший подходил со стороны прохода между креслами первого и второго пилотов. Мейсон представил, как она поворачивается. Потрясение на ее лице, когда она поняла, что происходит. Она отпустила рычаги управления и вскинула руки, защищаясь. Первый удар ножом: боль, глубокий шок. Паника. Возможно, самолет нырнул вниз. Женщина пыталась отодвинуться и развернуться в тесном кокпите, когда нападавший выдернул нож из раны и нанес более мощный второй удар. Смертельный удар.

Все совершилось почти вплотную. Это было личное дело, грязное и кровавое. В отличие от того, что писали в книгах или показывали по телевизору, убить человека на таком расстоянии было очень трудно, если ты не был обученным убийцей. Для большинства людей это было неестественно. Даже организм восставал против этого. И полицейских тоже не учили убивать. Их учили сдерживать прямую угрозу потенциально смертельной огневой мощью, но они не были тренированными убийцами, как солдаты.

Возможно, это нападение было продиктовано яростью? Какой-то жаркой страстью, преодолевшей голос рассудка? Или нападавший был обученным убийцей, вроде армейского ветерана или спецназовца? Была ли у него отходная стратегия?

Мэйсону не терпелось узнать от специалистов TSB[9], что они могут сказать о механизме крушения самолета.

Он достал нож и внимательно осмотрел оружие. Лезвие казалось тупым, кроме самого кончика. Зарубки по краям, следы окисления. Ножом пользовались в течение долгого времени для выполнения разных задач, но до недавнего времени он лежал без дела, судя по густой патине на клинке из высокоуглеродистой стали.

Нож выглядел агрессивно. Цвет плотных слоев кожаной обмотки, закрывавших рукоять, варьировался от ржаво-бурого до почти черного. Некоторые концы обтрепались и торчали наружу. *Отличная вещь для анализа ДНК,* подумал он.

После встречи с Келли Мэйсон многое узнал о ножах «Скрэйд». Их производили в США уже более пятидесяти лет. Миллионы штук находились в обращении. Из-за своей многочисленности они почти не имели ценности для коллекционеров. Такой нож можно было приобрести за любую сумму от пяти до двадцати долларов. Старые ножи имели хвостовой штамп – отметку на задней части клинка. То, что нападавший оставил свой нож – орудие убийства – в теле жертвы, свидетельствовало о поспешном отступлении. И, судя по всему, убийство произошло без заблаговременного планирования. Это вернуло его к мысли о ярости или о страхе нападавшего, который действовал под влиянием сиюминутного чувства.

– Есть ли способ определить, была ли она убита в то время, когда самолет находился в воздухе?

– Ответ отрицательный, – сказал Скиннер. – Если не считать того, что я не вижу тех травм, которые ожидаю увидеть при крушении самолета. С другой стороны, на этой работе я научился ожидать неожиданного, – патологоанатом потянулся к простыне. – Вы закончили?

Мэйсон кивнул.

Скиннер натянул простыню на лицо пилота Джейн Доу.

– Я видел людей, спасшихся после тяжелой аварии гидроплана, которая по всем признакам должна была убить всех, кто находился на борту. И я слышал несколько сверхъестественных историй о выживании. Например, об одной девушке, которая летела коммерческим рейсом над джунглями Амазонии, когда самолет взорвался в воздухе. Все погибли, но ее кресло вынесло наружу, и она закружилась, пристегнутая ремнями, в десяти тысячах футов над землей, словно семечко, подхваченное ветром. Вращение и форма кресла замедлили скорость ее падения. А потом она приземлилась в плотную массу древесных крон и полетела сквозь лесной полог. По пути она ударялась о ветви, тормозившие ее. Кресло защищало ее от травм. Она несколько недель провела в одиночестве, прежде чем какое-то племя нашло ее и вывело из леса. Все зависит от механики крушения, – патологоанатом вручил Мэйсону планшет с листком бумаги для подписи, – инспекторы TSB должны помочь вам в этом.

Мэйсон поставил подпись.

– Да. Мне хочется выслушать их предварительные соображения по этому поводу, прежде чем они что-то найдут и напишут окончательное мнение. – Он вернул планшет Скиннеру. – Вы направите отчет об аутопсии прямо к Филдингу?

Скиннер кивнул.

Гости в лесном доме

Берт

25 октября, воскресенье

– Карма, – громко сказал Берт, словно пораженный этой мыслью. – Это же *чертова карма*!

Стивен остановился на лестнице и медленно повернулся к ним. Берт, казалось, излучал электричество.

– Разве вы не понимаете?

– Что именно? – спросил Стивен и вернулся к кружку, собравшемуся перед камином.

– Концерн RAKAM… RAKAM – это анаграмма от KARMA.

Сердце Берта билось ровно и тяжело, в такт тиканью антикварных напольных часов. Его взгляд скользнул по полкам с заплесневелыми книгами, потом вернулся к кедровым резным фигуркам на столе, блестевшим в свете пламени. Потом он посмотрел на листок со стихотворением, лежавший рядом с шахматной доской.

Когда они приземлились, он думал, что это какая-то экстремальная забава, безумное приключение. Но теперь…

Он шагнул вперед и схватил безголовую фигурку, которую Джекки поставила на стол, и внимательно осмотрел деревянный срез.

– Совсем недавно отрублена, – заключил он. – Видите эти отметины? Здесь дерево светлое, без признаков старения, с грубыми краями, – он показал остальным.

– Если эта фигурка символизирует Дэна Уитлока, то кто-то знал, что один из нас не попадет на борт, и все подстроил так, чтобы мы здесь кое-что увидели, – продолжал он.

– Это еще не значит, что Дэн Уитлок мертв, – сказала Моника. – Возможно, это намек, чтобы мы испугались.

– Ну, мы определенно не можем узнать, жив он или мертв, верно? – поинтересовался Стивен.

Стелла выпрямила спину.

– Дело в том, что Дэн Уитлок значился в моем списке пассажиров, – сказала она. – У меня на борту есть место только для восьми человек. Если бы Дэн не отказался, то не осталось бы места для Стивена. Берт прав. Кто-то *должен* был пропустить полет. Но, как и Моника, я… просто не могу представить, что он мертв.

– А может быть, он и есть тот самый психопат, который стоит за этим, – сказал Берт. – Возможно, Дэн Уитлок изобразил опьянение, чтобы мы поверили, будто он вырубился в своем номере. А тем временем он выскользнул наружу посреди ночи, испортил рацию, а утром позвонил Аманде и пожаловался на дикое похмелье.

Все замолчали, переваривая эту мысль.

– Стелла, – мягким тоном сказала Дебора. – Как вы могли с самого начала не заметить лишнего пассажира в вашем списке?

– Потому что там *не было* Стивена. Только восемь человек, включая меня.

– А как насчет Аманды? – спросила Дебора. – У нее в списке были и Дэн Уитлок, и Стивен?

– Да, – ответила Стелла. – Но она заявила, что не знала о максимальной вместимости моего гидроплана.

– Значит, вас подставили, – произнес Берт. – Как и всех нас.

– В романе Агаты Кристи убийца был одним из группы людей на острове, – очень тихо сказала Джекки. – Это он убил всех остальных.

– Значит, вы утверждаете, что это *один из нас*? – голос Стивена эхом отразился от сводчатого потолка. Новая порция пыли и мелкого мусора посыпалась с люстры наверху. Натан мрачно воззрился на него. Моника взяла мужа за руку и незаметно сжала ее в качестве безмолвного предупреждения. Берт наблюдал за ними.

Он не доверял Натану.

Особенно теперь, когда началась эта жестокая игра. Натан странно косился на него, когда думал, что Берт этого не видит. Он спрашивал Берта, не встречались ли они раньше.

Напряжение усиливалось.

– Значит, судья в этом романе был настоящим убийцей? – поинтересовалась Кэти.

– Да, – ответила Джекки. – Судья знал, что все остальные смогли безнаказанно уйти от убийства, и он все подстроил. Когда люди прибыли на неведомый остров, они устроили вечеринку в надежде на

то, что появятся хозяева. Вместо этого они услышали запись, где каждого из них обвинили в безнаказанном убийстве.

Она помедлила; желтый свет играл на одной стороне ее лица, другая скрывалась в полумраке. Ее глаза блестели, как кусочки антрацита.

– Это была точка отсчета, – добавила она.

– Вы намекаете, что каждый из нас кого-то убил? – спросила Стелла. Ее голос был странно высоким, и Берт не мог прочитать выражения ее лица.

Тик-ток, тик-ток, сказали часы. Наверху снова хлопнула ставня, и все вздрогнули. Глаза были широко распахнуты, лица побелели. Они сидели как на иголках.

– Нет, это чушь, – сказал Берт. – Я точно знаю, что никого не убивал. Это… это просто безумная идея.

– Если в этом вообще есть какая-то логика, то в худшем случае стишок обвиняет всех нас во лжи, – возразила Джекки. – Девять лгунишек, приглашенных в этот дом.

– Лжецов и грешников, – прошептала Моника. – Если этот стишок, вышитый крестиком в ванной комнате, что-нибудь да значит.

– И наш таинственный хозяин из RAKAM-KARMA хочет добиться справедливости, – добавил Натан. – Если картина с весами Фемиды в комнате Кэти намекает на правосудие.

– Тогда что же мы сотворили? – Джекки обвела взглядом собравшихся. – О чем мы лгали? Кто мог подумать, что каждый из нас совершил тяжкий грех? Каким образом мы – восемь человек в этой комнате – связаны с психом, придумавшим эту затею? Какого человека мы все знаем, но не признаемся в этом?

– Не вижу никакого смысла в идиотских вопросах, – отрезала Дебора. Резкая перемена в ее тоне поразила Берта. Ее глаза горели, она раскраснелась. – Вы просто принимаете это как факт, – она махнула рукой в сторону фигурок на шахматной доске. – А может быть, этого нет и в помине! Может быть, все вы испытываете вину, которая заставляет вас думать, что вас наказывают за ваши грехи!

– Чудовище поднимается изнутри, – прошептала Моника.

– Что? – спросила Джекки.

– Да нет, ничего.

Стивен медленно опустился рядом с Деборой. Тело хирурга было напряженным, как струна. Берту казалось, что он находится на волосок от нервного срыва. Он бы не рискнул сейчас пройти рядом с ним без оружия.

– Послушайте, – сказала Стелла. – Ответы на эти вопросы могут помочь нам выбраться отсюда. Нам нужно знать, с чем мы столкнулись.

Берт посмотрел на потолок, потом обвел взглядом стены с уродливыми масками и картинами. На какой-то безумный момент ему показалось, что повсюду находятся скрытые камеры, и все это напоминает фантасмагорическое реалити-шоу, в котором их обманом заставили участвовать. Возможно, через несколько дней сюда ворвется съемочная группа, и им предложат кучу денег, если они согласятся еще немного повалять дурака в живом эфире.

Или это его мозг пытался найти выход из положения, увидеть за этим нечто иное, нежели кошмарный план убийства их всех, одного за другим? Он заглянул в прошлое, пытаясь вспомнить, что он мог сделать такого, что могло бы заманить его в эту безумную игру. О чем он лгал?

Было время – да, больше десяти лет назад, – когда Берт работал на мутных личностей. На людей его брата, в основном байкеров и их пособников.

Берт работал механиком и получал деньги наличными под столом. И он никогда не задавал вопросов о тех, кто предлагал работу. Иногда автомобили находились в розыске. Иногда ему приходилось срочно перекрашивать их. Или разбирать ворованные авто. Иногда работа была оптовой, иногда штучной. Но он мог требовать высокую плату за секретность, поэтому отлично зарабатывал без всяких налогов. Они со старшим братом потеряли родителей в ранней юности и были бедными детьми, искавшими способы выживания. Эта подпольная работа была для Берта как раз таким способом. А когда он отцепился от этого дела и подсчитал свой доход, то купил два челночных автобуса. Потом третий автобус, потом такси. И стал нанимать водителей. Это было началом его фирмы Executive Transit. Дело пошло на лад, и он оставил за спиной свое сомнительное прошлое. Так в чем же дело? Неужели карма каким-то образом настигла его?

Взгляд Берта снова уперся в Натана. Слова этого парня за ужином взбудоражили его.

Я вас знаю? Мы встречались раньше?

Берт сказал, что он так не думает.

Но теперь, в новом контексте, он начал глубже вникать в смысл невинного вопроса, заданного Натаном. Мог ли Натан Макнил быть как-то связан со знакомыми его брата? Берт не представлял, какое отношение профессор микологии мог иметь к подобным вещам.

Мог ли я что-то починить для Натана на своей новой работе?

Что-то ткнулось в выцветший край его памяти и уплыло прочь.

– Джекки права, – тихо сказал Берт. – Нам нужно выяснить, не пересекались ли наши пути в прошлом. Нужно рассказать, о чем мы лгали, и посмотреть, как это может быть связано.

– Я не лгунья, – заявила Кэти и высморкалась.

– Все лгут, – возразила Дебора. – А если вы утверждаете обратное, то лжете нам в лицо.

Стивен расправил плечи.

– Как вы смеете…

– Это не поможет, Стивен, – предупредила Моника.

– Ну, ладно, – сказал Берт. – Начнем с меня. Натан, вам показалось, что мы с вами могли быть знакомы. Чем больше я думаю об этом, тем больше мне кажется, что это так, но я не помню, где это было, – он помедлил, опасаясь темных видений из прошлого. – Я работал механиком в Бернаби, пока не основал собственную транспортную компанию. Стыдно говорить об этом, но я выполнял неофициальные заказы и получал деньги под столом за ремонт автомобилей, которые находились в розыске, – он посмотрел Натану в глаза. – Есть ли вероятность, что я выполнял какую-то работу для вас?

Кровь отхлынула от лица Натана. Моника потянулась к руке мужа и крепко сжала ее. Стивен хранил зловещее молчание.

Берт был не единственным, кто заметил эту цепную реакцию. Он видел, что Дебора тоже наблюдает за этой троицей, а Стелла и Джекки обменялись взглядом.

– Я никогда не заказывал услуги автомеханика в Бернаби, – сказал Натан.

– Вы с Моникой жили в Китсилано, да? – обратилась Кэти к Натану. – Я знаю это, потому что, когда я работала на телевидении,

Моника часто фигурировала в новостях, когда организовывала мероприятия для благотворительного детского фонда. И Стивен тоже. Вы находились в совете этого фонда, верно, Стивен?

Хирург откашлялся.

– Это была хорошая реклама частной хирургической клиники.

Кэти вытерла нос гигиенической салфеткой.

– Натан, где вы преподавали до переезда в Торонто?

Поколебавшись, Натан тихо ответил:

– В университете Саймона Фрейзера.

– Это в Бернаби, – заметил Берт. – Я работал в Бернаби.

– Как и половина жителей Лоуэр-Мэйнленда[10], – резко сказал Стивен. – Это ничего не доказывает.

– Нужно мыслить шире; только так мы сможем установить связи, – возразила Стелла. – Что еще нам остается делать?

– Натан, Моника, так вы знакомы со Стивеном по прежним временам? – спросил Берт.

– Конечно, знакомы, – сказала Джекки. – Я слышала их разговор перед посадкой на самолет. Натан напомнил Стивену, что они встречались на благотворительном ужине.

Стивен снова откашлялся.

– Все верно. Как и сказала Кэти, я заседал в совете благотворительного фонда и какое-то время регулярно посещал всякие общественные мероприятия. Там я познакомился с Моникой, а немного позже и с Натаном.

Моника заметно покраснела. Берт присел на подлокотник дивана рядом с ней и Натаном.

– Кто еще был знаком друг с другом до этой поездки? – поинтересовался он.

– Я раньше видела Дебору, – отозвалась Джекки. – Мне знакома татуировка в виде ласточки у нее на запястье. Я разговаривала с ней и узнала ее голос.

Все головы повернулись к Деборе. Та сидела неподвижно, как камень, упершись взглядом в Джекки.

– Дебора, – мягко сказала Стелла. – Откуда вы знаете Джекки?

– Я не знаю ее, – голос женщины звучал твердо, но ее руки дрожали, и она уперлась ладонями в колени, чтобы скрыть это.

– У меня хорошая память на такие вещи, – возразила Джекки.

– Ладно, тогда расскажите, как мы познакомились, – вызывающе произнесла Дебора. – Поскольку я уверена, что вы ошибаетесь.

Джекки смерила ее взглядом; казалось, будто напряжение потрескивает в воздухе. У Берта было тягостное ощущение, что эти двое встречались в прошлом, но никто из них не был готов рассказать, при каких обстоятельствах это произошло. *Наверное, какие-то темные дела. И возможно, именно поэтому они оказались здесь*.

– А как насчет вас, Стелла? – спросил Берт. – Вы узнаете кого-то из нас?

– Ну, я узнаю Кэти, потому что видела ее по телевизору.

Все дружно закивали. Стелла повернулась к Джекки.

– Значит, вы тоже узнаете Кэти, потому что видели ее по телевизору?

– Ну да.

– CRTV – это канал новостей телевещательной компании Британской Колумбии, – сказала Стелла. – Его не показывают в Онтарио. Если вы из Онтарио, то как вы могли знать Кэти в лицо по теленовостям?

Джекки смерила ее долгим взглядом и тихо ответила:

– Я работала в западном Ванкувере. В правоохранительных органах.

– Вы служили в полиции?

– Как и Дэн Уитлок, – Джекки пожала плечами. – Он тоже бывший коп.

– Откуда вы знаете? – спросил Берт.

– Свояк свояка узнает издалека. Это было написано на нем крупными буквами. Кроме того, вчера вечером я сама спросила его. Он бывший сотрудник ванкуверского полицейского департамента, который стал частным сыщиком.

– Полицейский *из Ванкувера*? – Моника, казалось, была ошарашена этой новостью. Она посмотрела на Кэти. – Вы знали Дэна Уитлока, когда он служил в полиции? Вы брали у него интервью в связи с какими-либо преступлениями?

– Я… Боже, я не знаю, – пробормотала Кэти. – Когда я работала на CRTV, то брала интервью у многих полицейских из Ванкувера. Уитлок мог быть одним из них.

– Китсилано, где жили Натан и Моника Макнил, принадлежит к юрисдикции ванкуверского департамента, – сказал Берт. – Здесь тоже есть связь.

– Да, правило шести рукопожатий, – произнес Стивен. – Обязательно найдется кто-то знакомый.

Он осунулся, словно внезапно лишился сил или больше не мог слушать эти расспросы.

– Не удивительно, что те из нас, кто жил в Лоуэр-Мэйнленде, могли в то или иное время пересекаться друг с другом, – добавил он.

– Когда вы ушли из полиции, Джекки? – спросила Стелла. – И почему?

– С меня было достаточно. – Женщина на какое-то время замолчала, глядя на огонь. Берт смотрел на ее профиль. Суровые черты, жесткая женщина. Но в ней есть и что-то уязвимое, подумал он. Если бы он был игроком, то поставил бы на то, что у нее были крупные неприятности на работе. Он также полагал, что она была хорошим сотрудником.

– Вы сразу перешли из ванкуверской полиции в частный охранный бизнес? – настойчиво спросила Стелла.

Джекки глубоко вздохнула.

– У меня была подруга, работавшая в OPP, полицейском департаменте Онтарио. Она ушла оттуда, чтобы основать охранную компанию, и пригласила меня на работу.

– Стало быть, вы прямо перешли из полиции к охранному бизнесу? – Стелла лишь слегка перефразировала предыдущий вопрос.

Джекки прищурилась и посмотрела на Стеллу. Напряжение возросло. Дрова затрещали в очаге, и языки пламени взвились вверх.

– Нет, – ровным голосом ответила Джекки. – Был еще двухлетний промежуток.

– И чем вы занимались в это время?

– Господи, Стелла, – вмешался Стивен. – Что с вами такое? Разве вы не понимаете, что это сугубо личное дело?

– Что со мной такое? – Стелла выпрямилась. – Вся эта чертова ситуация – вот что со мной такое! Я хочу знать, почему *мне* предложили отвезти вас сюда. Отвезти незнакомых людей на фальшивый курорт. Что вы все имеете общего со *мной*? Если я выясню, кто вы такие, это поможет мне разобраться в происходящем, –

в ее серых глазах сверкнул гнев. – И это все, что я хочу сказать о себе, доктор Боден.

Опустилась тишина, нарушаемая лишь тиканьем часов. Потом раздался глухой звенящий удар.

Дебора ахнула, Моника взвизгнула, а остальные подскочили с мест.

Удар прозвучал снова и эхом раскатился в темноте. И снова. И снова. Одиннадцать раз.

– Проклятые часы! – крикнула Джекки. – Берт, какого хрена ты завел эту чертову штуковину?

– Я понятия не имел, что они начнут бить в одиннадцать часов.

Все посмотрели на свои часы. Испуганные и выбитые из равновесия, теперь они с подозрением поглядывали друг на друга. Дрова в камине превратились в кучку углей, и в их небольшой круг начал закрадываться холод. Берт почувствовал, как струйка сквозняка из-под двери вьется змеей вокруг его лодыжек.

Джекки нарушила неловкое молчание, как будто зловещий бой старинных часов подтолкнул ее к искренности.

– После увольнения из полиции и до отъезда в Онтарио я работала за наличные на одного низкопробного частного сыщика, бравшегося за грязные дела от больших сыскных агентств, которые, в свою очередь, брали подряды у лучших юридических контор, где никто не хотел марать свои холеные ручки. И этим низкопробным сыщиком был Дэн Уитлок. Ну как, Стелла, теперь ты довольна? – Она поднялась на ноги и положила листок бумаги со смертоносным стихотворением на стол рядом с шахматными фигурками.

Сердце Берта забилось быстрее, когда он услышал это откровение. Связь была установлена.

Джекки обвела их тяжелым взглядом.

– Мне предложили уволиться из полиции западного Ванкувера. Либо так, либо дисциплинарное взыскание за пьянство, ставшее серьезной проблемой. Я опустилась на дно, ясно? Так низко, как только могла упасть. Я делала все возможное ради выживания. А потом позвонила подруга, которая помогла мне выбраться из бочки, и у меня появился повод вернуть свою жизнь в нормальное русло. Я переехала на восток и очистилась от грязи.

Казалось, ее не волновали их потрясенные взгляды.

– И я чертовски хорошо знаю свое дело. Моя беда в том… – она ткнула себя в грудь, – моя беда в том, что я принимала все слишком близко к сердцу. С тех пор я немного научилась жесткости. А теперь я собираюсь поспать. С меня хватит…

Она встала, подошла к обеденному столу, взяла лежавший там фонарик и начала подниматься по лестнице. За ней поднимался удивленный, растерянный, возмущенный ропот.

– Джекки, ты не можешь просто уйти после того, как взорвала эту бомбу! – крикнул Берт ей вслед. – Ты *знала*, кем был Дэн Уитлок!

Она остановилась на середине лестничного пролета.

– Да, и ты можешь понять, почему я не горю желанием рассказать о моем знакомстве с ним.

– Но ты же провела с ним очную ставку за ужином, – сказал Берт. – Я видел, как вы разговаривали друг с другом.

– Очную ставку? Боже мой, ничего подобного. Он тоже узнал меня. Мы просто договорились не упоминать о нашем прошлом.

За окном что-то промелькнуло, а потом раздался громкий стук. Все посмотрели на дверь.

– Это ветер гуляет среди деревьев, – сказала Стелла. – Всякий мусор носится снаружи. Нам нужно запереть двери и ложиться в постель, – она потянулась за лампой. – У нас достаточно ламп и керосина на эту ночь. На столе есть еще фонарики, – она выдержала паузу. – Запритесь в своих спальнях. Я точно запрусь.

Она поднялась по лестнице следом за Джекки; ее фонарь ненадолго высветил безобразные маски, как будто ожившие в переливах теней и света.

Берт нащупал нож, который он забрал из-под навеса и прикрепил к поясу. Ощущение кожаных ножен как-то успокаивало его. Он снова посмотрел на ружье, висевшее на стене. Когда он заглянул в ствол, там было чисто. Он знал, где лежат патроны.

– Я запру входную дверь, – объявил он и с силой задвинул массивный, потемневший засов, – и я возьму себе первую комнату на лестничной площадке.

Комнату, ближайшую к ружью. Если кто-то задумал грязную игру, то он был твердо намерен одержать победу. И выжить.

Остальные поспешили за ним. Натан пошел запереть заднюю дверь, выходившую к навесу. Моника и Кэти помогали хромавшей

Деборе подниматься по ступеням. Стивен подождал, пока Натан не вернулся с кухни; никто не собирался никого упускать из виду.

Гости в лесном доме

Натан

Натан в пижаме вышел из примыкающей к спальне уборной и увидел Монику, которая стояла у окна, плотно обхватив себя руками.

– Выключи лампу, – тихо сказала она. – Я хочу посмотреть наружу.

Он прикрутил фитиль лампы, пригасив пламя, но не потушив его. Потом подошел и встал рядом с ней в полумраке. Обнял ее за плечи. Она дрожала. Снаружи завывал северный ветер, огибавший заднюю часть дома и устремлявшийся к озеру. Туман вихрился между призрачными тотемными столбами, а деревья раскачивались и скрипели. Барашки волн казались серебристыми на фоне черной воды. Натан мельком увидел маленький гидроплан, качавшийся на воде.

Альтернативная реальность. Фильм ужасов. Кошмарное измерение. Вот куда мы попали.

– Это как будто исходит от нас, – прошептала она. – Это внутри нас, как сказано в том стихотворении.

– Что?

– Темнота. Чернота. «Ибо Чудище восстанет изнутри», – Моника заглянула ему в глаза. У него сжалось сердце, когда он увидел выражение ее лица.

– Я люблю тебя, Моника, – сказал Натан, откинув прядь волос ей за ухо. При этом он услышал у себя в голове голос доктора Стивена:

«Знаешь, в чем твоя проблема, профессор Гриб? Твоя беда в том, что ты действительно любишь ее».

У Натана свело живот от новой вспышки ненависти. Ему искренне хотелось убить этого самодовольного ублюдка.

«У тебя яиц нет, чтобы это сделать».

Он постарался выбросить эти слова из головы и крепче прижал к себе Монику. Ее красивое тело было теплым, несмотря на дрожь, и к его глазам подступили слезы. Он полюбил Монику с того самого момента, как впервые увидел ее в кафетерии студенческого городка много лет назад, когда они были первокурсниками. Для него Моника

была неземным существом, помазанницей божьей. Прекрасная наследница, единственная среди женщин. Натана всегда изумляло, что в конце концов она выбрала его.

«Ты знаешь, почему твоя жена изменяла тебе».

В нем вспыхнула ярость, и он снова быстро подавил ее. По крайней мере, Натан мог продемонстрировать, что Стивен не может управлять его чувствами. При необходимости он умел напускать на себя бесстрастный вид.

– Не знаю, что это такое, Моника, – тихо сказал он. – Я понятия не имею, что здесь творится на самом деле, но нам с тобой нужно быть сильными, потому что, когда мы вернемся домой, – а мы *обязательно* вернемся, – то не станем ворошить все, что случилось в прошлом между тобой, мной и Стивеном. – Он почувствовал, как она содрогнулась, и крепче прижал ее к себе. – Мы не должны говорить ничего, что могло бы последовать за нами домой, потому что это разрушит нашу жизнь и все, что мы построили: твою компанию, мою преподавательскую работу.

– А если Стивен проболтается?

– Этого не будет. Тогда он потеряет еще больше, чем мы.

– Он совершенно непредсказуем, Натан.

– При этом он является известным хирургом и высоко ценит свой статус и образ жизни. У него сильный инстинкт выживания.

– Но кто-то *уже знает*. Поэтому мы оказались здесь; теперь я уверена в этом, – она снова посмотрела на него. – Берт был тем автомехаником, правда? Вот откуда ты знаешь его. Ты сказал, что отправился в Барнаби к надежному человеку, который берет деньги под столом. Это был Берт Кундера, не так ли?

Натан набрал полную грудь воздуха и медленно выдохнул. Потом кивнул. Он понял это, когда Берт стал рассказывать о своей прошлой работе. Кусочки головоломки начинали становиться на места.

– А Дэн Уитлок… он мог быть полицейским, который расследовал *тот самый инцидент*. Он служил в ванкуверской полиции.

– Я так не думаю, Моника. Ты же слышала Джекки: он был жуликоватым частным сыщиком.

– Он мог заняться частным сыском после *того инцидента*. Мы не знаем, когда это случилось. А Кэти освещала *тот инцидент*. Мы с тобой это знаем, и Стивен должен был запомнить ее. Она увидит связь,

это лишь вопрос времени. Она уже вспомнила, что мы жили в Китсилано, и теперь все знают, что ты преподавал в университете Саймона Фрейзера в Барнаби, где Берт держал свою ремонтную мастерскую. Разве ты не понимаешь, Натан? Все это связано с нами и тем, что случилось четырнадцать лет назад.

Он не мог рассказать ей о пакете с продуктами, обнаруженном на кухне, – о том, что они были куплены в магазине «Китс-Корнер». Только не сейчас. Это будет тяжким ударом для нее… но он не может вечно скрывать это, не так ли?

– Но какое отношение к этому имеют другие люди? – спросил он. – Стелла, Джекки и Дебора?

Моника на несколько секунд закрыла лицо ладонями, по-прежнему дрожа как лист.

– Не знаю насчет Джекки и Деборы, но Стелла… Я… я думаю, это она.

– Кто?

Моника посмотрела на него.

– Думаю, она была матерью того маленького мальчика.

Кровь отхлынула от лица Натана.

– Нет, – прошептал он. – Нет, ни за что на свете. Это не она.

– Я догадалась по глазам. Она выглядит совсем иначе, но глаза остались прежними.

– Нет, ты ошибаешься.

– Почему ты так уверен?

Натан задумчиво посмотрел на снег, пролетавший за темным окном.

– Мать была брюнеткой, – тихо сказал он. – У нее были густые, длинные темно-каштановые волосы.

– Она могла покрасить волосы. Должно быть, у нее появилось много седины, поэтому она сделала химию и коротко подстриглась.

– Но та женщина была пухлой. У нее было округлое лицо с мягкими чертами.

– Она сбросила вес и сильно похудела. Потом загорела, и ее кожа обветрилась и покрылась мелкими морщинами от работы на свежем воздухе или чего-то в этом роде. Она стала похожа на загорелую, жилистую вегетарианку. Но при этом она ненамного моложе нас,

Натан. Прошло *четырнадцать лет*. Такая трагедия может состарить человека и в конце концов изменить его почти до неузнаваемости.

Она замолчала. В комнате наступила тишина, прерываемая лишь шорохом снежинок, задуваемых ветром в оконное стекло.

– Я боюсь, – прошептала Моника. – Мне очень страшно.

Натан смотрел в окно еще долго после того, как его жена легла в постель. Перед его мысленным взором снова возникла фотография из теленовостей. *Та самая мать.* Он вспоминал фотографии бездомных людей на улице – как они выглядели до того, как жизнь сломила их, и после того, как они пристрастились к наркотикам, опустились в умственном и физическом отношении. Они становились неузнаваемыми, если только вы не знали, где нужно искать черты сходства. Неузнаваемыми, особенно вне контекста.

Но теперь контекст появился.

Возможно, это была она. Это была она, но первобытная часть его мозга, нацеленная на выживание, отказывалась в это верить.

Горький вкус желчи подступил к его горлу.

Неужели мы в конце концов столкнемся с обвинением в убийстве? В препятствии правосудию? Так или иначе?

Его кожа блестела от пота, голова кружилась. Он резко провел рукой от верхней губы к подбородку.

Все будет хорошо. Погода наладится, и мы улетим отсюда. Мы очнемся от кошмара и поймем, что все это было вымыслом, порожденным нашим чувством вины. Кому не приходилось лгать? Все лгут; есть ложь во спасение, невинная ложь, мелкая ложь, злостная ложь и большая ложь. Возможно, Моника ошибается, и Стелла не имеет ничего общего с той женщиной. Возможно, чувство вины притупляет рассудок и заставляет видеть людей не такими, какие они есть на самом деле…

Что-то снаружи привлекло его внимание и прервало нить размышлений. Натан потушил крошечный огонек лампы и прильнул к окну. Он протер отверстие на стекле, затуманенном их дыханием, и выглянул наружу.

Крошечный луч света мелькал между деревьями. Внезапно сцену заволокло туманом, и свет исчез. Его сердце забилось быстрее. Привиделось ли ему или там действительно кто-то был?

По его шее пробежал холодок.

Он снова увидел это. Тень, несущая крошечный свет, покачивавшийся между древесными стволами. Тот, кто находился снаружи, не пошел по тропинке, ведущей прямо к воде. Он прячется? От кого?

А потом слабый свет снова исчез в густых клубах тумана и падающего снега.

Гости в лесном доме

Стивен

Стивен прищурился, глядя в окно своей комнаты с видом на озеро. Кажется ли ему или кто-то с фонариком бродит между деревьями?

Его сердце учащенно забилось, когда он увидел второй силуэт, следовавший за первым. Краем рукава он протер грязное затуманенное стекло, но силуэты и свет уже пропали, скрытые усилившимся снегопадом и разлапистыми ветвями елей.

Окно снова затуманилось, и он еще раз протер стекло, но больше ничего не смог разглядеть за колышущейся снежной пеленой в темноте. Исчез даже причал вместе с пришвартованным самолетом.

Что-то в истории с этим самолетом не давало ему покоя.

То же самое относилось к Джекки. И к Берту. И к женщине-пилоту; чем больше Стивен думал о ней, тем сильнее становилось его убеждение, что он где-то видел ее. Эти глаза…

Он начинал различать связи, которые ему совсем не хотелось видеть.

Мог ли он прекратить все это? Подавить в зародыше, прежде чем все выйдет наружу?

Прежде чем он все потеряет?

Он поспешно отошел от окна и аккуратно двинулся через комнату, стараясь не скрипеть половицами. Он натянул черную шерстяную шапку, надел ботинки и потянулся за курткой и перчатками.

Гости в лесном доме

Джекки

Джекки быстро оглянулась через плечо и убедилась, что никто не последовал за ней от задней двери. От своего наблюдательного пункта среди деревьев она не видела никакого движения за туманом и падавшим снегом. Снег покрывал колючие кусты и распростертые крылья на тотемных столбах, лежал на голове жуткого зубастого ворона на вершине самого большого столба. Казалось, ворон с ухмылкой смотрит на нее в темноте. Джекки поежилась, внимательно прислушиваясь к окружающим звукам. Только скрип веток, шелест листьев и тихий плеск волн, набегавших на берег озера.

Она направилась между деревьями к краю тропы за колючим кустарником, прикрывая рукой в перчатке свет маленького фонарика. Земля мягко пружинила под ногами.

Раздался треск.

Джекки замерла. Затаила дыхание и прислушалась. Шорох, потом тихое уханье совы и звук хлопающих крыльев. Потом другой звук, похожий на шелест шагов на сухих листьях, присыпанных снегом. Треск сломанной ветки. Она выключила фонарик и вгляделась в тени за движущимися ветвями. Но шум прекратился. Она сглотнула и быстро пошла к причалу.

«Хэвиленд» покачивался у причала на мелкой зыби, поднятой ветром. Снег уже накопился на крыльях, вода плескалась вокруг понтонов. Доски заскрипели и заходили ходуном, когда она вышла на причал. Джекки продвигалась осторожно; ей не хотелось оказаться в ледяной воде среди гниющего камыша, как это сегодня днем случилось с Деборой.

Она приблизилась к самолету и подергала ручку двери кабины со стороны пилота. Ручка легко повернулась. Она распахнула дверь и застыла на месте, услышав металлический стон. Немного подождала, снова прислушиваясь и испытывая странное ощущение, что за ней кто-то следит. Она посмотрела на дом; все лампы наверху погасли.

Джекки ступила на понтон, затем поставила ногу на перекладину лестницы, прикрепленной к передней распорке, и забралась в кресло пилота. Самолет качнулся под ее весом. Она расположилась в кресле, аккуратно закрыла дверь и провела лучом фонарика по приборной доске, держа свет ниже ветрового стекла, чтобы не привлекать внимания из дома. Вскоре она нашла то, что искала: бортовую рацию.

Джекки наклонилась ближе. Все выглядело довольно просто. Она почти ничего не знала об авионике, но хотела проверить, действительно ли провода были перерезаны, как утверждала Стелла Дагер. Джекки не доверяла никому, даже пилоту. Что-то, связанное со Стеллой, глубоко беспокоило ее. В ее сознании не укладывалось, каким образом неизвестный злодей мог заманить их сюда, будучи вполне убежденным в том, что их группа будет вынуждена остаться на месте из-за штормовой погоды.

Конечно, наступил конец октября, последние дни перед ноябрьскими муссонами и первыми зимними метелями. Хотя дом находился под природной защитой массивной горы черного гранита, это не обеспечивало полной уверенности в том, что ветер усилится сразу же после посадки и они окажутся запертыми здесь как минимум на несколько дней. У Джекки было смутное подозрение, что Стелла солгала им насчет радио и что она могла выйти на связь с цивилизацией, если бы захотела.

Рация стандартного вида была вмонтирована в проем под приборной доской уже после того, как самолет был достроен. Джекки зажала фонарик в зубах, сняла перчатки и попыталась вынуть прибор. К ее изумлению, ящик вышел без труда. Винты, которыми он был прикручен, исчезли. Ее сердце учащенно забилось, и она повернула рацию.

Проклятье.

Пучок проводов в задней части рации был аккуратно перерезан острым клинком. Стелла все-таки сказала правду.

Или она сама их перерезала?

В сложившихся обстоятельствах Стелла Дагер была самым влиятельным членом их группы. Она являлась единственной, кто обладал достаточными навыками, чтобы доставить их сюда и увезти обратно. Но так называемый концерн RAKAM мог нанять пилота с такой же легкостью, как была нанята Аманда Ганн, а остальные…

Каждый из них мог лгать, каждый мог оказаться предателем. Она застыла, услышав посторонний звук за тихим плеском волн вокруг причала.

Скрип досок. Чьи-то шаги.

Потом гидроплан качнулся в сторону, когда кто-то ступил на понтон у причала. Дверь самолета со скрипом отворилась. Джекки развернулась на корточках и подняла голову. Ее сердце остановилось в груди, когда луч фонарика, стиснутого в зубах, высветил бледное лицо под черной шерстяной шапкой.

Ты?

Все случилось очень быстро и неожиданно. Джекки увидела блеск металла в поднятой руке, но было уже поздно. Она попыталась перебраться с пилотского кресла на пассажирское, выронив фонарик изо рта, когда ударилась спиной о приборную доску и запуталась в ремнях безопасности. Тогда она дернулась в другую сторону, надеясь вырваться и скрыться в глубине самолета, но нож опустился слишком быстро. Она почувствовала, как клинок глубоко вонзился в ее шею. Ее тело дернулось от шока, руки взметнулись к ножу.

Но клинок выдернули из раны. Джекки почувствовала, как горячая кровь хлынула по ее шее, еще до того, как пришла боль. Клинок снова поднялся над ее головой. Она вскинула руки в отчаянном жесте самозащиты.

Нож снова вонзился ей в шею, еще глубже, чем прежде.

Прежде чем она потеряла сознание, в ее гаснущем мозге промелькнула последняя мысль:

Восемь лгунишек вошли в лесную сень,
Один увидел правду, и их осталось семь…

Поиск

Мэйсон

2 ноября, понедельник

Мэйсон вышел из морга и поднялся на лифте на первый этаж больницы Сильверкрика. Он достал мобильный телефон, собираясь позвонить, пока еще находился в зоне приема сети, и едва не столкнулся с Келли.

Он вздрогнул при виде знакомого лица.

– Келли?

Она выглядела взволнованной; ее глаза покраснели и припухли. Сначала она смутилась и отвернулась, как будто собиралась убежать.

– Я… да, привет. Я не ожидала… никого встретить. Что вы здесь делаете?

– Я был у патологоанатома, – сказал он. – Это насчет мертвого пилота; сегодня утром провели аутопсию.

– Ну да, конечно. Я… мы обычно не оказываем содействие в расследовании убийств. Я не знала, что вскрытие будет проведено здесь. – Она смотрела на Мэйсона, и он чувствовал, как ее сознание постепенно отвлекается от того, что всецело поглощало ее раньше. – Теперь вы знаете, кем была жертва?

Он отступил в сторону, пропуская людей к лифту, и прикоснулся к ее локтю, чтобы она тоже освободила проход.

– Еще нет. – Они находились в общественном месте, поэтому он говорил тихо. – Криминалисты пытаются извлечь данные из телефона, который мы нашли у нее в кармане.

– Ладно, я… дайте мне знать, если понадобится моя помощь. – Она шагнула вперед и нажала кнопку лифта.

Он вспомнил слова Оскара, обращенные к Келли, прежде чем она уехала вместе с Беном.

«Поезжай, Келли. Если ты не уедешь сейчас, то можешь не выдержать. У нас все под контролем. Передай ему привет от нас,

хорошо?»

– Келли?

Она обернулась.

– Все в порядке?

Она плотно сжала губы, как будто пыталась удержать свои чувства. Ее глаза влажно поблескивали. Она неопределенно махнула рукой, предлагая ему отойти в сторону.

– Где Бен? – спросил Мэйсон.

Она помедлила. Двери лифта открылись, потом начали закрываться за ее спиной. Кто-то крикнул, чтобы его подождали.

Мэйсон осторожно взял ее под локоть.

– Давайте отойдем в сторону.

– Со мной все в порядке. Правда.

– Кофе? Могу я хотя бы предложить вам кофе?

Она немного колебалась.

– Пойдемте. Мне определенно нужно выпить кофе.

Келли покосилась на лифт и кивнула.

– Только по-быстрому.

Они нашли тихий угловой столик в больничном кафетерии, под окнами, выходившими на маленький, заснеженный сад камней. Люди за другими столиками с интересом смотрели на Мэйсона, когда он подошел к стойке и заказал две кружки кофе. Ему предстояло снова привыкнуть к своей униформе.

Он купил два кофе и пирожные. К тому времени, как он вернулся, Келли собралась с духом и снова стала похожей на опытного скалолаза и руководителя группы SAR, спасшего его задницу тогда, на обрыве. Он подозревал, что Келли Саттон не собиралась даже вскользь показывать свою эмоциональную уязвимость.

– Извините, – сказала она, взяв кофе. – Вы застали меня в неподходящий момент. Бенджамин сейчас наверху, со своим отцом, Питером. С моим мужем. Я… у нас есть лишь несколько минут, а потом мне нужно будет выписаться из мотеля.

При упоминании о ее муже Мэйсона пронзило какое-то странное ощущение. Он покосился на ее руку с обручальным кольцом, когда она отпила кофе, и потянулся за своей кружкой.

– Питер болен? Или… простите, может быть, он здесь работает?

Она сделала глубокий вдох и отпила еще глоток, вероятно, обдумывая свой ответ.

– Питер работает лесником, – медленно сказала она. – Там, в Клуэйн-Бэй. Наш дом стоит на берегу большой бухты к востоку от города. Мы… сами построили его.

Мэйсон видел, что она борется со словами, и ему хотелось остановить ее, прекратить ее муки. Но эгоистичная и любознательная часть его существа не позволяла это сделать, потому что ему хотелось узнать больше.

– У него на работе произошел несчастный случай. Большое дерево повалило ветром. Оно прогнило до сердцевины. Огромная ель. Одна из ветвей упала на него, и он ударился о камень. Разбил череп. – Она сжала ладонями кружку, ища тепла или мужества продолжать в такой же сдержанной манере. – Впал в кому. – Она еще немного помедлила и выглянула в окно. Ее лицо осунулось и побледнело. Мэйсон сочувствовал ей. Ему нравилось ее лицо. Он не торопил ее, и ему было неловко оттого, что он заставляет ее снова переживать это.

Она вдруг встретила его взгляд, и ее мшисто-зеленые глаза были печальными. То, как она глядела на него и сквозь него, вызывало внутреннюю дрожь. Ее взгляд был таким непосредственным, что казался интимным, будто она запустила невидимую руку ему под рубашку.

– Он пробыл в коме две недели. Врачи думали, что он не выберется, – тихое сопение, вздернутый подбородок. – Но он боец, мой Питер. Скалолаз. Специалист по выживанию. Он возглавлял группу SAR в Клуэйн-Бэй. Сильный человек, психически и физически. Тогда он вышел из комы и всех удивил, но теперь… они называют это вегетативным состоянием.

Напряжение, звучавшее в ее голосе, было физически ощутимым. Мэйсон подумал о ее маленьком сыне в костюме Джокера и удивился силе своих ответных эмоций. Но он понимал, в чем дело. Ему тоже было знакомо чувство утраты. Он *понимал* эту душевную боль… но и не понимал. Потому что его боль теоретически должна была закончиться. Все завершается со смертью. Но она повисла в чистилище, в муках между надеждой и отчаянием. Ни здесь, ни там. Он боялся сказать что-либо, что могло прозвучать опрометчиво.

– Ненавижу эти слова, – сказала она, и ее глаза наполнились гневом и горечью. – Вегетативное состояние. Он не овощ. Он все чувствует, я уверена в этом.

– Как долго это продолжается, Келли?

– Год и два месяца. И конца не видно, – она подалась вперед с неожиданной энергией. – Врачи говорят, что такое состояние может продолжаться десятилетиями, но в редких случаях пациент приходит в себя. Я знаю, что это мозговая травма, но очень тяжело не понимать, до какой степени все плохо, насколько Питер может сознавать происходящее. И… бывает, нам кажется, что он вернулся и понимает все, что мы говорим. Я верю, что он воспринимает окружающее и узнает членов семьи. А потом, есть еще и научные данные, – добавила она. – Когнитивная неврология, где утверждается, что один из пяти пациентов в вегетативном состоянии на самом деле имеет определенный уровень восприятия действительности.

Келли замолчала и опустила голову. Пощипала крошки с нетронутой слойки с повидлом.

– Мне очень жаль, Келли.

Она кивнула. В уголке ее губ дернулась какая-то мелкая мышца.

– Мозг очень сложен, – тихо сказала она. – Мы решили многие медицинские проблемы, но такие травмы все еще остаются неизведанной территорией, – она сглотнула. – Но теперь у него бактериальная инфекция. Его иммунная система ослаблена, и в субботу ему стало хуже, поэтому мы с Бенни остались в городе. Впрочем, сегодня Питеру немного лучше, – она посмотрела на него. – Внутривенные антибиотики как-то работают. Состояние крови возвращается к норме. Но… это просто… Знаете, когда нет света в конце тоннеля и понимания того, когда он сможет вернуться домой, к нам с Беном…

– Моя жена была в коме.

Она быстро взглянула на него. Ее глаза удержали его взгляд, как будто между ними проскочила искра, и Келли ждала продолжения. Мэйсон понимал, что теперь он не может сдать назад.

– Автомобильная авария. Ее звали Дженни. Она три дня находилась в коме, а потом умерла.

– Я… я не знала. – Он представлял, как она моментально переоценивает его и встраивает в свою картину мира.

– С тех пор прошло почти два года. Я буквально за несколько секунд потерял Дженни и Люка, моего маленького сына. Водитель пытался обогнать сразу два автомобиля, подрезал Дженни на повороте, она потеряла управление и врезалась в скалу, – последовала тяжелая пауза. – Я хотел убить его.

– Мэйсон… – она подняла руку, как будто собиралась прикоснуться к нему, но не стала. Ее глаза блестели. Боже, эта женщина вывела его чувства на поверхность, заставила его рассказывать о том, что он не хотел доверять никому.

Он сухо улыбнулся.

– В сущности, я едва не убил его. Я выследил его; отправился к нему домой и стал ждать снаружи.

– А потом?

– Давайте скажем так: у меня были хорошие, очень хорошие коллеги из полиции, которые спасли меня от самого себя. Я взял отпуск на работе и пересек Австралию на мотоцикле. Но когда я вернулся домой, то так и не смог вернуться к городским делам или к моей прежней работе. Я не мог избавиться от призраков и даже не хотел этого. В общем, я пришел в полную негодность.

Мэйсон посмотрел на свои руки. Он снял обручальное кольцо, потому что устал от вопросов. Теперь он носил его на кожаном шнурке под рубашкой, рядом с кольцом Дженни. По-прежнему вместе. Вопросы не прекращались, просто они не оглашались напрямик, как только люди видели его кольцо. *Где ваша жена? Как она поживает?*

– Водитель был пьян? – спросила Келли.

Он покачал головой.

– Обычный подросток, только что получивший водительские права. Горячий и неопытный, – он хмыкнул. – Но какое-то время я был бы только рад прикончить маленького засранца за его неопытность, за его ошибку. По судебному постановлению он стал ходить на обязательные курсы по дорожной безопасности и улучшению навыков вождения. Он был вне себя от стыда, как и его родители.

– Поэтому вы решили перебраться на север?

– По большей части поэтому.

Она внимательно смотрела на него. Келли была первым человеком, которому он рассказал об этом, – по крайней мере, рассказал так много и в таких простых словах. Ему почему-то стало легче. Туман в голове

немного рассеялся. Но ему было не по себе, поскольку это она нуждалась в поддержке, а он повернул стрелки на себя.

– От Сильверкрика до Клуэйн-Бэй долгий путь, – сказала она и отодвинула свою чашку. – Нам с Беном пора собираться. Завтра ему нужно вернуться в школу; сегодня он уже пропустил занятия.

– Вы часто сюда приезжаете?

– Обычно мы с Беном приезжаем три раза в неделю, но у Питера нет отбоя от посетителей. Другие ребята из SAR приходят сюда каждый раз, когда кто-то из них приезжает пополнить запасы, по делам и так далее. Иногда прилетают его родственники. Коллеги по работе регулярно навещают его. Здесь его любят и уважают, – она грустно улыбнулась. – Наверное, мне нужно подумать о переезде сюда. Но учеба Бена и моя работа…

– И неопределенность, – добавил он. – Если это случится завтра, вам не понадобится ничем жертвовать. Он просто вернется домой.

Келли изумленно посмотрела на него.

– Да, – тихо сказала она и поднялась на ноги. – Спасибо вам, Мэйсон.

Он тоже встал.

– Я ничего такого не сделал.

– Вы помогли мне. Я… большое спасибо. – Она повернулась, собираясь уйти, но немного помедлила. – Сколько лет было вашему сыну, когда вы его потеряли?

– Семь.

Он понимал, что она думает о Бене. Ее сын был примерно того же возраста.

– У него был костюм Джокера, – добавил Мэйсон. – На Хэллоуин, перед тем как он погиб, Дженни купила такой костюм в «Уолмарте». Она жаловалась, что все полки завалены костюмами Джокера и у нее нет сил найти для Люка что-нибудь оригинальное.

Она закрыла рот ладонью. Кончик ее носа порозовел.

– Все в порядке.

– Мне так жаль…

Он просто кивнул.

Мэйсон смотрел ей вслед, пока она выходила из кафетерия. Ему понравилось, как она двигается, и он моментально возненавидел себя

за эту мысль. В лифтовом холле она еще раз помедлила и оглянулась через плечо.

Он снова кивнул. Она вошла в лифт.

Мэйсон немного посидел, ощущая себя человеком, пережившим слабое землетрясение. Что-то случилось… и вместе с тем не случилось ничего.

Услышав звонок мобильного телефона, он вздрогнул, прежде чем вспомнил, что вернулся в зону, где ловит сеть. Он проверил номер: звонили из штаб-квартиры RMCP в Сент-Джордже. Он принял вызов.

– Сержант Денье слушает.

– Это Горд Филдинг. Похоже, у нас есть предварительная идентификация мертвого пилота.

– Из ее телефона?

– Так точно. Нам еще предстоит подтвердить ДНК-пробы и снимки челюстей, но техники восстановили некоторые данные: контакты, частичную историю звонков, некоторые текстовые сообщения, электронную почту и несколько фотографий. Судя по датировкам и времени на фотографиях, два последних снимка были сделаны в районе Тандерберд-Ридж. Это новый горнолыжный и гольф-курорт к северу от Сквомиша. Снимки были сделаны в 11.31 и 11.36 в воскресенье, 25 октября. Сейчас я посылаю их вам.

Появилась первая фотография. Мэйсон открыл программу просмотра.

На снимке была женщина, стоявшая на причале: оживший труп, который он видел на столе в морге. В той же одежде.

– Жаклин Блант, – сказал детектив Филдинг. – Судя по электронной почте, она была больше известна как Джекки Блант. Владелица Security Solutions, компании по предоставлению личной охраны и услуг безопасности в Барлингтоне, округ Онтарио.

Появился другой файл, и Мэйсон открыл его. На снимке находилась группа из восьми людей в походной одежде. Пять женщин, включая Джекки Блант, и трое мужчин. Они позировали на фоне желто-голубого гидроплана «Хэвиленд» DHC-2 Beaver Mk1. На фюзеляже красовалась та самая фальшивая регистрационная аббревиатура, которую они видели на остатках рухнувшего самолета. На заднем плане возвышалась черная горная вершина характерной формы. Все люди на фотографии улыбались.

Пульс Мэйсона участился.
Если эти восемь человек взошли на борт, то где остальные?

Поиск

Келли

3 ноября, вторник

Келли слушала утренние новости по радио, пока готовила кофе. Кухня была ее любимым местом. Они с Питером построили этот дом, пока жили в маленьком трейлере на участке, когда Бену было два года. Это был дом их мечты: на берегу озера Клуэйн, с видом на заснеженные вершины за узкой бухтой. Летом они плавали, совершали поездки на гребной лодке и на каноэ, а зимой катались на коньках и ходили на лыжах по замерзшему озеру. На стенах гостиной висели обрамленные фотографии их маленькой семьи: кемпинги, прогулки верхом. Бенни учится плавать, кататься на лыжах и на коньках. Питер и Бенни в первый день школьных занятий. Питер в защитном шлеме поднимается на гранитную скалу, обвязавшись веревкой. Питер и его новый автомобиль, который теперь терпеливо ожидал его возвращения в гараже, потому что Келли не хотела ездить на нем.

Бен сидел на табурете за столом и болтал, поглощая кашу быстрого приготовления. Перед ним стояла коробка «Тути-Попс», и он читал о волшебных призах, которые могут найтись в других коробках. Келли посмотрела на часы.

– Рэйчел будет здесь через десять минут. Давай, Бен, заканчивай и почисти зубы. – Она засунула пакет с ланчем в его ярко-красный рюкзак.

– Я не хочу в школу.

– Ничего подобного. Тебе там нравится, как только ты приезжаешь туда, верно? И вчера ты пропустил…

– Да, я пропустил вечеринку на Хэллоуин.

Она взъерошила его волосы.

– Да, приятель, но зато мы смогли провести больше времени с твоим папой.

Он кивнул, соскочил с табурета и побежал в носках по коридору, ведущему в ванную. Как обычно, он заскользил по вощеному деревянному полу и мастерски затормозил, чтобы свернуть за угол. Келли улыбнулась. Она взяла его тарелку и ложку и отнесла в раковину. Вода стала розовой от клубничного красителя. Ей не нравилось кормить Бена такими сладкими завтраками. Она собиралась отучить Бенни от такого питания, но, похоже, теперь оно было единственным, что доставляло ему настоящее удовольствие, и в отсутствие Питера она позволяла сыну цепляться за такие ненадежные утешения. Келли немного помедлила, глядя на розовое молочко, стекавшее в слив. Горе одиночества снова овладело ею. Оно появлялось из ниоткуда в самое неожиданное время, пробуждаемое разными мелочами. Или поднималось как волна откуда-то изнутри, когда ей задавали прямые вопросы. Вроде вчерашнего разговора с Мэйсоном. Воспоминания об этом разговоре не давали ей покоя. Она снова видела доброту и понимание в его серых глазах.

«Давайте скажем так: у меня были хорошие, очень хорошие коллеги из полиции, которые спасли меня от самого себя. Я взял отпуск на работе и пересек Австралию на мотоцикле. Но когда я вернулся домой, то так и не смог вернуться к городским делам или к моей прежней работе. Я не мог избавиться от призраков и даже не хотел этого».

Она глубоко вздохнула и взяла рюкзак Бена, когда ей на память пришли другие слова Мэйсона, сказанные раньше:

«Это прекрасный возраст. Наслаждайтесь моментами, не давайте им ускользать от вас».

«У каждого из нас есть своя история, – подумала Келли, снимая куртку Бена с вешалки у входа. – У каждого своя боль».

Зазвонил стационарный телефон. Келли посмотрела на часы и нахмурилась. В межсезонье она занималась работой по составлению контрактов для компании, занимавшейся ландшафтным и экстремальным туризмом. Вероятно, ее босс интересовался бюджетными расчетами, которые она отправила на прошлой неделе. Она сняла трубку аппарата, висевшего на стене у входа на кухню.

– Келли слушает.

– Келли, это Мэйсон. Вчера мы установили личность погибшей женщины из самолета. Судя по дополнительной информации, которая

продолжает поступать, на борту находились еще семь человек, которые могли затеряться в глуши. Нам нужна группа SAR для проведения поисков.

Бен, выскочивший из ванной и заскользивший по полу в носках, врезался в ее ногу. Она вручила ему куртку и жестом велела надеть ботинки.

– Кем была эта женщина? – спросила она.

– Жительница Онтарио по имени Джекки Блант. Идентификацию еще предстоит определить по ДНК или по слепку с зубов. – Последовала пауза, когда он прикрыл рукой микрофон и быстро заговорил с кем-то на другом конце линии. Потом его голос вернулся. – Речь идет об убийстве, и она не была пилотом.

У Келли разбредались мысли.

– Что вы имеете в виду?

– Этот «Хэвиленд» выполнял чартерный рейс компании «Вест Эйр»; им управляла женщина по имени Стелла Дагер. Джекки Блант владела собственной компанией и была пассажиркой. Гидроплан поднялся в воздух от причала «Тандерберд» к северу от Сквомиша примерно в 11.45 в воскресенье, 25 октября, то есть десять дней назад. Всего на борту находилось восемь человек, включая Джекки Блант и пилота. Место назначения неизвестно. Штаб-квартира Северного округа возглавила расследование, но они уполномочили меня подрядить группу SAR для поиска пропавших пассажиров. При необходимости будут привлечены дополнительные ресурсы от других поисково-спасательных учреждений. Информация поступает с каждой минутой.

Снова наступила пауза, пока он говорил с кем-то еще. В крови Келли бурлил адреналин, пока она старалась осмыслить и упорядочить новые факты.

Десять дней – долгий срок для затерянных в глуши, особенно в такую погоду. Особенно с учетом травм, полученных при крушении самолета. Шансы на то, что кто-то остался в живых, были незначительны. Скорее всего, эта миссия будет поисковой, но не спасательной.

– Вы не могли бы приехать в отделение? – спросил Мэйсон. – Я собираюсь провести инструктаж сотрудников, и будет полезно с самого начала учитывать мнение SAR.

– Мам, Рэйчел и Тай пришли! – крикнул Бен, выглянув из узкого окна рядом с входной дверью.

Келли указала ему на перчатки и одними губами произнесла: *надень их.*

– Вы можете дать мне несколько минут? – обратилась она к Мэйсону. Ей нужно было убедиться, сможет ли Рэйчел забрать Бена из школы, когда во второй половине дня придет за Таем. Если этот вызов превратится в полномасштабную многодневную операцию, ей понадобится, чтобы Бен на несколько дней оставался в семье Рэйчел, как уже не раз происходило во время спасательных миссий. Рэйчел и ее муж были только рады помочь, хотя Тай и Бен обычно переворачивали дом вверх дном.

Келли заметила, что Бену полезно проводить какое-то время в полноценной семье, с оптимистичными и заботливыми родителями. После визитов к Рэйчел он обычно возвращался домой в хорошем настроении.

– Я буду через двадцать минут, – сказала она.

В трубке послышались короткие гудки, и Келли с некоторым удивлением посмотрела на нее. *Ну, ладно*. Она повесила трубку и поспешила в прихожую. Надела длинную куртку, сунула ноги в утепленные сапоги и открыла парадную дверь. Бен пулей вылетел навстречу ожидавшему его внедорожнику. Тай помахал рукой через запотевшее стекло. Келли последовала за Беном, а Рэйчел опустила окошко, чтобы выслушать ее.

Ветер обжег холодом ее щеки, и она подняла воротник куртки.

Как, черт побери, владелица охранной компании могла оказаться мертвой в кресле пилота со старым кинжалом, воткнутым в ее шею?

И куда подевались остальные?

Гости в лесном доме

Стелла

26 октября, понедельник

Наступил блеклый серо-стальной рассвет. За окном комнаты Стеллы кружился снег, но ветер как будто успокоился. Дом поскрипывал, как артритный старик, который просыпается холодным утром, надевает стеганую куртку и готовится к выходу. Стелла протерла отверстие в инее, образовавшемся на внутренней стороне окна, но смогла увидеть только дровяной сарай на заднем дворе. За сараем стеной вставал густой лес у подножия гранитной горы. Облака продолжали клубиться у вершины и рваными клочьями проплывали вдоль склона.

Стелла надела шерстяную шапку, нашла перчатки и вышла из комнаты. Деревянные половицы скрипели под ее ногами, когда она прошла по ветхой ковровой дорожке, ведущей к лестнице.

Внизу, в большой гостиной, стоял густой запах дыма. Угли в очаге остыли и почернели. Ощущение того, что за ней наблюдают, не отпускало Стеллу, пока она проходила мимо картин, под стеклянными взглядами звериных голов, развешанных на стенах.

Она остановилась и посмотрела на галерею. Сверху за ней никто не следил; было слишком рано, и остальные еще не проснулись. Немного помедлив, она быстро направилась к входной двери, открыла задвижку и вышла наружу.

От холода у нее перехватило дыхание. Она не ожидала такого скачка температуры в это время года, хотя изучила прогноз погоды перед полетом. Но она не предвидела такого количества снега и такой плохой видимости. С крыльца старого дома она даже не могла разглядеть озеро или свой самолет.

Поглубже натянув шапку на уши, она двинулась по заросшей тропе сквозь густой туман и тихо падавший снег.

Проходя мимо тотемных столбов, посмотрела наверх. Снежинки быстро облепили ее лицо. Ее пульс участился; она могла бы поклясться, что ворон на большом тотемном столбе смотрел на воду, когда они прилетели сюда. Но сейчас его голова была обращена к дому. Она сглотнула, ощущая тяжелое давление в груди. Налетел порыв ветра; голова и крылья заскрипели и немного сдвинулись с места.

Это всего лишь ветер. Верхняя часть тотемного столба может вращаться. Вероятно, ее вырезали и разместили там позже остальных фигур.

Она пошла дальше, но не могла избавиться от ощущения враждебного взгляда птицы. Ветер снова задул сильнее, и тотемный столб отозвался протяжным скрипом. Стелла оглянулась через плечо. Ворон повернулся к ней, как будто следя за ее передвижением. Она вспомнила слова, которыми Натан и Моника обменялись перед высадкой.

Похоже на «Оверлук».

Что?

Тот жуткий отель из романа Стивена Кинга.

Стелла передернула плечами, но не смогла подавить образ древесных крон, подступавших ближе и смыкавшихся над заснеженным домом. И зачем были установлены эти тотемы?

У берега туман был еще плотнее. Озеро казалось невидимым. Она не могла разглядеть ни уходящий в воду причал, ни свой самолет. Слева послышался какой-то шум и намек на движение. Стелла круто развернулась и увидела фигуру в черном, возникшую из снежного тумана.

– Кто это? – окликнула она, сердце сильно билось. – Кто там?

Фигура подошла ближе. Это был хирург. Снег густо покрывал его черную вязаную шапку.

– Боже, вы меня напугали, – Стелла ничуть не преувеличивала. – Что вы здесь делаете, Стивен?

Он выглядел нервным и растрепанным.

– Я… я не мог заснуть. Решил прогуляться по тропе, о которой рассказывал Берт, пока ее еще не занесло снегом, и посмотреть, ведет ли она к другой бухте. – Он смахнул комок снега с плеча и отряхнул свою шапку. В этот момент он был совсем не похож на элегантного пластического хирурга, который еще вчера с ревом подкатил на своем

«Ягуаре» к автостоянке перед причалом отеля «Тандерберд». Это не доставило Стелле особого удовольствия, но она удовлетворенно отметила, что высокомерный мужчина немного растерял свою былую спесь.

– Вы что-нибудь обнаружили? – поинтересовалась она.

Он покачал головой.

– Да, тропа вела к бухте, но это просто другая бухта. Там нет ничего особенного, но тропа идет дальше и исчезает в лесу. А как насчет вас? Что *вы* делаете здесь в такую рань, Стелла?

– Решила сходить к гидроплану. Я хочу еще раз осмотреть рацию при свете дня и убедиться, что я смогу починить ее.

Он стер влагу с лица; его нос покраснел, и оттуда текло.

– Думаете, вам удастся это сделать?

– Это зависит от повреждений.

Его лицо исказила тревога.

– Возможно, у Берта получится, – сказал тот, кто умел чинить человеческие тела, но сейчас казался бессильным и напуганным. – Он говорил, что работал механиком.

– Вполне может быть. Он работал с автомобилями, а у меня есть некоторый опыт работы с авиационным оборудованием. Я спрошу его. – Она повернулась, собираясь уйти, но доктор колебался, как будто хотел сказать что-то еще. – Послушайте, Стивен, все будет в порядке, – сказала она. – Даже если мы не починим рацию, все остальное на самолете находится в исправном состоянии. У нас осталось достаточно керосина. У нас хватает запасов, чтобы еще несколько дней прожить в доме. У нас есть кров, вода и тепло. Как только минует штормовой фронт, мы улетим отсюда.

На его лице отразилось нечто похожее на благодарность.

– Я могу помочь?

– Было бы великолепно выпить горячего кофе.

Его лицо помрачнело, в глазах снова блеснул вызов.

– Кофе для всех, – добавила Стелла. – Ради поднятия общего духа. Когда просыпаешься и чуешь запах свежезаваренного кофе, это очень помогает.

Он кивнул.

– Да. Полагаю, вы правы. Пойду поставлю чайник; я видел в буфете жестянку с быстрорастворимым кофе.

Когда Стелла приблизилась к воде, стеснение в груди вернулось с новой силой. Причал криво уходил в туман, но она не видела силуэта своего самолета. Она торопливо пошла вперед, поскользнулась на влажной замшелой доске и едва не упала, но успела сохранить равновесие.

Вскоре она оказалась там, где пришвартовала самолет.

Ничего.

Ее сердце гулко застучало в грудную клетку.

Единственным признаком присутствия «Хэвиленда» были желто-красные причальные канаты, свисавшие в воду там, где она закрепила их. Ночью был сильный ветер, задувавший от берега. Мог ли самолет отвязаться и уплыть из-за качки и трения о причальные столбы? Нет, ни за что. Она умела вязать узлы и хорошо знала, как нужно швартовать гидроплан.

Резкий выброс адреналина заставил ее выпрямиться. Она поспешно сняла перчатки, убрала их и потянула один из канатов. Ее руки быстро замерзали в ледяной воде. Вскоре показался конец каната, перерезанный острым клинком. Стелла взялась за другой канат и потянула на себя. Результат оказался таким же.

Пропади все пропадом.

Она застыла на месте, когда почувствовала, что кто-то вышел на причал, быстро развернулась и подняла голову. Это был Берт, идущий к ней.

– Боже, вы меня испугали.

– Где самолет? – спросил он.

Стелла выпрямилась в полный рост, держа в руках обрезанные концы мокрых канатов.

– Его нет, – ответила она. – Гидроплан пропал. Кто-то обрезал швартовы, и при том ветре, который был ночью, его могло унести на несколько миль от берега. У нас больше нет способа выбраться отсюда.

Берт ошарашенно посмотрел на концы канатов. Он провел рукой по лбу и вгляделся в туман, как будто ожидал, что погода улучшится и можно будет увидеть гидроплан, пляшущий на волнах.

– Он не мог уплыть далеко, – выдавил он.

Стелла выругалась и бросила в воду концы канатов.

– Хорошая догадка, Берт. Очень хорошая. Вчера вечером и ночью штормовой ветер задувал от берега! Разве вы не видели с воздуха, какое это длинное озеро? Этот ветер, – она указала на озеро, – дул прямо с севера по центру водоема длиной пятьдесят километров.

– Но почему кто-то сделал это? – спросил он.

– Из-за того стишка, вот почему. Вы забыли все, что было сказано вчера вечером? Кто-то хочет наказать нас. Я проснулась с надеждой, что это неправда, но теперь это чертовски реально. Мы заперты здесь. Ни мобильной связи, ни рации, ни способов выбраться.

Берт посмотрел на дом.

– Я имел в виду другое, – медленно сказал он. – Кто из нашей группы мог это сделать? Если здесь больше никого нет, если никто не шастает по лесу, то кто-то из нас обрезал эти канаты.

Стелла похолодела, когда смысл сказанного в полной мере дошел до нее. Ее мысли заметались в разные стороны, пока она пыталась догадаться, кто мог это сделать, поскольку это коренным образом изменяло ситуацию. До сих пор у них был выход, был способ вернуться домой. Связующее звено с нормальной жизнью. Теперь оно пропало.

– Как говорила Джекки, убийца может быть среди нас.

Стелла сердито смахнула снег с лица. Ее руки немного дрожали.

– Но тогда у него нет стратегии отступления, верно? Потому что если он поубивает нас, как он сам выберется отсюда? Без самолета, без рации?

– Может быть, ему не нужна стратегия, Стелла. Вспомните судью из романа Агаты Кристи. В конце концов он совершил самоубийство.

К ее глазам подступили жаркие, жгучие слезы.

Возьми себя в руки, Стелла, черт возьми, возьми себя в руки! Это же ты советовала им не ударяться в панику.

Она набрала в грудь побольше воздуха и снова посмотрела на озеро, потом на канаты, болтавшиеся в воде. Нужно было успокоиться и все взвешенно обдумать. Составить план. Но ее самолет, ее центр поддержки и зона комфорта, теперь был недоступен. Он пропал, в самом деле пропал. И это осознание больше всего страшило ее. В каком-то смысле самолет был ее жизнью. Он определял ее как пилота, он давал ей свободу действий. А теперь они оказались в настоящей

ловушке, и она не видела выхода. Ее уверенность уплыла по ветру вместе с самолетом.

Она посмотрела на Берта, но тот отвлекся и глядел куда-то на причал за ее спиной.

Стелла медленно повернулась туда.

Снег на дальнем краю причала был в красно-розовых пятнах.

Кровь?

Она быстро подошла к красному снегу, опустилась на корточки и прикоснулась пальцами к темному пятну. Кровь уже загустела и была липкой на ощупь. Много крови. Она поднесла пальцы к носу.

– Это кровь? – спросил Берт.

– Я… думаю, да. – Она поднялась на ноги. – Берт, нам нужно собрать всех внутри. Нужно убедиться, что с остальными все в порядке.

Стелла постаралась как можно быстрее пройти по шатким и скользким доскам причала, а потом побежала по тропинке к дому.

Поиск

Келли

3 ноября, вторник

Гражданский администратор, прикомандированный к полицейскому отделению RMCP в Клуэйн-Бэй, проводила Келли в комнату для инструктажа.

– Они ждут вас, – сообщила женщина, открывая дверь.

Келли вошла в «диспетчерскую», как называлась временная штаб-квартира полиции при расследовании тяжких преступлений. Дверь закрылась за ее спиной. Мэйсон стоял перед грифельной доской, укрепленной на задней стене. Он был в мундире и держался с властной уверенностью. На стойке сбоку находился монитор, подключенный к раскрытому ноутбуку на столе перед ним. Хабб, сидевшая у окна за одним из трех металлических столов в комнате, в своем бронежилете выглядела грузной. Джейк Подгорски, другой подчиненный Мэйсона, сидел на стуле рядом с ней, вытянув длинные ноги.

– Келли, спасибо, что пришли, – Мэйсон жестом предложил ей занять место за одним из столов. Она повесила куртку на спинку стула, уселась на краю стола и сложила руки на груди. Стена слева от нее была закрыта большой топографической картой.

Хабб послала ей быструю улыбку, а Подгорски изогнул бровь в своей обычной скорбной манере. Она кивнула им.

Мэйсон постучал по клавишам ноутбука, и на экране появилось женское лицо. Обесцвеченные светло-желтые, почти белые волосы, короткая стрижка, пронзительные темные глаза. Почти квадратное лицо, мощная шея. *Огрубевшая кожа и сеточка кровеносных сосудов – возможно, признак пьянства и хронического курения,* подумала Келли. На вид женщине было около пятидесяти лет.

– Жаклин, или Джекки Блант, – сказал Мэйсон, кивком указав на фотографию. – Наша покойница из рухнувшего «Хэвиленда». Сорок

семь лет. Старший партнер Security Solutions, компании по предоставлению личной охраны и услуг безопасности в Барлингтоне, округ Онтарио. В браке с Элизабет Криммер – совладелицей Security Solutions. Полиция округа Онтарио помогает нашему расследованию на востоке. Криммер прилетела вчера вечером и сегодня утром произвела визуальное опознание покойной. Она утверждает, что Джекки Блант не является пилотом и не училась управлять самолетом.

– Но как же она оказалась мертвой и запуталась в ремнях безопасности пилотского кресла на этом гидроплане? – поинтересовалась Хабб.

– Вы определили ее личность по данным из ее телефона? – спросила Келли. Все, что она могла узнать о пропавших людях, позволяло ей лучше представить группу, что, в свою очередь, помогало распределить ресурсы и разработать эффективную стратегию поиска.

– Наши техники-криминалисты уже извлекли кое-какие данные из ее телефона, включая фотографии и электронные письма, – сказал Мэйсон. – Письма подтверждают личность покойной. Полиция Онтарио установила контакт с ее компанией и ближайшими родственниками. Все сообщили, что Блант улетела на запад для экскурсионного тура в неизвестном месте.

Мэйсон показал другую фотографию.

– У нее есть аккаунт в Facebook. Судя по данным из телефона, мы установили, что она разместила эту фотографию в 11.33 в воскресенье, 25 октября. Незадолго до вылета группы из отеля «Тандерберд».

Фотография заполняла весь экран. Восемь улыбавшихся человек в ярких куртках – пять женщин и трое мужчин – собрались на причале перед желто-голубым гидропланом с заведенным мотором и вращающимся пропеллером. «Хэвиленд» явно был готов к отлету. На заднем плане находился горный пик характерной формы. Келли сразу же узнала его: Черный Бивень, или Гнездовье Громовой Птицы на языке народа сквомиш. Ее сердце забилось чаще.

– А кто все остальные? Мы еще не знаем?

Мэйсон кивнул.

– От Криммер мы узнали, что Джекки Блант улетела в Ванкувер в субботу 24 октября на самолете «Эйр Канада», рейс 49. В тот же вечер Блант позвонила Криммер из отеля «Гейтуэй». В отеле она также

встретилась с остальными членами группы, за исключением пилота и одного из мужчин, – он указал на фотографию.

– От сотрудников отеля мы узнали имена других пассажиров и экскурсовода. Все расходы, включая перелеты и наземные передвижения, были оплачены по кредитной карте, связанной с малайзийским концерном RAKAM Group. Расследование в этом направлении продолжается, но на данный момент известно, что все члены группы были приглашены на бесплатную обзорную экскурсию для осмотра и оценки нового эксклюзивного курорта с оздоровительными процедурами, расположенного в «секретном месте» в глухом уголке Британской Колумбии. Так называемый санаторно-оздоровительный курорт «Лесная сень». Их доставили на автобусе в новый отель «Тандерберд», где они переночевали. На следующее утро они познакомились с пилотом и еще с одним пассажиром. Потом они улетели на гидроплане «Хэвиленд» DHC-2 Beaver Mk1 в неизвестное место, которое было раскрыто только для пилота через координаты в текстовом сообщении.

– Как мы это узнали? – спросил Подгорски, жевавший кончик карандаша и рассматривавший фотографию.

– От Аманды Ганн. Она числилась в агентстве по временному трудоустройству, и с ней связался представитель RAKAM Group. Ее наняли как организатора бесплатного развлекательного тура. Каждый из приглашенных работал в той области, которая представляла потенциальный интерес для услуг по контракту с RAKAM Group. Аманда Ганн рассказала детективам, что если бы членам группы понравилось то, что они увидели, то их пригласили бы к участию в тендере. Представитель RAKAM должен был встретить гостей на курорте. Сама она рассчитывала на полноценную работу экскурсовода.

– Что это за RAKAM Group? – спросила Хабб.

– Судя по всему, это ложный фасад, за которым ничего нет.

– *Что?* – Хабб подалась вперед.

– Все указывает на виртуальную компанию с офшорными счетами. Расследование в этом направлении только начинается. Пока что нам нужно сосредоточиться на пропавших людях, – Мэйсон снова указал на экран. – Пилот Стелла Дагер, сорок восемь лет. Частный пилот по контракту с «Вест Эйр», постоянный адрес на острове Галиано. Доктор Натан Макнил, пятьдесят шесть лет, профессор микологии в

университете Торонто. Его жена Моника Макнил, пятьдесят четыре года, наследница сети бакалейных магазинов и генеральный директор компании «Натуральное питание».

Хабб присвистнула.

– Это дело будет в газетных заголовках.

– Как и остальные, – Мэйсон указал на женщину со светлыми волосами. – Кэти Холбурн, бывшая звезда новостей CRTV, теперь продюсер документальных фильмов о путешествиях.

Келли изучила увеличенную фотографию. Ей было знакомо лицо этой женщины. Несколько лет назад Кэти Колбурн была звездой теленовостей.

Мэйсон указал на высокого мужчину в центре группы.

– Доктор Стивен Боден, пластический хирург из знаменитой клиники Оук-Стрит. Берт Кундера, тридцать девять лет, владелец и оператор транспортной компании Executive Transport из Барнаби. А это Дебора Стронг, тридцать один год, владелица компании Boutique Housekeeping из Суррея. И Джекки Блант.

Он обвел взглядом присутствующих.

– Согласно показаниям Аманды Ганн, был еще один человек, который собирался улететь в тот самый день. Дэн Уитлок, частный сыщик, работавший с клиентами из восточного Ванкувера. Уитлок так и не попал на рейс. Утром перед отлетом у него случился анафилактический шок. Вскоре после отбытия местный судебный следователь сообщил о его смерти. У Дэна была острая аллергия на моллюсков. Их подавали за шведским столом прошлым вечером, хотя сотрудники отеля утверждают, что они предприняли все необходимое, чтобы другая еда не входила в контакт с морепродуктами. Первоначально следователь не подал отчет в RMCP, но, принимая во внимание обстоятельства дела, полиция теперь ведет расследование его смерти.

– Значит, должны были лететь девять человек? – спросила Келли. – Но внутренняя конфигурация «Хэвиленда», – а я видела ее, – позволяла разместить только восьмерых, включая пилота.

– Все верно.

– Значит, его участие *не предполагалось с самого начала*? – спросила Хабб.

Мэйсон промолчал. Хабб и Подгорски обменялись взглядами.

– Дело дрянь, – сказала Хабб и кликнула ручкой. – А этот пилот, Стелла Дагер, – она летала на чартерном самолете с фальшивыми регистрационными знаками?

– У «Вест Эйр» есть два гидроплана. Оба самолета пришвартованы у причала компании в Галиано. Либо Дагер имела другой, незарегистрированный самолет, либо так называемый концерн RAKAM предоставил этот гидроплан в ее распоряжение. Это расследование перерастает в крупную и многогранную полицейскую операцию, и все линии остаются открытыми. Мы знакомимся с информацией по мере ее поступления. Сейчас наша цель состоит в том, чтобы определить местонахождение пропавших пассажиров, если они еще находятся в этом регионе, – Мэйсон повернулся к Келли. – Вот тут нам и нужна помощь SAR.

Келли рассеянно потерла подбородок, обдумывая ситуацию.

– Я знаю, что расследование авиакатастроф в департаменте безопасности транспортного сообщения может продолжаться целые месяцы, если не годы, – сказала она. – У вас есть их предварительный доклад?

– По их первичной оценке, этот самолет не испытал столкновения с землей или водой, – ответил Мэйсон.

Наступила тишина. Усилившийся ветер швырял в окна пригоршни мокрого снега. Келли понимала, что у них остается слишком мало времени до наступления настоящей непогоды.

– Их следователи говорят, что, судя по повреждениям, «Хэвиленд» скорее был разрушен во время сплава через речные пороги и падения в водопад, – Мэйсон кашлянул и встретился взглядом с Келли.

Оба знали, кто пустил самолет в свободное плавание по речным порогам.

– Патологоанатом определил, что причиной смерти Джекки Блант стала потеря крови. Она истекла кровью после ножевой раны, рассекшей сонную артерию. Это произошло быстро. Самый вероятный сценарий: ее зарезали, когда самолет находился на воде, а не в воздухе.

– У нас до сих пор нет сведений о месте назначения? – спросила Келли.

Мэйсон постучал по клавиатуре, и на экране появился аэрофотоснимок длинного озера с двумя маленькими бухтами в дальнем конце, где находилось нечто вроде нового поселения. Большое

главное здание, множество домиков, освещенные дорожки. Несколько причалов. Вертолетная площадка с большим диагональным крестом. Судя по красно-золотистой листве листопадных деревьев среди множества хвойных, снимок был сделан осенью. За лагерем поднималась высокая гранитная гора.

– Предположительно, это и есть курорт «Лесная сень», – сказал Мэйсон. – Сайт компании RAKAM был удален, но данные сохранились в кэш-памяти. Расположение этих построек до сих пор неизвестно.

Келли встала и медленно подошла к экрану, внимательно глядя на фотографию. Потом тихо фыркнула.

– Это фальшивка, – сказала она и повернулась к Мэйсону. – Северный берег озера Таксис, но этого курорта не существует.

– Вы уверены?

– Разумеется, – она указала на гору. – Эта гранитная глыба за постройками – гора Уорден. Я знаю, потому что поднималась на нее по северному маршруту вместе с Питером. И я помню эти две бухты. Там, в дальнем конце, есть старый дом, но он выглядит совсем не так. А эти другие постройки? Это дешевый фотомонтаж. Видите эти деревья? Вот красный дуб, *Quercus Rubra*, – она посмотрела на Мэйсона. – Питер работает лесником, и я хорошо разбираюсь в деревьях. Он никогда не прекращал… не прекращает… говорить с деревьями.

Келли на мгновение забылась и перевела дух. Когда она снова заговорила, ее голос был не таким резким и уверенным:

– Северный красный дуб, как его еще называют, растет на востоке и в центральных штатах США, а также в юго-восточной Канаде. Эти деревья не растут так далеко на севере.

– Фальшивый дом и фальшивая компания, – сказала Хабб. – Незарегистрированный самолет и подстроенный вояж. *Но почему*?

– Мы должны сосредоточиться на поиске пропавших людей, – сказал Мэйсон. Но по выражению его глаз Келли видела, что он больше привык лично возглавлять следствие, чем полагаться на роль советчика при поисково-спасательной группе. Даже на короткое время.

– На мой взгляд, спасение людей является приоритетом независимо от результата расследования, – тихо сказала она.

– Принимая во внимание это убийство и время, прошедшее с момента вылета, трудно представить, что остальные еще живы, –

сказал Подгорски. – Особенно с учетом нынешней погоды.

Словно по сигналу, снаружи засвистел ветер, напоминавший о том, кто здесь главный. Природа-мать, а вовсе не они.

Келли взяла со стола линейку и подошла к большой топографической карте на стене. Она вытянула руку и прикоснулась к бумаге концом линейки.

– Это озеро Таксис. Пятьдесят километров с севера на юг, откуда вытекает река Таксис, где мы нашли самолет, – она повернулась к полицейским. – Примерно пять лет назад я отправилась в турпоход и разбила лагерь на дальнем конце озера Мэхуд в заповеднике Уэллс-Грэй. Там был инцидент с гидросамолетом, когда пилот никак не мог завести двигатель при очень сильном ветре вдоль озера. Пока он старался, его самолет все быстрее сносило к устью, а потом подхватило течением и понесло еще быстрее. Самолет перевернулся в бурунах, а потом разбился на порогах. Если департамент транспортной безопасности сообщает, что этот «Хэвиленд» не врезался в землю или в воду, то, значит, он приплыл из озера Таксис. И первой целью моего поиска будет тот старый дом в северном конце озера. В последние две недели преобладали сильные северные ветры. Озеро Таксис довольно узкое. Крутые склоны с обеих сторон создают воздушную воронку.

Она указала на северную бухту.

– Это наиболее вероятное место обнаружения, и там нужно начинать поиски. Неуправляемый гидроплан могло сдуть вниз по озеру и подхватить течением. Отсюда река набирает силу и скорость до так называемой «теснины Таксис», – она указала место на карте и посмотрела на Мэйсона. – Здесь самолет впервые увидели охотники. При высокой воде он мог застрять на перекате и висеть там до новых сильных осадков. А потом разрушился еще сильнее, когда прошел через пороги и рухнул с первого водопада. Если самолет прилетел к тому дому, то у оставшихся людей есть крыша над головой. Они могут быть живы.

– И один из них может быть убийцей, – сказал Подгорски. – Потому что кто-то зарезал Джекки Блант.

– Что это за дом? – спросил Мэйсон.

– Участок принадлежал какому-то эксцентричному богачу из США, – сказала Хабб. – В городе поговаривали, что у него денег куры

не клюют. Он был как-то связан с Голливудом. Прилетал туда на своем самолете.

– Принадлежал? – тихо спросил Мэйсон.

– Его уже довольно давно никто не видел, – сказал Подгорски.

– Как его звали?

– Какой-то Франц, не помню фамилию.

– Келли, вы его знаете?

Она покачала головой.

– Однажды я видела его. Наверное, года три назад, когда он приезжал в город. Теперь ему далеко за семьдесят, если он еще жив. Он обычно держался особняком.

– Нам нужно как можно быстрее попасть туда, – сказал Мэйсон, закрывая свой ноутбук.

– Только не воздушным путем, – сказала Келли. – Погода не позволит, и дальше будет только хуже, особенно на высоте. Озеро Таксис расположено почти на шестьсот футов выше, чем Клуэйн-Бэй. Нам нужны полноприводные автомобили и плавсредства, чтобы попасть туда.

Мэйсон взял свою куртку и повернулся к Хабб.

– Выясните, кто сейчас владелец этой территории, – он набросил куртку на плечи. – Подгорски, вы останетесь на связи. Передавайте всю поступающую информацию. Я буду поддерживать контакт по телефону и по рации. – Выдержав короткую паузу, он посмотрел на своих подчиненных. – Рано или поздно новости попадут в СМИ. Я буду единственным посредником по связи с прессой в Клуэйне; в мое отсутствие все запросы нужно переправлять к нашему пресс-секретарю в Принс-Джордж, – он выразительно посмотрел на Келли. – То же самое относится ко всем сотрудникам SAR. Никаких комментариев для прессы.

Она почувствовала стену отчуждения, растущего между ними. Когда речь шла о поисково-спасательных операциях, предшественник Мэйсона всегда оставлял комментарии для прессы на усмотрение руководителя SAR. И она умела это делать. Она находила нужные слова, когда стояла перед камерой. С другой стороны, в защиту сержанта Денье можно было сказать, что ее группа еще не занималась поиском богатой владелицы сети продуктовых магазинов, известного пластического хирурга или бывшей звезды теленовостей. Никто из

ранее найденных ими людей не оказывался в пилотском кресле рухнувшего самолета с ножом, торчащим в шее.

– Мои сотрудники знают свои обязанности, – бесстрастно сказала Келли. Она сняла куртку со спинки стула и вышла из комнаты, собираясь направить официальный вызов для членов SAR.

Гости в лесном доме

Дебора

26 октября, понедельник

Дебора вместе с остальными сидела в большой гостиной под укоризненными взглядами облезших звериных голов, развешанных на деревянных панелях.

Самолет пропал.

Джекки бесследно исчезла.

Когда все спустились в гостиную на крики Стеллы и Берта, Джекки так и не появилась. Ее вещи по-прежнему находились в комнате наверху, и все выглядело так, будто она собиралась вернуться. На кровати лежала ночная рубашка и легинсы. Зубная паста, щетка и лосьон для лица были аккуратно разложены на полочке в ванной. Но она не разбирала кровать, а ее куртка и ботинки отсутствовали.

Но самым страшным было то, что с шахматной доски сняли вторую фигурку, и теперь она лежала на кофейном столе с отрубленной головкой. Дебора молча смотрела на нее.

Кто это сделал? Один из людей, сидевших рядом с ней? Или кто-то наблюдал за ними из леса и проник в дом снаружи?

Полено в очаге громко треснуло, и Дебора вздрогнула всем телом. Она находилась на грани истерики. Все остальные выглядели нервными и испуганными. Натан с утра развел огонь в камине, а Стивен приготовил кофе. Оба утверждали, что им не спалось, а Натан рано вышел из дома, чтобы нарубить побольше дров.

Стивен принес на подносе кружки с растворимым кофе. Берт с недовольным видом расхаживал за диваном; он впервые выглядел таким подавленным с тех пор, как Дебора познакомилась с ним в Ванкуверском аэропорту. Он то и дело потирал тыльную сторону левой руки, где был неглубокий порез. По его словам, это произошло сегодня утром, когда он поскользнулся на льду. Он тоже говорил, что не мог спать и вскоре после рассвета пошел разведать тропу за домом.

На тропе он столкнулся со Стивеном, а потом они вдвоем встретили Стеллу. Судя по всему, половина их группы бродила в холодном тумане вокруг дома, пока Дебору рвало в туалете.

Она покачала головой, отказываясь от кофе, предложенного Стивеном, поскольку боялась, что ее снова начнет тошнить. Либо ей стало плохо из-за вчерашней откровенности Джекки, заявившей, что она уже видела татуировку у нее на запястье, либо она все еще страдала от утреннего недомогания, продолжавшегося больше трех месяцев ее беременности. Она носила ребенка от Эвана. Она была *обязана* пережить это ради их совместного будущего. Она вернется домой и встретит своего героя, когда он вернется с задания. Она купит воздушные шары, наполненные гелием, и поделится с ним замечательной новостью о том, что первые несколько месяцев беременности остались позади.

Она мысленно вернулась к словам Джекки на борту самолета.

Вы кого-то мне напоминаете. Кат… Катарина. Кажется, так ее звали.

Дебора была рада исчезновению Джекки. По-настоящему рада. Теперь ее секрет находился в безопасности.

Ее взгляд упал на листок бумаги с жутким стихотворением. Он так и остался лежать на столе рядом с шахматной доской.

Восемь лгунишек вошли в лесную сень, Один увидел правду, и их осталось семь.

– Ладно, Стелла, просветите нас, – сказал Натан. – Расскажите, что вы нашли, шаг за шагом.

Стелла провела рукой по влажным волосам. Дебора заметила, что она дрожит. Даже эта невозмутимая летчица была напугана. Все они мало-помалу давали слабину.

– Я пошла по тропе к озеру, – медленно сказала Стелла. – На свежевыпавшем снегу по пути к причалу не было чужих следов. У воды я едва не столкнулась со Стивеном.

– Я искал другую бухту, – перебил Стивен.

Натан нахмурился.

– Так рано?

– Я был не единственным, кто встал на рассвете, – отрезал Стивен. – Вы вроде бы носили дрова из-под навеса, и Берт тоже находился на улице.

– Да, – сказал Берт, по-прежнему нервно потиравший руку. – Я… услышал какой-то шум у причала, увидел силуэт в тумане и пошел проверить, кто это.

– Что вы там делали с самого начала, Берт? – поинтересовалась Дебора, которую все больше раздражала его ходьба по комнате и возня с порезом на руке.

– Я собирался сделать то же самое, что и Стивен. Пройти по тропе в светлое время суток. Но потом я увидел следы, ведущие к причалу, и направился туда. Там я увидел Стеллу. Она стояла с причальными канатами в руках, а самолета не было.

– Стелла? – сказал Натан.

Она провела по рту тыльной стороной ладони.

– Швартовы были перерезаны. Кто-то специально сделал это. Он знал, что при вчерашнем ветре, который задувал от берега, самолет быстро уплывет. И мы окажемся в ловушке.

– Сначала рация, а потом это, – прошептала Кэти, слегка покачиваясь на диване. Она вскинула голову. – И тот, кто отпустил самолет в свободное плавание, сделал еще кое-что, – она указала на новую обезглавленную фигурку. – Он здесь. Он был в доме, пока мы спали наверху или ходили снаружи.

– Он или она, – сказал Стивен. – Почему вы думаете, что этого не могла сделать женщина? По мне, это больше похоже на женскую стратегию пассивной агрессии.

У Деборы перехватило дыхание от гнева при этих словах, но она прикусила язык. Кэти сердито уставилась на хирурга. Бывшая телезвезда была совершенно не в своей тарелке: никакого макияжа, волосы растрепаны. Ничего похожего на утонченную светскую даму, которую она изображала вчера.

– Женщина не станет глумиться над материнскими чувствами и заставлять другую женщину тревожиться за ее ребенка, – резко сказала Кэти, очевидно, имея в виду зловещую картину в ее комнате.

– В самом деле? – произнесла Дебора, забыв о своей предусмотрительности.

Все головы повернулись к ней. Ее желчный тон явно удивил их.

Сбавь обороты, Дебора. Тебе нужно держаться на заднем плане и не привлекать к себе внимания. Нужно залечь на дно и сосредоточиться. Тогда ты выберешься отсюда без необходимости

раскрывать свое прошлое. Эван тоже не узнает об этом. Наш будущий ребенок никогда не узнает об этом. Люди заслуживают второй шанс, и я не исключение.

Она нарочито закашлялась, не в силах отделаться от воспоминаний о некоторых женщинах, с которыми ей приходилось сталкиваться в тюрьме.

– Женщины способны на худшие дела, чем мужчины, – тихо сказала она.

Моника сглотнула и побледнела.

– Значит, вы думаете, что Джекки угнала самолет? – спросил Натан у Стеллы.

– К чему ей самолет? – возмутился Стивен. – То есть разве она умеет летать?

– Только не в такую погоду, – сказала Стелла. – Пилот или не пилот, все равно. Никто не сможет взлететь при такой плохой видимости.

– И там была кровь, – добавил Берт, не сводивший глаз со Стеллы. – Довольно много крови. Это значит, что Джекки могла быть ранена.

– Или ранен кто-то еще, – тихо откликнулась Стелла. – Остается возможность, что кто-то в лесу следит за нами и тайком пробирается в дом, когда может это сделать.

– Как вы думаете, Джекки может быть ранена и при этом находиться в самолете? – спросила Моника.

– Если она находится на борту, то ее унесло от берега вместе с самолетом, когда перерезали канаты, – сказала Стелла. – Не знаю, как долго она сможет продержаться, даже если гидроплан прибьет к берегу где-то дальше. Если раненая Джекки находится в самолете, ее с таким же успехом можно считать мертвой.

– Не думаю, что она там, – заявил Стивен. – Раньше, когда я прошел по тропе, то видел маленькую тропинку, уходившую в лес на другой стороне бухты. Там остались следы в грязи и на снегу, как будто тащили что-то тяжелое.

– Почему вы не сказали об этом? – взвился Берт.

– Я говорю об этом *сейчас*. Тогда я подумал, что это мог быть дикий зверь, тащивший добычу. Я только теперь понял, что это имеет значение.

– Я что-то видел вчера ночью, – тихо сказал Натан и потер подбородок. – Я смотрел в окно нашей комнаты. Это было похоже на маленький фонарик, двигавшийся между деревьев.

– Боже, Натан, почему вы не сказали? – воскликнула Кэти.

– Тогда я подумал, что это Стелла, которая пошла проверить самолет. Но теперь я думаю, что это была Джекки.

Стивен окинул его подозрительным взглядом. На его лице читалось откровенное недоверие.

– Когда это было? – спросил он.

– Я не вполне уверен, – ответил Натан. – Мы пошли наверх вскоре после того, как эти напольные часы пробили одиннадцать вечера. Мы с Моникой переоделись для сна. Немного поболтали, а потом я подошел к окну и увидел свет.

– Я тоже кое-что видел, – сказал Стивен. – И теперь я думаю, что это были вы, Натан, – хирург повернулся к остальным. – Без десяти минут до полуночи я тоже увидел свет, движущийся среди деревьев. Кто-то скрывался в тени неподалеку от тропы. Потом я увидел вторую тень, следовавшую за первой. Сейчас я думаю, что это был Натан.

– Какого дьявола я мог делать в темноте рядом с самолетом? – гневно спросил Натан.

– Это вы мне скажите, – парировал Стивен.

Тишина сгустилась в комнате, если не считать потрескивания дров в камине. Дебора огляделась по сторонам и остановила взгляд на Берте. Тогда она кое-что заметила.

– Берт, где ваш нож? – спросила она.

Его рука машинально опустилась к ножнам на поясе.

– Ох… тоже вопрос, – сказал он, встретившись с ней взглядом. – Когда я проснулся, то нож, который я взял в дровяном сарае, куда-то пропал. Он был в ножнах на джинсах, повешенных на стул.

Никто не произнес ни слова. Лицо Берта потемнело.

– Что? Вы мне не верите?

– Как вы поранили руку? – Стивен указал на красный порез на тыльной стороне левой руки Берта, которая теперь покоилась на опустевших ножнах.

– Я поскользнулся на обледеневшем снегу, выбросил вперед руку и поранился обо что-то острое.

Последовало тяжелое молчание. Остальные переваривали его слова и оценивали их правдивость. Дом заскрипел под весом снега на крыше.

– Господи, да что же это? – вскричал Берт. – Вы меня в чем-то обвиняете?

– На причале была кровь, – сказала Стелла, глядя на него. – Она могла вытечь из кровоточащей руки. Вы были на причале до моего прихода, Берт? Пока самолет еще был надежно пришвартован к месту? Вы обрезали канаты пропавшим ножом?

– Ради всего святого! – воскликнул Берт. – Разве вы не видите, что происходит? Мы все напуганы. У нас просыпаются звериные инстинкты, и мы набрасываемся друг на друга. Стелла, разве не вы говорили, что мы сможем выбраться отсюда, только если будем держаться вместе? Разве не вы внушали нам во время инструктажа по технике безопасности, что паника убивает людей?

Он гневно сверкал темными глазами, разгоряченный своей речью, потом провел рукой по темным, коротко стриженным волосам.

– Послушайте. Джекки Блант могла быть на том самолете. В таком случае она пропала. Но если вспомнить те странные следы, которые Стивен видел в лесу, она может находиться где-то там, раненная или в плену. Нам нужно найти ее, организовать поисковый отряд.

– Это бескрайние леса, – сказал Натан.

– Но если там кто-то есть и они захватили Джекки, то это люди, – горячо возразил Берт. – Человек не может далеко утащить такую женщину, как Джекки. Мы можем поискать ее до тех пор, пока не стемнеет.

Молчание. Все смотрели друг на друга. Пламя в камине ярко вспыхнуло, когда занялась очередная порция дров, и стеклянные глаза животных внезапно ожили в отраженном свете среди заметавшихся теней.

– Мы обязаны это сделать, – тихо сказал Берт. – Кем мы будем, если ничего не сделаем?

– Он прав, – Стелла поднялась на ноги.

– Ну, нет, – возразил Стивен. – Я не собираюсь бродить по лесу. Что, если это один из нас? Что, если это Берт и он приведет нас в засаду?

– Боже, Стивен, – сказала Моника. – И мы позволим Джекки Блант истечь кровью? Вот до чего мы докатились!

– А что, если это Джекки? – внезапно сказала Дебора.

Все головы снова повернулись к ней. Ее щеки раскраснелись под их напряженными взглядами.

– Джекки могла подстроить все это. Может быть, это она отогнала самолет от причала и теперь поджидает нас в лесу, собираясь прикончить одного за другим. Что, если она с самого начала планировала это сделать?

Молчание.

Стелла, ходившая перед камином, вдруг остановилась.

– Так или иначе, будет ли нам лучше просто сидеть здесь, как крысы в банке, которые могут только ждать, пока их прикончат? Думаю, мы должны организовать поиски. У нас нет иного выбора. Потому что если Джекки невиновна и находится где-то там, ей нужна наша помощь. Берт прав. Если оставить ее на ночь, то она умрет.

Кэти наклонилась вперед. Черты ее лица были напряженными, мышцы на шее ясно обозначились.

– Остановитесь и подумайте, Стелла. Исчезновение Джекки Блант и Дэна Уитлока вовсе не означает, что они мертвы. Мы можем делать безумные выводы на основе разбушевавшегося воображения и… ощущения психологической угрозы из-за этой книги, стихотворения и шахматных фигурок. Но все может быть не настолько злонамеренным, как кажется.

– Это предубежденное мышление, Кэти, – сказала Дебора. – Кто отрубил головы этим фигуркам? Вторая голова была отрублена после того, как мы разошлись по комнатам, сегодняшним утром.

Натан посмотрел на Стивена, потом на Монику, как бы обдумывая, что он может сказать.

– Я… я не собирался упоминать об этом, потому что… – он снова посмотрел на Стивена, – потому что в то время это не имело большого значения. Но дело в том, что кто-то побывал в доме незадолго до нашего появления. Мы со Стивеном нашли на кухне пакет из бакалейного магазина. Судя по чеку, продукты были куплены около месяца назад.

– Где именно? – поинтересовалась Кэти.

Он еще раз взглянул на Стивена.

– В магазине «Китс-Корнер» в Китсилано.

Стелла замерла.

– Что… что было в пакете? – выдавила она.

Все посмотрели на нее. Общее настроение изменилось; оно стало более тревожным, как будто должно было случиться что-то ужасное.

– Картонная коробка с куриными яйцами, – ответил Натан. – Еще батончик «Сникерс» и детская каша быстрого приготовления – «Тути-Попс» с клубничным ароматом.

Лицо Стеллы стало пепельно-серым. Она открыла и закрыла рот, потом медленно опустилась на каменный карниз перед камином и зажала рот ладонями.

– Что случилось, Стелла? – Моника резко подалась вперед, ее тело внезапно напряглось.

– Я… Это… – Стелла глубоко, судорожно вздохнула. – Это… просто дурное воспоминание. Ничего страшного, со мной все в порядке.

Она резко поднялась на ноги и провела обеими руками по волосам.

– Нам нужно разделиться на пары. Мы… мы должны как-то вооружиться на тот случай, если…

– Стелла! – произнесла Моника. Ее лицо исказилось и побелело, как будто она находилась на грани истерики. – Вы *должны* нам рассказать. Что такого с этими продуктами?

Но Стелла стояла на месте, словно пораженная громом. Время растянулось, и только проклятые часы продолжали отсчитывать секунды мерным тиканьем.

Ее глаза наполнились слезами. Когда она заговорила, ее голос звучал глухо и почти невнятно.

– Когда-то я была матерью, – сказала она. – Я… я потеряла своего ребенка, потому что была плохой матерью. Он… – она сердито смахнула одну слезинку, потом другую. – Он любил «Тути-Попс», особенно с клубничным ароматом. – Она неожиданно выругалась. – Боже, я расплатилась за это и плачу до сих пор! Общество осудило и покарало меня. Даже мой муж винил меня в смерти нашего ребенка. Я потеряла свой брак, потеряла работу. Каждый считал себя вправе судить меня и распоряжаться моей жизнью. Но никто из них, никто не побывал на моем месте. Никто не имел права судить меня. *Никто…*

Ее голос пресекся. Она зашаталась, медленно опустилась на прежнее место и посмотрела на свои руки.

– Они говорили, что женщина вроде меня вообще не имеет право рожать детей. И я больше *не могла* рожать. Это были неудачные роды.

Она замолчала на несколько секунд, пока часы громко отсчитывали время.

– Они говорили, что я убила своего ребенка, – прошептала она.

– Кто так говорил? – требовательно спросила Кэти. – Что вы сделали… *что вообще случилось*?

– Они утверждали, что это была заслуженная кара. У меня вырвали сердце из груди, а они сказали, что это… – Стелла внезапно побледнела как полотно и подняла голову. – Карма, – тихо добавила она. – Они сказали, что это карма.

Ее глаза потемнели, и на лице появилось выражение покорности, смешанной со страхом.

– Поэтому меня заманили сюда. Я виновна в убийстве, как и люди из того романа. И теперь меня ждет расплата.

Все смотрели на нее. Дебора заметила, что черты Моники исказились от нескрываемого ужаса. Кэти постукивала ногой по полу, а ее взгляд беспорядочно метался по комнате, как будто она видела призраков, прятавшихся в тени и в темной деревянной обшивке.

Желудок Деборы тяжело всколыхнулся. Ее снова затошнило. Картина событий начала вырисовываться, и женщина была уверена, что ее сейчас вырвет.

– Что вы сделали с вашим сыном? – не унималась Кэти. – Что произошло?

Стелла подняла голову с таким видом, как будто поняла что-то важное.

– Вы больше не можете винить меня. Никто больше не может наказывать меня за прошлое. Мне приходится жить с ним, и я не собираюсь говорить о нем. И я не обязана никому ничего объяснять.

Взгляд Кэти переместился на шахматные фигурки.

– Если… если верить этому стихотворению, то *все мы* виновны в каком-то преступлении, во лжи или грехе. И я начинаю думать, что с нашей стороны будет большой глупостью не относиться к этому стихотворению со всей серьезностью.

Стелла еще раз судорожно вздохнула, потом выпрямилась и расправила плечи. Но она словно стала старше и худее, чем прежде, а ее щеки под выступающими скулами глубоко запали. Ее серые глаза больше не были ясными; они казались измученными, и под ними залегли тени. Ощущение уверенности, исходившее от нее, развеялось как дым, и она предстала уязвимой и беззащитной.

Дебора снова сглотнула. Она ощущала боль Стеллы, как собственную боль. Она не могла вообразить, как можно причинить вред своему будущему ребенку и подвергнуться осуждению за это. Она осторожно потянулась и взяла Стеллу за руку.

– Ничего, это нормально. Все будет хорошо.

Слезы заблестели в глазах Стеллы, когда она посмотрела на Дебору.

– Мы это преодолеем, – пообещала Дебора.

– Да, – подхватил Берт. – Стелла права. Мы разделимся на пары…

– Нас семь человек, Берт, – напомнил Стивен. – Мы не можем разделиться на пары.

– Тогда я пойду один, – заявил Берт. – И прихвачу с собой это ружье.

Он указал на ружье, висевшее на стене.

– Нет, так не годится, – сказал Стивен. – Я не настолько вам доверяю. Либо я сам возьму ружье, либо пойду с вами.

– А вы умеете стрелять из ружья? – осведомился Натан. – Или вы просто напуганы и надеетесь, что Берт защитит вас?

– Я стрелял по летящим мишеням. И советую не шутить надо мной, Натан.

Натан уставился на него; его тело как будто вибрировало от сдерживаемого гнева.

– Это взаимно, Стивен, – процедил он.

Стивен удержал взгляд профессора. Казалось, они обмениваются невидимыми сообщениями угрожающего содержания. Моника потянулась к руке мужа, словно пытаясь удержать его от неосторожных слов или поступков.

Эти трое связаны каким-то секретом. Атмосфера накалилась, когда Натан упомянул о пакете из бакалейного магазина. Это рассердило Стивена и разнервировало Монику. Она выглядела потрясенной. Думаю, муж не сказал ей об этой находке. Почему?

– Я останусь здесь, – сказала Дебора, не сводя глаз с троицы. – Остальные могут разделиться на пары. Я все равно не могу нормально ходить из-за больной лодыжки. Кроме того, мне нужно быть здесь на тот случай, если вернется Джекки. Я запру двери, и если она начнет стучаться, то выгляну в окно, прежде чем впустить ее.

– Даже не знаю, стоит ли вам впускать ее, – сказала Моника. – Она может стоять за этими событиями, и тогда будет опасно оставаться наедине с ней.

– На полке у задней двери лежит ручной клаксон, – сказала Стелла, в ее голосе зазвучали нотки прежней уверенности. – И да, вам лучше запереться изнутри. Если кто-то придет и у вас будут основания для тревоги, погудите клаксоном из окна наверху. Это будет для нас сигналом о возвращении.

– Об осторожном возвращении, – добавил Берт.

Все согласились.

Пока остальные занимались подготовкой к поискам, Дебора заявила, что плохо себя чувствует, и поднялась в свою спальню, хромая по лестнице. Она вошла в маленькую ванную, примыкавшую к ее комнате, и ее дважды стошнило, пока она стояла над унитазом. Откинув волосы, упавшие на лицо, она прополоскала рот от едкой желчи. Признание Стеллы эхом отдавалось у нее в голове. Дебора положила руку на живот и тяжело вздохнула. Теперь, после исчезновения самолета, обратного пути не осталось. Как бы то ни было, они оказались заперты вместе. И независимо от того, как сильно Деборе хотелось сохранить свою тайну и скрыть свое прошлое от этих людей, она опасалась, что у нее не останется иного выхода, и тогда все будет только хуже.

Поиск

Мэйсон

3 ноября, вторник

Мэйсон сидел на пассажирском месте в автомобиле SAR, а Келли вела машину. Они тащили на буксире восьмиметровый реактивный катер, предназначенный для команды из двух человек и двенадцати спасенных пассажиров. Келли уверенно маневрировала с тяжелым прицепом по крутой, изрытой колеями лесовозной дороге.

Перед ними, едва видимые из-за низко нависших облаков, поблескивали задние отражатели другого прицепа с катером, рассчитанным на команду из шести человек. Его перевозил заместитель Келли, Оскар Йохансон. Келли и Оскар имели лицензию на управление водным транспортом; Клуэйн-Бэй находился на берегу одного из самых больших озер на севере Британской Колумбии. Летом этот регион привлекал большое количество энтузиастов активного отдыха на природе, и это сказывалось на количестве водных инцидентов. Мэйсон читал отчеты: пропавшие рыбаки, байдарочники, охотники, пешие туристы и попавшие в беду пловцы были главной причиной экстренных вызовов SAR во время теплого сезона.

Он посмотрел на часы. К тому времени, когда он отчитался руководителю расследования в Принс-Джордже, а снаряжение и оборудование – включая веревки, рации, каски, карабины, охотничьи прожектора, спрей от медведей, фонарики, воду и продукты, палатки, комплекты первой помощи и носилки для раненых – было собрано и уложено в катера и автомобили, было одиннадцать утра. С тех пор они ехали, направляясь в густо поросшие лесом горы и собираясь спустить катера на воду немного севернее южного берега озера Таксис, где из него вытекала одноименная река. Келли объяснила, что ниже по реке, куда было бы проще добраться, течение было слишком сильным.

Мэйсон покосился на Келли. Ее руки в перчатках уверенно лежали на рулевом колесе. У нее был красивый, волевой профиль. Чистая

кожа, никакого макияжа. Ее светло-каштановые длинные волосы, густые и блестящие, были собраны в аккуратный хвост. Она носила шерстяную шапку с логотипом SAR.

Все в ней указывало на компетентность, эффективность и сосредоточенность. От нее исходила энергия, которая оказалась заразной для Мэйсона. Келли Саттон была человеком, с которым хочется работать в команде, потому что она умела выявлять лучшие качества своих коллег. Ей как будто доставляли удовольствие очень трудные задачи, а ведь это была волонтерская работа. Мысли Мэйсона вернулись к их разговору в больнице Сильверкрика и к долгим поездкам, которые она совершала по три раза в неделю, чтобы навещать своего мужа. Она боролась за выживание, как мать-одиночка, хотя на самом деле не имела такого статуса. Год и два месяца – очень долгий срок для ожидания, пока муж не вернется в семью. Несмотря на убежденность Келли, что Питер вернется, Мэйсон скептически относился к будущему этой маленькой семьи. И даже если Питер Саттон выйдет из вегетативного состояния, их жизнь будет полна тяжелых испытаний.

По мере подъема на ветвях хвойных деревьев появился снег. Келли включила полный привод, двигаясь вперед на низкой передаче, и горный перевал с одной стороны вдруг превратился в крутой склон.

Мэйсон был хорошо знаком с обстановкой большого города. Темные улицы, подростковые шайки, организованная преступность, ночные клубы и другие порочные утехи. Он знал прокуроров, судей и осведомителей, он разбирался в устройстве этой системы.

Но эта дикая глушь была владениями Келли. Здесь он был вынужден поступиться своим авторитетом и передать ей бразды правления. Ему пришлось опираться на ее опыт работы с закаленными добровольцами из Клуэйн-Бэй и привыкать к другому способу исполнения полицейских обязанностей. Он посмотрел в затуманенное окошко на заснеженные деревья. Снова начался моросящий дождь.

– К тому времени, когда мы достигнем берега озера Таксис, наступят сумерки, – сказала Келли, быстро взглянув на него. – В зависимости от того, что мы обнаружим, нам придется разбить лагерь. Мы можем остаться там на несколько дней.

– Кто присмотрит за Беном? – поинтересовался он.

Она снова взглянула на него, явно удивленная таким вопросом.

– Я… обычно я держу такие дела под контролем, – сказала она, преодолевая очередной крутой изгиб дороги. – Он у моей подруги Рэйчел. У них с мужем, Риккардо, есть сын Тай, примерно такого же возраста, как Бенни. Они состояли в нашей группе поддержки еще до рождения Бена. Каждый член команды SAR нуждается в таких резервных вариантах для оперативной реакции на вызов, – будь то понимающий начальник, который готов предоставить внеплановый отпуск, или гибкий график учебы в школе и дневная опека. Какой смысл спасать чужую жизнь и одновременно портить отношения с семьей и на работе? Я всегда довожу это до сведения новых рекрутов.

Мэйсон ощущал оборонительную позицию Келли, к которой примешивалось чувство материнской вины. Ему была знакома такая реакция. Дженни вела себя так же, когда ее спрашивали, как ей удается совмещать работу юриста с материнством. Поэтому, хотя самого Мэйсона никогда не спрашивали, как ему удается совмещать отцовские обязанности с работой в отделе тяжких преступлений, он понимал ситуацию. Во всяком случае, насколько это было возможно, поскольку Дженни при каждом удобном случае не забывала напоминать ему о гендерном неравноправии.

– Чем занималась ваша жена? – спросила Келли. – Она работала?

Он слегка вздрогнул, когда она перевела стрелки на него, и внезапно испытал неуверенность в том, что ему хочется делиться чем-то большим о своей жизни, чем он уже рассказал. Но он сам напросился.

– Джейн была юристом, специалистом по семейному праву.

Она облизнула губы и кивнула, глядя прямо перед собой. Ее руки плотнее обхватили рулевое колесо.

– Там было чувство вины за ребенка, – продолжал он. – Как работающая мать, Дженни испытывала его. И я тоже, – слова Мэйсона удивили его самого. Он кашлянул и добавил: – Оглядываясь назад, я жалею, что не проводил больше времени с Люком. Мне бы хотелось, чтобы *мы оба* уделяли друг другу больше времени и тратили больше сил на семью… просто радуясь обычным мелочам.

Келли смерила его жестким взглядом. Мэйсон был опытным следователем, и в ее глазах он увидел внутренний конфликт.

– А если бы у вас была возможность начать все сначала, то вы бы откладывали работу и проводили больше времени дома? Вы могли бы

сменить работу?

Мэйсон тихо фыркнул и посмотрел на забрызганное ветровое стекло.

– Все мы задним умом крепки, не так ли? Я с большим энтузиазмом относился к работе над тяжкими преступлениями. Расследование громкого убийства может поглощать все силы без остатка. Это вроде наркотика. И у Дженни была похожая проблема. Когда она занималась громким разводом или брачными контрактами, это эмоционально истощало ее. Такое бывает, когда занимаешься сухими техническими подробностями борьбы за раздел совместного имущества на фоне сильных эмоций вроде любви, ненависти, утраты или измены. – Он немного помолчал. – И в конце концов всегда страдают дети.

Она прикусила нижнюю губу, но ничего не сказала. Еще несколько минут они ехали в молчании.

– У Дженни был сильный стресс, – внезапно сказал Мэйсон.

Келли посмотрела на него, и он почувствовал, что краснеет. Он не хотел говорить о Дженни и Люке, но вдруг осознал, что на самом деле нуждается в этом. Откровенно беседовать с Келли было легко. Она была предана своему мужу, поэтому между ними не могло быть никаких подводных течений. Она тоже страдала, поэтому могла понять его состояние. Она не стала бы осуждать его. Он гадал, было ли ей так же комфортно, когда она в больнице рассказывала ему о своем положении. Или она вообще была откровенна с людьми?

Он снова кашлянул.

– Джейн постоянно находилась в спешке и старалась заниматься всем одновременно. А Люк постоянно оставался голодным, уставшим, скучал по интересным впечатлениям. Ему хотелось получать больше подарков, больше играть и развлекаться, встречаться с друзьями, ездить на пляж, – он помедлил и тихо добавил: – Иногда мне кажется, что если бы я пораньше обратил внимание на эти тревожные сигналы, то мог бы предотвратить все, что случилось потом. Может быть, Дженни не оказалась бы на шоссе в то самое время, или может быть, если бы она не так спешила отвезти Люка на занятия по карате между двумя встречами, она была бы более бдительной и ехала бы помедленнее. Возможно, тогда она заметила бы этого лихача, и тогда…

– Перестаньте, – твердо сказала она. – Вы не можете так думать, Мэйсон.

Изумленный ее резким тоном, Мэйсон замолчал и пристально посмотрел на нее.

– Я миллион раз задавала себе такие вопросы в связи с Питером. Что, если бы он не так сильно устал после целого дня работы… – Ее голос дрогнул, и она перевела дух. – Что, если бы мы не поссорились перед его уходом на работу, если бы он был лучше сосредоточен… Тебе хочется винить кого угодно или что угодно, а когда ты не можешь найти ничего подходящего, то начинаешь винить себя. Это дорога в никуда, Мэйсон. Нельзя так думать.

– Да, – тихо сказал он.

Некоторое время они ехали в молчании, слушая стук дождя по крыше автомобиля и скрежет покрышек. Стеклоочистители мерно ходили по ветровому стеклу. Случайные порывы ветра со свистом проносились мимо. Стало темнее, когда они углубились в слой плотных и влажных облаков, заволокших туманом все вокруг. Они потеряли из виду автомобиль, ехавший впереди.

– Отсюда примерно километр до места сбора, – сообщила она еще через несколько минут.

Мэйсон посмотрел на часы.

– Вы упоминали, что Франц, владелец того лесного дома, был как-то связан с Голливудом. Есть еще какие-то сведения о нем?

– Все, что я знаю, основано на местных слухах. Поговаривали, что Франц ушел на покой после работы на телевидении и в киноиндустрии. Он жил в Калифорнии. У меня было ощущение, что он стоял за несколькими весьма популярными после премьеры «Выжившего» реалити-шоу. Но я не задумывалась об этом и не искала новую информацию. Как я говорила, у меня сложилось впечатление, что он умер и не оставил близких родственников, которые могли бы унаследовать этот старый дом, поскольку я больше не слышала, чтобы там кто-то побывал. Дом находится слишком далеко, в уединенном месте. На краю света. Оттуда едва ли можно выбраться пешком. Там никто не ходит.

– Кроме скалолазов на горе Уорден.

– Это бывает очень редко.

– Значит, никаких туристов с детьми, никаких людей, переплывающих озеро ради отдыха и вечеринок в лесной глуши?

– Я ничего такого не слышала. По правде говоря, люди как будто специально держатся подальше от этого места. Это что-то вроде дома с привидениями. Озеро очень длинное, как и дорога до того места, где можно спустить лодку на воду. Если у вас нет гидросамолета, это настоящее испытание. Когда вы оказываетесь там, то над вами нависает гранитная глыба горы Уорден, а внизу лишь густой лес. Кроме того, в этом районе выпадает масса осадков. Понятия не имею, кому с самого начала могла прийти в голову идея построить дом в подобном месте. Здесь нет недостатка в местах, где люди могут заблудиться или пропасть, – она выразительно посмотрела на него. – Порой навсегда, как случилось с теми двумя женщинами, которые отправились в горы в прошлом году и не вернулись. Их до сих пор не нашли. Как и женщину, которая в позапрошлом году ушла к своей лесной хижине, и с тех пор ее больше не видели.

Мэйсон читал эти отчеты. Пешие туристы довольно часто пропадали в бескрайних лесах и горах Британской Колумбии, а их останки находили спустя годы, если не десятилетия.

– Вы помните, на каком самолете летал этот Франц?

– Тоже на «Хэвиленде», но другой расцветки, бело-синей. Впрочем, почти все частные пилоты, летающие в канадской глуши, пользуются этой моделью, и не без причины. Небольшой размах крыльев, хорошая управляемость в гористой местности, короткая полоса взлета и посадки на небольших озерах. Бойкий мотор, относительно прочный фюзеляж. Надежен на воде, сухой земле, на снегу и на льду. Запчасти тоже незамысловатые, поэтому его легче починить на ходу или приспособить под себя.

Они выехали на открытое место вдоль берега озера. Грязь мешалась с тающим снегом. Оскар и его помощники уже сталкивали свой катер по бетонному пандусу в серо-стальную воду озера Таксис. Вокруг клубился туман, и озеро было покрыто белыми барашками волн. Видимость терялась на расстоянии пятидесяти метров.

Странная нервозность овладела Мэйсоном, когда Келли поставила свой автомобиль рядом с прицепом Оскара. До сих пор все свидетельствовало о том, что дело окажется совершенно необычным. И зловещим. Ему не терпелось увидеть лесной дом.

Гости в лесном доме

Моника

26 октября, понедельник

– Натан! – прошипела Моника, схватив мужа за плечо и таща на кухню, пока остальные выходили через заднюю дверь к дровяному сараю.

Она оглянулась через плечо, чтобы убедиться, что Деборы нет рядом. Эта женщина решила остаться, но хромала уже не так сильно, – во всяком случае, по мнению Моники. Она либо притворялась, либо с самого начала изображала травму, и это раздражало Монику.

– В чем дело? – спросил Натан.

– Ты ничего не сказал мне о «Тути-Попс». О пакете из бакалейного магазина «Китс-Корнер». *Почему*?

– Потому что я знал, как сильно это тебя расстроит, Моника. Я надеялся, что мне вообще не придется упоминать об этом. Но после исчезновения Джекки и пропажи самолета… – Он тоже оглянулся через плечо и понизил голос: – Это Стивен нашел пакет. И я предпочитаю, чтобы информация исходила от нас, а не от него, Моника. Это показывает Стивену, что мы владеем ситуацией. Я хотел показать ему в присутствии остальных, что если он перейдет черту, то я могу причинить ему непоправимый ущерб.

– Но тогда мы тоже все потеряем!

– Именно поэтому мы изображаем полное незнание о содержимом этого пакета.

Моника закрыла лицо ладонями.

– Боже милосердный, куда все катится? – она подняла голову. – Это она, Натан. Я же тебе говорила. О господи, это та самая мать. Я знала, что это она.

– Ее звали не так. Не Стеллой Дагер.

– Ты все решил отрицать? Мать звали Эстеллой Маршалл. Это была ее фамилия по мужу, которого она потеряла. Эстелла Маршалл

была пилотом коммерческих рейсов в компании «Пасифик Эйр». Раньше она летала по маршруту Ванкувер – Сингапур. А когда СМИ и общественное мнение обрушились на нее, она сломалась и слетела с катушек. Ее находили пьяной и полуголой в воде у Испанской набережной, помнишь? Она кричала в камеру, вместо того чтобы докладывать о полете, и ее уволили. Репортеры изрядно покопались в ее прошлом.

Натан тяжело сглотнул и посмотрел на грязное кухонное окно. Остальные собрались перед верстаком у дровяного сарая. Моника видела, что он отвергает произошедшее всеми фибрами своего существа. Она чувствовала то же самое. Но это грозило тем худшими последствиями, чем дольше они будут оставаться в этой западне. Они были обречены.

– Стелла – уменьшительное от имени Эстелла, – тихо сказала Моника. – Дагер – ее девичья или фальшивая фамилия. Ты слышал ее, Натан. *Тот инцидент* стоил ей развода и увольнения с работы. Она все потеряла.

– Она выглядит совсем по-другому. У нее были длинные темные волосы. Она была полнее и красивее.

– Ради бога, Натан! Только послушай себя! Горе и семейная трагедия могут иметь и худшие последствия. Это выворачивает человека наизнанку. Превращает его в пустую оболочку.

Слезы сочувствия подступили к глазам Моники. Вместе с ними вернулось неотвязное ощущение вины. Она вытерла мокрый нос большим пальцем.

– И ты знаешь, кто сочинил историю о ее прошлом, не так ли? Ты знаешь, кто бичевал Эстеллу Маршалл за любые чувства, которые она осмеливалась высказывать публично, кто заполнил вредоносным спамом ее аккаунт на Facebook и все ее мессенджеры? И даже Twitter, который она так и не заблокировала? Ты же знаешь, кто укреплял свой имидж и популярность на ее истории, наряду с другими?

– Кэти Колбурн, – тихо сказал он и выругался.

– Натан, она разорвала на куски эту бедную, убитую горем женщину. Она глубоко проникла в ее прошлое – в самую уязвимую часть, которую она скрывала от своего работодателя. Кэти обнаружила, что Эстелла дважды была госпитализирована еще *до того инцидента.* Она узнала, что сотрудники социальных служб приходили к ней после

жалобы от соседа на ненадлежащее исполнение родительских обязанностей. Понимаешь? Мы все находимся здесь из-за одного инцидента. И причиной тому был Стивен.

– Ты виновата не меньше его.

Она вспыхнула.

– Кэти умолчала об этом. Берт помог тебе прикрыть дело…

– Ради тебя, Моника. Я сделал все это ради тебя.

– Так или иначе, Берт является связующим звеном между автомобилем, мной и тобой. Он может сдать нас.

– Он еще не знает об этом, Моника.

– Нет, если не захочет узнать. Это вопрос времени. Он уже спросил, выполнял ли он грязную работу для тебя. Все знают, что ты преподавал в Барнаби. Университет находится рядом с его автомастерской. Все знают, что мы жили в Китсилано. А когда речь зайдет об автомобиле, то, если Стелла…

Натан обхватил ее за плечи и посмотрел ей в глаза.

– Сосредоточься. Не впадай в истерику. Нам нужно держаться вместе и хранить наш секрет, иначе все кончено.

– Мы сделали это *для нее*, – она отвернулась. – Мы это сделали.

Он протянул руку и нежно стер слезинку с ее щеки.

– Моника, посмотри на меня.

Она повернулась и встретилась с его взглядом.

– Я люблю тебя, Моника. Вместе мы сделаем это. Мы зашли так далеко, что не можем сдаться.

Впервые за долгое, очень долгое время Моника испытала прилив любви к своему мужу. Вместе с этим чувством пришло облегчение. Он взял на себя ответственность. Он поставил Стивена на место. И он сделал это для нее – с самого начала это было ради нее. Тогда она полюбила его таким, каким он был. Безумным профессором, увлеченным своими грибами. Когда маски были сброшены, он остался рядом с ней. Он всегда прикрывал ее спину. Она ужасно обходилась с ним, изменяла ему, но он простил ее и остался рядом с ней.

Он привлек ее к себе, и она устремилась в его объятия.

– Послушай, Моника, – он погладил ее по волосам. – Может быть, это лишь нелепая догадка, не имеющая ничего общего с реальностью. Потому что никто не знал о нас. Даже копы ничего не выяснили.

Моника внезапно отстранилась, пораженная его словами.

– Думаешь, это она? Она заманила нас сюда?

– Стелла?

– Ради мести.

Он замешкался и покачал головой.

– Ты же видела ее лицо, когда я упомянул о пакете из бакалейного магазина. Она была совершенно потрясена.

– Возможно, она притворялась. Она могла спрятать свой самолет вчера ночью. Она могла…

– Нет. Послушай, никто не знает о нас. Даже копы.

– Джекки Блант говорила, что работала на Дэна Уитлока, который был частным сыщиком. Возможно, они сговорились заранее, сфальсифицировали свою смерть и теперь ждут, когда мы во всем признаемся.

– Ладно, хватит, – сказал он. – Именно поэтому мы должны молчать. Нам остается только держаться за свое. Тебе, мне… и Стивену. Не говорить ни слова. Даже если кто-то догадается, у него не будет доказательств. И не может быть, после стольких лет.

– Берт. Это связующее звено и живой свидетель. Он знает о связи между мной и тобой, и моим помятым синим «БМВ», за которым охотилась полиция.

Моника выругалась и откинула волосы с лица. Она так устала жить в напряжении и хранить секрет, что ей почти хотелось признаться, чтобы избавиться от этого бремени. Ей *хотелось* видеть, как Стивена уводят в наручниках. Она ненавидела себя за то, что трахалась с ним. И за то, что позволила ему уехать с места преступления на ее автомобиле. Она была настолько потрясена и напугана, что застыла на пассажирском сиденье, не в силах пошевелиться. Уже на следующий день она могла бы дать показания и сравнительно легко отделаться, но она слишком боялась. Боялась, что Натан и их дети узнают о ее романе со Стивеном. Боялась, что жена Стивена услышит об этом. Боялась того, что может сделать полиция. Того, что произойдет с ее бизнесом, с ее сотрудниками, с ее жизнью. С ее шикарным домом в Китсилано. Поэтому она затаилась, и пока Стеллу, – в сущности, невинную жертву, – подвергали всеобщему осуждению и глумились над ней, они со Стивеном скрывали убийство чудесного шестилетнего мальчика, которого звали Эзикиел Маршалл, который любил «Тути-Попс» и батончики «Сникерс». Мать ненадолго оставила его перед винным

магазином, куда не допускались несовершеннолетние и посетители с собаками. Он держал пакет из бакалейного магазина и щенка на поводке в безопасном и престижном районе, темным и сырым осенним вечером. И пока его мать расплачивалась на кассе за бутылку «Шардоне», маленький Эзикиел, прижимавший пакет к груди, случайно выпустил поводок. Щенок отвлекся на что-то, лежавшее на тротуаре, и побежал туда. Мальчик кинулся за ним. Щенок пробрался между двумя припаркованными автомобилями и метнулся на другую сторону дороги, где было темно. Ребенок рванул вслед.

Моника содрогнулась от воспоминания об ударе.

Перед ее мысленным взглядом возникло бледное, безумное лицо Эстеллы Маршалл, с криком выбежавшей из винного магазина. Она видела, как Эстелла уронила бутылку и выбежала на дорогу. Она видела лицо Эстеллы, – ее глаза, эти неистовые глаза, – когда она стояла перед репортером CRTV и умоляла любого, кто видел синий «БМВ», убивший ее сына, сообщить об этом. Потом она рыдала и просила того, кто забрал красный рюкзачок ее сына, поступить правильно и связаться с полицией.

Но никого не нашлось.

Казалось, никто не видел синий «БМВ».

Тот самый автомобиль, который Натан обнаружил с поврежденным бампером и поставил у себя в гараже без номерного знака. Когда Натан посмотрел выпуск новостей, он все понял. Он стал задавать Монике жесткие вопросы, и она была вынуждена рассказать ему о Стивене. Об их романе. О том, что в тот вечер они были навеселе. О том, что они приходили в дом Макнилов и занимались сексом на кровати, которую она делила с мужем.

Ночью Натан отогнал «БМВ» одному из своих доверенных людей в Барнаби. Автомобиль так и не вернулся назад. По словам Натана, машину отремонтировали и продали анонимному покупателю из Альберты.

Кухонная дверь распахнулась и впустила в комнату порыв влажного, холодного воздуха.

– Эй, – Стивен остановился, держа руку на дверной ручке, когда увидел выражение их лиц. – Что вы делаете? Что происходит? – тихо спросил он.

Натан и Моника обменялись взглядом.

– Это она, – быстро сказала Моника. – Стелла – мать того мальчика, которого ты сбил моим автомобилем. Как выяснилось, это Берт отремонтировал и продал мой «БМВ». Он потенциальный свидетель, который может выдать нас всех. Мы можем отправиться в тюрьму за то дело.

Стивен сглотнул, оглянулся через плечо и посмотрел в окно на остальных, собравшихся у дровяного сарая.

– Стелла и Берт знали друг друга? – спросил он.

– Нет, не думаю, – прошептал Натан.

– Стивен! – послышался снаружи крик Стеллы. Они услышали ее шаги, хлюпанье снега и хруст гальки под ногами. Она появилась в дверях, тяжело дыша. – Вы нашли Монику и…

Она перевела взгляд со Стивена на Монику с Натаном и нахмурилась.

– Чем вы тут занимаетесь?

– Да так, ничем, – поспешно сказала Моника, испытывая острое замешательство. – Мы просто… беспокоились.

Стелла окинула их долгим взглядом.

– Нам пора идти, – сказала она. – Довольно скоро начнет темнеть. У нас есть фонарики и налобные фонари, а в сарае – кое-какие вещи, которые сойдут за оружие. Выходите и выбирайте.

Гости в лесном доме

Дебора

Дебора отступила от стены, отделявшей кухню от большой гостиной. Чуть раньше она спустилась, собираясь вскипятить немного воды. После рвоты наступило обезвоживание, а она боялась пить воду из-под крана без кипячения. Тогда она услышала перешептывание Моники и Натана. Потом пришел Стивен.

Когда кухонная дверь закрылась за ними, ее сердце стучало так быстро, что она опасалась сердечного приступа. Кусочки сборной головоломки складывались в определенную картину, и то, что она видела, ужасало ее.

Она подождала, пока не убедилась, что они отошли от дома, а потом осторожно вошла на кухню.

Там было сумрачно и жутковато. Ножи, секач и колотушка для отбивания мяса внезапно обрели зловещий смысл. Она медленно двинулась к окну, хотя лодыжка уже почти не болела, и выглянула наружу.

Она увидела остальных, собравшихся вокруг верстака под дровяным навесом. Они распределяли между собой ножи, баллончики со спреем, отпугивающим медведей, фонарики и другие вещи. Берт зарядил ружье и рассовал пули по карманам. Стивен посмотрел на дом, и она быстро отступила в сторону от окна.

Поиск

Келли

Келли вела свой катер по неспокойным водам озера Таксис. Когда они обогнули мыс, ветер ударил в борт, и дождь заструился по козырьку из оргстекла, закрывавшему приборную панель. Она заглушила двигатель, ожидая и наблюдая, как Оскар и его команда из трех мужчин и одной женщины выплывают из защищенной бухты. Как только они обогнули мыс, Келли открыла дроссельную заслонку. Так быстро, как позволяла погода, она повела свое судно по мелким волнам под косым дождем пополам со снегом. Местами облака так низко нависали над водой, что она даже не могла различить горные склоны, круто поднимавшиеся по обе стороны узкого озера.

– Теперь я понимаю, что вы имели в виду, когда говорили про аэродинамическую трубу над этим озером! – крикнул Мэйсон, одной рукой придерживая шапку и ухватившись другой за поручень ограждения.

– Что?

Он повысил голос и повторил свои слова.

Келли рассмеялась. Она бы солгала, если бы сказала, что не получает удовольствия от этой работы. Ей нравился холодный ветер, бьющий в лицо, пелена дождя и сопротивление волн, расступавшихся перед носом катера. Время от времени она мельком видела крутые склоны, плотные леса, черные валуны и проплешины от снежных лавин, торчащие корни огромных деревьев и уродливые каменные россыпи. Ей казалось, это край, любимый Богом. Она вбирала в себя и ценила его смертоносное величие.

Оскар следовал за ней на более вместительном катере. Примерно через сорок минут она проверила показания приборов. После спуска на воду они преодолели около тридцати километров. Звук двигателей изменился, когда они сбросили скорость и вошли в зону плохой видимости. Келли не могла разглядеть гору Уорден или северный край

озера, но она ощущала их как нечто большое и массивное за плотной завесой тумана.

– Скоро будем на месте, – сказала она Мэйсону.

– Я вижу! – он указал туда, где туман чуть рассеялся.

Дом появился внезапно, сгорбившийся на поляне, как черное живое существо, с обеих сторон окруженное густым хвойным лесом, подступавшим к краю воды. Окна хищно поблескивали, тотемные столбы возвышались, как немое предупреждение.

Келли отмахнулась от ощущения угрозы, клубившегося вокруг дома. Она не была здесь с тех пор, как отправилась штурмовать южный склон горы Уорден вместе с Питером и другими скалолазами. Это было больше четырех лет назад. Место еще тогда казалось жутковатым, но теперь впечатление усилилось.

Они приблизились к старому причалу. Келли подвела катер бортом к мшистым доскам причала, покрытым комками ила. Оскар пришвартовал свое судно за ней.

На суше не было заметно никакого движения. Из каменной каминной трубы не поднимался дымок. Внутри не горели керосиновые лампы. Единственным свидетельством того, что здесь кто-то находился, были два каната, привязанные к столбам причала. Концы уходили в воду.

Келли указала на канаты, когда выключала двигатель.

– Выглядят как новые.

Мэйсон кивнул.

Они взяли охотничьи прожекторные лампы и фонарики и молча высадились на причал. Пока сотрудники SAR швартовали катера, Мэйсон опустился на корточки и вытянул канаты из воды.

Келли сразу же заметила, что концы были обрезаны. Она молча смотрела, как Мэйсон фотографирует канаты, пока Оскар и остальные направились к дому, светя фонариками в тумане.

– Думаете, это было сделано недавно? – Келли кивнула в сторону обрезанных концов, когда Мэйсон поднялся на ноги и огляделся по сторонам.

– Да, – тихо ответил он. – На гидроплане с мертвой женщиной были канаты, привязанные к распоркам поплавков. Они явно обрезаны.

– Значит, самолет был пришвартован здесь, а потом кто-то обрезал канаты и отправил его в свободное плавание?

– На данный момент это и есть рабочая гипотеза, – Мэйсон включил фонарик и аккуратно посветил на влажные доски. – Вы не попросите своих ребят немного подождать?

Келли выругалась про себя, когда увидела, как Оскар со своими помощниками подходит к дому.

– Эй! – крикнула она в туман. – Оскар! Ребята! Подождите, пока полиция не даст добро!

Оскар помахал ей в ответ.

Мэйсон подошел к краю скользкого причала и снова опустился на корточки. Рукой в перчатке он немного поворошил в мокром снегу. Келли увидела, что привлекло его внимание: розовые пятна в снежной пудре. Ее сердце забилось чаще, и она посмотрела на дом. Оскар и остальные ждали возле тотемных столбов. Оскар водил по земле лучом фонарика. Он был опытным следопытом и, возможно, тоже что-то заметил.

Мэйсон сделал еще несколько снимков и поднялся на ноги.

– Давайте посмотрим. На данный момент этот участок можно рассматривать как место преступления. Я попрошу ваших ребят отступить в сторону до дальнейших указаний.

– Ясно.

Она последовала за Мэйсоном по узкой и заросшей тропе, ведущей к тотемным столбам.

Раздался скрип. Келли вздрогнула и подняла голову. Голова и крылья ворона сместились в сторону, когда ветер поменял направление. Волоски на ее шее встали дыбом. Верхушка тотема вращалась на столбе и представляла собой нечто вроде примитивного флюгера, но Келли не могла отделаться от впечатления, что птица живая и наблюдает за ними. У нее было какое-то странное шестое чувство насчет злонамеренности этого места, а Келли привыкла доверять своей интуиции. Она не раз спасала ей жизнь в прошлом, когда она оказывалась в дикой глуши.

Какие сцены видели глаза этого деревянного ворона?

Когда они подошли к крыльцу, Мэйсон поднял руку.

– Минутку, – сказал он. – Подождите здесь.

Он достал табельный пистолет, поднялся на крыльцо и постучал в дверь.

– Эй! Здесь кто-нибудь есть?

Они ожидали ответа в мертвящей тишине. Мэйсону никто не ответил, если не считать монотонного стука дождя и свиста ветра в лесу. Мэйсон потянул за ручку, и дверь открылась. Он жестом велел отойти в сторону, от прямой линии с выходом. Они подчинились, переглядываясь и наблюдая, как Мэйсон распахнул дверь рукой, обеими руками держа оружие на изготовку.

– Эй, есть кто дома? – снова крикнул он и немного подождал. – Это сержант Мэйсон Денье из RMCP. Я вхожу в дом!

Он вошел по уставу, держа оружие перед собой и водя стволом из стороны в сторону. Потом он исчез внутри, и они снова услышали его оклики.

– Там, на причале, была кровь, – прошептала Келли Оскару.

– Ты уверена, что это кровь?

– Возможно, это кровь, – поправилась Келли. Но Джекки Блант где-то зарезали, и она могла поспорить, что пятна на причале были человеческой кровью.

Оскар кивнул, продолжая светить фонариком в сгустившихся сумерках, изучая землю вокруг них. Внезапно он остановился и указал пальцем.

– Сюда, – тихо сказал он. – В грязи, вокруг колючего кустарника. Похоже на следы.

Келли прикрыла глаза козырьком ладони от дождя и вгляделась в туман. Оскар был прав. Там, в грязном месиве возле просвета между кустами, ведущего к деревьям, были следы, ведущие к деревьям.

Минуты тянулись за минутами, пока они ждали Мэйсона. Облака надвинулись еще ниже, и дождь полил сильнее, стекая с водонепроницаемых курток и капая с козырьков. Почти совсем стемнело.

– Он не торопится, – заметил Оскар. – Как думаешь, с ним все в порядке?

Келли сама начала беспокоиться, но потом увидела свет фонарика, двигавшийся за одним из темных окон наверху.

– Он наверху, – сказала она.

Минуту спустя Мэйсон вышел на крыльцо. Люди напряглись, когда он приблизился к ним.

– Судя по всему, там никого нет, – сказал он, убирая оружие в кобуру. – Но они были в доме.

– Вы уверены? – спросила Келли.

– Как минимум два дня, судя по консервным банкам и тарелкам в раковине на кухне и на обеденном столе. Они спали в комнатах наверху. Некоторые вещи остались в спальнях, включая бумажник с удостоверением личности Джекки Блант.

Гости в лесном доме

Стивен

26 октября, понедельник

Стивен последовал за Моникой и Натаном, но когда они вошли под навес, что-то заставило его оглянуться.

Он замер. Она была там; ее темный силуэт выделялся на фоне оконного стекла. Дебора Стронг. Она наблюдала за ними.

Дебора быстро отошла в сторону, когда заметила, что он смотрит на нее.

Это была тихая, странная женщина. Она беспокоила Стивена. Она была наблюдательницей. Она втягивала в свою ауру самые разные вещи. Собирала их.

Окна кухни заволокло туманом, и его пробрал леденящий холод. *Наблюдательница… свидетельница…*

Он застыл на месте.

Свидетельница.

Слово было похоже на змеиное шипение. Его сердце забилось быстрее, когда он вспомнил слова Джекки Блант.

Я видела Дебору раньше. Мне знакома татуировка в виде ласточки у нее на запястье. Я разговаривала с ней и узнала ее голос. У меня хорошая память на такие вещи.

Вы ошибаетесь, ответила Дебора.

Стивен помнил напряженность, возникшую между ними. Они явно знали друг друга. Но предпочли не говорить об этом. Почему? Его мысли вернулись к шокирующему откровению Моники о том, что Стелла была матерью того мальчика, которого он убил.

Он вспотел, пока смотрел на мутные окна старого дома. Он вспоминал глаза матери, умолявшей вернуть рюкзак ее сына во время выпуска теленовостей. Он знал, что Моника была права. Это та самая женщина. Возможно, на каком-то подсознательном уровне он понимал это раньше, но инстинкт выживания отказывался признавать это.

Потому что он задавил ее ребенка. Потому что он убил Эзикиела Маршалла.

Воспоминание об этом ударе заставило его содрогнуться.

Он не поверил своим глазам, когда это случилось. Но он не владел собой. Моника наклонилась над ним и сосала его член. Он помнил ее хихиканье, а потом глухой удар.

Пот струился по его груди, несмотря на холод.

Он дал задний ход. Он хотел убедиться, что ничего особенного не случилось, но потом увидел кровь и детское лицо… Он запаниковал, поддал газу, с ревом свернул за угол и унесся в темный переулок.

Но кто-то видел, что он сотворил. Женщина. Она стояла под дождем на перекрестке, в стороне от магазинов. Там было темно и тихо. Сапоги на высоком каблуке, короткая юбка, блестящий черный плащ. Дождь, капавший с зонтика. Проститутка, сразу же подумал он. Шок запечатлел ее образ в его памяти, когда она заглянула в окошко автомобиля – прямо ему в лицо – и удивленно округлила губы.

Свидетельница.

А когда он на скорости свернул за угол, она побежала к упавшему мальчику.

Но свидетельница так и не появилась. Никто не знал, что с ней произошло; никто не знал о ее существовании. У нее было что скрывать ради себя самой. Должно быть, она посмотрела на мальчика, поняла, что ему уже не помочь, потом забрала его рюкзак, отлетевший номерной знак с бампера «БМВ», и убежала.

Мать видела свидетельницу, убегавшую с красным рюкзачком. Она рассказала об этом полицейским и репортерам. Но очевидно, она не видела, как женщина прихватила погнутый номерной знак.

Полиция устроила охоту на нее. Они развесили объявления на столбах и выступали по телевидению, призывая ее выйти из укрытия. Но все было тщетно. И никто не знал о пропавшем номерном знаке.

Шло время, и Кэти Колбурн объявила, что у Эстеллы Маршалл развилось психическое расстройство с приступами депрессии, отчего она обратилась к частному психотерапевту. Тогда сложилось мнение, что Эстелла выдумала несуществующую свидетельницу под влиянием стресса и горя от утраты единственного сына.

Свидетельница наблюдает.

Казалось, его внутренности превратились в холодный и твердый комок. Из глубин памяти всплыл разговор с его адвокатом, который был известным «решалой».

«У меня кое-кто есть, Стивен. Бывший полицейский, ныне частный сыщик. Он решает любые вопросы. Если кто и может вернуть ту табличку и утихомирить свидетельницу, так это он».

«Кто он такой?»

«Лучше не вдаваться в подробности. Нужно решать проблемы одну за другой, по мере их поступления. Чем меньше ты знаешь, – чем меньше мы все знаем, – тем будет лучше».

«Но этот сыщик уладит дело?»

«За определенную плату».

«Как?»

«Опять-таки, чем меньше знаешь, тем меньше потенциальный риск».

«Ты хочешь сказать… этой свидетельнице заплатят?»

«Что-то вроде того».

Стивен судорожно вздохнул. Он попытался совладать с подступающей паникой, путающей его мысли. Все складывалось. Все точки и тире.

Был ли Дэн Уитлок тем самым частным сыщиком? Заплатил ли он кому-то, чтобы свидетельница замолчала?

Могла… могла ли та свидетельница быть Джекки Блант?

Нет. Черт побери, нет. Сплошная каша в голове. Он видел несуществующие связи. Его страх, его вина порождали чудовищ на каждом углу.

– Стивен?

Он приглушенно ахнул и развернулся. Все остальные смотрели на него со странным выражением, как будто он свихнулся или потерял контроль над собой.

– Вы в порядке, старина? – спросил Берт.

Слова Моники эхом отдавались в его голове.

Берт. Вот связующее звено и живой свидетель. Он знает о связи между мной, тобой и моим помятым синим «БМВ», за которым охотилась полиция.

– Да… я в полном порядке, – он вошел под навес, оплетенный паутиной. Обстановка напоминала средневековую камеру пыток,

полную орудий и инструментов, покрытых толстым слоем жирной грязи и пыли; там пахло опилками и чем-то неопределенным. У задней стены стоял большой холодильник, примыкавший к бензогенератору. На полках стояли канистры с бензином.

– Там ничего нет, – сказал Берт, когда Стивен уставился на холодильник. Он открыл дверцу и показал. – Полагаю, если мы тут задержимся, то будем охотиться и складывать добычу. Холодильник подключен к генератору, канистры полны.

Стивен посмотрел ему в глаза. Потом его взгляд переместился на пустые ножны на бедре Берта.

«Я выполнял неофициальные заказы и получал деньги под столом за ремонт автомобилей, которые находились в розыске».

Автомеханики, ремонтировавшие такие автомобили, обычно находились в сговоре с угонщиками. Люди вроде Берта иногда вели записи, делали фотографии и вели скрытое видеонаблюдение, чтобы уравнять шансы, если дела пойдут вкривь и вкось. Мог ли Берт иметь доказательства, что Натан пригнал ему автомобиль Моники? Остались ли у него старые фотографии «БМВ»?

Четырнадцать лет назад выпуски ванкуверских теленовостей были полны историями о вызове свидетелей, которые могли видеть синий «БМВ» с разбитым бампером. Берт должен был видеть эти новости. Он должен был понимать, что синий «БМВ» Натана имел отношение к инциденту. На автомобиле могла остаться кровь ребенка или его волосы.

А если Берт разоблачит Монику и Натана, Моника ни за что не пойдет ко дну, не утащив за собой Стивена.

Приступ паники был похож на удавку, сжимавшуюся на шее. Стивен не мог вздохнуть.

Есть ли способ предотвратить это? Помешать Берту установить связи в этой вынужденной близости?

Могу ли я остановить Берта… навсегда?

Эта мысль поразила Стивена, как удар в переносицу, когда он смотрел на смуглое лицо Берта.

Навсегда.

Мне нужно спастись.

Могу ли я заставить себя сделать это?

Кто узнает? Особенно если это случится в лесу, пока они будут искать Джекки Блант?

– Вот что я нашла, – сказала Кэти и положила несколько рулонов флуоресцентной маркировочной ленты на верстак рядом с ножами, секачом, перечным спреем и ручным клаксоном. – Мы можем повязать ленту на деревья, чтобы не заблудиться на обратном пути.

– Отлично, – сказала Моника. – Прямо как хлебные крошки в сказке о Генделе и Гретель.

– По крайней мере, вороны и лесные звери не сгрызут эту ленту, – сердито откликнулась Кэти.

Женщины уставились друг на друга. Стивен ощущал напряженность, растущую между ними.

Как много известно Кэти? Она могла догадаться о связи между Стеллой и Эстеллой, не так ли? Судя по маниакальным вопросам, которые она задавала Стелле вчера вечером, по ее нервозности и постукиванию ногой… Но Кэти Колбурн не может знать, каким образом Моника, Натан и я связаны со Стеллой. Даже полиция не смогла выследить нас.

Берт суетливо проверял, заряжено ли ружье, и щелкал прикладом.

– Ну, ладно, – сказала Стелла. – Выбирайте оружие для обороны и давайте разделимся на пары…

– Я пойду с Бертом, – поспешно заявил Стивен.

Его слова были встречены молчанием.

– Послушайте, я не доверяю Берту с ружьем, – сказал Стивен. – Мы не знаем, что случилось с его ножом. Я не представляю, каким образом он поранил руку и откуда на причале появилась кровь, ясно?

– Я же сказал, кто-то забрал мой нож.

– Кто, например?

Берт пронзил его взглядом. Напряжение балансировало на грани взрыва.

– Отлично, – сказала Стелла. – Отправляйтесь с Бертом. Кэти, кого вы предпочитаете?

– Стелла, я пойду с вами, – перебила Моника. – Натан может отправиться в паре с Кэти.

Кэти сверкнула глазами.

– Вы мне тоже не доверяете?

– Я доверяю себе и своему мужу, – ответила Моника. – Мне кажется, будет удобнее, если мы разделимся и каждый из нас присмотрит за кем-то еще.

Внезапный порыв ветра со склона горы засвистел в щелях под навесом.

– Пора выступать, – сказала Стелла. – Пока не стемнело и не начался следующий шторм. Каждая группа возьмет фонарик на тот случай, если мы не успеем вернуться до наступления темноты.

– Какова стратегия поиска? – поинтересовался Берт. – Где были те следы, Стивен?

– Я прошел по тропе до следующей бухты, – объяснил Стивен. – Там была небольшая поляна, за которой снова начинался густой лес. Следы находились у этих деревьев, вдоль более узкой тропы на другой стороне поляны.

– Кто мог их оставить? – спросила Моника.

– Вероятно, люди, которые раньше останавливались в этом доме, – предположила Кэти.

– Или животные, – добавил Берт. – Это могут быть следы диких зверей.

– Он прав, – сказала Стелла. – Мы можем столкнуться с хищниками, защищающими свою добычу. У двух групп будет перцовый спрей от медведей, у нас только два баллончика, поэтому остальные при необходимости воспользуются ручным клаксоном.

– Думаю, мужчины с ружьем могут взять клаксон, – сказала Кэти и потянулась за баллончиком. – Иначе у остальных не будет возможности отгонять хищников.

– Говорят, ручной клаксон пугает медведей, – сказал Стивен и взял рожок.

– Мало ли что говорят, – пробормотала Моника и забрала второй баллончик с перцовым спреем.

Потом они разобрали ножи, принесенные с кухни. Стелла взяла себе мясницкий секач.

Стивен возглавил путь, и они цепочкой быстро пошли по тропе ко второй бухте. Моника замыкала процессию. Деревья у извилистой тропы были очень старыми – хвойные великаны с толстыми ветвями, плотно переплетенными наверху, и мощными стволами. Земля заросла пружинистым мхом и была усыпана сосновыми иголками. Изумрудно-

зеленый мох, белые и оранжевые лишайники росли на упавших гнилых стволах. Повсюду из суглинка выглядывали головки грибов; трутовики на некоторых стволах выпирали, как раковые наросты. Стивен был благодарен, что Натан не отпускает замечаний по поводу грибов. Полосы тумана двигались между деревьев, как призраки. Время от времени они прикрепляли полоски маркировочной ленты к низким ветвям или кустам.

– Нам не нужно тратить ленту на этом отрезке тропы, – сказал Стивен, который с каждой секундой становился все возбужденнее. – Ясно, что она ведет к дому.

– Только не в темноте и не в густом тумане, – возразила Стелла за его спиной. – Люди в таких условиях могут заплутать среди трех сосен.

– И вы это знаете? – бросил он через плечо.

– Да, знаю. Я проделала десятки чартерных рейсов в такие глухие места, на острова, во Внутренний Проход[11].

– Как долго вы летали на чартерных рейсах, Стелла? – спросила Моника, которая шла позади. Стивен понимал, к чему она клонит: она хотела побольше узнать о прошлом Стеллы Дагер.

– Примерно пятнадцать лет, может, немного больше, – ответила Стелла.

Она лжет. Если это действительно Эстелла Маршалл, то четырнадцать лет назад она выполняла коммерческие рейсы в Сингапур.

Девять лгунишек на самолет попросим…

– Здесь, – он показал где. – Следы начинаются здесь. Их можно увидеть под снегом.

– Не вижу никаких следов, – сказала Кэти, подошедшая сбоку.

Профессор явил свои навыки грибника и опустился на корточки. Сняв перчатку, он аккуратно отодвинул рукой мокрый снег.

– Кровь, – сказал Натан. – Это похоже на кровь.

Он посмотрел на деревья, куда уходила тропа. В темном лесу открывался маленький просвет. Другая тропа проходила между деревьями немного ниже вдоль склона горы и ближе к озеру.

Завыл волк. Все замолчали.

Вой послышался снова, где-то далеко в горах. Кэти поежилась, когда он усилился, а потом стих, и слышны были только короткие ответные завывания с другой стороны.

Стивен тяжело сглотнул. Ему было страшно, и ему это не нравилось. Он знал свою клинику. Он знал город. Он хорошо разбирался в деньгах, шикарных автомобилях, изысканных винах и авиапутешествиях первым классом. Он разбирался в европейских виноградниках, в лучших отелях Лондона и Нью-Йорка. Но на это он не подписывался.

Туман клубился, на глазах становясь все плотнее, и ветер шелестел среди ветвей.

– Думаю, нам лучше вернуться, – прошептала Моника.

– Здесь мы разделимся, – уверенно сказал Берт, и Стивен задался вопросом, не собирается ли он завести их в некую ловушку. Вполне возможно, это он ранил Джекки и оставил кровь на причале. Именно тогда он мог порезать руку. Стивен подумал о пропавшей Джекки. Потом о волках.

– А я все думаю о шахматных фигурках, – напряженным тоном произнесла Кэти. – И о том стихотворении. Моника права; нам нужно вернуться в дом.

– Мы должны хотя бы поискать ее, Кэти, – сказала Стелла. – Возможно, это ее кровь. Человек или зверь, но что-то утащило ее в лес.

– Я знаю, но в том-то и проблема, – жалобно сказала Кэти.

– Мы обязаны это сделать, – отрезал Берт.

– Нет, не обязаны, – огрызнулась Моника. – Совершенно не обязаны.

– А если бы это *вы* пропали и оказались раненой в лесу? – спросил Берт.

– По крайней мере, мы можем попытаться, – сказала Стелла.

Берт выступил вперед с решительным выражением на лице. Ветер ерошил его короткие темные волосы. Его щеки раскраснелись от холода.

– Стивен, мы с вами пойдем по тропе, где кровь. У нас есть ружье. Моника, Стелла, Натан и Кэти, вы пойдете по нижней тропе и можете разделиться, если обнаружите развилку. Делайте перекличку примерно

каждые десять минут. Убедитесь, что все мы находимся в пределах слышимости.

– Это глупо, – пробормотала Кэти. Она дрожала и казалась очень бледной.

Берт не обратил на нее внимания.

– Наш поиск будет продолжаться не более ча- са. Внимательно смотрите вокруг, ищите следы. Помечайте ваши маршруты. Если через час мы ничего не найдем, то вернемся обратно по тому же пути.

Стивен и Берт немного постояли вдвоем, пока другие начали спускаться по нижней тропе.

– Похоже на звериные тропы, верно? – сказал Берт, повернувшись к узкой, заросшей лесной тропинке. – Люди обычно передвигаются по более нахоженным путям.

– Откуда мне знать, черт подери? – отрезал Стивен. – Давайте, это же вы наш бойскаут. Вперед и с песней!

Берт на секунду удержал его взгляд, затем повернулся и вошел в темный лес.

Поиск

Келли

– Похоже, они оставили записку в блокноте, где сообщили, что покидают дом, – обратился Мэйсон к Келли и ее группе после того, как убрал оружие в кобуру. – Но страница была вырвана, и можно разобрать только самое начало.

Келли посмотрела на темный дом.

– Здесь у них была крыша над головой, – сказала она. – Вода, газовая плита, дрова для камина. Скорее всего, они понимали, что у них мало шансов на выживание в лесу и в гористой местности. Особенно в такую погоду.

– Отсюда следует вопрос, почему они ушли, – заметил Оскар.

– Возможно, они отчаялись, – предположил один из членов группы SAR. – Поход в глушь с риском для жизни показался им более привлекательным, чем возможность навсегда остаться здесь.

– Если бы мы больше знали об этих людях, нам было бы легче отвечать на такие вопросы, – сказала Келли.

– Келли, вы пойдете со мной, – распорядился Мэйсон. – Мне нужна ваша первоначальная оценка на основании того, что вы увидите внутри. – Он повернулся к остальным. – Это место преступления. Ни к чему не прикасайтесь без крайней необходимости. Пользуйтесь перчатками. Следуйте правилу: выходите из помещений по тому же пути, каким заходите. Оскар, вы можете внимательно осмотреть стороны дома и задний двор, чтобы окончательно убедиться, что здесь никого нет?

Оскар кивнул.

– И будьте осторожны, – добавил Мэйсон. – Здесь была убита женщина, и убийца может находиться где-то поблизости.

Оскар отвел своих людей в сторону и разделил их на две группы.

Келли вошла в дом следом за Мэйсоном, пока сотрудники SAR начали обход дома.

Темнота внутри ощущалась как физическое давление. Они с Мэйсоном провели лучами фонариков вокруг комнаты. Темнота расступилась по углам и под столами, снова выползая наружу, когда они поворачивались в другую сторону. Дом как будто дышал холодом, застарелым дымом и неприятным, слабым и неопределенным запахом. *Дыхание зла.*

Возьми себя в руки. Дом долго стоял взаперти, вещи гнили и плесневели.

Келли вздрогнула, когда луч ее фонарика отразился в выпуклых желтых глазах оленьей головы, висевшей на деревянной панели.

Возьми себя в руки.

На стенах были развешаны потемневшие картины, написанные маслом, полки с рядами старых, тронутых плесенью книг, туземные маски с черными волосами и аляповатыми ухмылками.

Мэйсон нашел керосиновую лампу и зажег ее. Золотистый огонек замерцал в полумраке, и обстановка вдруг стала чуть менее враждебной. Комната была огромной, с каменным камином, форма и размеры которого намекали на готический замок.

– Где была записка? – спросила она у Мэйсона. Ее голос эхом отразился от стен похожего на пещеру помещения со сводчатым потолком. Она посмотрела вверх и увидела массивную люстру из переплетенных оленьих рогов, нависавшую как дамоклов меч над ее головой.

Мэйсон указал на кофейный стол перед камином, где лежал блокнот рядом с большой шахматной доской, вырезанной из камня. На доске стояли пять резных деревянных фигурок. Келли они показались похожими на традиционную индейскую резьбу, сходную по технике исполнения с тотемными столбами.

Еще три фигурки были опрокинуты. Судя по всему, их головки были недавно отрублены, что было видно по засечкам и по светлому срезу. Келли нахмурилась и посмотрела на Мэйсона.

Но глаза сержанта были скрыты в тени под козырьком форменной фуражки, а выражение его лица оставалось непроницаемым. Он вручил Келли пару нитриловых перчаток, вынутых из кармана. На нем уже были такие перчатки.

– Наденьте их, прежде чем к чему-либо прикасаться.

Она сняла теплые перчатки, натянула резиновые и потянулась к блокноту, лежавшему на столе.

Кто-то написал синими чернилами:

Тому, кто найдет эту записку.
Мы ушли из дома, чтобы…

Остальная часть записки была вырвана из блокнота по диагонали. Остался лишь уголок с несколькими словами, как будто это было сделано в спешке.

Она снова взглянула на Мэйсона. Он пристально смотрел на нее; его лицо выглядело суровым и угловатым в колеблющемся свете керосиновой лампы.

– Они хотели оставить записку спасателям, но потом передумали?

– Или один из них не хотел оставлять записку, – сказал Мэйсон.

По спине Келли пробежал холодок.

– Вы думаете, что убийца Джекки Блант мог быть одним из членов группы? Что убийца вырвал листок, потому что не хотел оставлять улик или для того, чтобы задержать спасателей?

– Кто-то перерезал причальные канаты гидроплана, – сказал он. – И пустил самолет в дрейф с телом Джекки Блант в кабине пилота.

– Остальные должны были понимать, что преобладающий ветер унесет самолет от причала. Возможно, они не могли мыслить логически и ударились в панику…

Листок белой бумаги, валявшийся под столом, привлек внимание Келли. Она отложила блокнот, опустилась на колени и достала бумажку.

– Напечатанный текст, – сказала она, поднявшись на ноги. – Что-то вроде стихотворения.

Мэйсон подошел ближе и поднял лампу, чтобы лучше видеть. Вместе они прочитали текст.

Девять лгунишек на самолет попросим,
Один опоздал, и их осталось восемь.
Восемь лгунишек вошли в лесную сень,
Один увидел правду, и их осталось семь.
Семеро лгунишек нашли дурную весть,
Один не удержался, и их осталось шесть.
Шестеро лгунишек старались выживать,
Один судью увидел, и их осталось пять.
Пятеро лгунишек не могли жить в мире,
Один топор увидел, и стало их четыре.
Четверо лгунишек ушли в лес, но смотри —
Одного зарезали, и их осталось три.
Трое лгунишек не нашли покоя,
Один повесился, и их осталось двое.
Двое лгунишек ударились в бега,
Одному – пуля, другому жизнь дорога.
Последний лгунишка решил, что победил,
Ведь в конце остался только он один.
Но может быть… не должен остаться ни один.

– *Девять лгунишек?* – воскликнула Келли. – И один из них опоздал на самолет? – она посмотрела на Мэйсона. – В курортный тур от концерна RAKAM отправились девять человек.

– Но Дэн Уитлок скончался от пищевого отравления.

– И тогда их осталось восемь, – тихо сказала Келли. Ее внимание переключилось на пять фигурок, стоявших на доске, и три обезглавленных фигурки, лежавших в стороне.

Шум распахнувшейся двери прозвучал как приглушенный взрыв в тишине внутри дома. Келли рефлекторно напряглась и обернулась.

– Сержант! – Оскар вошел в большую комнату с прожекторным фонарем. Он тяжело дышал; его лицо было напряженным. – Вы должны пойти и посмотреть на это.

– Что там? – Келли выступила вперед.

– Это… большой холодильник в открытом дровяном сарае на заднем дворе. Он подключен к генератору, который уже давно не работает, – он немного помешкал. – Внутри лежат тела. Два человека.

– Показывайте, – отрывисто бросил Мэйсон и поспешил к нему. Оскар развернулся и вышел; Келли устремилась следом.

Снаружи, перед плотной стеной деревьев у подножия скалы, стоял дровяной навес, обращенный к дому. Под краем навеса лежала деревянная колода с топором, которым явно пользовались для колки дров, сложенных в поленницу вдоль стены. В центре находился большой верстак. Сотрудники SAR стояли за верстаком перед большим морозильным шкафом с темными пятнами по бортам. Их лица как будто выцвели в мигающем свете керосиновой лампы. Кого-то рвало за углом во дворе. Один из них держал открытой крышку морозильного шкафа.

Келли и Мэйсон подошли ближе. Оскар направил внутрь свет фонаря, и содержимое шкафа резко высветилось. Часть женского лица выглядывала из-под ткани, в которую было завернуто тело. Один глаз незряче уставился на них. У Келли подвело живот, и комок желчи подкатил к горлу. Внутри воняло мертвечиной.

Она закрыла нос и рот.

– Вот дерьмо, – тихо произнес Мэйсон. Он стоял неподвижно, устремив взгляд на жуткое зрелище. Время как будто замедлило ход. Ветер шелестел и перешептывался в древесных кронах. Дождь стучал по жестяной крыше навеса.

– Прошу всех отойти в сторону. Держитесь подальше от этого навеса и пока не заходите в дом. – Мэйсон расстегнул чехол спутникового телефона. – Нам нужно выставить ограждение вокруг этого участка, вплоть до пляжа и причала. Теперь это официальное место преступления.

Он вышел из-под навеса и набрал номер.

Гости в лесном доме

Натан

Натан шел перед Кэти. Недавно они разделились со Стеллой и Моникой у развилки тропы. Его мысли беспорядочно метались. Паника начинала брать верх над его обычно взвешенным и рациональным, научным взглядом на вещи. Над его академической объективностью. Как правило, он мог отстраниться от ситуации или дистанцироваться от проблемы и подавить базовые человеческие эмоции, такие как гнев и ярость, ради логического изучения текущего вопроса.

Но теперь, после нового столкновения со Стивеном, его чувства снова обострились до предела. Его одолевала тревога. Сложные эмоции боролись за власть над его сердцем: обида, любовь и ярость. Он сжимал и разжимал кулаки, вслепую продвигаясь по сумрачному лесу.

– С вами все в порядке?

Он развернулся лицом к Кэти. У него щипало глаза. Мысленно он находился в прошлом и переживал свои страдания, когда Моника впервые поведала ему, что она спала со Стивеном.

В моей постели.

Кэти отступила на шаг, когда их взгляды встретились. Она оступилась и оперлась рукой о ствол молодой ели, чтобы не упасть.

– А что? – спросил он.

Она глядела на его руки. Он тоже посмотрел на свои кулаки, которые то сжимались, то разжимались, как будто по собственной воле.

Он вытянул руки и с силой развел пальцы в стороны, чтобы это прекратилось. Потом рассмеялся, но собственный смех показался ему хриплым и незнакомым.

– Простите, – пробормотал он.

– Да… все в порядке, – отозвалась она. Но ее глаза и осанка говорили об обратном. – Просто… все вокруг заставляет нас

нервничать. Думаю, нам нужно вернуться.

Только теперь до него дошло, что она боится. *Боится его!* Натану понравилось это ощущение – нет, в самом деле понравилось. Доктор Макнил, грибной профессор, мог заставить женщину трепетать от страха перед ним. Это наполняло его ощущением мужественности и могущества. Вот что привлекало его жену в докторе Стивене Бодене. Властность. Повадки альфа-самца. Идеальное телосложение. Густая шевелюра. Мужественность. Фундаментальное биологическое программирование – вот что стоит за влечением к противоположному полу. Разогревай их, доводи их до исступления, распространяй свои феромоны, подталкивай их к совокуплению. Секс ради воспроизводства, ради оплодотворения яйцеклеток, ради сохранения вида.

Стивен Боден был племенным быком. Накачанный тестостероном и биологически запрограммированный на совокупление с любой коровой, которая готова принять его.

Наука выживания. «Эгоистичный ген»[12]. Эволюционное самовыражение. Он хорошо знал все это. Его жена посылала сигналы, сама этого не сознавая: большие груди и красивая круглая задница, способная вызвать у мужчины эрекцию, прежде чем он успеет подумать, что она замужем и недоступна для него. От полового желания никуда не деться. Люди совершают запрограммированные поступки. Мы занимаемся самообманом, когда думаем о романтических отношениях, о любви и верности…

– Натан?

Он рывком вернулся к реальности и посмотрел на нее, как будто увидел впервые. Кэти тоже подавала сигналы, но ее незрелость оставляла его равнодушным. Должно быть, ей около сорока лет, но некоторые женщины остаются девочками до старости. Ребячливыми и беспомощными. А она считала себя особенной, потому что могла держать микрофон и говорить перед камерой. Пергидрольная ветреница, которая считала, что имеет право судить такую женщину, как Эстелла Маршалл, которая работала пилотом коммерческой авиалинии. Кэти Колбурн из CRTV полагала, что может обеспечить себе популярность, если унизит Эстеллу Маршалл намеками на ее психическое расстройство, чтобы поставить под сомнение ее материнские качества. Чтобы Эстелла подверглась еще более суровому

осуждению за то, что темным и дождливым вечером ненадолго оставила своего шестилетнего сына перед винным магазином. А теперь – только посмотрите на нее! – она сама превратилась в испуганную мать и поняла, как это бывает.

– *Натан*, – настойчиво повторила она и попятилась. Ее рука потянулась к баллончику с перцовым спреем, который она прикрепила к поясу.

– Еще полчаса, – бодро откликнулся он и посмотрел на часы. – Тогда мы вернемся обратно.

Кэти оглянулась и посмотрела на полоску флуоресцентной ленты, прикрепленной к ветке в нескольких метрах позади.

– Я возвращаюсь. – Она развернулась и быстро пошла по тропе.

– Кэти!

Она вскинула руку, но продолжала идти.

– Нет… нет. Держитесь подальше от меня.

Кэти споткнулась о древесный корень и шлепнулась в черную грязь, но тут же лихорадочно поднялась на четвереньки. Она снова оглянулась, и Натан увидел нескрываемый ужас на ее лице. Она рывком поднялась на ноги и устремилась в лес.

– Мать твою, – пробормотал Натан.

Он медленно пошел по кругу, гадая, что делать дальше. Потом он услышал голоса в тумане. Кто-то находился поблизости.

Гости в лесном доме

Моника

Пока извилистая тропа углублялась в лес, Монике казалось, что деревья находятся в сговоре между собой, перестраиваясь и смыкаясь за ними, пока они со Стеллой раздвигали ветви и шли вперед.

Они попрощались с Кэти и Натаном у развилки тропы около пятнадцати минут назад. Через каждые несколько метров Моника кропотливо прикрепляла на ветви оранжевые флуоресцентные полоски, опасаясь заблудиться на обратном пути. С каждым следующим шагом она все сильнее ощущала потребность вернуться в дом, где они находились в сравнительной безопасности.

Стелла, идущая впереди, резко остановилась.

– Эгей! – крикнула она в туман. – Ау! Ауууу!

Они немного подождали. Потом слева раздался ответный крик:

– Эгей! Алло!

Еще один оклик прозвучал сзади, от подножия горы.

– Ауу! Все нормально!

Стелла двинулась вперед.

Что-то зашуршало в кустах. Они остановились и прислушались. Моника увидела, как рука Стеллы замерла у баллончика с перцовым спреем у нее на поясе. Каркнул ворон; звук был сухим и жестким, как выстрел.

Потом наступила тишина. Моника тихо засмеялась.

Они продвигались вперед еще девять минут. Моника отсчитывала секунды, наблюдая за стрелками часов. В лесу стало темнее. Холод и сырость обволакивали их заплесневелым, мшистым запахом. *Как странно.* Монике казалось, что она сходит с ума. Она цеплялась за мысль о том, что они дожили до нынешнего момента и должны жить дальше. Они со Стеллой как будто углублялись в альтернативную реальность, а когда она очнется, то все снова будет нормально и прекрасно.

Она вздрагивала от каждой тени. Ее нервы совершенно расстроились. Она снова видела того маленького мальчика, Эзикиела Маршалла. В ее воображении он был вместе с ними, призрачная тень среди туманных призраков, проникавшая следом за ними в самую сердцевину леса и обращавшаяся в ничто каждый раз, когда она оборачивалась посмотреть на него.

Мысли разбегались в стороны. Воспоминания искажались и выворачивались наизнанку.

Она наклоняется к Стивену, пока он ведет ее автомобиль. Они оба выпили по несколько бокалов вина. Натана не было в городе. Ранние осенние сумерки. Дождь, сильный дождь. Темные переулки, порочный город и огни автомобилей за полосами дождя. Хихиканье. Это было так замечательно… снова чувствовать себя молодой. Прилив сексуальных ощущений, возбуждение от запретной любовной интрижки. Блестящий пластический хирург с кучей денег и высоким статусом, такой мужественный, такой порочный в сравнении с ее привычным и чудаковатым Натаном. Секс. Ночи с Натаном превратились в рутину; оба ложились по разные стороны кровати, уже не пытаясь имитировать интерес к сексу.

Визг тормозов. Удар.

Моника остановилась. Она тяжело дышала и обильно потела. Ее трясло.

– Вам нехорошо? – спросила Стелла, оглянувшись на нее.

– Да, – Моника обхватила себя руками, не в силах посмотреть в глаза Стелле. Не в силах избавиться от воспоминания о матери, с криком выбежавшей из винного магазина, уронившей купленную бутылку вина на тротуар. Бутылка разбилась, ее убитый ребенок лежал на дороге. Раздавленная коробка «Тути-Попс» и разбитые яйца на мокром асфальте. Ее потрясенное лицо, когда она подняла руку и закричала, *умоляя их прекратить*.

– Хотите немного передохнуть? – предложила Стелла.

Моника покачала головой, и они двинулись дальше. Она смотрела на Стеллу: на разворот ее плеч, изгиб ее шеи, на ее руки. Пока она смотрела, в ее воображении Стелла изменилась, вновь стала молодой женщиной из прошлого. Моника снова увидела ее, с криком выбежавшую из винного магазина, уронившую бутылку вина, рванувшую к маленькому окровавленному телу, распростертому на

дороге. Слова вырвались сами собой, прежде чем она успела что-либо подумать.

– Стелла, что случилось, когда вы потеряли вашего ребенка? Как вам могло прийти в голову, что вы убили его?

Стелла остановилась и повернулась к ней. Она уставилась на Монику. Ветер зашелестел среди деревьев – настойчивое, шепчущее предупреждение.

– Разве я говорила, что мой ребенок был мальчиком?

У Моники упало сердце.

А она говорила? Проклятье!

– Я подумала… я уверена, вы сказали, что он… любил эту кашу. «Тути-Попс». Вы говорили, что все считали, будто вы убили вашего сына и будто вы плохая мать, потому что вы лечились от психического расстройства.

Стелла недобро прищурилась.

– Я не говорила, что лечилась от психического расстройства.

– Китсилано… – Монику охватила паника. – Разве мы говорим не об этом? Бакалейный магазин «Китс-Корнер» в Китсилано.

Лицо Стеллы потемнело от гнева.

– Это было в новостях, правда? – лихорадочно продолжала Моника. – Я… Мы видели новости. Это было ужасно. Там была фотография рассыпанных «Тути-Попс» на дороге, разбитых яиц… – ее голос пресекся. Слезы застилали ей глаза. – Я… я сложила одно с другим, Стелла. Все это было в новостях, каждый вечер, а мы жили поблизости, поэтому я запомнила. Это врезалось в память.

Черт возьми, Моника, перестань болтать, пока ты ей все не рассказала!

– Ведь это Кэти Колбурн объявила вас плохой матерью, да? Она утверждала, что вы психически неустойчивы и не должны были оставлять маленького Эзикиела на темной улице даже на минуту. А потом его собака убежала… О боже, Стелла, мне так жаль, так жаль…

– Эзикиел. Вы знаете его имя?

Моника сглотнула. Лес придвинулся ближе. Небо нависло прямо над головой. Ей было трудно дышать.

– Я запомнила, – прошептала она. – Из новостей. Я… мне так жаль, Стелла.

– Жаль? Вам жаль?

– За то, что вам пришлось пережить. Я наблюдала за развитием этой истории по телевизору. Тогда вы работали коммерческим пилотом. Вы выглядели по-другому, но теперь я вижу. – Она вытерла слезы, струившиеся по щекам. – Я помню ваши глаза. Помню, как вы просили перед камерой, чтобы появился кто-нибудь из свидетелей.

Стелла выругалась. Она отвернулась и посмотрела в лес, как будто подыскивая нужные слова.

– Но никто так и не появился – верно, Моника? *Никто*. – Она круто развернулась. – Вместо этого меня распяли. Потому что людям всегда нужно кого-то винить, нужно искать злодеев. Так они чувствуют себя лучше и меньше переживают о случившемся.

– Вы должны были узнать Кэти Колбурн, когда увидели ее на причале, даже когда увидели ее имя в списке пассажиров.

Стелла тихо фыркнула.

– Разумеется, я узнала ее.

– И вы ничего не сказали? Не устроили ей очную ставку?

– А вы бы так поступили, если бы хотели забыть о вашем прошлом? Если бы никто не знал или не узнавал вас, вы бы снова вытащили это на свет?

Тонкая игла страха пронзила Монику. Это было предупреждение; она слышала его в шелесте листвы.

– Почему мы все здесь, Стелла?

Стелла сердито провела ладонью по мокрой шапке и стряхнула капли воды, потом вытерла лоб тыльной стороной руки.

– Не знаю, – ответила она. – Просто не знаю. Я постоянно думаю о том стихотворении. О судье из романа Агаты Кристи. Какое-то извращенное чувство справедливости. Некий маньяк, считающий себя вправе наказывать других за настоящие или мнимые преступления. Выходит, нас заманили сюда для расплаты и искупления грехов, – она отвернулась и глубоко вздохнула. – И еще в романе был один персонаж – женщины, которая убила мальчика, который находился на ее попечении. Маленького мальчика, как мой сын. Та молодая женщина опекала ребенка, но не справилась со своими обязанностями. Взрослые люди, отцы, матери, опекуны, – они *обязаны* защищать невинных детей. Может быть, какой-то свихнувшийся «судья» считает, что я была недостаточно наказана, Моника.

Глубина чувств, бушевавших в ее взгляде, полоснула Монику, как ножом по горлу.

– Вот и все, – сказала Стелла. – Это мой грех. А ваш? Почему вы здесь, Моника? В чем состоит *ваш* грех? Какова *ваша* ложь?

Потрясенная и растерянная, Моника шагнула назад. Ее сердце билось так сильно, что казалось, она вот-вот упадет в обморок.

– Я… изменяла мужу.

Стелла уставилась на нее и сглотнула. Пошел холодный дождь; капли просачивались сквозь плотный лесной полог.

– Я изменяла мужу с доктором Стивеном Боденом.

Стелла открыла рот, потом закрыла его. Казалось, у нее нет слов.

– А Натан? – наконец спросила она. – Почему он здесь? Что он сделал?

Моника провела ладонью по лицу.

– Он любит меня, вот и все. Он простил меня. Хотя… возможно, от него этого не ожидали. Может быть, кто-то предполагал, что он восстанет против меня и Стивена. Заставит нас заплатить за содеянное.

Вместо того чтобы скрыть наше преступление, убийство шестилетнего мальчика и бегство с места происшествия. Он должен был обратиться в полицию.

– Он знает о вашем романе?

Моника кивнула, и слезы снова заструились по ее щекам.

– Вы остались вместе.

Молчание.

– Вы любите его?

– Порой.

– А он… никогда не хотел наказать вас?

Моника неожиданно поняла скрытую суть вопроса Стеллы. Ее замутило.

– Это не он. Он не мог организовать все это и заманить нас сюда. Он… просто… он не такой.

– Вы точно уверены?

Моника внезапно заколебалась. Она больше ни в чем не могла быть уверена.

Мог ли Натан сделать это? Привезти сюда меня и Стивена для очной ставки со Стеллой? И с Бертом? Мог ли он заморочить нам голову? Возможно, это был некий эксцентричный способ искупить

собственную вину? Нет, невозможно. Никоим образом. Это безумная идея. Но вся эта ситуация отдает безумием… И в последнее время он ведет себя более странно, чем обычно.

Желчь подступила к горлу Моники. Ее едва не стошнило. Она думала о пассивной агрессии Натана, о его блестящем интеллекте. Он любил читать детективы с запутанным сюжетом, истории о преступлениях гениальных безумцев. Он был одиночкой, любившим совершать долгие прогулки в лесу. Он считал, что может разговаривать с деревьями, и они отвечают ему. Он терпеть не мог Стивена Бодена. Иногда, хотя он вел себя как любящий муж, у нее возникало странное ощущение, что какой-то частью своего существа, захороненной глубоко внутри, он ненавидит ее за то, что она привела Стивена на их брачное ложе и нанесла ему жестокое оскорбление. В его собственном доме. А потом она вынудила его скрыть свое преступление, чтобы он смог защитить себя и свою семью.

Возможно, Натан втайне был зол даже на Берта Кундеру, который помог ему скрыть преступление и избавиться от главной улики?

Мог ли Натан *в самом деле хотеть*, чтобы четырнадцать лет назад кто-то дал свидетельские показания, чтобы он сам не был вынужден выдать свою жену властям?

Надеялся ли он, что *кто-то еще* уничтожит ее и Стивена, чтобы собственные дети по-прежнему любили его?

В лесу раздался резкий треск, следом другой. Птицы разлетелись с ветвей.

– Выстрелы! – воскликнула Стелла, широко распахнув глаза.

Кто-то закричал. Крик был мужской, исполненный боли и отчаяния. У Моники кровь застыла в жилах. Крик прозвучал снова.

Ломая ветки, Стелла бросилась бежать через лес в сторону крика.

– Стелла! – взвизгнула Моника. – *Стелла!*

Но Стелла уже исчезла в лесу.

Моника развернулась и побежала в противоположную сторону. Чистый ужас заставлял ее двигать ногами и беспорядочно размахивать руками. Но даже в таком состоянии она не забывала следить за деревьями, перебегая от одного куска оранжевой маркировочной ленты к следующему, возвращаясь к дому.

Гости в лесном доме

Кэти

Кэти застучала кулаком в заднюю дверь дома.

Ответа не последовало.

Она покрутила дверную ручку, рванула на себя.

Заперто.

Мы велели Деборе запереть двери…

Но ее желание попасть в дом находилось за пределами здравого смысла. Кэти могла думать только о том, как проникнуть внутрь, любым способом. Она снова рванула дверь, обливаясь холодным потом. В лесу за ее спиной раздался сухой треск. Она застыла на месте. Очередной резкий хлопок эхом раскатился по лесу.

Выстрелы!

Кэти услышала мужские крики. Животный ужас, звучавший в этих криках, был невыносим.

Она отвернулась от двери и вслепую побрела по грязному снегу вдоль боковой стены дома, периодически падая и поднимаясь на ноги. Вскоре показалось крыльцо. Она пробежала последние метры и заколотила в парадную дверь, – рыдая, всхлипывая, умоляя впустить ее. Она промокла и была заляпана грязью.

Ответа не было.

Она потянула за ручку; к ее удивлению, дверь открылась. Помедлив, Кэти метнулась внутрь, захлопнула дверь, закрыла задвижку и прижалась обеими руками к шершавому дереву. Она тяжело дышала.

Понадобилось несколько секунд, чтобы ее мозг снова заработал. В доме было темно и тихо. Слишком тихо.

Дебора?

Кэти отошла от двери и направилась к подножию лестницы. Она положила руку на перила и прислушалась.

– Дебора! – позвала она.

Дом заскрипел и дохнул ей в лицо холодным воздухом с горьковатым привкусом дыма.

Кэти бегом поднялась наверх и остановилась на лестничной площадке. Дверь Деборы была закрыта. Она осторожно приблизилась, подняла руку, собираясь постучаться, но помедлила.

– Дебора?

Молчание. Дом снова издал скрипящий звук, словно выходил из зимней спячки. Кэти содрогнулась. Она тихо постучала, затем потянулась к дверной ручке, осторожно приоткрыла дверь и заглянула внутрь.

– Дебора?

Комната была пуста.

Снаружи донесся новый звук. Ручной клаксон. Гудок, похожий на сирену, ненадолго умолкнул, потом возобновился.

Где Дебора? Один клаксон должен был остаться у нее. Неужели она вышла на улицу?

А как насчет Стивена и Берта? У них тоже был клаксон и ружье в придачу.

Кэти поспешно вышла из комнаты, метнулась по коридору и ворвалась в свою спальню. Она закрыла и заперла дверь, потом прислонилась к створке, тяжело дыша.

Она сошла с ума – просто слетела с катушек. Натан не представлял угрозы для нее… или представлял? Или ей показалось? Что за чертовщина с ними происходит? Она вдруг что-то почувствовала и замерла.

В спальне кто-то был. Она ощущала чужое присутствие. Кэти осторожно шагнула вперед и заглянула за массивный шкаф.

Картина. Она казалась живой.

Габби.

Взгляд ее дочери был устремлен прямо на нее. Лукавая, самодовольная улыбка как будто говорила: *Ты плохая мать. Ты обвинила хорошую женщину в том, что она была плохой матерью…*

Кэти подошла к картине и пристально посмотрела на золотые весы в пухлой ручке Габби. На одной чашке весов лежало миниатюрное человеческое сердце. Слова Стеллы зазвучали у нее в голове, резью отдаваясь в груди.

У меня вырвали сердце из груди… А они сказали, что это карма.

У меня вырвали сердце из груди… Человеческое сердце, склонявшее чашу весов, лукавая улыбка ее собственной дочери, осуждающая ее.

Ошеломительное чувство вины пронзило Кэти. Она прижала ладонь ко лбу. Теперь она поняла, кто такая Стелла. Ужасное осознание начало как яд просачиваться в сознание Кэти, когда Стелла рассказывала свою историю, хотя другая часть ее мозга пыталась бороться с ним. Стелла была Эстеллой Маршалл, матерью Эзикиела Маршалла. Той самой женщиной, которую Кэти втоптала в грязь своими неистовыми репортажами о трагедии. В сущности, ни за что. Теперь, когда Кэти повзрослела и сама стала матерью, она остро чувствовала проявленную несправедливость.

И разве она сама не совершала ничего подобного? Движимая точно таким же побуждением, эгоистичным порывом, который мог привести к трагедии? Однажды ей понадобилось кое-что купить в бакалейном магазине. Она думала, что дело займет не больше минуты, поэтому оставила свой автомобиль вместе с Габби на бесплатной пятнадцатиминутной стоянке перед магазином. Она заперла двери и приоткрыла окна лишь на щелочку, чтобы никто не смог похитить ее драгоценную дочку. Одна минута превратилась в двадцать минут, когда у кассы выстроилась очередь за пожилой женщиной, которая забыла ПИН-код своей кредитной карты, да еще и рассыпала пакет с клубникой. Был жаркий летний день. Кэти обрушила на старушку шквал словесного яда, когда наконец смогла расплатиться и протиснулась мимо нее.

Когда она выбежала из магазина со своими покупками, какая-то молодая женщина барабанила в окошко ее автомобиля портативным огнетушителем.

«Прекратите! Отойдите от моей машины!»

«Вы оставили там маленького ребенка! Что вы за мать? Разве вы не видите, какая жара? Она вся раскраснелась, она плачет! Это преступление. Я сейчас вызову полицию».

Женщина положила огнетушитель и начала рыться в сумочке, собираясь достать телефон.

Кэти быстро забралась в автомобиль. Она включила зажигание и сразу же сдала назад; колеса автомобиля подпрыгивали на проклятом огнетушителе, а ее сердце прыгало в груди. Если репортеры узнают о

том, что Кэти Колбурн заперла своего ребенка в автомобиле… Кэти снова обругала несчастную пожилую женщину, которой она могла бы помочь вместо того, чтобы оскорблять ее.

«Мамочка! Мамочка!»

«Все в порядке, милая. Все хорошо. Просто мама очень спешит…»

Слава богу, все обошлось. Если бы этот инцидент попал в газеты или приобрел бы вирусную известность в соцсетях… Тогда она вспомнила об Эстелле Маршалл и о том, как она поспособствовала крушению чужой жизни. Отчасти из-за этого Кэти ушла с работы на телевидении. Она на своем опыте убедилась, как одна глупая, эгоистичная ошибка, – один инцидент, одно обвинение, – может разрушить жизнь. Или несколько жизней. Ей захотелось покинуть эту сцену, избавиться от дешевой популярности. Ей захотелось стать хорошей матерью.

Теперь она знала. Стелла была Эстеллой.

Нас всех наказывают… это расплата.

Она с силой провела пальцами по волосам, откинув их с лица, и посмотрела на маленькую девочку, точное подобие Габби.

Теперь Габби была того же возраста, что и Эзикиел Маршалл в день своей смерти.

Почему она не должна подвергнуться такому же наказанию, как Стелла? В тот день ей просто повезло. Это была случайность, жребий судьбы, определявший дальнейшее течение жизни.

Не судите, да не судимы будете.

Очередной крик рывком вернул Кэти к действительности. Она в панике обернулась.

Крик был женским. Он раздался снова. Он прозвучал *внутри* дома. Эхо отражалось от стен и потолка, как будто кричал весь дом, как если бы крики исходили от старых досок и бревен.

Ужас охватил Кэти со всех сторон.

Остаться на месте? Спрятаться? Отпереть дверь и отправиться на помощь? Нерешительность пригвоздила ее к месту.

Прошло несколько секунд, но все было тихо.

Кэти еще немного подождала, пока ожидание не стало невыносимым. Она открыла дверь и выглянула наружу. Ничего. Она осторожно прошла по скрипучим половицам и перегнулась через

балюстраду. Внизу, в большой гостиной, за головами животных и под рогатой люстрой стояла Дебора.

Капли воды стекали с ее куртки, как будто она только что пришла снаружи. Она прижимала ладони ко рту и смотрела на чайный столик.

– Дебора! – позвала Кэти.

Взгляд Деборы метнулся вверх. Лицо женщины было молочно-белым, а глаза превратились в черные дыры. Дрожащей рукой она указала на шахматную доску.

– Еще один, – прошептала Дебора. Звук ее голоса поднялся к сводчатому потолку и с шипением закружился наверху. *Еще один еще один еще один еще один*… Кэти боролась с желанием заткнуть уши.

Дебора взяла два кусочка дерева: тело и голову. Вытянув руки, она подняла их в сторону Кэти, как будто возносила жертву богам.

– Голова, – тихо сказала Дебора. – Она отрублена.

Шестеро лгунишек старались выживать,
Один судью увидел, и их осталось пять.

Кэти невольно произнесла эти слова. Рано или поздно это все равно бы случилось. Дом собирался избавиться от них. Он собирался пробудить безмолвного демона, обитавшего в каждом из них.

– Я вспомнила, кто такая Стелла.

Дебора немигающим взглядом смотрела на нее, по-прежнему держа в руках остатки разрубленной фигурки.

– Четырнадцать лет назад ее маленький сын Эзикиел Маршалл был сбит насмерть синим «БМВ» перед магазином «Китс-Корнер». Зик – она называла его Зиком – держал бумажный пакет с коробкой «Тути-Попс», батончиком «Сникерс» и упаковкой яиц. Еще он держал щенка на поводке. Я освещала этот инцидент. Я спросила его мать Эстеллу Маршалл, почему она купила эти продукты. Она собиралась приготовить «спагетти карбонара» на ужин. Зику и ее мужу очень нравилось это блюдо. И… у них закончились «Тути-Попс». А Зик хотел сладкого, поэтому она купила ему батончик «Сникерс» с арахисом. А потом она решила купить к ужину бутылку вина…

Дебора медленно опустила руки. Она ничего не сказала, но продолжала смотреть на Кэти.

Кэти закашлялась, избавляясь от вязкой слюны, забившей ей горло.

– Эстелла Маршалл сказала мне, что видела в том автомобиле двух человек. Мужчину и женщину. После столкновения они немного отъехали назад и увидели мать, с криками выбегавшую на дорогу. Тогда они дали полный газ и свернули в темный переулок. – Ее голос прервался, как будто чья-то рука стиснула ей горло. – Какая женщина может уничтожить другую женщину в СМИ, как это сделала я, потому что собиралась заработать себе громкое имя? Скажите, Дебора, кто я после этого?

– Кэти, вы не можете…

– Я не поверила ее словам, что на перекрестке была свидетельница, укравшая рюкзак ее сына, когда он истекал кровью на мостовой, – сказала Кэти. – Понимаете? Откровенно говоря, *кто* мог бы сотворить такое? Эстелла утверждала, что это была женщина. Рост пять футов шесть дюймов, короткая юбка и зонтик. Худощавое телосложение. Возможно, уличная девка; раньше она видела проституток на этом перекрестке. Но я все равно ей не поверила, потому что никто так и не появился.

Она выдержала паузу. Сердце громко стучало у нее в ушах.

– И знаете что? – тихо сказала Кэти. – Думаю, теперь я знаю, кто эта женщина.

Гости в лесном доме

Моника

Моника, спотыкаясь, брела по тропе к дому. В ее голове остались только две мысли: добраться до дома, потом запереться изнутри и ждать возвращения остальных.

Она была трусихой. Так было всегда. Она пряталась от неприятных и безобразных вещей, она бежала от них.

Моника протискивалась через заросли колючего кустарника. Мокрые ветви хлестали ей в лицо. Она бежала от правды, от разоблачения своей истинной сущности. Она бежала от самой себя. От мерзкой тайны, дышавшей ей в спину четырнадцать долгих лет. Эта тайна регулярно возвращалась к ней в ночной темноте, в ее снах. Она просыпалась в поту…

Моника споткнулась и полетела на землю. Воспоминание об ударе в «БМВ» сотрясло ее тело, и вместе с ним пришли другие воспоминания, закольцованные в бесконечную петлю.

«Мать твою! Что там…» Стивен ударил по тормозам.

Его напряженный пенис воткнулся ей в глотку от удара. Моника поперхнулась.

Собака… мы сбили собаку!

Она отдернула голову, зажатую между ног Стивена. Какой ужас, если они сбили собаку…

Он быстро переключился на заднюю передачу. Так и сидел с расстегнутой ширинкой и торчавшим наружу, по-прежнему напряженным членом. Она слышала скрип покрышек «БМВ» на мокром асфальте. За окнами в разводах дождя проплывали огни витрин, зеркальные отражения. Худощавая женщина в мини-юбке и сапогах на высоком каблуке склонилась над маленьким телом, распростертым на дороге.

Монику окатило волной ужаса.

Стивен замедлил ход. Женщина с молочно-бледным лицом заглянула в окошко автомобиля. Она потрясенно округлила рот, потом

подхватила что-то с мостовой и убежала. Моника увидела пакет из бакалейного магазина, валявшийся под дождем. Потом раздавленную коробку, торчавшую оттуда. Она сразу же узнала, что это «Тути-Попс», характерный мультипликационный персонаж, ярко-красное, зеленое и желтое содержимое. Когда ее собственные дети были маленькими, они постоянно хныкали у полок продуктовых магазинов, выпрашивая это лакомство. Рядом лежала раздавленная картонка с яйцами, вытекшими на асфальт. Потом в поле ее зрения показалась маленькая белая рука.

Он лежал навзничь, выпавший из руки надкушенный шоколадный батончик валялся рядом. Светлые волосы. Из его рта сочилась струйка крови. Его глаза… они слепо смотрели на воду, падавшую с неба, которая уже собиралась в лужицы вокруг его головы.

«Срань господня!» Стивен хлопнул ладонями по рулевому колесу.

После секундного замешательства он дал полный газ. Завизжали покрышки, сила инерции вдавила Монику в пассажирское кресло. Еще одна женщина вышла из винного магазина, выронила бутылку, которую держала в руках, и закричала. Она побежала к ребенку, неподвижно лежавшему на мокрой мостовой. Одновременно она махала рукой Стивену, призывая его остановиться. Но тот, не снижая скорости, выкрутил руль, и машину вынесло в соседний переулок.

Стивен срезал очередной поворот, задев фургон, стоявший у тротуара. Заднюю часть «БМВ» занесло, и автомобиль едва не столкнулся с внедорожником, ехавшим навстречу. Водитель дал гудок и свернул в сторону.

«Остановись, Стивен! Нам нужно вернуться туда!»

«Заткнись!» Он продолжал вести машину, крепко обхватив руль и глядя прямо перед собой. Ее сердце стучало так сильно, что она начала задыхаться. Он больше ничего не сказал, только сворачивал из одного переулка в другой, пока наконец не замедлил ход и не выехал на главную транспортную артерию. Здесь он двигался крайне осторожно в плотном потоке движения, не совершая никаких маневров. Он посматривал на другие автомобили, как будто ожидал увидеть мигалки и услышать вой сирен. Дождь полил еще сильнее, и стеклоочистители заработали быстрее. Наконец он помигал указателем и аккуратно свернул на дорогу, ведущую к океану.

«Стивен, он может быть жив. Тот ребенок…»

«Заткнись, Моника».

Она тряслась и обильно потела.

Он вывел ее «БМВ» на большую пустую автостоянку у мокрого пляжа. Покрышки хрустели по песку, когда он проезжал мимо туалетных кабинок и здания летней гостиницы, где летом всегда было полно народу. Там он поставил автомобиль на бетонной стоянке: очень аккуратно, между линиями. Желтоватый свет ближайшего фонаря падал на его лицо, придавая ему зловещий оттенок.

Он сидел неподвижно. Она потянулась к дверной ручке.

Его внезапная хватка была жесткой, как тиски.

«Приди в себя, Моника».

Она уставилась на него.

«Мы… нам нужно вернуться. Ты сбил ребенка».

«Мы».

«Что?»

«Мы с тобой сбили ребенка, Моника. Ты и я вместе, в твоей машине».

Он заправил в брюки обвисший член и застегнул молнию.

Реальность произошедшего начала доходить до нее, просачиваясь, как вода сквозь пористую бумагу. Моника Макнил, богатая наследница. Владелица крупной сети продуктовых магазинов. Жена профессора Натана Макнила. Изменившая мужу с местной знаменитостью, доктором Стивеном Боденом, у которого хватило ума и денег основать хирургическую клинику Оук-Стрит, где богатые домохозяйки из Ванкувера совершали косметические операции. Доктор Боден, женат на бывшей фотомодели, владевшей шикарным бутиком в центре города.

«Мы ехали с превышением скорости, Моника. Мы оба состоим в браке. У нас обоих есть дети. Супруги со своей карьерой и репутацией, – он окинул ее долгим, сумрачным взглядом. – У каждого из нас есть свой бизнес и сотрудники, о которых мы обязаны думать».

Он дал ей минуту-другую, чтобы осмыслить это.

«Репортеры и полицейские… будет настоящий кошмар, – продолжал он. – Мы отправимся в тюрьму».

Он внезапно обхватил ее лицо ладонями и сжал так плотно, что ей показалось, будто он готов убить ее. Он сверлил ее взглядом. Его глаза превратились в безумные черные провалы в тошнотворном желтоватом свете уличного фонаря.

«Мы. Все. Потеряем, – он не ослаблял хватку. – Ты понимаешь?»

Она попыталась кивнуть.

Он отпустил ее голову и откинулся на спинку кресла. Она чуяла его запах. Едкий пот. Страх. Алкоголь. Секс.

«Кто-то видел нас», – тупо сказала она.

«Уличная проститутка, не более того».

«Не более того?»

«Я знаю этот перекресток, – сказал Стивен. – Я не раз видел там местных шлюх – может быть, и эту самую женщину. Даже если она решится дать показания, эти женщины до краев накачаны наркотиками и алкоголем. Я знаю. Я видел все это, когда работал в отделении скорой помощи, пока учился в аспирантуре. Даже если она что-то помнит, ей придется долго беседовать с блюстителями порядка, а шлюхи очень не любят это делать. Это вызывает недовольство их сутенеров. И в любом случае их считают ненадежными свидетельницами. У них мозги наизнанку. Они бесполезны; их показания не выдержат проверки на суде».

«Она что-то подобрала с мостовой».

«Ну и что? Тогда она тем более не обратится в полицию».

«Мать ребенка видела нас. Она видела мой автомобиль».

«Запри его в гараже и больше не пользуйся им».

«Я не могу просто…»

«Мы не можем вернуться туда. Не сейчас. Только не после бегства с места преступления».

Стивен чуть заметно дрожал. Выходит, в нем тоже оставалось что-то человеческое.

Он повернулся на сиденье.

«Послушай меня, Моника. Нам обоим нужно залечь на дно. Мы перестанем встречаться. Посмотрим, что будет дальше».

Значит, он собирался предоставить ее воле судьбы, если полицейские найдут ее автомобиль. Или если кто-то видел номерные знаки. Краска с ее «БМВ» должна была остаться на фургоне, который они задели. Она была уверена, что на багажнике остались следы крови. Ее глаза наполнились слезами.

«Могли быть и другие свидетели, Стивен. Машины были припаркованы по всей улице и в переулках. Кто-то мог сидеть внутри и видеть все, что там произошло. Может быть, сотрудник магазина,

который посмотрел в окно… Потом, ты едва не столкнулся с джипом, где мог быть установлен авторегистратор. Перед этими магазинами полно видеокамер наружного наблюдения…»

«Было темно, Моника, и шел сильный дождь. Видимость резко ухудшилась. Наезды на пешеходов часто случаются в такую погоду. Ради всего святого, тот ребенок выбежал прямо на дорогу! Что он там делал? Один, на дороге? Мы не виноваты».

«Не виноваты? Даже если столкновение было неизбежным, мы бежали с места происшествия, – тихо сказала она. – Ты дал задний ход, увидел, что произошло, и только потом уехал оттуда. Ты же врач, Стивен. Ты мог помочь этому ребенку и его матери. Может быть, ты даже мог спасти бы его жизнь, – теперь ее трясло, лицо было мокрым от слез. Она ощущала вкус винного перегара во рту. – Натан увидит, что случилось с моим автомобилем».

«Тебе придется сказать ему, что ты врезалась в столб. И отремонтировать машину».

«Пошел ты к дьяволу, – прошептала она. – Я тебя ненавижу. Ненавижу, и все».

«Теперь я собираюсь уйти, Моника. Немного отойду в сторону и вызову такси. Ты можешь сама доехать до дома».

«Клянусь, если они найдут мою машину и обвинят меня, то я расскажу им, что ты был за рулем. Я все им расскажу».

Ужас того вечера подгонял Монику, пока она с рыданиями тащилась по лесной тропе. Она ковыляла к дому, следуя за полосками оранжевой ленты, которую сама прикрепляла к ветвям.

Я больше не могу, я не выдержу… Только не здесь. Грешница. Я грешница; мы все грешники.

Девять лгунишек на самолет попросим,
Один опоздал, и их осталось восемь…
…Последний лгунишка решил, что победил,
Ведь в конце остался только он один.
Но может быть… не должен остаться ни один.
Прокляты те, кто согрешил
И покрывает ложью дела свои,
Ибо Чудище восстанет изнутри…

Этим Чудищем была Моника; оно находилось внутри ее и запустило в нее когти, терзая ощущением вины. Оно находилось и внутри Натана, который помог спрятать ее автомобиль. Оно сидело внутри у матери, выбежавшей на улицу из винного магазина, потому что она покупала «Шардоне» вместо того, чтобы присмотреть за своим малышом, который упустил свою собаку, пока откусывал от батончика «Сникерс». Чудовище сидело внутри у худощавой женщины в плаще, которая забрала рюкзак Эзикиела. И номерной знак, как впоследствии узнала Моника, когда поставила свой автомобиль в гараж и увидела пропажу таблички, которую так и не удалось найти полицейским. Чудовище находилось внутри у Стивена, который держал ее лицо в тисках своих рук; у Стивена, который каким-то образом заплатил свидетельнице за молчание и ничего не сказал об этом Монике. Оно завладело Бертом, потому что он отремонтировал ее автомобиль и избавился от него, – от орудия убийства, – хотя должен был видеть новости, где копы просили свидетелей дать показания. Дикий, животный ужас наполнял Монику. Она побежала быстрее.

Грешники… мы все грешники. Лжецы.

Моника выбежала из леса. Какое-то время она стояла, тяжело дыша и пытаясь сориентироваться в тумане, затянувшем поляну. Она увидела тень дома и побежала туда, срезав путь между тотемными столбами с жуткой головой ворона. Когда она достигла парадной двери, ее грудь тяжело вздымалась и опускалась, в горле першило от холодного воздуха.

Она потянула дверную ручку. Дверь была не заперта.

Она замерла, одолеваемая внезапным беспокойством, потому что Деборе было сказано запереть двери.

Кровь стучала у нее в ушах. Моника тихо приоткрыла дверь и услышала внутри женские голоса.

Что-то в тоне этих голосов заставило ее помедлить. Она осторожно заглянула в щель и посмотрела в полумрак гостиного зала.

Дебора стояла у чайного столика, запрокинув лицо, и смотрела на галерею на втором этаже. В руках она держала фрагменты шахматной фигурки.

Моника услышала голос Кэти Колбурн:

– Я не поверила ее словам, что на перекрестке была свидетельница, укравшая рюкзак ее сына, когда он истекал кровью на мостовой.

Понимаете? Откровенно говоря, *кто* мог бы сотворить такое? Эстелла утверждала, что это была женщина. Рост пять футов шесть дюймов, короткая юбка и зонтик. Худощавое телосложение. Возможно, уличная девка; раньше она видела проституток на этом перекрестке. Но я все равно ей не поверила, потому что никто так и не появился.

Лицо Моники покрылось холодным потом. Как и Дебора, она замерла на месте, услышав слова Кэти.

– И знаете что? – Голос Кэти доносился сверху, и Моника не могла видеть ее. – Думаю, теперь я знаю, кто эта женщина. Кажется, все мы собрались здесь. Водитель и пассажир «БМВ», автомеханик, который помог отремонтировать автомобиль и спрятать его от полиции. В таком престижном районе? Кто-то должен был знать. Не только они старались замести следы. Молчание – тоже грех, разве вы не понимаете?

– Перестань, Кэти, – сказала Дебора.

Кэти Колбурн разразилась пронзительным смехом, в котором звучало безумие.

– Почему я должна перестать? Почему я должна молчать? Мы все в одной лодке. Все мы причастны к смерти маленького Зика Маршалла. А знаете, *кто еще* хотел, чтобы Эстелла Маршалл заплатила за гибель своего шестилетнего ребенка? Стюарт Маршалл, муж Эстеллы, потерявший своего сына. Он сказал мне это во время интервью с ним. Интересно… может быть, *он* стоит за всем этим?

Дебора внезапно увидела Монику у парадной двери и развернулась к ней:

– Что вы здесь делаете? Что с вами случилось? Где остальные? Что там была за стрельба и гудки клаксона?

Моника молча смотрела на нее. Медленно, очень медленно она вошла в гостиную. Она посмотрела наверх и увидела Кэти, стоявшую на галерее. Потом ее взгляд вернулся к Деборе. К фрагментам резной фигурки, которую та держала в руках.

Один судью увидел, и их осталось пять…

– Что-то… произошло что-то ужасное, – прошептала Моника. Собственный голос показался ей чужим, пока она смотрела на обезглавленное деревянное туловище в руке Деборы. – Я слышала мужской крик. Подумала, что там появился убийца. Нам нужно запереть все двери.

Она вдруг ускорила шаг и почти бегом поднялась по лестнице.

– Никого не впускайте. Запритесь в ваших комнатах.

– Как быть с остальными? – крикнула Дебора.

Но Моника вбежала в свою комнату и повернула ключ в замочной скважине. Ее сердце было готово выскочить из груди.

Гости в лесном доме

Стелла

Стелла проломилась через кусты и выбежала на маленькую поляну почти одновременно с Натаном, который появился с противоположной стороны. Она замерла, и он тоже.

Стивен стоял в центре поляны над мужским телом, сжимая ружье в руках. С низкой ветви перед ним свисал олений костяк, с которого капала кровь, вываливался клубок сизых внутренностей. В воздухе висело зловоние мертвечины. Отовсюду капала вода. Стивен дрожал; его лицо и одежда были испачканы кровью и грязью. Он казался совершенно безумным, как контуженый солдат, месяцами бродивший в окружении врагов в джунглях Вьетнама. Заблудившимся во времени и пространстве.

Фрагменты сцены фиксировались в ее сознании как физические удары. *Бам, бам, бам*. Стелла взглянула на тело, над которым стоял Стивен. *Берт*.

Натан хрюкнул, как животное; его колени слегка подогнулись. Он отошел в сторону и оперся рукой о древесный ствол. Потом согнулся пополам, и его вырвало… И еще раз. Нити слюны свисали у него изо рта. Он отвернулся, а Стелла медленно двинулась вперед.

Берт лежал ничком на грязном мху, раскинув руки наподобие креста. Большой мясницкий нож торчал у него из затылка; череп был расколот. Кровь и бело-серые сгустки мозгового вещества пузырились по обе стороны клинка. Длина ножа составляла почти четырнадцать дюймов.

Стелла в некотором онемении смотрела на эту сцену. У нее звенело в голове.

– Что случилось? – прошептала она.

Молчание.

Она посмотрела на доктора Стивена Бодена. Он явно находился где-то еще.

Опасность, – промелькнула мысль. – *Безумие*. Она посмотрела на ружье в его руке и вспомнила выстрелы. Вернее, два выстрела. Потом мужские крики.

– Вы ранены, Стивен? Что здесь случилось?

Ты это сделал? Если так, то нужно соблюдать спокойствие и разрядить обстановку.

– Стивен?

Казалось, он не мог говорить или сдвинуться с места. У него отвисла челюсть.

– Дайте-ка мне ружье, – она протянула руку и шагнула к нему.

Он напрягся и поднял ружье. Стелла и Натан замерли, потом она отступила назад и вытянула руки перед собой ладонями вверх.

– Все в порядке. Просто положите ружье. Опустите его на землю.

Стивен наклонил голову и посмотрел на Берта.

– Стивен, положите ружье. Нам нужно осмотреть Берта.

Он медленно нагнулся и положил ружье на мшистую лесную подстилку.

Стелла рванулась вперед и схватила ружье. Она отошла к дальнему краю поляны и прислонила оружие к валуну.

Натан двинулся вперед, собираясь осмотреть Берта. Но Стивен обхватил его руками и плотно прижал к себе. Это было объятие. Хирург положил голову на плечо Натану и зарыдал. Натан выглядел расстроенным и сконфуженным. Непохожим на себя, подумала Стелла.

Мы все не похожи на себя. Мы обезумели и превратились в животных. Маленькое племя, которое подверглось нападению. Дикость овладела нашими мозгами, вытеснив обычную логику.

Она поспешила к Берту и опустилась на корточки рядом с ним. Первая медицинская помощь была частью ее пилотской подготовки. Недавно она подтвердила свою лицензию. Стелла пощупала пульс.

– Он мертв, – произнес пластический хирург за ее спиной. – Он умер. Умер. Умер.

Он снова начал всхлипывать. Натан неуклюже отодвинул его в сторону.

Стелла соблюдала осторожность. Она вглядывалась в тени среди деревьев. Небо вдруг потемнело. Надвигался новый грозовой фронт, и ветер раскачал древесные кроны.

– Стивен, – твердо сказала она, сознавая необходимость срочных действий. – Что здесь произошло? Это… это *ваших рук дело*?

Он провел по лбу дрожащей рукой, оставив на нем полосу крови и грязи.

– Я… Мы с Бертом углубились в лес. Крови становилось все больше, как будто тащили что-то тяжелое. Тропа шла под густыми кронами, и дождя почти не было. Потом… мы почуяли это. Эта штука… мы вышли на поляну и увидели, как она висит здесь, прямо на ветвях.

Стелла и Натан осмотрели труп оленя, висевший на дереве. Возможно, медвежью добычу. Или это сделала пума и затащила костяк на дерево про запас.

– Берт пошел туда, чтобы посмотреть ближе, – продолжал Стивен. – Потом в кустах раздался шум. Треск ветвей. Потом оттуда вылетело… – Он издал жуткий стон и подавился собственной слюной. Он поспешно вытер рот. – Это просто вылетело на нас!

– Что? – спросил Натан, нервно осматривая кусты.

– Я… не знаю. Что-то большое.

– Животное? – спросила Стелла.

– Не знаю. Был туман, и я смотрел в сторону. – Он откашлялся. – Я услышал, как Берт закричал и выстрелил. Дважды.

Она прищурилась, глядя на него. Натан продолжал оглядываться по сторонам.

– Медведь? – спросила Стелла. – Или пума? Животное, защищавшее добычу?

– Я… я даже не видел, потому что, когда я обернулся, этот нож пролетел в воздухе, вынырнул прямо из тумана. И вонзился ему в затылок. Этот звук, этот хруст и треск… – Он замолчал и застыл с отсутствующим взглядом, словно душа доктора Бодена покинула его тело. Его окровавленные руки безвольно свисали вдоль туловища.

– А потом? – настойчиво спросила Стелла. По ее коже бежали мурашки, тревога стискивала ей грудь.

– Потом он умер. Я врач, и я знаю. Тогда я схватил ружье и побежал. Но потом… я подумал, что *оно* может дожидаться меня там. Поэтому я вернулся. Я пощупал его пульс для уверенности. Пульса не было.

Стелла повернулась к Натану и неожиданно заметила, что он остался без своей спутницы.

– Где Кэти? – резко спросила она.

– Кэти вернулась в дом.

– Вы не должны были расходиться.

– А Моника? – спросил он, так же неожиданно заметив, что рядом со Стеллой никого нет. – *Где моя жена?*

– Она… Я оставила ее на тропе.

– *Что?* Где?

– Я услышала крики и выстрелы, поэтому побежала сюда, а она осталась на месте. Я оставила ее там, на тропе. С ней все будет хорошо, Натан. Обратный путь хорошо просматривается, и мы развесили повсюду маркировочную ленту.

– Вы расстались. Как вы могли разойтись? Как она теперь вернется…

– Натан, я же только что объяснила вам. Успокойтесь. Она может вернуться.

Он взглянул на Берта, потом на останки оленьей туши.

– Только если *оно* не скрывается в лесу. Что, если оно направилось за Моникой? Что, если *оно* нашло ее по пути к дому?

– Сосредоточьтесь, Натан. Скоро мы проверим, как дела у Моники, но сначала нужно забрать Берта. Нужно найти способ отнести его к дому.

– Боже мой, Стелла, – с ужасом прошептал Натан. – Уже темнеет. Мы…

– Скоро пойдет снег. И любое животное из тех, какие здесь водятся… – Она посмотрела на тушу, и по ее спине пробежал холодок. Останки выглядели так, словно они были изуродованы нечеловеческой силой. Чудовищем. Она передернула плечами. – Мы не можем оставить Берта на расправу зверям. Они съедят или утащат его.

– Нам нужно вернуться. Я беспокоюсь за Монику. Что, если она не добралась до дома? В темноте будет гораздо труднее найти ее.

– Натан, этого человека *убили*. Что тут непонятного? Кто-то рано или поздно прилетит за нами, и полицейским понадобится увидеть тело Берта. Мы *должны* забрать его.

Он стащил с головы шапку и провел пальцами по волосам.

– В отличие от вас, я не уверен, что кто-то прилетит за нами.

Стивен закашлялся при упоминании о полиции. Казалось, это заставило его собраться с духом.

– Она права, – глухо произнес он. – Нам нужно отнести его обратно.

Несмотря на то что быстро темнело и пошел проливной дождь, они смогли протащить Берта через лес до того места, где Стивен впервые увидел следы, которые привели их сюда. Теперь, когда Стелла увидела выпотрошенного оленя, висевшего на дереве, она была уверена, что это животная тропа.

Они еще немного протащили труп по тропе к дому. Лицо Берта волочилось по грязи и камням. Он оказался тяжелым – тяжелее, чем думала Стелла, и она содрогалась при мысли о том, какое надругательство они совершают над ним. Его лицо уже было изуродовано. Грязь забивалась ему в рот, в ноздри и под веки. Но если бы они перевернули его и тащили на спине, им пришлось бы вырвать нож, торчавший у него в затылке. Она понимала, что нож был орудием убийства, на котором могли остаться отпечатки пальцев. Поэтому они попробовали приподнять труп спереди и тащить его втроем по тропе, петлявшей среди кустов и деревьев. Это оказалось еще более тяжелой задачей. Тропа была слишком узкой, тело – слишком тяжелым, а место назначения – слишком далеким.

Стелла споткнулась и едва не упала. Она тяжело дышала и обильно вспотела под водонепроницаемой курткой.

– Мне нужен перерыв, – сказала она.

Они положили Берта на лесное ложе. У нее ныли все мышцы. Голод и жажда начинали брать свое.

– Так не пойдет, – сказал Натан. – Нам нужен брезент или материал, из которого можно соорудить носилки.

Стелла, Натан и Стивен переглядывались друг с другом в лучах налобных фонарей, которые они включили, когда стемнело. Ветер шелестел в ветвях деревьев. Темнота была почти абсолютной. Дождь сменился мокрым снегом. Руки Стеллы онемели от холода, пальцы шевелились с трудом. Готовый рецепт гипотермии.

– Я пойду к дому, – сказала она. – Возьму брезент и веревки, которые мы видели под навесом, и как можно быстрее вернусь сюда. Заодно проверю, вернулась ли Моника.

– А почему *вы* должны идти?

– Может, кто-то из вас будет добровольцем? Кто бы ни пошел, ему придется оставить ружье с теми, кто останется у тела Берта; кровь может привлечь животное, убившее медведя. А у Берта в карманах есть запас пуль. Мы видели, как он складывал их. Тот, кто пойдет, может взять мой перцовый спрей.

Они настороженно переглядывались. Никому не хотелось оставаться рядом с окровавленным телом, пока хищник рыскал где-то поблизости. Но никто не рвался бежать в одиночку по темной лесной тропе только с фонариком и без оружия. Сбоку послышался какой-то шум, и они вздрогнули.

– Думаю, это мокрый снег падает с веток, – сказала Стелла. Луч ее налобного фонаря поворачивался из стороны в сторону и быстро растворялся в тумане.

– Ну ладно, – тихо сказал Стивен. – Тогда вы идите вперед, а мы попытаемся еще немного протащить его.

– Я вернусь так быстро, как только смогу.

Стелла быстрым шагом пошла по тропе. Темнота смыкалась за ее спиной. И в шепоте ветра среди деревьев она вдруг услышала ритм стихотворения.

Она остановилась и выдавила из себя комок желчи, пока разрозненные строки проносились у нее в голове.

Шестеро лгунишек старались выживать…
Один топор увидел…

* * *

Стелла вошла в дом. Внутри стояла мертвая тишина. Ее чувства были обострены до предела.

– Эгей! – крикнула она. – Здесь кто-нибудь есть?

Наверху открылась дверь, и Моника вышла на галерею.

Стелла посветила фонарем на второй этаж. Волосы Моники выглядели влажными, и она переоделась во все чистое. Значит, приняла душ или ванну.

– Где остальные? – спросила Стелла, глядя на Монику. – Кэти? Дебора?

– Они в своих комнатах.

Стелла поняла, что Моника недавно плакала. Ее голос звучал сдавленно, глаза припухли. Она выглядела дезориентированной, как

будто Стелла разбудила ее.

– Где Натан? – спросила Моника, постепенно приходившая в себя. Она заговорила быстрее: – И остальные? Где остальные? Они… – Она замолчала, словно только что увидела грязь и кровь на руках Стеллы и на ее джинсах. – *Что случилось?*

Стелла заколебалась. Ветер, набиравший силу, хлопнул ставней; приближался очередной шторм. Нужно было действовать быстрее.

– Моника, с Натаном все в порядке. Он… Я… Мне нужен брезент и веревки. Берт… – ей было трудно произнести это, – Берт мертв, и нам нужно отнести его сюда.

– Что?

– Он… кто-то убил его, – слова казались нереальными. – Кто-то убил его мясницким ножом.

Моника уставилась на нее, словно не в силах осознать услышанное.

– Вы хотите сказать, что он мертв? – очень тихо спросила она.

Стелла кивнула:

– Да, он умер.

У Моники подогнулись ноги. Она опустилась на корточки и ухватилась за вертикальные столбики балюстрады. Потом начала стонать и раскачиваться из стороны в сторону, словно горюющая обезьяна в клетке зоопарка. Или за тюремной решеткой.

Стелла собиралась обратиться к Монике за помощью.

Но какой помощи от нее можно ожидать в таком состоянии? И вообще, какую пользу может принести еще один человек на узкой, извилистой лесной тропе?

– Вернитесь в комнату, Моника. Заприте дверь и оставайтесь на месте. Мы скоро вернемся. Я видела под навесом брезент и веревки. Мы отнесем его на задний двор. Даже если мы не сможем поднять Берта, завернем тело в брезент и перевяжем веревками, чтобы не повредить улики, если придется тащить его волоком.

Моника снова застонала.

Стелла выругалась про себя. Все вокруг теряли человеческий облик, включая ее саму. У нее дрожали руки, но прилив адреналина подгонял ее, когда она направилась к задней двери на кухне. Она услышала, как Моника хлопнула дверью наверху.

Сосредоточься. Сосредоточься. По одному делу за один раз.

Она вошла в темную гулкую кухню, освещая себе путь фонарем, потому что керосиновые лампы не горели. Она замерла, увидев пустые щели в блоке для ножей. Они отнесли кое-какие ножи на верстак, но большой мясницкий нож пропал.

Образ ножа, торчавшего в затылке Берта, промелькнул перед ее внутренним взором.

У нее тоже начали подгибаться ноги. Стелла оперлась на столешницу.

Ты пилот. Тебе приходилось справляться с отчаянными ситуациями. Тебя обучали, как нужно действовать в катастрофических условиях. Ты психически устойчива… Ты должна сосредоточиться. Ты все преодолеешь.

Потом она посмотрела на свои грязные, окровавленные руки, и уверенность покинула ее.

Ведь в конце остался только он один. Но может быть… не должен остаться ни один.

Она должна была убедиться, что у нее есть шанс остаться этим единственным человеком.

Тем, кто выживет.

Гости в лесном доме

Дебора

Из окна кухни Дебора смотрела, как Стелла, Стивен и Натан стараются запихнуть тело Берта в морозильный шкаф под навесом. Они закатали его в голубой брезент, оставив нож в затылке, и обмотали веревкой. Тело казалось тяжелым, а они выглядели изможденными. Троица работала в неясном, мигающем свете керосиновых ламп; их лица блестели от пота. Их фигуры отбрасывали на стены навеса зловещие пляшущие тени. Они были похожи на трех ведьм, трудившихся над котлом с колдовским варевом. Призрачные марионетки. Чудовища. Дебора поежилась. Ей не хотелось, чтобы они вернулись в дом и передали остальным весь ужас того, что они видели и совершили.

Наконец тело Берта с глухим стуком вошло в морозильник. Дебора не слышала звук, но, наверное, так оно и было, потому что все трое содрогнулись от последнего усилия. Единственным звуком, который она могла слышать за грязным окном, был рокот работавшего бензогенератора. Они заправили его бензином из канистры и включили морозильный шкаф, чтобы тело Берта могло сохраниться как можно дольше для полицейского осмотра. Иными словами, до того, как закончится бензин.

Шум работающего двигателя казался непривычным в этой глуши. Дебора гадала, не был ли морозильный шкаф, подключенный к генератору, оставлен под навесом специально для этой цели.

Вероятно, мясницкий тесак и ружье, висевшее на стене, с коробкой патронов в ящике комода тоже служили ей. Вероятно, намерение организатора заключалось в том, чтобы напугать их зловещим стихотворением, обескуражить угоном самолета и заставить их перебить друг друга из-за страха, порожденного чувством вины. С помощью их личного Чудовища, обитавшего в каждом из них.

Все эти инструменты были выставлены напоказ в качестве искушения, и они могли выбирать, как воспользоваться ими.

Часы начали отбивать время, и Дебора вздрогнула. Прозвучало семь звонких ударов. В доме было темно, и лишь фитилек зажженной керосиновой лампы освещал большую гостиную. В очаге не пылал огонь; никто не потрудился развести его. Холод заползал из-под дверей и просачивался через тонкие оконные стекла.

Дебора могла пойти в гостиную и разжечь огонь, но она была не в силах оторваться от окна, зачарованная оранжевой виньеткой посреди темноты. Ужас снова проник в ее сердце.

Она уже не в первый раз услышала слова пропавшей Джекки Блант.

«Вы кого-то мне напоминаете. Кат… Катарина. Кажется, так ее звали… Мне знакома татуировка в виде ласточки у нее на запястье. Я разговаривала с ней и узнала ее голос».

Тем временем Натан нашел бутылку спиртного на полке под навесом и показал ее своим спутникам. Они о чем-то заспорили; вероятно, о том, безопасно ли будет выпить из этой бутылки. Натан показал им наклейку на пробке и сорвал ее.

Они жадно глотали, передавая бутылку из рук в руки и утирая рты. Казалось, что Стелла, Натан и Стивен отныне связаны нечестивыми узами, навсегда воспрещавшими им вернуться в мир обычных людей, к нормальной жизни. Они еще раз передали бутылку по кругу.

Дебора мысленно вернулась в прошлое. К темноволосой, плотно сложенной женщине с грубой кожей, кирпично-красными щеками и запахом сигар, пропитавшим ее одежду. Эта женщина нашла Дебору через ее сутенера, который управлял сетью проституток, работавших в его округе. Это был престижный район, примыкавший к центру города, – район, где жили состоятельные мужчины, многие из которых помимо сексуальных услуг требовали садомазохистских изощрений. Мужчин, которые изображали порядочных отцов, мужей и сыновей, но были не лучше всех остальных. Слова той женщины поднялись на поверхность из какого-то темного закоулка памяти Деборы.

«Катарина, я знаю, что в тот вечер ты работала на перекрестке у винного магазина. Твой сутенер подтвердил это. Он все рассказал частному сыщику, который нанял меня, чтобы найти тебя. Да, Китти Кэт, каждый человек имеет свою цену, даже твой сутенер. Он рассказал мне, что ты видела, как маленький мальчик попал под машину. Ты видела синий «БМВ». Ты видела двух людей внутри,

мужчину и женщину. Ты забрала отвалившийся номерной знак. И еще ты забрала рюкзак маленького Эзикиела Маршалла, не так ли?»

Она нуждалась в дозе. Сильно, очень сильно. Никто не знал, как это тяжело, если сам не был наркоманом. Они просто не могли этого представить. Дебора была готова убить за пакетик с дозой, который женщина с грубой кожей повертела перед ней в тот день. Она нуждалась в дозе, чтобы прожить достаточно долго, провернуть очередной трюк и получить более щедрую порцию.

«Твой сутенер собирается избавиться от твоих услуг, Катарина. Ты можешь получить эту дозу и этот конверт с деньгами; они чистые, не меченые, и их тут много. Но ты должна отдать мне номерной знак с «БМВ», а потом убраться из города, желательно сегодня вечером. Возьми деньги и найди себе жилье где-нибудь еще. Понимаешь? Если хотя бы твой поганый сапожок на шпильке появится в окрестностях Большого Ванкувера, тебе конец, ясно? Если я обнаружу в городе женщину с такой татуировкой, ты умрешь. И я буду знать. Я буду слушать, что скажет твой сутенер. Потому что ему причитается гораздо больше денег и наркоты, если он увидит тебя или услышит о тебе. Тогда он придет ко мне и все расскажет. Это называется стимулирующим фактором».

«Кто… кто вы такая?»

«Я здесь для того, чтобы ты держала рот на замке, Китти Кэт».

«Я… Я никому ничего не скажу, обещаю. Я же не говорила с копами, правда?»

«Это потому, что они пока не нашли тебя. И не найдут, если ты побыстрее уберешься из города».

«Почему вы это делаете?»

«Потому что человек, который управлял этим «БМВ», заплатил кое-кому, чтобы тот заплатил кое-кому, чтобы этот кое-кто заплатил мне, чтобы ты заткнулась. – Женщина улыбнулась и наклонила голову к плечу. – Все просто, правда? Это называется распределением обязанностей».

Дебору так трясло, и ей так сильно хотелось принять дозу, что она едва смогла координировать свои движения, пока рылась в стенном шкафу. Она нашла погнутую табличку с «красивым номером» и отдала той женщине. Потом взяла пухлый конверт и заглянула внутрь. Она

была потрясена. В конверте было больше денег, чем ей приходилось видеть за всю свою жизнь. Тогда она потянулась за пакетиком с дозой.

Женщина отдернула его к себе.

«Если копы…»

«Я не разговариваю с копами». – Ее сутенер убил бы ее за это. Она была несовершеннолетней. Еще одна исчезнувшая девушка… Дебора была уверена, что он не стал бы раздумывать.

«Откуда эти деньги? – спросила она. – От водителя?»

«Не нравится – не бери».

Дебора взяла деньги.

«А теперь беги, маленькая шлюха. Сваливай отсюда».

Глаза Деборы щипало от воспоминаний того далекого дня, когда Джекки Блант посетила ее с конвертом денег и дозой наркотика. Тогда у Джекки были густые и блестящие черные волосы. У Деборы больше не осталось слез. Она положила руку на живот, где дремал ее невинный ребенок, обещавший такую жизнь, о которой она раньше не могла и мечтать. Тогда, четырнадцать лет назад, она была жалким существом. Полной развалиной. Ее удивляло, что она вообще могла вспомнить женщину, которая явилась к ней в тот день.

Но после того, как Джекки пристально смотрела на нее в самолете… после того, как она упомянула о Катарине и о татуировке в виде ласточки, Дебора все вспомнила.

По нелепой прихоти судьбы ее Немезида оказалась на борту гидроплана вместе с ней и прилетела сюда. Прямо в западню. Как и сказала Кэти Колбурн, вместе с остальными людьми, причастными к дорожному инциденту и к гибели маленького Эзикиела Маршалла. И пока Дебора наблюдала за троицей под навесом, до нее дошло, что водителем того «БМВ» был Стивен Боден.

Он был мужчиной, которого она видела за рулем. У него имелись деньги и связи, чтобы нанять частного сыщика и выследить ее. Частного сыщика вроде Дэна Уитлока, который, в свою очередь, нанял Джекки Блант, чтобы принудить ее к молчанию.

По всей вероятности, Моника была женщиной на пассажирском сиденье. Кэти Колбурн исключалась по определению, а Стелла была матерью ребенка.

В тот день Дебора не видела Эстеллу Маршалл и тем более не смотрела новости по телевизору. Она схватила рюкзак и номерную

табличку, потому что ей представилась такая возможность, а ребенок все равно на вид был мертв. В рюкзаке могло оказаться что-то ценное, что она могла бы продать на черном рынке и купить наркотики. Она забрала табличку просто потому, что тогда постоянно занималась этим. Забирала чужие вещи. Вещи, которые можно было использовать в качестве заемного капитала или для шантажа. И она оказалась права: кто-то решил заплатить по-крупному, чтобы вернуть эту табличку.

После визита Джекки Блант она бежала в Викторию, на остров Ванкувер. Но это продолжалось недолго, потому что там *Катарина* тоже ввязалась в неприятности. Она порезала другую уличную девку, которая пыталась зарабатывать на ее территории. Не до смерти, но достаточно сильно. В результате она угодила в тюрьму.

Тюрьма оказалась лучшим местом, чем все предыдущие.

Конечно, сначала приходилось нелегко. Но потом «наставница» взяла ее под свое крыло в обмен на различные услуги. После этого ее оставили в покое. За решеткой ей удалось оставаться трезвой и чистой. Она ходила на курсы. После выхода из тюрьмы она вступила в социальную программу для бывших заключенных по оказанию клининговых услуг и мало-помалу выправила свою жизнь. Когда она обнаружила, что не может получить работу в отеле высшего класса из-за своего криминального прошлого, то сменила имя и основала собственную клининговую компанию с набором сотрудников по контракту. Так она стала руководительницей, и никакой потенциальный работодатель не мог обращаться к ней с вопросами о криминальном прошлом.

Дебора столько лет подавляла эти воспоминания и старалась избавиться от них, что когда они всколыхнулись, как цунами, ее буквально затрясло.

Она плотнее прижала ладонь к животу.

Ее будущий ребенок.

Она *должна* была выжить. Все, что угодно, ради выживания.

Троица возвращалась, шагая по мокрому снегу к задней двери. Дебора испытала мгновенный приступ паники. Она развернулась и стала поспешно открывать дверцы буфета и доставать банки. Тушенка. Соус чили. Она поставила кастрюлю и завела газовую плиту.

Они проголодались. Им срочно нужно поесть. Как и раньше, она будет делать вид, будто ничего не знает, и тогда ей ничего не будет

угрожать. Она никогда не была там. Она не видела водителя или пассажирку. Она не видела умирающего мальчика и его мать, с криком выбежавшую из магазина. Она никогда не смотрела новости. Она не знала, что Стелла была той самой матерью.

Стелла, которая потеряла своего мальчика. *Ее ребенка*.

Дебора невольно всхлипнула и уперлась руками в столешницу, изо всех сил стараясь восстановить над собой контроль.

Дверь распахнулась. Она вытерла нос, повернулась и тяжело сглотнула.

Они выглядели так, как будто явились из фильма ужасов. Выжившие в войне зомби посреди дикой глуши. Она съежилась, испытывая желание отступить назад. Но за ее спиной находилась кухонная столешница.

Они смотрели на нее с таким видом, как будто она вдруг стала для них таким же чуждым существом, как и они для нее.

– Я… Мне жаль, что я не смогла выйти и помочь вам, – ее голос дрогнул. – Моника сказала мне, что произошло, и… я никогда не видела мертвецов, – солгала она. – Поэтому я решила приготовить ужин. Думаю, вы проголодались.

Они прошли мимо нее; Стелла держала в руке бутылку виски.

Внезапно Дебора услышал глухой стук бампера «БМВ», врезавшегося в маленького мальчика. Она не слышала этот звук уже больше десяти лет. *Бух, бух, бух.* Снова и снова. Она прижала ладони к ушам.

Прекрати. Прекрати.

Стелла оглянулась через плечо. Их взгляды встретились.

Мне жаль. Мне так жаль.

– Я принесу разогретую тушенку с овощами.

– Спасибо, Дебора, – сказала Стелла.

*** * ***

Дебора вошла в гостиную с тарелками тушенки на подносе.

Натан, сидевший на диване, поднял голову. Его глаза сильно покраснели. Он был измазан в грязи и крови, но не стал приводить себя в порядок. Он держал между ног открытую бутылку виски, обхватив ее за горлышко.

– Как ваша лодыжка? – спросил он, хмуро глядя на нее.

– Это… спасибо, гораздо лучше. Я туго перебинтовала ее.

Стивен разводил огонь. Стелла спускалась по лестнице. Она хотя бы попыталась отмыться – смыла кровь с лица и рук и надела чистые джинсы. Мужчины не потрудились это сделать.

Моника и Кэти пока оставались наверху.

Дебора стояла с подносом в руках. Она не могла принять решение. Ее жизнь снова висела на волоске. Ее осаждал ужасный, иррациональный страх, что все откатится назад, к самому началу, и она снова станет Катариной. А она не могла, просто не могла этого вынести.

Лучше умереть.

Стивен подошел к ней и взял тяжелый поднос из ее рук.

– Спасибо.

Он кивнул, и она едва не посочувствовала ему. Он страдает от того же, что и я. Он пытается скрыть свое прошлое. Этот ребенок выбежал на дорогу между двумя автомобилями и появился прямо перед ним. Он был обречен сбить Эзикиела.

Девять лгунишек думали, что им все сошло с рук. Но ничего не вышло, и все они окажутся в аду.

Неуклюжий от усталости, гремя тарелками и ложками, Стивен поставил поднос на кофейный стол рядом с шахматной доской. Он выпрямился и вдруг застыл.

– Фигурки, – хрипло прошептал он.

Дебору пробрало холодом.

– Еще две фигурки, – он с изможденным лицом повернулся к ним и указал на доску пальцем. – Их убрали с доски. Не одну – Берта, – а *две фигурки*.

Натан подскочил на месте, как будто его ударило током.

– Моника? – произнес он. – Где Моника?

Он резко встал, уронив бутылку на пол, и побежал к лестнице.

– Моника! – крикнул он, ухватившись за перила.

Ответа не последовало.

Он побежал по лестнице, спотыкаясь на каждом шагу.

– Моника! – снова завопил он с лестничной площадки. Его голос эхом прогремел по всему дому, отдаваясь от стен и сводчатого потолка. Сверху полетела пыль.

Когда Натан достиг их общей спальни, дверь распахнулась. Моника с заплывшими, налитыми кровью глазами и встрепанными волосами стояла на пороге. На ее лице отражалось смятение.

– Я… я спала. В чем дело, Натан? Господи, только посмотри на себя… С тобой все в порядке?

Он издал странный звук и привлек ее к себе.

– Слава богу. Спасибо, спасибо. Теперь все хорошо.

Она оттолкнула его и отвернулась, ощутив вонь, исходившую от него.

– Что такое? Что случилось?

– Еще одна фигурка была обезглавлена, – сказал Стивен.

Моника посмотрела на них.

– Вы имеете в виду Берта?

– Нет, кого-то еще.

Осознание пришло мгновенно. Стелла рванулась к двери Кэти Колбурн. Та была заперта.

– Кэти! – Стелла забарабанила по двери, дергая ручку. – *Кэти!* – Она повернулась к остальным: – Помогите мне взломать дверь.

Мужчины сдвинули плечи и дружно ударили в дверь. Снова и снова. Дерево вокруг замка расщепилось, и он вылетел наружу. Двое мужчин ввалились внутрь и зашатались, размахивая руками посреди комнаты.

Дебора и Стелла последовали за ними.

Потом все замерли как вкопанные.

Кэти висела на веревке, прикрепленной к стропильной балке. Перевернутый стул валялся у нее под ногами. Ее камера лежала на кровати.

Она медленно покачивалась, глядя на огромную картину маслом с изображением маленькой девочки, державшей в руке весы Фемиды. Полотно было изрезано в клочья. Кухонный нож лежал на полу под картиной.

Дебора осела на пол и потеряла сознание.

Поиск

Мэйсон

3 ноября, вторник

Все члены группы SAR разошлись по своим палаткам, кроме Мэйсона и Келли, которые еще бодрствовали. Они сидели рядом перед костром, разведенным посреди маленького лагеря в лесу, далеко в стороне от старого дома. Оранжевые языки пламени потрескивали и стреляли в ночь желтыми искрами. Дождь прекратился, но плотные облака продолжали нависать над ними. Ни звезд, ни луны. Из леса то и дело доносилось тихое совиное уханье.

Прошло почти шесть часов с тех пор, как Мэйсон установил спутниковую связь со штаб-квартирой в Принс-Джордже. Техники-криминалисты, судебный следователь, детективы и другие полицейские ожидались на рассвете. Задача Мэйсона состояла в том, чтобы место преступления осталось нетронутым до тех пор, пока не появятся специалисты.

Оскар последним из поисково-спасательной группы отошел от костра и заполз в свою палатку. Из-под оранжевого купола быстро донеслось его негромкое похрапывание.

– У него есть дар, – тихо сказала Келли, тыкавшая веткой в кучку дров. – Мне трудно заснуть, когда я нахожусь на задании. А это… Обычно мы ищем людей, с которыми произошел несчастный случай или же они совершили глупые ошибки. Но это… Убийство, постоянное ощущение злонамеренности… – слова замерли у нее на губах.

Они показались Мэйсону высокопарными, так что он не стал отвечать и оставил ее осмысливать тот факт, что они разбили лагерь неподалеку от двух трупов, по какой-то причине лежавших в морозильном шкафу.

Труп женщины был обернут простыней и лежал на другом трупе, упакованном в брезент и перевязанном веревкой. По предварительной

оценке Мэйсона, – судя по тому, что он видел, ни к чему не прикасаясь, – женщина была повешена. На ее шее были видны перетяжки, он заметил и другие признаки: вываленный язык и красные точки от кровоизлияний в глазных яблоках. Кусок этой веревки обнаружили привязанным к потолочной балке в спальне, где находились ее вещи. Он не нашел удостоверения личности, но, судя по фотографии группы, собравшейся перед гидропланом, это была Кэти Колбурн.

Второе тело из морозильника Мэйсон оставил нетронутым. Оно было завернуто в грязный окровавленный брезент. Пришлось оставить это дело на усмотрение криминалистов.

Оскар показал Мэйсону следы и отпечатки, которые вели к звериной тропе в лесу. Судя по следу, Оскар полагал, что тело в брезенте отволокли к навесу из глубины леса. Отпечатки обуви свидетельствовали о том, что этим занимались три человека. На следующий день они смогут лучше рассмотреть следы. Возможно, они пройдут до того места, где произошло убийство. Оскар и его люди нашли и другие следы, ведущие по тропе, расположенной ближе к воде. Оставалась возможность, что следы принадлежали выжившим людям, которые покинули дом. Келли собиралась с утра пройти по этой тропе.

После установки временного лагеря они поужинали в военном стиле – разогрев армейские пайки на огне. Они ели в молчании, сознавая необъятность глуши, раскинувшейся вокруг них, ни на миг не забывая о трупах в морозильнике и о серьезности своего положения.

– Все это выглядит нелепо, – сказала Келли. Она посмотрела на Мэйсона, и он снова ощутил странный внутренний спазм, когда их взгляды пересеклись.

– Резные фигурки, – продолжала она. – Зловещие стихи. Сфальсифицированные фотографии лесного курорта и несуществующий концерн RAKAM. Два трупа в морозильном шкафу. Женщина без лицензии пилота в пилотском кресле чартерного гидроплана со старым кинжалом, воткнутым в шею. Вам приходилось видеть нечто подобное?

– Нет, только не такое, – ответил Мэйсон.

– Как вы думаете, почему кто-то вообще потрудился убрать тела в морозильник?

В костре треснуло бревно, выпустив дождь медленных искр в сырую ночь.

– Ну, до недавнего времени генератор продолжал работать, – сказал Мэйсон. – Он замораживал останки, пока не кончился бензин. Судя по всему, они – или кто-то из них – хотели сохранить тела, а не просто спрятать их.

– Там было несколько человек, – сказала она. – Одному было бы очень трудно поставить их вертикально и впихнуть в этот ящик, верно? А следы указывают на то, что их было трое. По крайней мере, тех, кто тащил труп, обернутый в брезент.

– Вы правы, – он улыбнулся. – Из вас бы получился хороший сыщик.

Она отложила горелую ветку и вгляделась в его лицо.

– Вы снисходительны ко мне.

Он рассмеялся.

– Нет. В сущности, я думаю, что вы были бы хорошим полицейским в любой должности.

Она еще немного посмотрела на него, взвешивая искренность и значение его слов. Потом повернулась к костру и тихо сказала:

– Поисково-спасательная работа похожа на детективную. Правда, в других обстоятельствах. Составление психологических профилей заблудившихся людей во многих отношениях сходно с оценкой поведения жертв преступлений. Если вы понимаете человека, это помогает вам догадаться, что с ним случилось и какие решения он может принимать при столкновении с естественными препятствиями, погодой или полученными травмами. Это помогает обозначить наиболее вероятный район обнаружения человека. Оставляет надежду, что он жив. Но расследование убийств… не знаю, как вам удается снова и снова переживать злонамеренность и желание причинить вред и при этом оставаться нормальным человеком.

– Поэтому большинство ветеранов, которые расследуют убийства, немного… не такие.

– Не такие?

– Ненормальные.

Она тихо рассмеялась. Мэйсон обнаружил, что, когда она смеется, она становится еще более привлекательной. Впрочем, это было нехорошо. Он начинал нервничать.

Келли замужем. Она в уязвимом положении. И ты тоже. Даже не думай заходить на эту территорию.

Собственный внутренний голос поразил его. Мэйсон не хотел заходить ни на чью «территорию» после гибели Джейн. Время, или Келли, или то и другое что-то надломили у него внутри. Мысль о том, что он снова может испытывать какие-то *чувства*, заставила его сердце биться немного быстрее. Она наполнила его мягким теплом, и этого было достаточно. Пока что. Хотя бы чувствовать себя немного живым. Испытывать *волю* к жизни. Он был благодарен Келли за этот подарок.

– Пожалуй, пора спать, – с глубоким вздохом сказал он.

Она кивнула и пружинистым движением поднялась на ноги.

– Да, и мне тоже.

Он остался стоять, и на какой-то момент они сблизились друг с другом. Она заглянула ему в глаза, и он почувствовал это. Нечто невидимое, но осязаемое. Дрожь воздуха, слабый электрический ток между ними. Она быстро отвернулась, включила налобный фонарь и пошла к своей палатке.

Мэйсон продолжал стоять, наблюдая за тем, как пляшущий луч света движется среди деревьев и исчезает в тумане. Напряжение не покидало его.

Откровенные беседы с Келли Саттон могли закончиться для него либо очень хорошо, либо очень плохо. Потому что она ничего не скрывала. И он бы солгал себе, если бы не признал, что считает ее сексуально привлекательной.

Он с шумом выдохнул воздух и направился к своей палатке.

Где-то за его спиной тихо ухнула сова.

Гости в лесном доме

Стелла

26 октября, понедельник

В ту ночь Стелла лежала в своей постели наверху. Они срезали веревку, на которой повесилась Кэти, обернули ее простыней с кровати и отнесли под навес, где умудрились запихнуть ее тело в большой морозильник рядом с Бертом.

Не вполне понимая, что делать дальше, пятеро выживших разогрели тушенку, приготовленную Деборой, подкрепились из последних сил и разошлись по спальням в надежде на то, что утром они на ясную голову придумают какой-нибудь план.

Они следили друг за другом, пока входили в свои комнаты и запирали двери.

Ветер снаружи почти затих, и Стелла больше не слышала барабанной дроби дождя. Возможно, снова пошел снег, но она слышала отдаленный рокот генератора. Она не могла решить, был ли этот механический звук жутким или успокаивающим, с учетом содержимого морозильного шкафа.

Она в тысячный раз воспроизвела последовательность событий, приводивших к смерти. Судя по всему, почти у каждого имелась возможность взять мясницкий нож на кухне и убить Берта.

То же самое относилось к исчезновению Джекки вместе с самолетом. Теперь Стелла была уверена, что Джекки Блант мертва.

Кэти Колбурн? Было ясно, что она покончила с собой по какой-то мрачной причине, неизвестной для остальных.

Стелла ворочалась в постели, взбивала подушку и лежала на спине, глядя на тени, двигавшиеся на потолке. Через час она посмотрела на часы.

01.45 ночи.

Она поворочалась еще несколько минут, потом резко выпрямилась. Кто-то стучал в дверь спальни дальше по коридору. Она услышала

женский крик:

– Помогите, пожалуйста! Стивена сильно тошнит. Ему очень плохо!

Стелла натянула фланелевую рубашку и первые попавшиеся брюки. Потом отперла дверь и выглянула наружу.

Это была Моника в домашнем халате. Она стояла перед дверью Стивена.

– Натан сейчас в уборной вместе с ним, – сказала она. – Его постоянно тошнит, и у него ужасный понос. Его рвет кровью.

* * *

Вторник, 27 октября

Поздним утром на следующий день Стивен наконец заснул. Они перенесли его в гостиную вместе с ведром и уложили на диван. За прошедшую ночь количество крови в его рвоте и поносе заметно увеличилось. Они оставались рядом с ним, пока Натан поддерживал огонь в очаге до раннего утра. Теперь Дебора сидела рядом со Стивеном и промокала его лоб тряпицей, смоченной в холодной воде. Стелла нашла в своей аптечке электролитические таблетки; его кровяное давление сильно упало, и они боялись обезвоживания. Время от времени он начинал бредить. Его лицо было пепельно-серым, глаза запали, синяки ярко проступили на коже.

Все поглядывали на шахматную доску, как будто ожидали, что очередная фигурка внезапно потеряет голову и упадет замертво.

– Похоже, он чем-то отравился, – в очередной раз сказала Моника, стоявшая за диваном. Она превратилась в развалину. Стелла едва узнавала состоятельную и ухоженную женщину в дорогих обновках, которая взошла на борт гидроплана всего лишь два дня назад.

– Но мы все ели одно и то же, – сказала Дебора. – Я разогрела консервированную тушенку и чили с овощами, а потом разложила по тарелкам.

Эти миски с тушенкой успели остыть, пока они освобождали Кэти из петли, заворачивали ее в простыню и относили под навес. Но Моника снова разогрела их.

– Может быть, он съел что-то еще? – предположил Натан. – Или принял какие-то таблетки?

– В его комнате не было ничего такого, – отозвалась Стелла.

Стивен застонал, и его веки задрожали. У него пересохли губы.

– Эй, – Стелла попыталась улыбнуться. – Вы еще живы, док.

Он снова застонал и поднес руку ко лбу.

– Нужно… попить. Очень хочется пить.

Натан встал.

– Я сделаю черный чай с сахаром. Думаю, это будет хорошо. Кто-нибудь еще хочет? Я видел на кухне чайные пакетики и сахар.

Все закивали.

Натан удалился на кухню, пока Стивен с трудом принял сидячее положение. Стелле показалось, что худшее позади. Чем бы ни отравился доктор Боден, отрава выходила из его организма.

Внезапно с кухни донесся крик Натана:

– О боже! Что это такое?

Стелла вскочила в тот момент, когда Натан появился в дверях. Он держал в руках керамическую тарелку и с ужасом смотрел на ее содержимое.

Грибы.

– Вы знаете, что это такое? – спросил он, продемонстрировав тарелку.

Стелла покосилась на Монику, а та посмотрела на Дебору. Стивен сконфуженно уставился на тарелку.

– Бледная поганка, – сказал Натан. – *Amantia phalloides*. – Он поднял гриб с тарелки и выставил на всеобщее обозрение. – Причина 90 % смертных случаев от отравления грибами.

Моника вскочила на ноги.

– Положи тарелку, Натан! Не прикасайся к ним!

Он аккуратно вернул гриб на прежнее место.

– Кожный контакт не опасен, Моника, – тихо сказал он. – Только внутреннее употребление.

– Во вчерашней тушенке с овощами были грибы, – слабым, каркающим голосом произнес Стивен.

– Только не у меня, – сказала Дебора.

– Я даже не попробовала их, – быстро добавила Стелла.

– Я тоже, – сказала Моника.

– В моей вчерашней тушенке определенно не было грибов, – сказал Натан и остановил взгляд на Стивене. Он озадаченно нахмурился.

– Думаешь, кто-то подложил бледную поганку в тарелку Стивена? – спросила Моника.

– Я приготовила еду, – сказала Дебора. – И я не клала туда грибы. Я даже не видела тарелку с грибами на кухне. И это Моника забрала тарелки и заново разогрела их.

– Но тарелки с едой оставались без внимания на столе в гостиной, пока мы все находились наверху, в комнате Кэти, – сказала Стелла. Она повернулась к Натану. – Где вы это нашли?

– Грибы просто лежали в тарелке рядом с подставкой для ножей на кухне.

Наступило молчание, нарушаемое лишь потрескиванием дров в камине. Стелла хмыкнула.

– В доме побывал кто-то еще, – заключила она.

– Или один из нас подложил эти грибы, пока остальные были наверху и не могли этого видеть, – сказал Натан.

Стивен прищурился, глядя на него.

– Кто среди нас разбирается в ядовитых грибах и знает, где их можно найти?

– Нет, нет, это не я, – с потрясенным видом пробормотал Натан. – Боже мой, Стивен, я вас ненавижу, и вы прекрасно знаете об этом. Но я не убийца.

Мужчины напряженно уставились друг на друга.

– Они вообще растут в этих местах? – поинтересовалась Дебора.

Натан поставил тарелку на обеденный стол.

– Они встречаются по всей Британской Колумбии. Известно о нескольких смертельных случаях. Центр по контролю над заболеваниями несколько раз об этом предупреждал. Эти грибы выглядят так, будто их собрали несколько недель назад. Бледные поганки в Британской Колумбии обычно растут с июня до ноября. Их легко перепутать со съедобными грибами, в зависимости от степени созревания.

– Они могут расти вокруг дома или вдоль лесных троп, где мы ходили? – спросила Стелла. – Я видела там множество разных грибов.

– Вполне возможно, – ответил Натан. – Но лично я не видел здесь ничего похожего на *Amantia phalloides*.

– Слава богу, что Стивену стало лучше, – сказала Дебора. – Как бы то ни было, худшее позади.

Натан промолчал, пристально глядя на Стивена. У Стеллы сжалось сердце, и общее настроение резко упало. Натан провел рукой по волосам, как бы подбирая нужные слова.

– В чем дело, Натан? – резко осведомилась Моника. – Просто скажи, пожалуйста.

– Он умирает.

Его слова повисли в воздухе. Напольные часы продолжали мерно отсчитывать секунды.

– Мне полегчало, – заявил Стивен. – Правда, я лучше себя чувствую.

– Это латентная фаза.

– Натан, выражайся яснее! – потребовала Моника, сверкая глазами. – *Пожалуйста!*

Натан тяжело опустился на край стула и обвел их взглядом.

– Если Стивен съел бледную поганку, то он прошел через так называемую желудочно-кишечную фазу. Она обычно начинается через шесть-семь часов после употребления, когда организм пытается избавиться от токсинов. Затем, по клиническим показателям, больному становится лучше. Ему кажется, что он пошел на поправку. Это так называемая латентная фаза. Но во время этой фазы аматоксины активно разрушают его печень.

– Что это значит? – спросила Дебора.

– Это значит, что внешние признаки поражения печени начнут появляться через 36–48 часов. Состояние больного прогрессивно ухудшается. Токсины приводят к полному разрушению его печени и почек. Отказ внутренних органов приводит к смерти в течение одной-трех недель, если больной не получает оперативной медицинской помощи либо ему не проводят трансплантацию печени, – он немного помедлил. – Без специализированного медицинского вмешательства Стивен скоро умрет. Ничто другое не может остановить этот процесс.

Кровь бешено стучала в висках Стеллы, когда она посмотрела на листок со стихотворением, по-прежнему лежавший на столе.

Пятеро лгунишек не могли жить в мире,
Один топор увидел, и стало их четыре.
Четверо лгунишек ушли в лес, но смотри —
Одного зарезали, и их осталось три.

– Это не инструкция, – тихо сказала она. – События не происходят точно так, как описано в стихотворении. Оно не означает, что все мы умрем. Мы можем и должны предотвратить это.

– Так или иначе, Стивен умрет, если мы не доставим его в больницу, – заметил Натан.

Поиск

Келли

Среда, 4 ноября

Серый рассвет, исхлестанный дождем, занялся под рокот вертолетов, приближавшихся под низко нависшими облаками. Келли позвонила Бену по спутниковому телефону, глядя, как вертолетные недра извергают наружу группу криминалистов, следователя, офицеров в мундирах и в штатском, полицейскую команду К9, армейские палатки и другое снаряжение. Мэйсон находился в доме и работал с главным детективом Гордом Филдингом; они делились друг с другом последними новостями о ходе расследования.

– Привет, Бен, это мама, – сказала Келли, закрыв ладонью одно ухо и отойдя в лес, чтобы лучше слышать голос сына. – Ты хорошо выспался?

Бенни рассказал ей о фильме, который они посмотрели вчера вечером, и о том, что сегодня его класс собирается на экскурсию в пожарную часть. Пока она слушала сына, мимо прошли двое офицеров, натягивавших желтую полицейскую ленту вдоль деревьев до самого края воды. Лента вздувалась и трепетала на ветру. Зрелище пугало, но слышать довольный голос Бена было приятно.

– Похоже, будет весело, – сказала она. – Может быть, Мэйсон скоро покажет вам, как устроен полицейский участок. А я отвезу тебя на базу SAR.

– Я ее уже видел, мама.

– Да, но твои одноклассники не видели, правда? Ты можешь стать экскурсоводом, а потом мы проведем инсценировку поисковой операции.

– Это будет круто!

Она улыбнулась.

– Ну, ладно. Будь хорошим мальчиком. Я могу задержаться на несколько дней, но ты всегда можешь попросить Рэйчел позвонить мне

на спутниковый телефон, если понадобится поговорить со мной. Хорошо?

– Хорошо, мама. Пока!

Связь прервалась. Келли усмехнулась, когда выключила телефон и убрала его в чехол на поясе. Она извлекла из полевой сумки планшет, непромокаемый блокнот и графитовый карандаш, которым можно было пользоваться под дождем. Она пошла между деревьями туда, где находились Оскар и остальные члены группы SAR. Они работали вместе с командой К9 для анализа следов, которые показывали, что выжившие обитатели дома отправились в лес около озера. Их решили обозначить как «Пятерка выживших».

Повсюду кипела энергичная работа, и в воздухе летали вопросы и ответы, когда начался кропотливый процесс поиска и сбора даже самых крошечных улик. Келли никогда не принимала личного участия в такой масштабной операции, тем более с несколькими убийствами. Хотя в целом это было ужасно, некоторые аспекты вызывали у нее приятное волнение.

Следователь, патологоанатом в отставке, предположил, что Берт Кундера и Кэти Колбурн умерли примерно неделю назад. После предварительного обследования он пришел к выводу, что мясницкий нож, убивший Кундеру, был брошен с небольшого расстояния. Он вошел в череп жертвы на довольно высокой скорости. Келли не знала людей, которые могли бы метать топор или нож с такой точностью, чтобы попасть кому-то в затылок. Теперь предстояло выяснить, обладали ли кто-либо из «пятерки выживших» необходимыми навыками для метания ножей.

Кэти Колбурн либо повесилась сама, либо кто-то убил ее. В последнем случае понадобилась бы значительная сила, чтобы вздернуть ее и затянуть петлю, либо в убийстве участвовали несколько человек. С другой стороны, Кэти могли угрожать насилием и заставили ее встать на стул, который нашли перевернутым в ее спальне, а потом выбили стул у нее из-под ног.

Мэйсон также сообщил Келли, что кто-то из обитателей дома заболел и страдал от кровавого поноса и рвоты. Судя по содержимому одной из комнат и примыкающей уборной, больным человеком был доктор Стивен Боден. Судя по отметинам и крючкам на стене

гостиной, оттуда сняли ружье и забрали патроны из коробки, оставленной под навесом.

Была изучена одежда и другие вещи, обнаруженные в комнатах, получена новая информация о «выжившей пятерке» и троих погибших, поступившая от детективов, которые беседовали с членами их семей. Теперь у Келли были сведения о росте, весе и размере обуви «выжившей пятерки», а также об основных фактах их биографии.

Кэти Колбурн была в разводе и имела шестилетнюю дочь по имени Габби. Лишь немногим младше Бена. Келли с болью подумала о девочке, которая получит душераздирающее известие о том, что ее мать никогда не вернется домой. Память об убийстве матери будет преследовать Габби Колбурн до конца ее дней. Если и было что-то, позволявшее Келли выживать и терпеть любые невзгоды, это была ее жгучая потребность вернуться домой, к Бену и Питеру. Не оставлять их в одиночестве.

– Эй! – окликнул ее Оскар, когда увидел, как Келли приближается к ним. Он отошел от команды К9 и техников SAR и направился к ней, держа в руке палку для скандинавской ходьбы.

– Мы определили пять разных отпечатков обуви, – произнес он глубоким, певучим голосом. – В той стороне хорошо виден след.

Оскар повел ее к отпечаткам густой грязи под еловой кроной, защитившей их от непогоды. Она опустилась на корточки.

– Вот, – он указал палкой с резиновыми кольцами, которыми пользовался для измерения ширины шага. Если знать среднюю ширину шага, это подсказывает, где можно найти следующий отпечаток по отношению к уже найденному.

– Первый отпечаток имеет характерный звездчатый узор на подъеме стопы. У второго есть небольшие прямоугольные бороздки. У третьего – круглые выступы на пятке и поврежденный мысок. Четвертый указывает на сильный износ пятки. Пятый отпечаток имеет сцепленные треугольные выступы.

Келли начала измерять и зарисовывать отпечатки, не обращая внимания на дождь, стекавший по плечам и капавший с козырька фуражки. Ее пальцы быстро онемели от холода, дыхание поднималось облачками пара, когда она поднесла измерительную ленту к следующему отпечатку.

– Этот, со звездчатым узором, похож на отпечаток ботинка фирмы Outrigger, – сказала она. – Седьмой размер, – она просмотрела записи в своем блокноте. – Согласно показаниям родственников, Моника Макнил и Дебора Стронг носили обувь от шестого с половиной до седьмого размера, в зависимости от обувного бренда.

Келли сделала зарисовку другого узора. Она фотографировала отпечатки, но волонтеры из SAR хорошо понимали ограничения высокотехнологичных устройств в лесной глуши, где не было электричества. Непромокаемые карты, навыки обращения с обычным компасом и влагостойкие блокноты с карандашами были обязательны.

Она посмотрела на Оскара.

– Следы Стеллы Дагер еще не установлены, но она оставила пару кроссовок в пакете, который нашли в ее спальне. Они восьмого размера. Следовательно, эти два отпечатка – со звездчатым узором и с треугольниками – принадлежат Деборе и Монике.

Она сделала соответствующие пометки для обеих женщин и для Стеллы. Мужчины носили обувь десятого и двенадцатого размера.

Где-то поблизости залаяла полицейская ищейка. Офицер позвал их к себе.

Келли убрала свой блокнот, сделала последний снимок и последовала за Оскаром туда, где немецкая овчарка рвалась с поводка в начале тропы. Полицейский крепко держал поводок.

– Она уловила их запах, уходящий в ту сторону, – он указал на просвет в кустах, где узкая тропинка шла почти параллельно берегу озера.

– Ты сделала все зарисовки? – спросил Оскар у Келли.

Она кивнула и указала подбородком на тропу.

– Похоже, собаке не составило труда почуять их запах. Мы не потеряем его, если погода не ухудшится, так что пора выступать. У нас достаточно свидетельств. Собирай наше снаряжение, а я пойду проверю, готов ли Мэйсон присоединиться к нам.

Келли поспешила обратно по тропе, ведущей к дому. Адреналин бушевал в ее крови, и она испытывала почти такое же нетерпение, как полицейская ищейка на поводке. Дождь скоро мог смениться снегом, и тогда они могли потерять небольшое преимущество, которое пока имели.

Она достигла границы места преступления, обозначенной желтой лентой, и была остановлена полицейским в мундире.

– Келли Саттон, поисково-спасательная группа Клуэйн-Бэй, – сказала она и продемонстрировала удостоверение личности. – Мне нужно поговорить с сержантом Мэйсоном Денье.

Келли видела Мэйсона у задней двери дома; он разговаривал с одним из криминалистов в белом защитном комбинезоне и ботинках с высокой шнуровкой. В руках, обтянутых нитриловыми перчатками, Мэйсон держал что-то вроде тарелки.

Она наблюдала за работой технических экспертов в комбинезонах, размещавших перед навесом маленькие ярлыки и маркировочные знаки и ведущих съемку. Огромная армейская палатка-шатер была воздвигнута с целью накрыть весь участок между кухней и навесом, где стоял морозильный шкаф.

Она была зачарована этим зрелищем. Это напоминало работу ее группы, но разумеется, было чем-то другим. Такие сцены отвлекали ее от повседневных забот и тревог. Она делилась своим настроением с Питером каждый раз, когда они выезжали по вызову. Когда она мысленно вернулась к Питеру, ее захлестнула ошеломительная волна горя – такая мощная и темная, что у нее перехватило дыхание.

Она отвернулась и постаралась дышать ровно и глубоко, чтобы вернуться к действительности. Горе, страх, чувство утраты – все это поразило ее из ниоткуда. Она научилась восстанавливаться после таких ударов. Она научилась жить с этим и не скрываться, потому что чем упорнее она старалась убрать это подальше, тем сильнее оно ударяло в следующий раз, и тем более тяжкими были последствия.

Она получала множество благонамеренных советов, но большая часть этих советов была связана с тем, как пережить утрату любимого человека.

А Питер был еще жив.

Она все еще верила, что он может вернуться к ней.

– Келли?

Она развернулась на месте. Мэйсон подошел к ней, держа в руках тарелку с грибами. Она сразу же поняла, что это за грибы, и жестко посмотрела на него.

– Кто-то употребил их в пищу?

– Вы знаете, к какому виду они принадлежат? – спросил он и приподнял тарелку.

– Выглядят как бледные поганки. Где вы их нашли?

– На кухне.

Их взгляды встретились.

– Они здесь не растут. Во всяком случае, до сих пор мы их не видели. Это не значит, что мы не найдем их, если будем искать специально, но до сих пор я не слышала сообщений о них в нашем районе. Но случаи отравления бледной поганкой все чаще происходят в Британской Колумбии. В прошлом году в окрестностях Ванкувера умер трехлетний ребенок, а женщина на лыжном курорте Уистлер съела один такой гриб, выросший на заднем дворе, и серьезно отравилась. Она считала, что разбирается в грибах.

Келли замолчала, пораженная новой мыслью.

– Вы говорили, сегодня утром детективы сообщили вам, что Натан Макнил – профессор микологии?

– Да, – к ним подошел криминалист, собиравшийся причислить грибы к числу улик. Он отдал Мэйсону тарелку.

– Натан Макнил должен был знать, что это за грибы, – сказала Келли.

Мэйсон с интересом посмотрел на нее.

– В каком смысле?

– В том смысле, что это яд, который можно использовать с целью убийства. Вы также говорили, что кто-то из обитателей дома тяжело заболел.

– Свидетельства указывают на то, что у доктора Стивена Бодена был острый приступ гастроэнтерита. Следы рвоты и поноса в уборной, примыкавшей к его комнате, где мы также нашли его вещи, густо запачканные кровью.

– Острый гастроэнтерит – один из первоначальных симптомов отравления бледной поганкой, – с неожиданным воодушевлением сказала Келли.

– Возможно, профессор Натан Макнил отравил его, – пробормотал Мэйсон. – Если они здесь не растут, то остается возможность, что Макнил намеренно взял их с собой в эту поездку.

– Возможно, именно по этой причине «пятерка выживших» была вынуждена покинуть дом, – задумчиво сказала Келли. – Чтобы

получить помощь.

Мэйсон нахмурился.

– Как так?

– Прошлым летом Канадская поисково-спасательная служба разослала инструкцию о патогенезе отравления бледной поганкой. Информация была получена от центра контроля над заболеваниями Британской Колумбии, поскольку этот гриб становится потенциальной угрозой для провинции в целом, и было решено, что поисково-спасательные группы должны быть осведомлены о симптомах. Если доктор Боден съел бледную поганку или хотя бы часть гриба, то у него развился бы острый гастроэнтерит, но примерно через шесть часов могло показаться, что ему стало лучше. Это латентная фаза. Но профессор Макнил, специалист по микологии, должен был знать, что ущерб уже причинен и что яд продолжает незаметно разрушать печень доктора Бодена. Если это произошло, единственной возможностью выжить для него является срочная хирургическая операция. Или его можно считать мертвым.

– Значит, его здоровье неуклонно ухудшается, пока они находятся в пути, если он уже не скончался?

– Да. Я предполагаю, что они решили обогнуть северо-западный берег озера Таксис. Стелла Дагер, будучи пилотом, должна была запомнить ориентиры с воздуха. Скорее всего, она ведет их в Клуэйн-Бэй.

Налетел порыв ветра с хлещущим дождем. Мэйсон напряженно смотрел на Келли; его глаза были серыми, как облака.

– Нам нужно выходить прямо сейчас, – тихо сказал он. – Будем координировать наши действия с командным пунктом RMCP и при необходимости запросим воздушную поддержку.

Поиск

Келли

Они шли колонной по одному и двигались быстро, благодаря немецкой овчарке Труди, напавшей на след, и ее энергичному хозяину, полицейскому кинологу Рэю Грегсону.

Мэйсон занял место в арьергарде колонны, следом за Келли. Перед Келли находились два других члена группы SAR. Оскар шагал за командой К9, бормоча, что полицейская собака и ее хозяин портят «его отпечатки». Но Келли понимала, что собачий нюх сейчас важнее, чем изучение следов. Прошло уже довольно много времени с тех пор, как «пятерка выживших» покинула дом, и на открытой местности без прикрытия древесных крон следы быстро размывались дождем и снегом.

Остальные волонтеры SAR остались позади с намерением оказывать воздушную поддержку, если облачность поднимется достаточно высоко, чтобы вертолеты могли облетать горные пики вдоль северо- западного берега озера, куда уходили следы.

Колонна двигалась в быстром темпе уже несколько часов; люди тяжело дышали, их лица были окружены облачками пара. Мэйсон физически ощущал, что время на исходе, особенно для Стивена Бодена, если пластический хирург действительно отравился бледной поганкой. То обстоятельство, что тарелка с грибами была демонстративно оставлена на кухне, само по себе выглядело зловещим. Предупреждение? Указание, оставленное для спасателей? Возможно, отравление грибами было упомянуто в пропавшей записке?

Беспокойство со стороны поисково-спасательной группы было вполне обоснованным. У «пятерки выживших» имелось ружье и боеприпасы. Возможно, для защиты от хищников или для охоты ради пропитания. Но прощальная записка была вырвана из блокнота, и это оставляло недоброе впечатление.

Кто-то из них мог оказаться убийцей.

Мэйсон был вооружен табельным пистолетом и нес на спине ружье, прикрепленное к рюкзаку. То же самое относилось к Рэю Грегсону. У Оскара имелся дробовик для защиты от хищников. По его словам, здесь водились гризли, волки и горные пумы.

Мэйсон посмотрел на часы. Было около половины третьего, и их колонна по-прежнему двигалась легкой трусцой по заросшей и неровной тропе через лес, вдоль отмелей и каменистых осыпей с перемежающимися лугами и заболоченными участками. Рюкзак у него на спине, в сочетании с тяжелыми ботинками, курткой и положенным по должности бронежилетом, испытывал пределы его физической силы и выносливости, которая изрядно уменьшилась после австралийского «круиза», когда гибель Дженни и Люка разбила его жизнь вдребезги. Он начинал обливаться потом, его мышцы протестовали. Но при этом он вписался в ритм бега, глубоко вдыхая чистый, прохладный воздух. Это было почти медитативное состояние. Оно отвлекало его от других вещей и давало ему ощущение жизни.

Скорее всего, они следовали по звериной тропе, как объяснила Келли. Но было ясно, что выжившие направились этим путем, – на это указывала не только собака. На пути то и дело попадались смазанные следы, отброшенные камни, раздавленные растения и сломанные ветки.

Мэйсону нравилось, как двигалась Келли, наслаждаясь своей сосредоточенностью, излучая заразительную энергию, впитывая окружающую обстановку. Она постоянно оставалась бдительной к любым звукам, ориентирам и переменам погоды. Ее щеки были ярко-розовыми, глаза блестели. Она чувствовала себя как дома в этой обстановке. Это был ее мир. Мэйсон полагал, что если бы она спрыгнула на парашюте с вертолета посреди дикой глуши, то осталась бы в живых и нашла дорогу домой.

А он? Хотя он мог найти обратный путь в городе по ориентирам, известным любому горожанину, – тут «Макдоналдс», там «Старбакс», универсам на углу, крошечное суши-кафе, корейский ресторан на перекрестке, – здесь были другие ориентиры, вроде огромной дугласовой пихты на северном склоне, проблеска воды с западной стороны, характерной вершины, внезапно проступившей из-за облаков, перемены растительности на возвышенном месте. Это было иное ощущение пространственной ориентации.

Собака неожиданно свернула с тропы и пошла обнюхивать склон, поднимавшийся к поляне на возвышенности.

– Хэй! – Грегсон осадил Труди и вскинул руку, указав туда. – Нужно посмотреть там, – добавил он.

Оскар объявил об остановке, и они стали наблюдать, как команда К9 продирается через кусты.

– В этом проблема с ищейками, – с улыбкой сказала Келли, пока они смотрели, как Грегсон спотыкается и падает, стараясь удержать свою собаку. – Если они идут не по следу, а по запаху, то игнорируют легкие пути и направляются прямо к источнику запаха. Вероятно, наши подопечные нашли гораздо более удобный подход к тому месту.

Они поднялись по склону до самой поляны. Оскар попросил их отступить в сторону, пока он тщательно осматривал следы под большой елью. Потом он что-то нащупал в грязи, поднял руку и показал остальным:

– Это «Chap Stick».

Мэйсон взял тюбик и вопросительно посмотрел на Келли.

– Обычный бальзам для губ, – сказала она.

– Похоже на первый лагерь «пятерки выживших», – заметил Оскар и указал на другие следы. – Они сидели здесь и отдыхали. Кто-то лежал, судя по вмятине во мху и вокруг. Тут еще есть обертка от батончика мюсли, – он поднял обертку рукой в перчатке.

Мэйсон взял ее и положил в пластиковый пакетик для сбора улик.

– Из запасов в буфете или завалялся у кого-то в рюкзаке, – сказал он.

– Значит, ты думаешь, что они переночевали здесь, Оскар? – спросила Келли, глядя на исполинскую ель. – Такое дерево могло послужить укрытием для всех.

– Пожалуй, – согласился Оскар, продолжая внимательно изучать почву, пока Грегсон поил и кормил Труди. – Если это была их первая ночевка, то мы движемся гораздо быстрее, чем они, – норвежец поднял голову и блеснул ярко-голубыми глазами. – Это хорошо, потому что мы нагоняем их, но нехорошо, если их замедляют травмы и болезни.

Тем не менее вдоль тропы и вокруг места ночлега не было признаков кровавой рвоты или поноса. Мэйсон сфотографировал место и загрузил координаты GPS для криминалистов.

– Нам нужно двигаться, – сказала Келли, глотнув воды из походной фляжки.

Оскар съел батончик, а один из его коллег предложил орехи.

– Я до сих пор различаю пять различных отпечатков, – сказал Оскар, продолжая жевать. – До сих пор они двигались вместе.

Еще через два часа ходьбы по тропе Оскар снова попросил остановиться, чтобы изучить особенно четкие отпечатки в глинистой грязи. С помощью палки и резиновых колец для замеров ширины шага он аккуратно обработал глинистую полосу.

– Они начали уставать, – сказал он. – Шаги укорачиваются.

– По-прежнему пятеро? – спросил Мэйсон.

– Ответ утвердительный.

– Нет признаков, что кто-то следовал за ними?

В полном молчании Оскар заново принялся изучать грунт, измеряя следы, едва заметные для Мэйсона. Это было сокровенное искусство, подумал он, наблюдая за тонкими манипуляциями. Наконец Оскар поднялся на ноги и надел фуражку.

– Есть звездчатый узор. Есть следы женской обуви, восьмого и седьмого размеров. И два отпечатка мужских ботинок. Больше ничего.

Образы трупов в морозильнике возникли перед мысленным взором Мэйсона. Если кто-то неизвестный убил Берта Кундеру и Кэти Колбурн, то убийца не преследовал «пятерку выживших» и не охотился за ними.

Оставалась возможность, что один или несколько убийц были членами группы.

Или, по какой-то причине, убийца оставил их в покое.

Келли подняла бинокль и осмотрела тропу впереди.

– Отсюда путь идет вверх, – сказала она. – Посмотрим, сможем ли мы добраться до того хребта, пока не стемнеет. Этот наблюдательный пункт предоставит нам панорамный обзор, и судя по характеру рельефа, тропа от того хребта будет спускаться к воде. Мы разобьем лагерь в самом высоком месте.

Мэйсон открыл свою фляжку и глотнул. Холодная вода еще никогда не казалась ему такой вкусной.

– Значит, этим беднягам пришлось подниматься по склону, – сказал он.

– Да, – Келли убрала бинокль в полевую сумку. – Насколько я помню, у берега были остатки звериной тропы, которые обходили этот подъем стороной, но уровень воды в озере Таксис заметно вырос за последние годы. Обильные снегопады и теплая погода, приводившая к таянию ледников. И масса осадков за последние дни, – она прикрыла глаза козырьком ладони, глядя на горы. – Я опасаюсь, что ручьи и водопады, которые впадают в озеро, могут осложнить наше продвижение.

– Но то же самое относится и к «пятерке выживших». Если бурные ручьи преградят нам путь, то они же остановят беглецов.

Она кивнула и поджала губы.

– Правда, уровень реки и воды в ручьях меняется ежечасно. Также возможны ливневые паводки. И внезапные оползни, которые трудно обойти… но вы правы. Если эти препятствия задержат их, то, наверное, им хватит ума переждать или повернуть назад.

– Ценой жизни доктора Бодена, – добавил Оскар.

– Это вопрос расстановки приоритетов, – Келли закинула рюкзак на плечи. – Но она требует логики и жестких решений. Если они неопытны, если они поддадутся панике и выйдут за пределы своих возможностей, то их ждет смерть.

Они тронулись с места в еще более быстром темпе. Склон становился все круче: мышцы и связки Мэйсона молили о пощаде. Члены поисковой группы молчали. Снова поднялся туман, и пошел мокрый снег, смешанный с дождем.

Поиск

Келли

К четырем часам утра поисковый отряд преодолевал сложный лавинный желоб, усеянный валунами и мелкими камнями, покрытый грязью и глиной с комьями вывороченных деревьев размером с маленький автомобиль.

Рваные облака проносились над лощиной, волоча за собой струи ледяного дождя. Но для Келли все это было проникнуто величественной красотой. Природа была чуждой и враждебной. Для того чтобы увидеть ее красоту – прикоснуться к ней и ощутить ее всем существом, – человек должен был подключить все свои физические и психические резервы. Но для Келли воздаяние за этот труд было огромным.

Офицер Грегсон перенес свою собаку в страховочной упряжи через особенно крутой склон желоба, где Труди могла сломать лапу в любой из многочисленных щелей между подвижными камнями. Но они все еще сохраняли хороший темп, воодушевленные тем, что служебная собака по-прежнему чуяла след. А Оскар до сих пор искал следы, указывавшие, что «пятерка выживших» проходила в этом месте. По спутниковому телефону Мэйсон получил сообщение, что вертолет с бортовой инфракрасной системой переднего обзора вылетел с авиабазы Комокс для оказания воздушной поддержки. Ко времени прибытия вертолета должно было стемнеть, но Келли знала, что инфракрасная поисковая система лучше всего регистрирует улики в темноте. Однако им требовалась удача и мастерство, чтобы уловить тепловые сигнатуры, если люди находились в глубоком ущелье или укрылись под плотным лесным пологом. На данный момент складывалось впечатление, что все пятеро живы и продолжают двигаться; это повышало шансы обнаружить их.

Оскар ждал Келли, когда они с Мэйсоном вышли на противоположную сторону лавинного желоба.

– Я нашел еще следы, – сообщил он. – «Пятерка выживших» начинает выбиваться из сил. Они шаркают при ходьбе. Похоже, они останавливались передохнуть на этом краю желоба.

Стелла посмотрела наверх и заметила тропу, исчезавшую среди деревьев. Мэйсон проследил за направлением ее взгляда.

– Кажется, я слышу звук текущей воды, – сказал он.

Келли кивнула и достала карту. Она включила налобный фонарь, потому что уже начинало смеркаться.

– На другой стороне того хребта, куда мы направляемся, есть глубокое ущелье.

– Как думаете, они могут пересечь его?

Келли обменялась взглядом с Оскаром.

– Судя по звуку текущей воды… нужно посмотреть.

Ощущение необходимости действовать как можно быстрее снова охватило Келли.

– Если у них не осталось сил для переправы через горный ручей, они могли встать лагерем на этом хребте. Возможно, мы даже найдем их там. Если «пятерка выживших» покинула дом сразу же после смерти Берта Кундеры и Кэти Колбурн, то с учетом оценки следователя они уже неделю находятся в пути. Это очень долго для такой погоды и без достаточных навыков выживания в глуши. Кроме того, у доктора Бодена, скорее всего, начала отказывать печень.

– Если он еще жив, – заметил Оскар.

Келли сложила и убрала карту. Грегсон дал Труди немного попить. Все остальные включили налобные фонари для перехода через последний участок леса между ними и грядой возле ущелья.

Когда они прошли через лес и поднялись на возвышенность, тяжело дыша, то увидели большое каменное плато, частично перекрытое скальным навесом. Уже стемнело, но все указывало, что «пятерка выживших» действительно устроила здесь временную стоянку. Им удалось разжечь маленький костер из сухих веток под скальным навесом. Обертка от жестянки с супом лежала у потухшего костра, а обгоревшая консервная банка валялась среди пепла.

Труди сделала стойку над окровавленной бумажной салфеткой под навесом, и Грегсон позвал Мэйсона.

Мэйсон опустился на корточки и осмотрел салфетку в свете фонаря.

– Кто-то поранился, – сказал он, когда сфотографировал салфетку и убрал ее в свой рюкзак, где лежали другие улики.

– Возможно, кто-то расшибся или порезался, когда они пересекали лавинный желоб, – сказала Келли, освобождаясь от своего рюкзака. Она хлебнула воды из фляжки и утерла рот. – Меня это не удивляет.

– Раз их здесь нет, должно быть, они нашли способ переправиться через ущелье, – сказал Оскар.

– Нам придется проверить это при свете дня, – заметила Келли. – Возможно, когда они переправлялись через ущелье, там не было столько воды.

При свете налобных фонарей, охотничьих прожекторов и газовых ламп они разбили лагерь под нависающим скальным выступом. Здесь они нашли немного сухих веток; Оскар со своей командой развел костер рядом с кострищем «пятерки выживших». Они поужинали готовыми блюдами из армейского рациона под грохочущий шум текущей воды, скрытой от них в темноте ночи.

Когда огонь лагерного костра начал угасать, Келли встала и пошла поискать еще растопки у края навеса, где он изгибался вниз под крутым углом и где накопился наносной мусор.

Когда она опустилась на корточки и начала собирать маленькие ветки, что-то белое в луче налобного фонаря привлекло ее внимание. Она наклонилась ближе; это был комок линованной бумаги.

Келли отложила свою вязанку и вытащила бумажный комок из расщелины, куда нельзя было пролезть. Потом аккуратно развернула его.

Ее сердце забилось быстрее.

– Мэйсон!

Поиск

Мэйсон

Мэйсона пронзила тревога, когда он услышал крик Келли. Он поспешил на звук ее голоса; луч его фонаря упирался в каменные изгибы за густым туманом. Потом он увидел, как она выбирается из-под узкой расщелины у края скального навеса, круто уходившего вниз.

– Записка, – сказала она, когда достигла места, где смогла выпрямиться в полный рост. Она протянула ему мятый листок бумаги. – Она лежала в расщелине, среди мусора.

Он достал из кармана нитриловые перчатки, натянул их и взял листок.

При свете фонаря он читал торопливо написанные слова. Слова начинались там, где листок был вырван из блокнота, который они нашли в доме.

…получить помощь. Стивену Бодену очень плохо. Скорее всего, он отравился бледной поганкой. Мы не знаем, как это случилось. Думаем, кто-то вошел в дом и подложил в тарелки кусочки грибов, пока мы находились в спальне Кэти Колбурн, которую обнаружили повешенной. Стивен находится в латентной фазе. У него остается мало времени. Белки его глаз уже начинают желтеть.

Джекки Блант пропала вместе с гидропланом.

Берт Кундера и Кэти Колбурн мертвы. Убиты.

Кто-то охотится на нас.

Нас заманили в ловушку и отрезали путь к отступлению. Сейчас мы спешим. Мы спорили о том, нужно ли уходить из дома. Дебора в первый же день вывихнула лодыжку и сильно хромает. Мы не знаем, последовал ли убийца за нами. У нас есть ружье. Мы взяли воду и запас еды. Мы следим друг за другом на тот случай, если кто-то из нас все это сделал. Но Стивен умрет без медицинской помощи.

Ему осталось жить неделю или, в лучшем случае, две недели. Попытка добраться до Клуэйн-Бэй – лучше, чем сидеть здесь, ничего

не делать и ждать смерти.

Мы попытались сохранить тела в холодильнике для полиции.

Пожалуйста, помогите нам. Поспешите. Мы движемся на запад вокруг озера. Надеемся добраться до больницы в Клуэйн-Бэй. Молимся о том, что спасение придет вовремя и нас найдут раньше.

Моника и Натан Макнил,
Стелла Дагер,
Дебора Стронг,
Стивен Боден

Понедельник, 28 октября.

– Семь дней назад, – тихо сказал он. – Вы были правы насчет причины, заставившей их покинуть дом, Келли.

Мэйсон перечитал записку.

– Как вы думаете, почему листок вырвали из блокнота? – спросила Келли. – И почему его оставили здесь?

Мэйсон глубоко вздохнул, и пар от его дыхания заклубился в свете фонаря.

– Судя по всему, кто-то из них вырвал записку из блокнота. И либо случайно уронил ее здесь, либо попытался избавиться от нее. Логичная предпосылка состоит в том, что один из «пятерки выживших» не хочет, чтобы им помогли.

Келли тихо выругалась.

– Выходит, теоретически один из них является зачинщиком – тем, кто заманил их в лесной дом. Человеком, который затеял какую-то психологическую игру.

– А потом стал убивать их одного за другим, – добавил Мэйсон.

Он снова прочитал записку. По его мнению, она была написана женщиной. Возможно, Моникой, чье имя стояло первым в списке.

– Тот, кто написал это, не знал, что Джекки Блант зарезали, пока она находилась в кабине гидроплана, – заметила Келли.

– Или изображал незнание, – сказал Мэйсон. – Мне нужно доложить об этом.

Келли кивнула и наклонилась за маленькой охапкой собранных веток.

– Хотите кофе? – спросила она, направляясь к костру. – Знаю, уже поздно, но…

– С удовольствием.

Дождь ненадолго прекратился, поэтому Мэйсон немного отошел от лагеря и поднялся на скалистый выступ, чтобы улучшить качество приема по спутниковой связи. Здесь он находился за пределами слышимости остальных, которые болтали друг с другом, когда Келли позвала его.

Сержант Горд Филдинг, возглавлявший расследование, ответил со второго звонка. Он находился в режиме ожидания сообщений от поисковой группы Мэйсона.

Мэйсон проинформировал Филдинга о записке и сообщил ему местоположение их лагеря. Координаты были оперативно переданы на вертолет, слабый рокот которого Мэйсон уже слышал где-то в темноте за облаками. Филдинг сказал ему, что команда на вертолете начала инфракрасный поиск на западной стороне ущелья, куда должна была направиться «пятерка выживших». Они работали по координатной сетке от того места, где находились Келли и Мэйсон.

– Следы указывают на то, что их продвижение замедлилось, – сказал Мэйсон. – Но есть признаки, что все пятеро живы и движутся на запад от этой точки GPS. Других следов не обнаружено.

Филдинг сообщил Мэйсону радиочастоту для прямой связи с вертолетом.

– Мы узнали, что Франц Готтман владел усадьбой «Лесная сень» через номерную компанию, зарегистрированную в Британской Колумбии, – сказал Филдинг. – Готтман имел двойное гражданство, американское и канадское. Он владел недвижимостью в Калифорнии и Британской Колумбии, включая дом на озере Таксис, и несколькими акрами земли на острове Галиано стоимостью более десяти миллионов долларов.

– Владел? – спросил Мэйсон. – В прошедшем времени?

– Он скончался, – ответил Филдинг. – Умер от рака пятого августа этого года. В возрасте восьмидесяти трех лет.

– А его собственность была завещана? Есть ли наследники?

– Похоже, что вся его недвижимость была исключена из завещания. Налоги с его недвижимого имущества в Британской Колумбии по-прежнему выплачиваются со счета номерной компании. Мы стараемся получить ордер на раскрытие имен основных бенефициаров этой компании и сегодня днем приступили к обыску его недвижимости на

острове Галиано. Это место значится в качестве его последнего адреса. Я буду держать вас в курсе поступающей информации.

– Вы можете что-то еще рассказать о Готтмане? У него есть семья?

Мэйсон поднялся немного выше, чтобы улучшить качество сигнала. Влажный туман обволакивал его кожу и каплями оседал на козырьке фуражки.

– Миллионер. Работал в киноиндустрии и на телевидении. Профинансировал два очень успешных телевизионных реалити-шоу: «Люди в дикой глуши» и «Абориген». Также занимался финансированием разработки компьютерных игр. Готтман занялся продюсированием кинофильмов, когда получил степень магистра психологии, а потом MBA в Гарварде и Стэнфорде. – Последовала пауза, пока Филдинг проверял свои записи. – Он не был женат и официально не имел детей. В молодости он был борцом за равноправие гомосексуалистов. У него есть криминальное прошлое. Был арестован за нападение на полицейского во время участия в марше протеста двадцать пять лет назад. Против него выдвигались обвинения в домогательствах. Судя по всему, имел ряд долговременных отношений с разными мужчинами. Ушел на покой в шестьдесят пять лет, после чего много путешествовал, финансировал независимое кино и пилотные выпуски телепрограмм. Любил охоту и плавание под парусом. Летал на собственном гидроплане «Хэвиленд» Beaver Mk1.

– Где сейчас находится этот самолет?

– На острове Галиано его нет. Дом стоит пустым около полугода. Мы нашли его домработницу, которая говорит, что продолжает получать ежемесячные чеки от той самой номерной компании. По ее словам, в феврале Готтмана поместили в хоспис, но он попросил ее сохранять обязательства по контракту до поступления иных указаний.

– Даже после его смерти?

– Она не знала, что он умер. Оплата услуг продолжала поступать на ее счет.

Мэйсон нахмурился.

– Вы обнаружили какие-либо связи между номерной компанией Готтмана и так называемым концерном RAKAM, который профинансировал экскурсию и перелет в «Лесную сень»?

– Расследование еще продолжается.

– Есть какие-то связи между самим Готтманом и пропавшими или убитыми гостями лесного дома?

– Пока ничего нет. Но головной офис «Вест Эйр», чартерного оператора Стеллы Дагер, находится на острове Галиано.

– Это важное совпадение.

– «Вест Эйр» – это просто вывеска с одним администратором, он же генеральный директор, – мужчина, который тоже живет в Галиано. Завтра мы собираемся допросить его. Пока что известно, что Стелла Дагер развелась пять лет назад и взяла девичью фамилию.

– А в замужестве?

– Тогда ее звали Эстеллой Маршалл. Мы нашли ее бывшего мужа, Стюарта Маршалла. Офицер полиции завтра приедет к нему домой.

Мэйсон увидел луч налобного фонаря, приближавшийся из-за скал. Это была Келли. Почти сразу же он уловил аромат кофе, который никогда не был таким желанным, как сейчас.

Келли вручила ему походную кружку с горячим кофе, пока он слушал Филдинга. Он одними губами прошептал «Спасибо» и жестом попросил ее подождать рядом. Ему хотелось сообщить ей новые сведения с глазу на глаз, прежде чем они присоединятся к остальным. Он доверял Келли и считал себя вправе делиться с ней важными подробностями расследования. Кроме того, мелкие детали помогали ей предсказывать курс действий их подопечных.

– Есть еще какие-то связи или возможные мотивы? – спросил он Филдинга, когда Келли опустилась на ближайший валун.

– Кэти Колбурн была известным телерепортером, – сказал Филдинг. – Она могла иметь врагов. Мы распутываем сюжеты, которые она освещала во время работы на CRTV, и ищем, кому она могла досадить.

Последовала пауза, пока Филдинг разговаривал с кем-то еще. Мерный рокот двигателя поискового вертолета стал громче. Филдинг вернулся на линию.

– Аманда Ганн остается ключевой персоной. Она имела первичный контакт с жертвами и помогала организовать поездку. Она также может оказаться причастной к смерти Дэна Уитлока, так как знала о его пищевой аллергии на моллюсков. Берт Кундера… У него был старший брат, причастный к организованной преступности. Он умер. Завтра мы допросим жену Кундеры.

Еще одна пауза, пока Филдинг сверялся с записями.

– Полиция провинции Онтарио беседует с контактными лицами семьи Макнил в Торонто. Раньше они жили в Британской Колумбии, в ванкуверском районе Китсилано. Натан Макнил преподавал в университете Саймона Фрейзера… – Еще одна пауза. – Есть связующее звено между Моникой Макнил и доктором Стивеном Боденом: оба они находились в совете директоров детского благотворительного фонда. Они могли быть хорошо знакомы до этой поездки. Мы связались со взрослыми детьми Макнилов. Старший сын Натана сказал нашему сотруднику по телефону, что его мать тринадцать лет назад была госпитализирована примерно на один месяц. Что-то вроде нервного срыва. После этого эпизода супруги переехали в Торонто. Доктор Боден в разводе, его бывшая жена живет в Париже и снова вышла замуж. Джекки Блант… нет никаких указаний, что она была знакома с Макнилами или работала на них в Онтарио. Она работала в полицейском управлении западного Ванкувера и подала в отставку в связи со слухами о ее алкоголизме, якобы ухудшавшем качество работы. Ее бывший коллега утверждает, что до переезда в Онтарио, где она стала партнером в охранной компании, Блант выполняла разные поручения для частного сыщика – Дэна Уитлока.

Мэйсон тихо присвистнул.

– Очень интересное совпадение.

– Да. Продолжение следует. Когда-то Уитлок работал в полицейском управлении Ванкувера. Судя по всему, в качестве частного сыщика он несколько раз пересекал красные линии.

– Как насчет Деборы Стронг? – спросил Мэйсон.

– Когда мы пытались установить ее ближайших родственников, то узнали, что она официально сменила имя и стала Деборой Стронг. Ранее она была известна под именем Катарины Василевой. Дочь русских иммигрантов, родилась в небольшом фермерском поселке в северной Альберте. Отец, мать и двое братьев скончались. Старший брат до сих пор живет на семейной ферме. Он сказал нашим коллегам из Альберты, что семья потеряла связь с Катариной, когда она сбежала из дома в подростковом возрасте. Но сотрудники ее клининговой компании сообщили нам имя ее жениха, Эвана Редмэйна. В настоящее время он служит в канадских ВВС. В настоящее время он находится на

задании в Аравийском море – обеспечение безопасности мореплавания, контртеррористические операции. Вчера мы связались с ним по военным каналам. Он возвращается домой.

Мэйсон поблагодарил Филдинга и отключился. Он немного посидел в молчании, обдумывая услышанное под удаляющийся и снова приближающийся звук кружившего вертолета, скрытого в темноте за низко нависшими облаками.

– Все в порядке? – Келли подошла и села рядом с ним.

Он отхлебнул кофе и улыбнулся.

– Черт, вот это хорошо!

Она улыбнулась в ответ. Его наполняло теплое ощущение общности. Он вкратце передал ей информацию, услышанную от Филдинга.

– Ого, – тихо сказала она. – Все любопытнее и любопытнее. Значит, Стелла Дагер, которая раньше была Эстеллой Маршалл, могла знать Франца Готтмана?

– Галиано – маленький остров. Трудно жить там и по меньшей мере не знать об эксцентричном миллионере, который живет рядом в поместье ценой более десяти миллионов долларов.

– Кроме того, она пилот. А у него был самолет. – Она замолчала. Вода капала с камней и соседних деревьев. – Интересно, кто еще связан с той компанией, которая продолжает оплачивать счета Франца Готтмана. Я уверена, что основные активы Готтмана не касаются его недвижимости или завещания. Его номерная компания, – вернее, тот, кто за ней стоит, – должен иметь право наследования.

Мэйсон кивнул и допил кофе.

– Дебора Стронг, она же Катарина, – тоже интересная личность, – сказал Мэйсон. – Еще стоит отметить, что Джекки Блант и Дэн Уитлок были связаны друг с другом. В какой-то период его работы частным сыщиком в Ванкувере они вместе выполняли поручения заказчиков. Теперь они мертвы.

– Что ж, если кто-то придумал эксцентричный сценарий, включающий фальшивую компанию, заманившую людей в глухое место, где они оказались в безвыходном положении и подвергались психологическому давлению, я готова поставить на то, что организатором был создатель телевизионных реалити-шоу. Вы когда-нибудь видели их?

– Нет.

– Это основная предпосылка. В «Оставшемся в живых», как и в большинстве реалити-шоу, группа людей оказывается в некой ловушке или замкнутом пространстве, где им предлагается решать проблемы, которые настраивают их друг против друга. Там может быть только один победитель: тот, кто перехитрит, пересилит и переиграет остальных.

Он тихо фыркнул.

– Однако в конце того стихотворения было сказано: «Но может быть, не должен остаться ни один».

Поиск

Келли

Четверг, 5 ноября

Радиовызов поступил глухой ночью. Армейский вертолет обнаружил инфракрасную активность.

Келли слушала вместе с остальными, тихо выползшими из своих палаток, пока Мэйсон принимал вызов.

– Признаки активности со стороны животных, – произнес наблюдатель SAR, находившийся на борту вертолета.

Ее пульс участился. Она обменялась взглядом с Оскаром, который натягивал шапку от дождя, снова заморосившего посреди ночи.

– Возможно, это волки, – продолжал голос через треск статических помех. – Или койоты, но мы думаем, что они крупнее. Что-то вроде стаи из семи особей.

– А признаки человеческой жизни? – спросил Мэйсон.

– Получили отпечаток формы. Немного отличается от камней вокруг. Они неподвижны.

– Вот черт, – прошептала Келли.

– GPS-координаты? – осведомился Мэйсон.

Келли записала координаты с голоса под фоновый звук работающего вертолетного ротора.

– Животные разбежались, когда пилот пошел на снижение, но, похоже, они могут вернуться. Мы пролетим мимо и несколько раз пугнем их, пока вы не доберетесь туда, но скоро нам нужно будет дозаправиться и сменить команду. И мы не можем опускаться слишком низко из-за лесного полога.

– Принято, – сказал Мэйсон, – держите нас в курсе.

– Подтверждаю. Конец связи.

Они услышали удаляющийся рокот вертолета.

– Начинаем сворачивать лагерь, – сказала Келли и зажгла газовую лампу. – Мы попробуем пересечь ущелье, как только начнет светать.

Труди справится с переправой? – обратилась она к Грегсону.

– Я переправлю ее в страховочной упряжи.

Она кивнула, включила налобный фонарь и проконсультировалась с картой, держа перед собой координаты GPS. Оскар присоединился к ней.

– Здесь, – сказала она и постучала пальцем по месту на карте, где контурные линии рельефа расходились далеко в стороны. – Это ровный участок за хребтом на другой стороне ущелья. Там, где находятся волки или койоты.

И возможно, тела, которые привлекли хищников.

Рев белой воды, грохочущий в ущелье, стал особенно громким, когда все замолчали. Один из техников поисковой группы зажег газовую плитку, чтобы приготовить кофе для остальных. Бело-голубые язычки пламени заплясали под ковшом.

Мэйсон перегнулся над плечом Келли и изучил карту.

– Сколько времени уйдет на переход до этого места? – спросил он.

– Если понадобится, нас будут направлять с вертолета. Судя по топографии местности, после переправы через ущелье еще около часа ходьбы вверх по склону, – она встретилась с ним взглядом. – Если мы *сможем* переправиться. При таком количестве осадков и обильном таянии снега это может быть очень трудно.

– Досадно, – тихо сказал Мэйсон. Помедлив, он высказал то, о чем думали они все. – Судя по всему, мы найдем их… но не раньше, чем волки сделают то же самое.

– И может быть, не останется никого, – прошептала Келли.

Поиски «пятерки выживших» превратились в спасательную операцию.

Поиск

Мэйсон

Долина озарилась бледно-серебристым светом. Мэйсон, Оскар, Келли и остальные стояли на краю каменистого склона, ведущего на дно ущелья, благоговейно глядя на мощь кипящей воды, мчавшейся по узкому руслу между двумя горами. Брызги взлетали вверх белыми облаками, отбрасывая повсюду маленькие радуги. Грохот воды соперничал с равномерным звуком вращавшихся лопастей вертолета, зависшего над противоположной стороной ущелья.

Сердце Мэйсона громко стучало. Далеко внизу, на склоне ущелья Грегсон работал с Труди. Шел моросящий дождь, и было прохладно, но Мэйсон обильно потел, а его дыхание было учащенным. Он не был уверен, что справится.

Но он *должен* был справиться.

Шум вертолета затих еще до рассвета. Он вернулся на вертолетную площадку в Клуэйн-Бэй для дозаправки и отдыха пилотов. После утреннего возвращения в район поисков наблюдатель сообщил, что волки вернулись и пилот снова пытается отогнать их, пролетая на малой высоте. Но лесистая местность осложняла эту задачу, и волки осмелели.

Внизу Грегсон вскинул руку, подавая сигнал о том, что Труди вышла на след возле затора в самой узкой части ущелья. Затор состоял из массы упавших деревьев, ветвей и глинистых комьев, которые образовали под водой нечто вроде своеобразного моста.

– Этот затор должен был остаться после предыдущего паводка, – сказала Келли. – По-видимому, наши герои переправились в этом месте. Поразительно, что им удалось это сделать без страховочных веревок. Стоило поскользнуться, и конец.

Оскар и другие пробирались вниз между скользкими валунами, облепленными брызгами и мхом.

Мэйсон замер в нерешительности. Келли мягко прикоснулась к его руке.

– Вы сможете это сделать?

Их взгляды встретились.

– Да.

– Послушайте меня, Мэйсон. Когда вы отправили «Хэвиленд» вниз по течению, я поняла, что у вас есть боязнь высоты. Здесь нечего стыдиться. Но вам нужно попытаться преодолеть этот затор, и если вы будете нервничать или чересчур напрягаться, то можете совершить ошибку. Мы пользуемся страховочными веревками и карабинами, но один срыв может подвергнуть риску всех остальных.

Мэйсон набрал в грудь побольше воздуха. Он *должен* был справиться. Он должен был победить страх по причине, которую еще даже не мог объяснить самому себе. У него внезапно возникло ощущение, будто это ущелье рассекало его жизнь между прошлым и настоящим. Он забрался так далеко на север и попал в дикую глушь для того, чтобы пересечь этот бурный поток. И либо он постарается найти в себе скрытые резервы, попытается стать похожим на этих людей, одним из их племени, – либо он не сможет двигаться дальше. Он навеки застрянет в нескончаемых страданиях о прошлом. Или еще хуже.

– Вы вполне можете остаться здесь и подождать другую команду, или вас заберут на вертолете, – сказала Келли.

– Все нормально, – он решительно подтянул лямки рюкзака, глядя на дно ущелья.

Она испытующе взглянула на него.

– Келли, – он посмотрел на нее. – Со мной все в порядке.

Далеко внизу Грегсон укладывал Труди в страховочную обвязку. Оскар и остальные достигли затора и начали крепить веревки для переправы.

Тем не менее Келли продолжала смотреть на Мэйсона.

– Просто скажите, что мне нужно делать, – попросил он.

Она облизала губы и медленно кивнула.

– Хорошо. Оскар крепит веревки к скалам на этом конце переправы. Он прицепится к веревке и перейдет на другую сторону, где закрепит дальний конец. Это создаст линию поддержки над водой. Потом каждый из нас обвяжется короткой веревкой и пристегнется карабином к основной веревке. Так мы переправимся на ту сторону.

Если вы поскользнетесь или оступитесь, то останетесь прикрепленным к веревке, и кто-то еще поможет вытащить вас наверх.

Теоретически все выглядело просто. Но Мэйсон понимал, что даже при переходе со страховкой ревущий напор белой от пены воды был таким сильным, что, если попасть в течение, этот напор может сорвать и унести их. И даже если упадет только один и его будут вытаскивать, то в мешанине стволов и ветвей внизу было много места, где человек может застрять. В общем и целом незавидная перспектива.

Он вытер с лица капли дождя. У него подвело живот.

– Готовы? – спросила она.

Он кивнул.

Они начали спускаться. Камни были скользкими от дождя, мелких брызг и растительной слизи. Он заскользил вниз одной ногой и немного съехал по склону. Кровь стучала у него в ушах, и он едва мог дышать.

Сосредоточься.

Ты хотел умереть, помнишь? Теперь ты не можешь утащить других за собой. Они полагаются на тебя. Ты делаешь это ради них.

Когда они достигли дна, Келли накрыла его ладонь своей рукой. Их взгляды снова встретились.

– Вам обязательно нужно это сделать?

– Да, обязательно, – почти без заминки ответил он.

Она вгляделась в его лицо, словно хотела что-то найти в его выражении. Крошечные капли тумана оседали на ее ресницах. При таком освещении ее глаза казались мшисто-зелеными и сияющими изнутри.

– Помогите мне, Келли, – очень тихо сказал он. – Покажите, как это сделать.

В ее глазах что-то изменилось и потемнело. Он ощутил поток энергии между ними. Взаимопонимание, почти родственное чувство.

Сглотнув, она повернулась к переправе, где Оскар натягивал веревку, и на секунду задумалась.

– Ну, ладно, – тихо сказала она. – Я хочу, чтобы вы привязались веревкой ко мне, а не только прикрепились карабином к основной веревке.

– Нет…

– Да, – она жестко посмотрела на него. – Мы перейдем на другую сторону вместе, потому что я хочу поскорее вернуться домой, к Бену. Понятно?

Он удержал ее взгляд.

– Так я делаю вещи, которые меня пугают, – очень тихо продолжала она, отцепив моток веревки со своего рюкзака. – Я внушаю себе, что Бенни ждет меня. Что Питер ждет меня. Если вы собираетесь помешать мне вернуться к ним, оставайтесь на этом берегу.

Он часто задышал.

– Это не так трудно, Мэйсон. Затор выглядит плотным. У нас есть страховка, а «пятерка выживших» переправилась здесь безо всякой страховки. По крайней мере, я уверена, что некоторым удалось это сделать, пока волки не нашли их.

Он криво усмехнулся.

– Серьезно, это проще, чем выпить стакан воды.

– Только не говорите про воду!

Она неожиданно рассмеялась, и этот смех что-то сдвинул внутри его. Он был готов. Он сможет это сделать.

Они обвязались веревкой и медленно начали переправу, пробуя каждое бревно, прежде чем перенести на него вес тела. Шаг за шагом. Мэйсон полностью сосредоточился на этом. Когда они с Келли достигли середины импровизированного моста и вода грохотала под ними, Келли остановилась.

Мэйсон понял почему.

Направляющая веревка, натянутая Оскаром от одного берега к другому, зацепилась за сучок, и Келли не могла провести свой карабин вперед. Она попробовала сильно дернуть веревку, но та держалась прочно. Она снова дернула, и Мэйсону показалось, что бревна вдруг заходили ходуном у него под ногами. Его пронзил первобытный страх.

Сосредоточенность ускользала от него. Он оцепеневши смотрел на свои сапоги, бревна и воду, бушевавшую внизу. Он не мог сдвинуться с места.

Сосредоточься. Подними голову.

Но он снова застыл.

Казалось, вода внизу поднимается все выше, туман клубится более яростно, а грохот нарастает. Он слышал, как огромные валуны с глухим стуком перекатываются под водой.

Он заставил себя медленно поднять голову и посмотрел на другой берег. Нужно держать в уме свою цель. В следующую секунду ствол, на котором стояла Келли, провернулся у нее под ногами.

В это мгновение Мэйсон также заметил, что она отстегнула свой карабин, собираясь прикрепить его к веревке за торчащим сучком.

Прежде чем он успел выкрикнуть предупреждение, она соскользнула в радужное марево. Мэйсон ухватился за ветку и расслабил колени, готовясь принять на себя удар ее веса через веревку, которая связывала их.

Когда она поехала вниз, то выбросила руку и ухватилась за ветку, едва успев избежать резкого рывка, который мог утащить Мэйсона следом за ней. Она раскачивалась в пустоте, удерживаясь на одной руке; ее сапоги висели над кипящей водой, которая с шумом обрушивалась в небольшой водопад ниже по течению. У него замерло сердце.

Он понимал, что она сможет продержаться не более нескольких секунд. А когда все-таки упадет, веревка потянет его за ней. Он не имел понятия, как долго основная страховочная веревка сможет выдержать их общий вес.

Он услышал крик Оскара, который призывал держаться и направлялся к ним.

Келли крикнула Мэйсону, чтобы он ухватился за другую ее руку. Время превратилось в вязкую, малоподвижную субстанцию. Шум в ушах искажался и превращался в крики и стоны. Мэйсон мог видеть только взгляд Келли, устремленный на него, и ее протянутую руку. Ее слова эхом отдавались у него в голове.

«Мы перейдем на другую сторону вместе, потому что я хочу поскорее вернуться домой, к Бену. Понятно? Так я делаю вещи, которые меня пугают. Я внушаю себе, что Бенни ждет меня. Что Питер ждет меня. Если вы собираетесь помешать мне вернуться к ним, оставайтесь на этом берегу».

Вода ручейками струилась по его лицу и куртке.

Двигайся, двигайся.

Мэйсон подумал о Дженни и Люке. О других членах команды. Об этом маленьком племени – особенно о Келли, которая уже помогла ему справиться с бездной горя и отступить от края. Эти люди и это место с самого утра вызывали у него желание энергично браться за дело.

Он сделал глубокий вдох, постарался забыть о страхе и, крепко держась за ветку одной рукой, медленно и осторожно наклонился вперед. Потом потянулся вниз. Она нашла его руку и крепко обхватила – как в тот раз, когда сама помогала ему выбраться на реке Таксис. В каком-то смысле он одержал крупную победу, но в то же время мог моментально все потерять. Если его хватка ослабнет, если его мужество дрогнет, то ей конец.

Он держал крепко, но сила тяжести и необходимость сохранять равновесие не позволяли ему вытащить ее самостоятельно. Его мышцы горели. Сейчас он мог только держаться и уже начал чувствовать, что ветка, за которую он хватался другой рукой, начинает опасно выгибаться.

– Держитесь! – крикнул здоровенный норвежец. Внезапно Оскар оказался рядом с ним, а следом показались другие члены группы с веревками наготове.

Оскар улегся ничком на соседнем бревне и смог закрепить на поясе Келли еще одну веревку с карабином и сделать обвязку. Она отпустила руку Мэйсона. Оскар и остальные приняли ее вес на себя, когда узлы обвязки туго затянулись вокруг нее. Они начали поднимать ее наверх.

В считаные секунды Келли оказалась на бревне, бледная как призрак. По ее лицу струилась вода.

– Давайте… двигаться, – ее голос был хриплым и почти неразборчивым из-за ревущей воды. – Становится опасно; слишком сильный дождь. Снег наверху растаял, и этот затор начинает двигаться.

Член поисковой группы быстро прикрепил Мэйсона к своей обвязке, чтобы тот мог отстегнуть свой карабин и прицепить его с другой стороны от коварного сучка.

Все двигались осторожно, дюйм за дюймом продвигаясь вперед и хватаясь за основную веревку, когда спутанная масса стволов, корней и ветвей опасно смещалась и скрипела у них под ногами.

Келли и ее спутник первыми вышли на твердую землю с помощью Грегсона и одного из волонтеров SAR. Оскар последовал за ними. Он тут же повернулся обратно, и Мэйсон ухватил норвежца за руку, когда бревна начали раскатываться в стороны. Ему удалось это сделать! Но когда он отцепил свой карабин, раздался громкий треск, и весь затор сложился пополам, превратился в массу вращающихся бревен, ветвей

и хлещущей грязи, которая понеслась вниз по ущелью, изрыгая шоколадно-коричневые струи.

Камни стучали, перекатываясь под водой.

Мэйсон повернулся к Келли. Ее зеленые глаза удержали его взгляд. Ее грудь тяжело вздымалась и опадала, руки все еще дрожали.

– Спасибо, – прошептала она.

– Вы нужны Бену, – тихо сказал он. – И Питеру тоже. Я не собирался мешать вашему возвращению домой.

Ее глаза ярко заблестели от невысказанных чувств.

Мэйсон наклонился, подобрал моток веревки и последовал за Оскаром туда, где другие укладывали свои рюкзаки под кронами деревьев.

Поиск

Келли

Оскар указал на отпечаток в грязи.

– Волчий след.

Отметина была размером с его ладонь. Келли ощутила первобытную дрожь, пробежавшую по телу. Когти были длинными и широко расставленными.

– Большой экземпляр, – добавил Оскар. – Это *Canis lupus*, волк обыкновенный. Самый крупный представитель рода собачьих в Америке.

Труди тяжело засопела. Шерсть на ее загривке поднялась дыбом, и она издала низкое, утробное рычание. Настроение людей изменилось; они чувствовали близость стаи.

Еще полчаса они поднимались по склону. Рокот поискового вертолета то приближался, то отдалялся. Легкий бриз шелестел в кронах деревьев. Он звучал как шепот воды, бегущей среди деревьев. Облака серо-стального цвета вырастали в размерах и накатывались на горные вершины, оставляя за собой пелену дождя. Когда они достигли возвышенности, стало заметно холоднее.

Время от времени Оскар останавливался и изучал землю. Он хмурился.

Келли подошла к нему.

– Что там? – тихо спросила она.

– Похоже, волки шли по их следу.

– Охотились на них?

– Возможно, они ожидали проявления слабости. Это началось от самого ущелья. – Оскар опустился на корточки и указал концом палки для треккинга на отметины во мху и жирной глине. – После переправы через ущелье «пятерка выживших» останавливалась через регулярные интервалы. Они могли даже переночевать здесь. – Он посмотрел на лес. – Полагаю, они провели один или два дня на плато, прежде чем

нашли тот затор и решили переправиться на другую сторону. А с тех пор… – Он замолчал.

– Что, Оскар?

– У меня нет конкретных доказательств, но создается впечатление, что они находились в бедственном положении. Они очень старались, но все равно двигались медленно. Возможно, они что-то тащили. Видишь, вот тут? – он указал на примятый участок мха. – Мох должен был распрямиться, но…

– Думаешь, один из них был ранен?

Оскар с озабоченным видом пожевал нижнюю губу.

– Да. Или Стивену Бодену стало хуже.

Какое-то время они шли молча. Моросящий дождь сменился мокрым снегом, но ненадолго.

Все остановились, когда из мглистой глубины леса донесся протяжный вой, умолкший на долгой жалобной ноте. Другой волк ответил на зов, потом еще и еще. Лес наполнялся коротким лаем и повизгиванием.

Келли посмотрела на Мэйсона. Его лицо было мрачным. Она потянулась к рации, висевшей на поясе, и включила передачу.

– Поиск-один, это Келли. Поисковая группа вызывает Поиск-один.

– Это Поиск-один, прием.

– Как далеко мы находимся от волчьей стаи? Вы можете нас видеть?

Шум вертолета стал громче при его приближении из-за облаков. Внезапно все заметили его.

– Мы видим вас, ребята. Вы примерно в полукилометре от волков, если брать по прямой.

– Принято, спасибо. Вы можете снова полетать над стаей, пока мы приближаемся? Прием.

– Подтверждаю. Отбой.

Когда они приблизились к координатам GPS, обозначенным Келли, рация снова затрещала.

– Поисковый вертолет – спасательной группе. Идем на низкой высоте для разгона животных. Наблюдаем тепловые следы восьми зверей.

– Принято. Есть признаки человеческой жизни?

– Ответ отрицательный.

Она сбросила звонок и увидела, как Мэйсон проверяет кобуру на поясе. Остальные убедились в том, что баллончики с перцовым спреем находятся в близкой досягаемости. Оскар снял со спины дробовик. Мэйсон потянулся за ружьем.

Вертолет с оглушительным ревом опустился над деревьями. Ветви гнулись и хлестали, когда кучи шишек и мелких веток взлетали в воздух.

Потом вертолет поднялся выше и ушел на север.

– Поиск-один – поисковой группе. Можете продолжать путь. Пока впереди свободно. Мы отогнали стаю еще примерно на полкилометра. Точно не видим из-за деревьев, но дополнительные тепловые сигнатуры отсутствуют.

Они вступили в поросший лесом район возвышенности. Большие старые ели и желтые кедры обеспечивали хорошее укрытие от дождя. Сосновые иглы мягким ковром расстилались на земле.

Скорее это было ощущение, нежели что-то другое: смерть близко. Возможно, подумала Келли, на каком-то примитивном уровне люди могут чуять ее.

Потом они увидели это. Два тела, лежавшие навзничь возле круга камней с почерневшими углями в центре. Напрягшись, Келли обвела взглядом ближайшие лесные окрестности.

Труди зарычала и ощетинилась; ее верхняя губа поползла вверх, обнажив клыки и зубы, сочившиеся слюной.

– Я отступлю и подожду здесь, – сказал Грегсон. – Она знает, что волки где-то рядом.

Он расстегнул кобуру и положил руку на рукоять табельного пистолета. Келли кивнула. Все остальные гуськом направились вперед во главе с Оскаром. Туманные щупальца, как призраки, мелькали за стволами деревьев.

– *Helvete*, – тихо сказал Оскар, который шел перед Келли. Она хорошо знала Оскара по многочисленным спасательным операциям и понимала, что ругательство на родном языке было действительно плохим знаком. Это слово означало «преисподняя» и в норвежском языке было наполнено гораздо более мрачным контекстом, чем в ее собственном. Определенно ничего хорошего.

Мэйсон вышел из-за спины Оскара и тоже заметно напрягся. Он вскинул руку в перчатке, останавливая остальных. Келли смотрела в

туман, каждую секунду ожидая увидеть желтые волчьи глаза. Ее сердце билось сильно и неровно.

– Ничего не трогайте, – велел Мэйсон и сменил обычные перчатки на нитриловые.

Она неуверенно шагнула вперед. Ей не хотелось смотреть, но она была вынуждена это сделать. Сердце дрогнуло и застучало снова.

Два трупа, оба мужские. Одно обглодано животными, другое нет.

В доме «Лесная сень» оставалось только двое мужчин: профессор Натан Макнил и доктор Стивен Боден.

Мэйсон фотографировал на свой служебный смартфон.

Тела лежали на спине, с раскинутыми конечностями. Нога одного была вывернута под нелепым углом. Половина его лица была обгрызена, губы отсутствовали. Но волосы сохранились. Редеющие каштановые волосы.

– Натан Макнил, – прошептала Келли.

Мэйсон кивнул и наклонился обшарить карманы окровавленных брюк в поисках удостоверения личности.

Она подошла к другому трупу. Мужчина лежал на боку. В зияющей ране у него на щеке копошились недавно вылупившиеся черви. Желчь подступила к горлу Келли; она отвернулась и зажала рот перчаткой.

Его кожа была изжелта-бледной. Широко открытые глаза с темно-желтыми белками казались нечеловеческими. Явственные признаки разрушения печени и отказа внутренних органов. Несомненно, это был доктор Стивен Боден. И, судя по его симптомам, он действительно употребил смертельную дозу варева из бледной поганки.

– Где женщины? – поинтересовалась она, повернувшись к кругу.

– Сюда! – позвал Оскар. Он осматривал окраину поляны. – Здесь, прямо за деревьями.

Келли направилась к нему.

Он указал на тело женщины, раскинувшееся в глинистой грязи, и она поперхнулась.

Брюнетка. Волосы до плеч. Но остальная часть ее тела была разодрана и изуродована до неузнаваемости.

– *Fy faen*, – снова выругался Оскар на родном языке. *Что за говно*. – Похоже, свора волков застигла ее на поляне и утащила под деревья.

Келли опустилась на корточки и изучила подошву женского ботинка. Запах вынуждал ее рефлекторно зажимать нос и рот. Едкий. Металлический. Мелкие черви копошились в земле под трупом. Рядом валялся кусок плоти.

– Судя по подошве, это Дебора или Моника, – сказала она, поднявшись на ноги и поспешно отступив назад. – Но мы пока не знаем точно, какую обувь они носили; известен только размер. Я не могу определить эти останки, а ты?

– Дебора и Моника были брюнетками, – сказал Оскар. – Они носили волосы примерно одинаковой длины.

– Тогда одна из них еще жива, если только волки не утащили ее тело еще дальше в лес.

Келли вернулась на поляну, где сообщила Мэйсону о находке, а Оскар побрел вокруг по расширяющейся спирали с дробовиком наготове, высматривая признаки двух других женщин.

Мэйсон склонился над телом Натана.

– Мы нашли… – слова замерли у нее на губах.

Мэйсон перекатил труп профессора на живот.

– Его убили выстрелом в шею, – он указал на окровавленный участок с рваными краями. – Это выходное отверстие, – он кивнул в сторону другого тела. – Стивена Бодена тоже убили, но двумя выстрелами: в лицо и в грудь. Волки не тронули его, – вероятно, они почуяли запах токсина, порчу в его плоти.

Келли испытала острое желание убраться подальше отсюда. Прочь от насилия, смерти и разложения.

– Ружья из дома здесь нет, – сказал Мэйсон и обвел взглядом поляну.

Он увидел что-то блестящее среди сосновых иголок на краю опушки. Пошел туда, опустился на корточки и сфотографировал. Потом вытянул руку в нитриловой перчатке.

– Стреляная гильза, – сказал он и тут же увидел еще одну, валявшуюся в бледно-зеленом лишайнике. Он сделал еще несколько фотографий, подобрал гильзы и убрал их в отдельные пакетики с номерами.

Мысли Келли неслись по кругу, пока она наблюдала за работой Мэйсона. Кто-то выстрелил Натану Макнилу в шею, а потом всадил

две пули в грудь и в лицо больному доктору Бодену. Эти люди знали, что их ждет. Они смотрели в глаза своему палачу.

Мэйсон подошел к ней.

– Где остальные?

Вопрос звучал риторически, но Келли ответила:

– Пока что мы нашли еще одно тело. – Она развернулась и пошла среди деревьев.

– Вот дрянь, – тихо сказал Мэйсон. Он сфотографировал останки женщины, потом перевернул труп на спину. Ее лицо было обгрызено до неузнаваемости. Как и в случае с телом Натана, волки так сильно растерзали ее, что было невозможно понять, Моника это или Дебора, или даже судить о возрасте жертвы. Они могли лишь сказать, что это не Стелла.

– Похоже на выходное отверстие от пули, – сказал Мэйсон, указывая на темную кровавую кляксу на груди женщины.

– Вы уверены?

– Нет, но вполне возможно.

– Ее убили выстрелом в спину? – тихо спросила Келли, оглядываясь на кострище, возле которого лежали тела мужчин. – Она убегала? От кого? От одного из этих мужчин или от кого-то еще?

– От того, кто держал в руках ружье, – сказал Мэйсон.

Оскар с дробовиком наперевес появился из тумана и покачал головой.

– Никаких признаков двух других людей в направлении поиска, – сообщил он. – Только волчьи следы.

– Спросите пилота, может ли он сделать еще один круговой заход и поискать инфракрасный след двух других женщин, – сказал Мэйсон. – Судя по всему, они добровольно ушли отсюда. На поляне остался только один рюкзак. Полагаю, пятеро человек несли на себе гораздо больше поклажи с водой и другими припасами.

Келли достала свою рацию и передала запрос.

– Поиск-один – поисковой группе. Подтверждаю запрос. Стая снова собирается в вашу сторону. Наши попытки запугивания все менее эффективны.

– Принято. Спасибо, и конец связи.

Мэйсон вернулся на поляну, где попытался найти зону лучшего приема для спутникового телефона. Она присоединилась к нему.

– Я направляю общий вызов, – сказал он. – Здесь понадобится криминалистическая группа, следователь, упаковка и вывоз тел.

– Волки снова приближаются. Мы можем не дотянуть до того времени, когда здесь будут специалисты.

– Вышли на след! – раздался крик Грегсона. – Труди снова обнаружила запах. Две пары следов, ведущих на запад по звериной тропе.

Мэйсон передал свой запрос и отключился. Они с Келли поспешили к кинологу с собакой. Труди снова рвалась с поводка, оглядываясь назад.

– Вы сказали, две пары следов? – уточнил Мэйсон.

– Так точно, – ответил Грегсон. – Седьмой размер и еще один, немного больше.

– Стелла и Дебора, либо Моника, – сказала Келли.

– И следы крови, – Грегсон указал на темные пятнышки на осенних листьях.

Ощущение срочности усилилось. В душе Келли происходил конфликт. Она была обучена без устали искать выживших. Это был вопрос расстановки приоритетов. Но тела на опушке будут разорваны волками, как только они уйдут отсюда.

– Мы не можем оставить трупы, – сказала она. – Волки уничтожат все следы, которые еще остаются.

– Команда RMCP готовится немедленно прибыть сюда на вертолете, – ответил Мэйсон. – Мы можем попросить военных пилотов еще немного покружить здесь и постараться отогнать волков, пока сами отправимся за остальными. Возможно, они еще живы. И они являются свидетелями.

Келли встретилась с его взглядом и услышала невысказанные слова:

«Или хуже того. Один из них является убийцей».

Поиск

Келли

Келли бежала трусцой вместе с группой, растянувшейся в колонну по одному за Грегсоном и Труди. Собака рвалась вперед и напрягалась на поводке, как будто свежий след вдохнул в нее новые силы. Возможно, это был запах крови.

Пока они бежали, Келли чувствовала себя немного ошарашенной тяжким дыханием зла, исходившего от лесной поляны за ними, как будто оно протягивало липкие щупальца, увлекавшие их обратно к месту убийства и к изуродованным телам. Тяжелый рюкзак подскакивал на ходу и бил ее по копчику. Ее бедра горели, легкие жгло, как огнем. За спиной она слышала мерный топот Мэйсона. Уже начало смеркаться. Облака сгустились, и дождь сменился мягким снегопадом, который никого не мог успокоить.

– Еще кровь, – бросил Оскар через плечо, указывая на темные пятна на листьях. Но они не останавливались. Время имело решающее значение. Кто-то совсем недалеко перед ними был ранен, но еще жив.

Келли включила налобный фонарь. Остальные вскоре последовали ее примеру. Они бежали уже два часа и переместились в гораздо более возвышенную местность по сравнению с озером, но продолжали двигаться параллельно ему. Келли понимала, что озеро находится где-то внизу и слева, но вода была скрыта за туманом и мокрым снегом.

Они приблизились к широкой реке и остановились на берегу, тяжело дыша. Грегсон стал расхаживать вдоль берега, позволяя Труди обнюхивать землю у края быстрого водного потока.

Келли воспользовалась передышкой и глотнула холодной воды. Она передала фляжку Мэйсону, который благодарно кивнул и тоже сделал глоток.

Она посмотрела на него. Он выглядел хорошо: щеки порозовели, глаза ярко блестели. Высокий уровень энергии.

Он поймал ее взгляд, и она поспешно отвернулась. Ее сердце забилось быстрее.

– Похоже, она не такая уж глубокая, – сказал он, протянув ей фляжку.

Она завинтила крышку.

– Думаю, в самом глубоком месте у тех скал не больше чем по бедра глубиной, – она указала туда.

Но слева они слышали рев воды на порогах и грохот водопада, где склон круто уходил в сторону озера Таксис.

– Сюда! – позвал Грегсон. – Кажется, они пошли в ту сторону. Вброд через реку.

– Мы последуем за ними, – сказал Мэйсон.

Грегсон поместил Труди в обвязку на груди, и они побрели в ледяной воде. У Келли перехватило дыхание. Вода затекала в сапоги. Течение давило и дергало, но река оказалась более мелкой, чем она ожидала. Вскоре они оказались на другом берегу.

Труди почти моментально взяла след.

Они снова побежали трусцой, несмотря на воду, неприятно чавкавшую в сапогах, и мокрые штанины, облеплявшие ноги.

Оскар вдруг остановился и нагнулся, изучая почву. Келли подошла к нему.

– Что такое?

Он нахмурился, поднял голову, прошел еще немного вперед и опустился на корточки. Снег на земле почти не таял.

– Трудно судить при таких погодных условиях, но… – пробормотал он. – Кажется, мы потеряли одну пару следов.

– Что это значит? – спросил Мэйсон, подошедший сзади. Труди и Грегсон по-прежнему бежали вперед.

– После переправы я вижу только одну пару следов. По крайней мере, так мне кажется, – Оскар указал на крошечный отпечаток в грязи, потом на другой. Келли бы ничего не заметила, если бы он не привлек ее внимание к ним.

– Как думаешь, какого размера эти следы? – поинтересовалась Келли.

– Не могу сказать. Только не в такую погоду. Отпечатки почти совсем размыты.

Труди громко залаяла где-то впереди.

– Есть контакт! – крикнул Грегсон. – Она сделала стойку! Давайте сюда!

Келли и остальные быстро догнали его. Труди прыгала и лаяла, дергая за поводок.

– Сюда, – сказал Грегсон. – Под этой скалой кто-то есть.

Кто-то живой!

Келли поспешно стряхнула рюкзак. Она легла на живот и вгляделась в скалистую расщелину.

– Эй! Кто-нибудь меня слышит? Есть кто внизу?

Снизу поднимались клубы тумана, густого, как гороховый суп. Она не видела дна, и луч ее фонаря застревал во мгле.

– Эй там, внизу! – крикнул Оскар.

Все замолчали и прислушались. Грегсон старался утихомирить Труди резиновой игрушкой из своего рюкзака, протягивая ее собаке и отдергивая назад. Сопение и ворчание ищейки из отряда К9 мешало улавливать любые звуки внизу. Вдали по-прежнему раздавался мерный рокот вертолета, к которому прибавился еще один такой же звук.

– Эгей! – крик Оскара прозвучал как вой штормовой сирены. Он эхом отдавался от горных склонов вокруг них.

Тишина. Только тяжелое дыхание Труди.

– Там определенно кто-то есть, – сказал Оскар, изучив кусты и следы. – Еще кровь и отпечатки ботинок. Сломанные ветки. Если было темно или поднялся такой же туман, как сейчас, они могли вообще не заметить эту расщелину и упасть туда.

– Кому-то нужно спуститься вниз. – Келли отстегнула моток веревки от своего рюкзака. – И это буду я. Посмотрим, как далеко я смогу добраться. Опускайте понемногу.

Грегсон дал Труди попить, а Мэйсон доложил об их текущей ситуации, запросив поддержку с воздуха, а потом встал рядом с Оскаром и его коллегами, разматывавшими дополнительные веревки.

Келли проверила свою обвязку, надела защитный шлем и начала спускаться по склону утеса. Оскар сверху регулировал ее спуск и натяжение веревок.

Она опустилась примерно на десять метров, прежде чем уперлась подошвами в камень. Ветер задул сильнее, и видимость улучшилась. Келли огляделась по сторонам. Она находилась на каменном карнизе шириной около трех метров и длиной несколько метров. В нескольких футах от нее неподвижно лежала женщина.

Келли включила рацию и настроилась на частоту своей группы.

– Спасатель-один вызывает Спасателя-два. Оскар, прием.

– Спасатель-два на связи. Келли, я тебя вижу.

Она посмотрела наверх. Свет налобного фонаря Оскара был ярким пятном среди порхавших снежинок. Рядом с ним она могла разглядеть силуэты других людей. Ветер набирал силу, и это было хорошо, поскольку нормальная видимость облегчала работу спасателей.

– Одна женщина на ровной каменной площадке примерно в десяти метрах внизу, – сообщила Келли. – Больше никого не вижу. Она не шевелится. Собираюсь проверить ее состояние.

Келли осторожно двинулась вперед, но каменный карниз был вполне прочным. Она приблизилась к женщине. Брюнетка – значит, определенно не Стелла. У Стеллы были короткие серебристо-желтые волосы. Женщина лежала на боку; из ее носа вытекло немного крови. Келли проверила ее пульс, и ее сердце учащенно забилось. Она быстро нажала кнопку рации.

– Спасатель-один – Спасателю-два. У нас есть выживший. Повторяю, у нас есть выживший. Понадобится спинодержатель и корзиночные носилки для воздушной эвакуации. Отбой.

Келли отвела волосы женщины от ее лица, чтобы оценить тяжесть травмы.

– Эй, милая, вы меня слышите? Меня зовут Келли Саттон, поисково-спасательная служба Клуэйн-Бэй. Мы позаботимся о вас. Мы собираемся помочь вам, понимаете?

Веки женщины затрепетали, и она слабо застонала. Келли включила рацию.

– Это Дебора Стронг. Повторяю, мы нашли Дебору Стронг. Никаких следов Стеллы Дагер.

Она переключила внимание на женщину.

– Держитесь. Мы доставим вас домой, Дебора. Помощь уже в пути.

Пока она говорила, она услышала рокот второго вертолета, который становился все громче. Должно быть, он высадил людей на месте преступления и полетел дальше.

– Помощь скоро придет, Дебора. Держитесь.

Женщина снова застонала и заскребла ногами, потом шевельнула рукой. Келли испытала моментальное облегчение. Она не парализована, значит, обошлось без перелома позвоночника.

– Дебора, вы можете…

– М-мм… м-мой ребенок. Он в порядке? Я беременна…

Вот черт!

Она посмотрела на ноги Деборы. Крови не было. Впрочем, заметной выпуклости живота тоже не наблюдалось. Келли наклонилась ближе и взяла ее за руку.

– Медики скоро будут здесь. Только держитесь.

Белый луч вертолетного прожектора осветил площадку. Келли помахала рукой.

– Ребенок?

– Крови вроде бы нет, Дебора. На каком вы сроке?

– Двенадцать недель. Я… не сказала… – она издала протяжный стон. – Не сказала Эвану.

Дебора потеряла сознание. Ее веки мелко подрагивали, пульс стал нитевидным.

– Дебора Стронг беременна, – сообщила Келли. – Двенадцать недель.

– Понял, принято. Медики из Клуэйн-Бэй находятся в режиме готовности.

Техник из поисковой группы спускался с вертолета на длинной веревке. Келли прищурилась под нисходящим воздушным потоком и закрыла лицо Деборы, чтобы защитить ее от песка и мелкого мусора, разлетавшегося во все стороны.

– Помощь уже здесь, Дебора, – Келли повторяла ее имя, так как это был эффективный способ поддерживать пациента в сознании. – Медики скоро будут. Они стабилизируют ваше состояние. Вас положат на специальную доску и укроют спасательным одеялом. Потом пристегнут к складным носилкам и поднимут на борт вертолета. Скоро вы окажетесь в больнице. С вашим ребенком все будет в порядке.

Снова стон.

– Вы можете сказать, где Стелла? Она ушла дальше по тропе? Она еще там? Она не ранена?

Дебора шевельнула головой и поморщилась.

– Не двигайтесь. Просто говорите, если можете. Ей тоже может понадобиться помощь, Дебора.

– Она… сст… Стелла. Ушла.

Келли наклонилась к ее губам, потому что шум был оглушительным. Техник уже почти достиг каменного карниза.

– Ушла? Куда она ушла?

– Упала в реку… поскользнулась. Стелла… ее смыло вниз. Она утонула. Совсем.

Дебора стучала зубами от холода. Техник стоял в нескольких шагах от них и жестикулировал, запрокинув голову.

Келли отступила в сторону и прижалась спиной к неровной каменной стенке, освобождая место для корзиночных носилок, опускавшихся с вертолета. Ее начало трясти от последствий резкого выброса адреналина. Новость о том, что Стелла утонула, для нее была подобна физическому удару. Келли сама не понимала, как высоко вознеслись ее надежды после того, как она убедилась, что Дебора жива и что они могут найти Стеллу.

Она боролась с внезапным приливом эмоций и слезами, готовыми брызнуть из глаз. Она понимала, что это всего лишь усталость, но все-таки не могла понять, каким образом такие люди, как Мэйсон, справляются с необходимостью постоянно иметь дело со смертью. Ее задача состояла в спасении живых людей.

– С вами все в порядке? – спросил медицинский техник.

– Да, да, просто… нужно отдохнуть.

Ее рация с потрескиванием ожила.

– Мэйсон вызывает Келли! – он кричал, потому что вертолет завис рядом со спасателями.

Она резко выдохнула:

– Слушаю вас.

– Там есть ружье или другое оружие?

Келли еще раз осмотрелась вокруг. Площадка была ярко освещена белым прожекторным светом.

– Никак нет, Мэйсон. Никаких следов оружия.

Потом до нее дошло. Если Дебора Стронг была последней, кто остался в живых, то куда подевалось ружье?

Сейчас

8 ноября, воскресенье

Мэйсон Денье смотрит мне в глаза, пока я рассказываю ему, как гидроплан заходил на посадку, и мы начали убеждаться в том, что сверху лесной дом совсем не похож на аэрофотографии, которые мы видели в рекламном буклете и на сайте оздоровительного курорта «Лесная сень».

Он делает очередную пометку в блокноте. Под таким углом я не могу разобрать, что он пишет. Я заставляю себя не коситься на камеру, но напряжение отдается тихим потрескиванием в голове, когда мне приходится заново переживать весь этот кошмар: лесную западню и тошнотворную игру, в которую нас втянули обманом.

Я слегка перемещаюсь на пластиковом стуле и кладу руку на живот. Блаженное облегчение снова охватывает меня при мысли о том, что с ребенком все в порядке. Мне с трудом верится в это. Но вслед за облегчением приходит новое напряжение. Мне нужно все рассказать правильно.

Ради тебя. Каждый из нас заслуживает еще один шанс… возможность начать светлую жизнь с чистого листа. Шанс, которого у меня никогда не было…

– Значит, это случилось утром в понедельник, 26 октября… Вы все проснулись и обнаружили, что Джекки Блант куда-то пропала?

Я облизываю пересохшие губы.

– Да.

Он перелистывает несколько страниц и внимательно перечитывает свои записи, сверяясь с моими предыдущими словами.

– Пожалуйста, еще раз опишите это утро.

– Но я же рассказала…

– Нам нужно уточнить последовательность событий, и это будут показания под запись.

Я глубоко вздыхаю и киваю.

– Мы проснулись, когда Стивен Боден крикнул снизу, что он приготовил кофе на всех.

– Мы?

Я прикасаюсь к повязке на голове. Кожа сильно чешется.

– Мы – это я, Моника и Натан – в тот момент находились в наших комнатах.

– А Стивен был внизу?

– Да, я же сказала. Он крикнул снизу, что приготовил кофе…

– Раньше вы говорили, что на рассвете он был возле дома?

– Да. Вместе с Бертом и Стеллой. Берт сказал, что он собирался пройти дальше по тропе, которую обнаружил прошлым вечером, а Стелла собиралась посмотреть, сможет ли она починить испорченную рацию на гидроплане. Она обнаружила, что «Хэвиленд» пропал, а причальные канаты были перерезаны.

– Зачем кому-то понадобилось это делать?

Я смотрю на него, как на сумасшедшего.

– *Почему?* Это вы мне скажите почему. Мы все немного одурели от этого вопроса. Тогда-то все и началось.

– Что началось?

– Психологические игры. Сомнения в реальности происходящего. Взаимное недоверие. В том доме все было специально устроено так, чтобы каждый из нас мог повредиться в уме. Шахматная доска с резными фигурками, у которых кто-то отрубал головы. Старый детективный роман Агаты Кристи, специально оставленный рядом с шахматной доской. Зловещие стихи на листке, вложенном в книгу, где предполагалось, что нас постигнет та же участь, что и персонажей романа.

– То есть?

Я прищуриваюсь. Ему все известно, но он заставляет меня повторять, и я ненавижу его за это. Теперь это уже настоящая ненависть. У меня начинает болеть голова в том месте, где я ударилась о камень.

– В той книге группу людей пригласили на остров, чтобы поквитаться с ними. Их убили одного за другим. Впрочем, я уже говорила об этом.

– Расскажите о других реквизитах.

– Там была тарелка с грибами, ножи и мясницкий тесак на кухне, пакет из бакалейного магазина с яйцами и коробкой детского питания,

портрет маленькой девочки с весами Фемиды в спальне Кэти, ружье на стене, патроны в ящике…

У меня дрожат руки, я тяжело дышу. Кровяное давление повышается. Это нехорошо для моего ребенка, и для меня тоже. Нужно прекратить это, пока мне не станет плохо. Почему Мэйсон Денье так поступает со мной? Почему он ставит меня в такое положение, если я выступаю в качестве жертвы? Если это может повредить моему ребенку? Если это *мне* нужна помощь и сочувствие?

– Когда именно вы узнали об исчезновении Джекки Блант?

– Когда Джекки не пришла утром пить кофе у камина вместе с остальными. Когда Стелла сообщила нам о пропавшем самолете и перерезанных канатах.

Он пристально смотрит на меня. Я невольно отвожу глаза и снова гляжу в камеру. Он видит это, и кажется, это его интересует. Он заставляет меня нервничать. Мне нужно выйти на улицу; эта комната становится слишком тесной для меня. После стольких дней, проведенных в лесу и в горах… это похоже на клетку, на тюремную камеру. Камеру с крышей, похожей на крышку гроба.

Я не хочу думать о клетках и тюрьмах. Я начинаю напевать тихую мелодию, чтобы избавиться от негативных мыслей, как советовал психотерапевт.

Тише, крошка, помолчи. Все спокойно спят в ночи. Я кладу тебя в постельку, я качаю колыбельку… Ты расти, расти большой, и все будет хорошо…

– Так что именно случилось с Джекки Блант? – спрашивает он.

– Я не знаю.

Он слегка прищуривается и удерживает мой взгляд. *Он тебе не верит… Тише, крошка, помолчи…*

– На причале была кровь. Вернее, это было похоже на кровь. – Я обнаруживаю, что невольно стараюсь заполнить словами гнетущее молчание. – Мы беспокоились, что она ранена. Тогда мы организовали поисковую группу, но у меня по-прежнему болела лодыжка, вывихнутая во время высадки. К тому же меня подташнивало из-за беременности, поэтому я осталась дома.

– Где именно?

– Наверху, в моей комнате. Шестеро остальных разделились на пары: Стелла с Моникой, Стивен с Бертом, Натан с Кэти.

– А потом?

– Я заснула. В какой-то момент я услышала, как кто-то вернулся в дом.

– Когда?

– Точно не знаю. Я то засыпала, то просыпалась.

– Кто вернулся?

– Двое, Моника и Кэти. Я… думаю, сначала появилась Кэти. Они были перепуганы. Они слышали выстрелы в лесу и гудки ручного клаксона. Я слышала то же самое, но из своей спальни. Не помню, что было раньше, – стрельба или гудки клаксона.

– Сколько выстрелов вы слышали?

– Два. Я страшно испугалась, а Моника и Кэти уже были перепуганы. Мы заперлись в своих комнатах.

– По отдельности?

– Да.

– Вместо того чтобы поддерживать друг друга?

– Вы должны понять, что мы *боялись друг друга*. Мы не знали, то ли кто-то прятался в лесу и проникал в дом, оставляя разные вещи и отрубая головы шахматным фигуркам, то ли это был один из нас. Потом вернулась Стелла, ужасно взволнованная, вся в крови и в грязи. Она сказала, что кто-то убил Берта.

– Где в то время находились Кэти и Моника?

– В своих комнатах.

– Стелла рассказала, как убили Берта Кундеру?

– Нет. Она сказала только, что они со Стивеном и Натаном стараются дотащить его тело до дома. Она вернулась за брезентом и веревками для волокуши.

– Зачем они хотели вытащить тело из леса?

– Не знаю.

Воспоминание о том, что я видела из окна на кухне, проплывает у меня перед глазами: три человека в мерцающем желтом свете под навесом казались дикими существами или ведьмами, сцепившимися над телом жертвы. Труп Берта, завернутый в брезент, с глухим стуком вошедший в морозильный шкаф.

Я кашляю, чтобы прочистить горло.

– Я видела, как они запихнули тело в морозильный шкаф и включили генератор. Потом кто-то нашел бутылку виски и пустил ее

по кругу.

– Почему они это сделали?

– Наверное, хотели успокоить нервы. Почему люди пьют в таких случаях?

– Нет, я не о том. Почему они оставили тело Берта в морозильном шкафу и завели генератор?

Я смотрю на него. Он что, шутит? Какой ответ он ожидает услышать от меня?

– Для того, чтобы держать его в холоде, – медленно и раздельно говорю я. – Для того, чтобы сохранить его тело.

– Для того, чтобы сохранить его тело, – повторяет он.

– Я… кажется, Стивен сказал, что мы должны сохранить тело для полиции. Потому что произошло убийство, и они хотели сохранить улики для следствия.

– Стало быть, они надеялись, что помощь придет? Они не хотели ничего скрывать?

– Каждый из тех, кто был в доме, что-то скрывал от других. Все были лжецами.

– Включая и вас?

– Все мы лжем, включая меня и даже вас.

У него дергается палец на руке. Он понимает, что я права.

– О чем вы лгали, Дебора? Какой секрет вы скрывали от остальных?

Я отворачиваюсь, ощущая растущее напряжение. Я понимаю, что он делает. Дезориентация. Ловкость рук. Он пытается подцепить меня на крючок, поймать на лжи. Меня, невинную жертву. Стены комнаты начинают вращаться.

– Мне хочется пить, – бормочу я.

– Сок, вода, чай, кофе?

– Вода.

– Хорошо.

Он встает, открывает дверь и просит Хабб, которая ждет снаружи, принести два стакана воды.

Она приносит воду. Он возвращается к столу, ставит один стакан передо мной и возвращается на свое место с другим стаканом в руке. Отхлебывает глоток и садится.

– Кэти Колбурн? – с вопросительной интонацией произносит он.

– Что насчет Кэти? – Я тоже отпиваю глоток воды.

– Когда вы нашли ее?

Еще один глоток, и я отставляю стакан в сторону. Он видит, как дрожит моя рука. Я ненавижу его. Ненавижу детективов, наблюдающих за мной из соседней комнаты. Но я понимаю: они должны знать, что случилось. Это их работа. И я вынуждена рассказать им – так хорошо, как только смогу. У других остались близкие и любимые люди, которым тоже нужно знать. И если я расскажу достаточно много, то, возможно, меня оставят в покое. Тогда я буду свободна.

– После того как Натан, Стелла и Стивен вернулись в дом, я разогрела консервированную тушенку с овощами и принесла тарелки на подносе к кофейному столу перед очагом. Там мы заметили, что еще одна шахматная фигурка была перевернута и обезглавлена.

– Вы видели грибы на кухне, когда готовили еду?

– Нет. Там не было ничего подобного.

Он что-то записывает в блокноте.

– Что произошло, когда вы увидели обезглавленную фигурку?

– Натан сразу же подумал, что с Моникой что-то случилось; ее не было с нами. Мы побежали наверх следом за ним.

– Ваша лодыжка тогда уже болела не так сильно?

– Я… думаю, да. Мне стало лучше. Моника вышла из спальни, заспанная и растрепанная. Тогда все подумали о Кэти Колбурн, которая так и не вышла из своей комнаты. – Я тянусь за стаканом и отпиваю еще воды. – Мужчины взломали ее дверь, и… тогда мы увидели ее.

– Опишите эту сцену.

– Она висела на веревке, прикрепленной к потолочной балке. С петлей на шее. Она была мертва.

– Что случилось с ее камкордером? Она снимала всю поездку – в больнице вы упоминали о том, что она постоянно снимала. Предположительно, ее пригласили для того, чтобы она сняла документальный фильм о вашей экскурсии.

По моей спине пробегает холодная дрожь.

– Я… я не знаю, что случилось с ее камерой.

– Она была маленькая? Водонепроницаемая?

– Камера? Я не знала, что она водонепроницаемая. Но она была маленькой.

Он делает очередную пометку и поднимает голову.

– Давайте вернемся к тому моменту, когда вы все решили покинуть дом. Во время нашей первой беседы в больнице вы сказали, что все спорили, стоит ли уйти или лучше остаться под крышей.

– Стивену грозила смерть. Мы пришли к выводу, что он отравился ядовитыми грибами. Их оставили на кухне как знак, как предупреждение, – я вытираю губы. – Это был акт психологического террора. Разумеется, Натану было известно, что это за грибы. По его словам, он понимал механизм действия токсинов; он называл это патогенезом. Он сказал, что без медицинского вмешательства Стивен умрет через две недели и что, скорее всего, ему понадобится трансплантация печени.

– Перед вашим уходом в блокноте была оставлена записка, – говорит он. – Там было сказано, куда вы уходите?

– Ее написала Моника, и мы все поставили свои подписи.

– Кто-то забрал эту записку, – он заглядывает мне в глаза. – Ее вырвали из блокнота.

– Я… я этого не знала.

– Кто мог это сделать?

– Я… Стелла была единственной, кто вернулся в дом после того, как мы все вышли на улицу. Она сказала, что кое-что забыла. Должно быть, это она вырвала записку. Она хотела, чтобы мы все умерли. Она не рассчитывала на помощь со стороны.

– Значит, когда Стелла вернулась в дом, она могла прихватить с собой и камеру Кэти Колбурн?

Меня тошнит, мне нужно выйти на воздух. Не знаю, почему разговор принял новый оборот. Полицейские *должны* были получить доказательства реальной личности Стеллы; они должны были знать, что ее звали Эстеллой Маршалл. Они должны были знать, что случилось с ее маленьким сыном. Я испугана. Этот детектив вплотную приблизился к мотивации Стеллы, к той причине, по которой мы оказались в лесном доме. К событиям четырнадцатилетней давности.

Будь осторожна. Близится развязка. Помни, что ты виновата совсем не так, как они. Ты не убивала Эзикиела Маршалла. В то время ты была жертвой обстоятельств. Забитой и запуганной юной девушкой. Сейчас ты можешь рассказать ему столько, сколько захочешь. Тебе нужно оставаться близко к истине, насколько хватит смелости, иначе

Эван узнает о том, что ты бывшая преступница, отсидевшая срок в тюрьме. Тогда твоему ребенку придется расти в этой тени, и Эван может отказаться от тебя…

– Полагаю, она могла забрать камеру.

– С какой стати?

Я хмурюсь.

– Потому что, как вы сказали, Кэти снимала всю поездку. Там могли быть улики.

Он медленно кивает, наблюдая за моим ртом, за невольными жестами. Внутренний голос снова нашептывает мне:

«Он тебе не верит. Он ищет характерные признаки. Будь осторожна».

– Кто дал Стивену ядовитые грибы?

– Стелла.

– Она призналась в этом?

Я тяжело сглатываю и киваю.

– Да, она… у нее была возможность. Тарелки остались стоять на столе внизу. Потом один из нас разогрел их. Это… да, это была Стелла. Теперь я вспомнила.

Он отодвигается от стола и внимательно смотрит на меня, щелкая шариковой ручкой. *Клик-клак, клик-клак.*

Мое сердце громко стучит в грудную клетку. Уверена, что он слышит этот звук.

– Дебора, когда вы узнали, кто такая Стелла Дагер на самом деле?

Ему многое известно. Он задает вопросы, на которые отчасти знает ответы. Нужно быть предельно осторожной.

Мое лицо покрывается испариной.

– К тому времени, когда нас осталось пятеро, мы все знали, что Стелла Дагер была Эстеллой Маршалл – матерью маленького мальчика, сбитого автомобилем четырнадцать лет назад. Думаю, Моника первой узнала ее, несмотря на то, что Стелла радикально изменила свою внешность. По словам Моники, дело было в ее глазах; она помнила эти глаза по теленовостям, когда Эстелла умоляла любых свидетелей сообщить информацию о синем «БМВ», который убил ее сына.

Я начинаю колебаться. Сделай это. Ты должна сказать ему так, чтобы он поверил тебе.

– Этот автомобиль принадлежал Монике.

Мэйсон даже не моргнул. Он знает. Разумеется, ему все известно. Но как? Или он знает далеко не все и пытается заморочить мне голову?

Пот мелкими каплями собирается на моей коже под одеждой. Я чувствую собственную тревогу.

– И вот… – Мой голос звучит хрипло и неестественно. Я беру стакан и жадно отпиваю пару глотков, потом со стуком вновь ставлю стакан на стол, едва не расплескивая остатки воды. – Начиная с этого момента все стало складываться. Стивен сидел за рулем. Моника была пассажиркой. У них был тайный роман.

– Вот как?

Я твердо встречаю его взгляд.

– Да. Натан Макнил помог Монике скрыть это происшествие. Он переправил битый «БМВ» Берту Кундере, который взял деньги под столом и ничего не сообщил властям, хотя повсюду в новостях предлагали вознаграждение за информацию о синем «БМВ» с поврежденным бампером.

– Значит, все это подстроила Стелла? Это она заманила вас туда и разослала фальшивые приглашения?

– Она призналась в этом. Когда мы были на тропе.

– Кто ей помогал, Дебора? Она должна была заручиться чьей-то поддержкой.

– Не знаю.

– Почему Стелла решила все рассказать?

Я глубоко вздыхаю и мысленно возвращаюсь в темные закоулки своей памяти, к ужасным событиям, предшествовавшим моему падению с утеса.

– На тропе у Моники произошел нервный срыв, – осторожно говорю я. – Все мы устали и проголодались. Стивену становилось всех хуже и хуже. Натан очень страдал. Дождь то и дело сменялся мокрым снегом. Мы слышали волков, которые преследовали нас; по ночам их завывания становились все громче. Мы были обречены на гибель и знали об этом. Мы не могли выбраться оттуда живыми. И Моника просто сказала, что она думала, – она сказала Стелле у костра, что ей очень жаль. Ей было ужасно жаль, что Стивен убил ее ребенка, когда наехал на него, и что они так и не раскаялись в этом. Еще она сказала, что не хочет умереть, не высказав соболезнования. Тогда началась

ссора. Стивен кричал Монике, чтобы она заткнулась, Натан орал на Стивена и Монику за то, что они все разболтали. У Стеллы было ружье. Она прицелилась в нас и сказала, что собирается прикончить нас всех прямо на месте, если *все* не раскаются в содеянном.

– Это случилось после переправы через ущелье?

Меня охватывает смятение. Я пытаюсь вспомнить, что произошло сначала, а что потом. Весь этот ужас, снова и снова. Но я понимаю, что Мэйсон Денье избрал другую тактику. Он не стал спрашивать меня, каким образом я была связана с тем трагическим инцидентом. Почему Стелла хотела, чтобы я тоже извинилась перед ней. Или каким образом Джекки Блант, Кэти Колбурн, Берт Кундера и Дэн Уитлок были причастны к этому делу.

Он знает, черт его побери, он все знает.

И детективы в соседней комнате тоже знают.

Но ты невиновна. Держись ближе к правде, и ты еще можешь вырваться на свободу. Подумай об Эване… Подумай о доме…

Паника начинает омрачать границы моего сознания. Я ступаю по тонкому льду. У меня пересохло во рту, сердце мечется в груди.

Сосредоточься. Просто сосредоточься.

– Да, это случилось после переправы через ущелье. – Я на мгновение задумываюсь. – Натан повредил ногу, пока мы пробирались через древесный затор. Его ступня застряла между стволами, он вывернул ногу и поранился. Стивен сказал, что у него может быть осколочный перелом. Стивен перевязал и зафиксировал его ногу на другой стороне ущелья, и мы по очереди помогали Натану дойти до лесной поляны. Мы двигались очень медленно. У Натана началась лихорадка, а Стивену становилось все хуже. Его глаза и кожа приобрели темно-желтый оттенок. Он быстро уставал, и его бросало то в жар, то в холод.

Я тянусь за стаканом и допиваю остатки воды.

– А потом? – настаивает сержант Денье. Его взгляд лучится добротой, но он полицейский. Сейчас он играет со мной в «доброго копа», а другие наблюдают через камеру и оценивают мое поведение.

– А потом мы услышали волков. Мы считали, что они следуют за нами и подходят все ближе, потому что ощущают нашу слабость. Мы все боялись. Еды почти не осталось. Температура падала. Мы все промокли после переправы через ущелье. Под плотным лесным

пологом было суше и теплее, больше защиты от дождя и холода. Нам удалось разжечь костер. Мы пробыли там два дня и едва не сошли с ума. Мы превратились в диких зверей и постоянно обвиняли друг друга. Потом Моника сломалась и все рассказала. А Стелла совершенно обезумела; она стала целиться в нас и говорить, что все мы должны поплатиться за свои грехи и покаяться перед ней. Она призналась, что доставила нас туда, чтобы мы все умерли. Она призналась во всем.

– Во всем?

Я моргаю. Не вполне понимаю, чего он хочет.

– Она… Да, она призналась в убийстве Джекки Блант…

– Стало быть, вы знаете, что Джекки Блант умерла?

Мгновенная паника.

– Я… Да, так сказала Стелла.

– Как она убила Джекки?

– Ножом, который забрала из комнаты Берта Кундеры. Она воткнула нож в шею Джекки. – Я делаю паузу. – Дважды. Она сказала, что сделала это два раза.

Он пригвождает меня взглядом, и я невольно кладу руку на живот.

– В чем еще призналась Стелла?

– Это она обрезала причальные канаты и убила Берта Кундеру мясницким тесаком. Привезла с собой ядовитые грибы с того острова, где она жила. Оставила их на кухне, где Натан и остальные могли увидеть их. Чтобы все подумали, будто это сделал Натан. Она поставила в доме шахматную доску и отрубала головы деревянным фигуркам. Картина в комнате Кэти – тоже ее рук дело.

– Как насчет смерти Кэти Колбурн?

Я киваю.

– Да. Она повесила Кэти; она сама призналась в этом.

– Это было трудно сделать в одиночку.

Во мне нарастает внутренняя дрожь.

– Она… она сказала, что заставила Кэти забраться на стул под угрозой ножа. Она угрожала Кэти, что причинит вред ее дочери.

– Каким образом?

– Об этом она не говорила.

Он слегка наклоняет голову.

– Итак, Стелла призналась вам, что совершила все эти ужасные дела.

Я киваю.

– А потом?

– Потом Стивен бросился на нее и попытался выхватить ружье.

– Что дальше?

– Она застрелила его.

– Как именно?

Я глубоко дышу, терзаясь воспоминаниями. Кривлюсь, когда снова слышу выстрелы. Мои глаза наполняются слезами.

– Прошу прощения, Дебора, но я должен задать этот вопрос.

Я киваю и облизываю губы.

– В лицо… она выстрелила ему прямо в лицо. А потом в грудь. Натан стал отползать подальше от нее; он сидел прямо у костра. Тогда она застрелила и его. – Я сглатываю комок в горле. – Моника побежала в лес. Пока она спотыкалась и кричала, Стелла выстрелила ей в спину. Она упала и… – Я замолкаю и дрожащей рукой убираю волосы с лица. – Моника рыдала и уползала в лес. Я… я даже не думала. Схватила камень у кострища, закричала и ударила Стеллу по затылку. Изо всех сил.

Он смотрит на меня. Я чувствую, что другие тоже с интересом наблюдают за мной из объектива видеокамеры. Время уходить прочь. Мне жарко, моя кожа горит, как в огне.

– А потом?

– Потом я убежала оттуда. Оставила ее лежать у костра и убежала.

– Где находилось ружье?

Я моргаю.

– Стелла упала на ружье. Я думала, что убила ее. Я была в панике. Убежала оттуда, но она не умерла. Она встала, взяла ружье и погналась за мной. Я слышала, как она ломится через кусты, хотя намного опережала ее. Она двигалась быстрее меня. Она приближалась. И мы вошли в реку.

– Она стреляла в вас, пока вы убегали?

– Я… не знаю.

Думай. Думай как следует, Дебора. Однозарядное ружье с поворотно-скользящим затвором. Четыре патрона плюс один в зарядной камере. Четыре пули были выпущены на поляне: две в

Стивена, одна в Натана и одна в Монику. У Стеллы остался один патрон…

– Нет. Я так не думаю. Может, она и выстрелила, но я была в панике и не помню никаких звуков, похожих на выстрел.

– А когда вы приблизились к реке?

– Она догнала меня. Она быстро брела через реку прямо за мной.

– Она была в крови?

Я киваю.

– Я же ударила ее камнем по голове. Кровь стекала по ее лицу прямо в глаза и смешивалась с дождем. Она была похожа на бешеного зверя. Она схватила меня, и я ушла под воду. Мы боролись и молотили друг друга, а потом ружье вдруг оказалось у меня. И я… застрелила ее.

Он и глазом не моргнул.

– Куда вы попали? – тихо спрашивает он.

– Кажется, в плечо.

– Что произошло потом?

– Она… Стелла выглядела потрясенной. Она перестала драться. Приложила руку к плечу, а потом течение, – оно было очень быстрым, – сбило ее с ног. Она упала в воду. Я… – По моим щекам текут слезы. Я больше не могу говорить.

Он подталкивает ко мне коробку с гигиеническими салфетками. Я беру одну и сморкаюсь в нее.

– Не торопитесь.

Я киваю и снова прочищаю нос.

– Я… видела, как она уплывала. Лицом вниз, волосы развеваются вокруг головы. Вода вокруг потемнела от крови. Река быстро унесла ее. Впереди вода сильно шумела вокруг порогов; думаю, дальше был водопад. Я была… я ни о чем не могла думать. Когда я выбралась на другой берег, ружье оставалось у меня. Я бежала в густом тумане и даже не видела, что впереди утес. Я ломилась через кусты, а в следующую секунду земля ушла у меня из-под ног.

Он молча смотрит на меня, кажется, целую вечность. У меня снова начинает звенеть в голове. Потом он наклоняется ко мне и тихо спрашивает:

– Почему Стелла заманила вас вместе с остальными, Дебора? За что *вы* должны были покаяться перед ней?

Вот оно. Момент истины.

– Я видела автомобиль, который сбил ее ребенка и уехал с места происшествия.

Он удерживает мой взгляд, ожидая продолжения.

– Я не откликнулась, когда свидетелей просили явиться в полицию, – тихо говорю я. – Я боялась обращаться туда. В то время я занималась проституцией, и мой сутенер направлял меня на разные перекрестки для привлечения клиентов. Я была несовершеннолетней. Он внушал мне и другим девушкам, что если кто-то из нас обратится в полицию или вообще заговорит с полицейским, то он убьет нас. Мы верили ему. Одну девушку нашли мертвой после того, как он это сказал. Наверное, она о чем-то говорила с полицейскими.

– Значит, вы были той пропавшей свидетельницей, которая видела инцидент и забрала рюкзак сына Эстеллы Маршалл?

Я не отвечаю, потому что меня снова трясет.

– Вы забрали рюкзак, Дебора? Тот самый, о котором Стелла, или Эстелла Маршалл, говорила полицейским?

Я киваю.

– Почему?

– Я постоянно нуждалась в деньгах. Подумала, что в рюкзаке может оказаться что-нибудь ценное, вроде смартфона.

– Там было что-то ценное?

До меня доходит, что четырнадцать лет назад о смартфонах еще никто не слышал. Ужас снова трясет меня за плечи. *Осторожнее, будь осторожнее!*

– Нет. Только плюшевый мишка и книга с картинками.

Он не спросил меня о номерной табличке, и я не стала упоминать об этом. Кража такой улики выставила бы меня в самом дурном свете, как будто я действительно могла помочь в раскрытии преступления, но не сделала этого.

– Нам понадобятся ваши показания насчет событий того дня, Дебора. Вас это устраивает? Кстати, вам придется дать показания и нашим коллегам в Ванкувере.

– Меня накажут?

– Самое лучшее, что вы можете сделать, Дебора, – рассказать всю правду. Тогда ваше положение заметно улучшится.

Я судорожно вздыхаю и потираю руку. Поскольку он так и не задал вопрос о номерном знаке, скорее всего, полицейские так и не узнали о

табличке, отлетевшей от бампера «БМВ» и пропавшей с места преступления.

– Как насчет Джекки Блант, Дэна Уитлока, Кэти Колбурн и Берта Кундеры? Почему Стелла заманила их в лесной дом? Она рассказывала об этом?

– Да. Дэн Уитлок был частным сыщиком, к которому обратился адвокат Стивена, чтобы найти меня. В свою очередь, Дэн Уитлок нанял Джекки Блант, которая запугала меня, но и дала денег, чтобы я убралась из города. Кэти Колбурн работала на телевидении и освещала это происшествие. Она осудила Стеллу за пренебрежение материнскими обязанностями и намекала на ее психическое расстройство. Стелла винила Кэти за потерю своего мужа и работы, а еще за то, что весь мир ополчился против нее. Ее называли дурной матерью и даже винили в гибели ее ребенка. – Я перевожу дыхание. – Она все потеряла. Абсолютно все.

– Вы жалеете ее?

Мои глаза снова наполняются слезами. Я молча киваю.

– Несмотря на то что она пыталась убить вас?

– Я… не знаю, что бы я сделала, если бы кто-то попытался причинить вред моему ребенку. А если бы потом меня еще и обвинили в небрежности…

– Как Стелле удалось найти всех вас?

– Не знаю. Мне известно лишь, что она нанимала частных сыщиков, которые годами работали на нее.

– Кто платил этим сыщикам?

– Понятия не имею. Она не говорила об этом. Пожалуйста, сержант Денье, вы же не обязаны сообщать моему жениху, что я занималась проституцией, правда? *Пожалуйста.* Я… у нас будет ребенок. Мы собираемся пожениться, сохранить ребенка, и я хочу начать новую жизнь. Я навсегда разделалась с прежней жизнью, сержант. Я приложила адские усилия; мне приходилось работать в два раза больше и усерднее по сравнению с остальными – и все это из-за моего прошлого. Я основала собственную компанию и теперь сама нанимаю людей на работу, потому что… – Я умолкаю.

Сосредоточься.

– Пожалуйста, – просто говорю я.

Он снова начинает щелкать ручкой. *Клик-клак, клик-клак*.

– Поэтому вы изменили свое имя?

Страх ударяет наотмашь, как пощечина. Я пытаюсь сглотнуть, но не могу.

– Да.

– Катарина Василева, – тихо говорит он.

Я холодею. Темнота начинает клубиться внутри, как чернила, налитые в сосуд с водой, – в сосуд моего тела, – и она выпускает липкие щупальца, копошащиеся внутри и оплетающие мой мозг.

– Я хотела начать новую жизнь, – шепчу я.

Мэйсон перелистывает свой блокнот и находит маркированный список.

– Вы родились в провинции Альберта, – читает он. – Трое старших братьев. Полицейское досье показывает, что ваш средний брат был найден убитым у сельской тропы недалеко от границы вашей семейной фермы. Было начато уголовное расследование, которое еще не закрыто.

Я с трудом глотаю, но молчу. Моя ненависть к этому человеку становится безграничной. Горечь в моем рту отдает тухлятиной.

– Архивные записи также показывают, что за восемь месяцев до убийства вашего брата вы обвинили его в изнасиловании. В присутствии следователя вы заявили о том, что ваш отец и брат регулярно насиловали вас. Это началось после смерти вашей матери, когда вам было четырнадцать лет.

Я продолжаю молчать. Огромное черное Чудовище внутри меня начинает восставать и поднимает клыкастую голову. Это кошмарные клыки.

– Отец и братья воспитывали вас…

– Нет! – я хлопаю ладонью по столу. – Я, бл…дь, сама себя воспитала!

Он смотрит на меня.

Успокойся. Глупая сучка, успокойся же наконец, успокойся на х…р.

– Они издевались над вами, Катарина. Не так ли? По меньшей мере, двое из ваших братьев плюс отец. Тихая, нервная ученица. Нет настоящих друзей, потому что вы из странной семьи. Над вами потешались в школе.

Меня начинает трясти изнутри.

– Сержант Горд Филдинг, возглавляющий следствие по этому делу, побеседовал с отставным детективом, который много лет назад занимался расследованием убийства вашего брата. По его словам, это был действительно тяжелый случай. Это дело еще долго продолжало беспокоить его. Никто не помогал вам. Вы жили на уединенной ферме вместе с отцом и тремя старшими братьями. Суровые зимние морозы. Изоляция от окружающего мира. Нищета, жизнь на подножном корму. Отец-алкоголик, братья немногим лучше. После смерти вашей матери вас некому было защитить.

Я сверлю его взглядом.

Молчи. Молчи. Ничего не говори.

Он сверяется со своими записями.

– Борис Василев, один из ваших братьев. В возрасте двадцати трех лет его нашли с топориком в затылке – в том месте, где шея примыкает к черепу. Он пролежал там десять дней, и его никто не искал. – Он делает паузу. – Дело так и не было раскрыто, так?

– Так.

– Вы знаете, кто бы мог это сделать?

– У него было много врагов.

– Вам он тоже не нравился?

– Он насиловал меня.

Мэйсон задумчиво кивает.

– Я слышал, что вы отлично умели метать топорик. Это вроде того, как метать тесак или большой мясницкий нож?

У меня пересыхает во рту.

– Я… не знаю.

– Вы также были искусной охотницей. Разбирались в ружьях, метко стреляли и умели разделывать дичь прямо на месте. На семейной ферме именно вам поручали резать свиней.

Он ждет ответа.

Спокойно, спокойно. Успокойся. Тебя зовут Дебора. Ты имеешь право на хорошую жизнь. Ты имела право сменить имя. Твое прошлое больше не определяет твое будущее.

– Сержант, у меня было очень трудное детство. Да, это так. Я выживала, как только могла.

– Тот отставной офицер говорил о вас то же самое. Вы сбежали из дома после убийства; тогда вам было пятнадцать лет.

– Я отправилась в Ванкувер. Там я почти сразу подружилась с парнем, которого считала добрым и хорошим человеком. Он обеспечил меня временным жильем и едой. Он говорил, что любит меня. Он обещал помочь мне и отвел меня к сутенеру. Тогда они вырубили меня, изнасиловали и заперли в комнате на несколько дней. Потом меня подсадили на наркотик, и я стала наркоманкой. Мне постоянно была нужна очередная доза. Я была настоящей развалиной. Но потом я вырвалась оттуда и официально сменила имя. Я встала на другой путь. Я… я имею право на прощение за то, что меня заставили торговать телом. Я построила свой бизнес с нуля. Я встретила мужчину – хорошего, доброго человека. Пожалуйста, *прошу вас*, не рассказывайте ему об этом.

Он испытующе смотрит на меня, оценивая мои слова.

– Меня запугивали, – тихо повторяю я. Мне кажется, что я тону, по спирали опускаюсь на дно. – Они угрожали, что убьют меня, поэтому я так и не дала свидетельских показаний по делу убитого мальчика. Ребенка Стеллы.

Он стискивает зубы, и я вижу, как начинает подергиваться мелкая мышца возле его левого глаза. Он закрывает блокнот, и я вдруг думаю, что у него тоже может быть маленький сын.

– Вы обязательно должны рассказать ему об этом? – спрашиваю я.

– Я оставляю это на ваше усмотрение, Дебора. – Он резко отодвигает стул и поднимается на ноги.

– Я могу идти?

– Да, на какое-то время вы свободны. Возможно, нам понадобится задать вам еще несколько вопросов до вашего отъезда из города.

Я тоже встаю. Куртка с чужого плеча по-прежнему на мне. Я запускаю руку в карман и нащупываю пакетики сахара и хлебные корки.

– Какие еще могут быть вопросы?

Он вежливо распахивает дверь передо мной.

– Возможно, они возникнут после того, как мы поговорим со Стеллой Дагер.

Потрясение буквально пригвождает меня к месту.

– Стелла?

Он кивает и по-прежнему держит дверь открытой, ожидая моего ухода. Но я не могу пошевелиться.

– Так вы нашли ее? Она… она жива?

– Да. Ее привезли вчера. Позвонил охотник и сказал, что обнаружил ее в маленькой сторожке, которой он пользуется время от времени. Недалеко от подножия тех порогов, перед которыми, по вашим словам, она упала в реку. Ей удалось выбраться из воды и доползти до сторожки.

– Где она? Она может говорить? Как… в каком она состоянии?

– Ее состояние стабилизировалось, и она ожидает транспортировки в большую городскую клинику. Мы надеемся, что она выживет.

Хабб стоит в коридоре за дверью. Она смотрит на меня с какой-то особенной напряженностью, потом обменивается взглядом с сержантом Денье. Между ними что-то происходит. Я нервно сглатываю слюну. Они явно что-то затевают.

– Я провожу вас в мотель, – предлагает Хабб.

– Нет. Спасибо… мне нужно побыть одной.

Я поспешно выхожу из комнаты и иду по коридору к выходу на улицу. Слова жуткого стихотворения преследуют меня, как зловонное дыхание смерти.

Двое лгунишек ударились в бега,
Одному – пуля, другому жизнь дорога.
Последний лгунишка решил, что победил,
Ведь в конце остался только он один.
Но может быть… не должен остаться ни один.

Сейчас

Дебора

8 ноября, воскресенье

Глубоко запустив руки в карманы, я иду по продуваемой всеми ветрами улице захолустного городка.

Если сегодня утром я испытывала необыкновенную бодрость и мое сердце было наполнено восторгом чистого бытия, обладания пищей, кровом, здоровьем и знанием того, что моему будущему ребенку ничто не угрожает, то теперь мне страшно. Я напугана до мозга костей.

Мои мысли обращаются к Эвану.

Его вернули с боевого задания еще до окончания миссии. Сегодня вечером он прилетит в Клуэйн-Бэй.

Я прохожу мимо маленькой пекарни. Скрипучая вывеска качается на ветру. Я прохожу мимо бензоколонки с кофейней на несколько человек. Если бы мне нужно было представить типичный городок на Аляске, то я бы нарисовала в воображении это место, но с американскими логотипами и вывесками. Я вижу пожарную станцию. Двери гаража раскрыты, и двое мужчин моют пожарную машину. Вода стекает по мостовой и замерзает тонкой пленкой.

Я захожу за угол. Здесь задувает особенно сильный ветер с озера. Я засовываю руки поглубже в карманы, но открываю лицо навстречу ветру в надежде, что он каким-то образом сотрет жуткое прошлое и унесет его прочь. Наверное, я не смогу его стереть. Наверное, мое прошлое всегда будет преследовать меня. Возможно, Эван испытает разочарование и даже отвращение… но я смогу это пережить. Пережить и начать с чистого листа. Насколько я поняла, они не знают о моем тюремном прошлом, о другом приговоре. Конечно, сержант Денье не обошелся бы без упоминания об этом? Особенно с учетом того, что полиция знает о *Катарине*. О заявлении об изнасиловании. Об убийстве моего брата.

Мое прошение о помиловании было удовлетворено три месяца назад. Это означает, что мое криминальное прошлое отныне находится под замком, и если только меня не арестуют и не обвинят в новом преступлении с очередной необходимостью делать отпечатки пальцев, то мое уголовное прошлое исчезнет из Канадской службы уголовной идентификации по базам данных. Я изучила этот вопрос. Я *знаю* это. Я так долго работала ради того, чтобы наладить свою жизнь…

Я вижу это, когда поворачиваю за следующий угол. Вывеску с красным крестом. Это медпункт с небольшим больничным отделением, где меня привели в порядок после того, как та женщина из SAR помогла мне эвакуироваться с утеса. Я останавливаюсь и смотрю. Это дощатый дом, примерно такой же, как полицейское отделение Клуэйн-Бэй, только побольше. Здесь есть лестница и деревянный пандус, ведущий к двойной стеклянной двери. Я вижу окна больничной палаты, где недавно лежала сама.

Словно притянутая невидимым шнуром, я переставляю ноги и вдруг оказываюсь перед лестницей.

«Ее привезли вчера. Позвонил охотник и сказал, что обнаружил ее в маленькой сторожке, которой он пользуется время от времени. Недалеко от подножия тех порогов, перед которыми, по вашим словам, она упала в реку. Ей удалось выбраться из воды и доползти до сторожки… Ее состояние стабилизировалось, и она ожидает транспортировки в большую городскую клинику. Мы надеемся, что она выживет».

Я поднимаюсь по лестнице и открываю дверь. По сути дела, это сельская больница. Внутри я вижу приемное отделение за стеклянным экраном. Зону ожидания. Коридор, ведущий к палатам, где стоят кровати.

Женщина в приемной занята разговором со сгорбленным стариком; похоже, он почти глухой и доставляет ей трудности. Два человека сидят на стульях в зоне ожидания; один с закрытыми глазами, другой поглощен чтением журнала.

Я иду по коридору. Мои ботинки поскрипывают на гладком линолеуме, пропитанном больничным запахом.

Подхожу к первой палате и заглядываю внутрь. Четыре кровати. Ее здесь нет.

Прохожу мимо поста дежурной медсестры; впрочем, это обычный канцелярский стол. Медсестра печатает на компьютере и едва поднимает голову при виде меня. Я продолжаю идти как ни в чем не бывало. Как будто мне нечего скрывать.

Я заглядываю в другую палату. Там две кровати: одна пустая, другая отгорожена ширмой с закрытой занавеской. Я слышу тихое уханье и попискивание медицинских автоматов.

Отодвигаю край занавески и заглядываю внутрь. У меня сжимается сердце.

Стелла.

Ее голова закрыта толстой повязкой. В руку вставлена капельница. Трубка, вставленная в рот, закреплена медицинским пластырем. Мне интересно, достали ли они выпущенную мной пулю или она только пробороздила ей плечо. Может быть, пуля все еще там. Вспышки воспоминаний проносятся перед моим мысленным взором. Мужчины мертвы и лежат неподвижно. Моника пытается уползти, рыдая и бессвязно бормоча на ходу. Моника раскололась, и, честно говоря, с тех пор ни у кого из нас не осталось пути к отступлению. Никакого.

Но Стелла еще жива.

Она еще может говорить, может сказать правду. Которая будет отличаться от моей правды.

Мягкие зажимы удерживают руки Стеллы. Ее лицо напоминает фаянсовую статуэтку – белую, почти полупрозрачную. Под окном стоит стул, обращенный к кровати. Машины шипят и качают, помогая ей дышать.

– Я могу вам помочь?

Мое сердце ухает вниз. Я разворачиваюсь. Это дежурная медсестра; она пошла за мной.

– Я… Я хотела посмотреть… я была одной из пропавшей группы. Хотела посмотреть, как поживает Стелла.

– Ох ты, боже мой. Я слышала об этом, сотрудники рассказали, что вы тоже здесь были. Мне очень жаль, что так вышло. Слава богу, теперь вы в порядке… и я слышала, что у вас скоро будет ребенок?

Я ощущаю слабый прилив теплоты, ощущение надежности. Киваю и улыбаюсь.

– Мои поздравления.

– Стелла… с ней все будет в порядке?

– Это лучше обсудить с врачом. Она без сознания, но цепляется за жизнь.

– Я могу немного посидеть с ней?

Медсестра колеблется.

– Хорошо. Но недолго.

Она уходит.

Я хочу быть уверенной, что она не притаилась где-то в комнате. Когда я убеждаюсь в этом, то захожу в отгороженный альков и задергиваю занавеску. Наклоняюсь над Стеллой.

– Стелла! – шепчу я ей в ухо.

Ее веки подрагивают, и это пугает меня. Как будто она может вскочить и схватить меня за горло.

Я напрягаю мышцы, что помогает мне успокоить нервы. Наклоняюсь ближе:

– Стелла, вы меня слышите?

Трепет век, судорожное движение пальцев. Она шевелит головой.

При звуке шагов по линолеуму я цепенею и оборачиваюсь. Медсестра вернулась. Она отодвигает занавеску, проверяет медицинскую карту, считывает какие-то показания и вешает карту у изголовья кровати Стеллы.

– С вами все в порядке? – интересуется она.

Я киваю.

– Просто хочу еще немного побыть здесь.

Не знаю, как долго я сижу, смотрю на Стеллу и на медицинские аппараты. Прозрачная жидкость капает из пластикового мешка рядом с кроватью и поступает в трубки, подключенные к ее сосудам. Кажется, я снова теряю контакт с реальностью. Темные, чернильные мысли клубятся у меня в голове. Мне начинает казаться, будто медсестра забыла, что я нахожусь здесь.

Я снова гляжу на аппараты. Грудь Стеллы немного приподнимается и опускается в ритме с тихим шипением и уханьем машины для искусственной вентиляции легких. Я поднимаюсь на ноги и подхожу к ее кровати. Немного медлю и думаю об Эване. Он прибывает сегодня вечером, чтобы забрать меня домой. Я думаю о выражении его лица, когда расскажу ему о нашем будущем ребенке – о том, как он будет рад. И все закончится. Почти все… почти… Я оглядываюсь через плечо и прислушиваюсь.

Ничего, кроме шума работающих аппаратов.

Я наклоняюсь и изучаю соединения трубок, выискивая лучшее место для того, чтобы прекратить поступление воздуха в легкие Стеллы. Тянусь к трубке, которая входит в ее трахею, и застываю от малейшего звука. Кажется, он раздается с другой стороны занавески. Кажется, я видела там движущуюся тень.

Сердце бешено колотится в груди. Сижу и слушаю, очень тихо, очень внимательно. Каждая мышца в моем теле готова к моментальному бегству.

Но ничего не происходит. Это игра воображения.

Я прижимаю губы к ее уху.

– Стелла, я не могу допустить, чтобы ты все рассказала, – шепчу я. – Просто не могу. Мне очень жаль.

Она издает тихий стон. Думаю, она слышит меня, – или это тоже игра воображения?

Все нормально. Стелла поймет. Она знает, что сделала бы то же самое ради своего ребенка; она до сих пор терзается угрызениями совести. Ей не следовало оставлять Эзикиела под дождем на темном тротуаре с собакой на поводке и заходить в магазин без него. Ради того, чтобы купить бутылку вина. Она убила своего мальчика. Она бы не сделала этого еще раз, если бы у нее был второй шанс. Теперь я это знаю. Она поймет…

Я дергаю трубку.

Сейчас

Мэйсон

Мэйсон вошел в диспетчерскую, где сержант Горд Филдинг и констебль Элиза Джейн, детектив с профильным психологическим образованием, наблюдали за его интервью с Деборой Стронг. Филдинг привез с собой Элизу из штаб-квартиры Северного округа RMCP в Принс-Джордже, чтобы она помогла «расколоть» Дебору.

– Каково ваше мнение? – спросил Мэйсон и положил на стол свой блокнот. Он проверил время, испытывая некоторое волнение и надеясь, что сделал все правильно.

– Она замкнута в себе, – сказал Филдинг. – Определенно она что-то скрывает.

– Согласна, – присоединилась Джейн. – Возможно, Дебора Стронг является жертвой, но при этом еще и соучастницей, либо она лжет по какой-то иной причине.

– В состоянии Стеллы Дагер произошли какие-либо изменения, пока я находился там? – спросил Мэйсон.

– Нет, – ответил Филдинг. – Она до сих пор без сознания, в ожидании транспортировки.

Мэйсон ощущал растущее напряжение. Он проверил спутниковый телефон, по-прежнему прикрепленный к поясу, потом рацию.

– Ну, ладно, – сказал он и подошел к доске со схематической картиной преступления. – Давайте немного отмотаем назад и разберемся, что нам известно о Франце Готтмане.

Он постучал по фотографии Готтмана, прикрепленной к доске.

– От наших коллег из Большого Ванкувера и острова Ванкувер мы узнали, что Франц Готтман, богатый владелец недвижимости, подружился со Стеллой Дагер на острове Галиано, куда переехала Стелла и откуда она управляла своей чартерной авиакомпанией «Вест-Эйр», развозившей клиентов по островам. В последние годы жизни Готтмана она выполняла перелеты для него, пользуясь собственным гидропланом, официально списанным в утиль.

– Все верно, – сказал Филдинг и сложил руки на груди, изучая доску. – Согласно следователям из департамента транспортной безопасности, серийный номер двигателя незарегистрированного и потерпевшего крушение гидроплана «Хэвиленд» Beaver Mk1 совпадает с серийным номером личного гидроплана Готтмана, который он отправил на списание по заявке, поданной несколько лет назад. Стелла Дагер управляла незарегистрированным самолетом Франца Готтмана во время перелета в поместье «Лесная сень».

– Она хотела пройти незамеченной под радарами, – сказала Джейн, открывшая папку с информацией, полученной от детективов с острова Галиано. – Предполагалось, что это секретная миссия. Стелла Дагер регулярно посещала поместье Франца Готтмана в Галиано. Домработница и остальные жители острова утверждают, что они состояли в чрезвычайно близких отношениях. Один из наблюдателей описывает их как отношения между отцом и дочерью. Готтман был ее наставником и личным советником. Это согласуется с показаниями ее бывшего мужа. Он заявил, что, хотя Стелла Дагер всегда была отличным пилотом и очень дисциплинированным человеком, она отличалась крайней эмоциональной неустойчивостью. Именно поэтому она дважды обращалась в психиатрическую клинику еще до трагического инцидента с ее сыном. Один раз из-за депрессии и еще раз из-за нервного срыва неопределенного характера. Она держала это в секрете от своего работодателя и страховщиков.

– Именно это и раскопала Кэти Колбурн, репортер CRTV, – сказал Мэйсон. – И разгласила в теленовостях.

Джейн кивнула.

– Это навлекло дополнительные подозрения на ее родительские способности и на состояние ее психики в целом. Общественное мнение было настроено против нее, и это привело к очередному срыву. В конечном счете это стоило Эстелле Маршалл работы в «Пасифик Эйр».

– И брака, – добавил Филдинг.

– Бывший супруг Стеллы подтвердил, что он всегда винил жену в гибели его сына, – сказала Джейн. – Он винил ее в том, что она оставила шестилетнего мальчика перед магазином со щенком на поводке, к тому же в темноте и под дождем. Шум в новостях усилил страдания ее мужа и усугубил ее положение. Очевидно, Готтман

сочувствовал Стелле. Согласно показаниям ее бывшего мужа, который знал о ее отношениях с Готтманом, этот эксцентричный миллионер полагал, что ей нужно было обеспечить поддержку, необходимое лечение и сострадание вместо изгнания из общества. Она была хорошим пилотом и лояльным специалистом.

– Возможно, Готтман был прав, – пробормотал Мэйсон.

– Жизнь несправедлива, – заметил Филдинг.

Мэйсон посмотрел на детектива, возглавлявшего расследование. Лично он сочувствовал Стелле; он хорошо знал, как утрата маленького сына может опустошить душу человека. Он тоже жаждал возмездия. Он хотел убить придурка, который привел к гибели Дженни и Люка, – он хотел разорвать его на куски голыми руками, несмотря на то что это была дорожная авария с участием неопытного водителя.

– Да, – сказал он. – Иногда хорошим людям сдают на руки крапленые карты.

А потом они нарушают закон.

– Судя по интерьеру его дома, Готтман был завзятым игроком, – сказала Джейн. – Шахматные доски, компьютерные игры. Головоломки. Сценарии новых реалити-шоу, так и не запущенных в производство. Его книжные полки свидетельствуют о том, что он испытывал особенный интерес к племенной и групповой психологии и к старинным загадкам, подлинным преступлениям.

– Значит, вы полагаете, что это была его идея? – спросил Мэйсон. – Это был тщательно разработанный план – сценарий с открытым финалом, – предлагавший нечто привлекательное для каждого из причастных к смерти Эзикиела Маршалла. Заманить их в уединенное место, отрезать от цивилизации и перебить одного за другим?

– Это согласуется с известными сведениями о Готтмане, – сказала Джейн. – И Стелла Дагер прельстилась этой схемой и последовала его сценарию, несмотря на то, что Готтман умер от рака несколько месяцев назад.

– И это согласуется с некоторыми вещами, обнаруженными в доме, – поддержал ее Филдинг. – Книга Агаты Кристи, расположенная рядом с шахматной доской. Обезглавленные шахматные фигурки. Портрет дочери Кэти Колбурн в комнате наверху.

– Типичный Готтман, – сказала Джейн. – Особенно если вы посмотрите на его сценарии для реалити-шоу. Он был эксцентриком,

старым голливудским чудаком с миллионами долларов в кармане. Его последний партнер называл Готтмана творческим гением, который находился в «интересных» отношениях с реальностью. Человеком, верившим в то, что он может лепить и создавать новые истины в окружающем мире. А Стелла Дагер имела хрупкую психику. Она нуждалась в его понимании, в чувстве общности, когда они замышляли план возмездия. Она нуждалась в человеке, который мог бы избавить ее от комплекса вины. – Джейн помедлила и добавила: – Стелла Дагер нуждалась в любви. Это одно из главных человеческих побуждений, основная психологическая мотивация. Моя догадка состоит в том, что это были отношения по образцу взаимозависимости. Возможно, с самого начала Стелла Дагер не имела намерения идти до конца. Она лишь потакала планам Готтмана. Но его роковой диагноз и смерть единственного близкого друга могли послужить спусковым крючком, побудившим ее к действию. В память о Готтмане. Она потеряла последнего доброго друга, или даже единственного друга, и ей больше нечего было терять. Это было что-то вроде жизненного эндшпиля.

Джейн подошла к доске и пожевала нижнюю губу.

– Но, по-моему, тут есть неувязка, – она указала на посмертную фотографию тела Кэти Колбурн с высунутым языком, сделанную в морге. – И вот здесь, – она постучала по фотографии тела Берта Кундеры и повернулась к ним.

– Мясницкий тесак в затылке этого мужчины? Смотреть в глаза матери маленького ребенка перед тем, как повесить ее? Дважды воткнуть нож в шею Джекки Блант? – она покачала головой. – Это слишком дикая и кровавая история. Чрезмерное насилие. Судя по моей психологической оценке Стеллы Дагер, это не соответствует ее образу действий.

– Несмотря на показания Деборы Стронг? – спросил Мэйсон.

Джейн поджала губы и нахмурилась.

– Я могу понять, что Стелла Дагер отравила Дэна Уитлока морепродуктами. И теперь у нас есть запись камеры безопасности из отеля «Тандерберд», где видно, как Стелла подменила тарелку с едой перед входом в номер Уитлока, прежде чем постучаться в дверь и передать заказ.

– И у нас есть хронологические отметки, доказывающие, что Стелла Дагер передала тарелку с отравой незадолго до встречи с остальными членами экскурсионной группы на причале для гидроплана, – сказал Филдинг.

– По заключению патологоанатома, причиной смерти Уитлока был анафилактический шок от аллергенов, которые содержались в морепродуктах, – добавил Мэйсон. – Сотрудники отеля утверждают, что они не клали никаких морепродуктов в омлет, заказанный Уитлоком на завтрак.

– Если Стелла Дагер отравила Дэна Уитлока, то отравление доктора Стивена Бодена ядовитыми грибами согласуется с ее *modus operandi*, – Джейн кивнула. – В целом отравление как способ убийства больше свойственно женщинам. Насилие встречается реже.

Слова Деборы Стронг эхом отзывались в голове Мэйсона.

«В лицо… она выстрелила ему прямо в лицо. А потом в грудь. Натан стал отползать подальше от нее; он сидел прямо у костра. Тогда она застрелила и его… Моника побежала в лес. Пока она спотыкалась и кричала, Стелла выстрелила ей в спину. Она упала…»

– Значит, вы считаете, что Дебора Стронг лжет насчет роли Стеллы в других убийствах? – спросил он полицейского психолога.

– Показания Деборы Стронг не согласуются с моим психологическим профилем Стеллы Дагер, – осторожно ответила она. – Убить человека, когда стоишь лицом к лицу, гораздо труднее, чем думают многие. В контексте биологического вида мы чаще всего сражаемся друг с другом ради господства и сохранения иерархии. Это значит, что когда противник просит пощады, то схватка прекращается. Сходный образ действий наблюдается у большинства видов. Мы решаем разногласия по вопросу о старшинстве с помощью насилия, но стараемся не прибегать к убийству, так как это способствует выживанию вида в целом. Даже солдат нужно обучать и специально готовить, чтобы они могли убивать других людей. Это неестественное поведение для большинства из нас, и хотя оно может быть воспитано, но взимает тяжелую психологическую дань.

Какое-то время она молча рассматривала фотографии мертвых тел.

– Убивать с помощью ножа особенно трудно в психологическом смысле, – тихо продолжала она. – Это требует больших усилий,

особенно если человек не находится в ярости и его чувства не преодолевают логическую функцию мозга. Это грязная работа.

Мэйсон изучал большой снимок Деборы Стронг.

– Значит, если Стелла Дагер не убивала Натана Макнила, Стивена Бодена и Монику Макнил выстрелами из ружья, то она определенно не убивала Джекки Блант, Берта Кундеру или Кэти Колбурн, – наконец сказал он. – Если исходить из того, что в лесу не было другого человека, который выслеживал и убивал их, то… – Он повернулся к коллегам.

– То остается Дебора Стронг, – заключил Филдинг.

– И она отчаянно пытается скрыть правду о своем прошлом, – добавила Джейн. – Также весьма вероятно, что ей уже приходилось убивать, если вспомнить обстоятельства гибели ее брата. Она с детства научилась метать топорик, и для нее было более естественно взять мясницкий тесак и метнуть его кому-то в затылок. Она была наркоманкой и занималась организованной проституцией, а этот бизнес тесно связан с насилием. Деборе Стронг приходилось делать суровый выбор ради выживания. Она *хотела* выжить и до сих пор нуждается в этом. Я не вижу в характере Стеллы такого страстного стремления к выживанию. – Она помедлила, остановив взгляд сначала на Филдинге, потом на Мэйсоне. – А в стихотворении сказано, что остаться может только один. Должно быть, Дебора сразу же уловила суть «игры»; она поняла, что происходит, и повернула ситуацию в свою пользу. Она делала все возможное, чтобы перехитрить остальных, переиграть… и в конце концов убить их. Пока не осталась только она.

Мэйсон похолодел внутри, когда вспомнил, как Дебора Стронг смотрела ему в глаза и рассказывала, как Стелла убивала всех остальных.

Но может быть, не должен выжить ни один. Он рефлекторно напрягся и посмотрел на часы.

– Отставной детектив из Альберты, с которым я разговаривал об уголовном расследовании убийства Бориса Василева, считал, что Дебора, – или Катарина Василева, – была виновна в убийстве своего брата, – сказал Филдинг. – Им так и не удалось это доказать, хотя тот детектив старался изо всех сил. По его словам, в ретроспективе у него сложилось впечатление, что это была самооборона со стороны

Катарины. Расплата за сексуальное насилие. С ее точки зрения, старший брат получил по заслугам.

Джейн кивнула.

– Да, это инстинкт самосохранения. Дебора Стронг – эксперт по выживанию. Она готова сделать что угодно ради жизни и будущего процветания; она восстановила свое доброе имя и чувствовала, что может все потерять. Это очень сильный мотив.

– Дело в доказательствах, – сказал Мэйсон. – Если Дебора Стронг не заговорит или не допустит оплошность, то нам понадобятся доказательства ее причастности к убийствам. У нас есть результаты анализа ДНК с рукоятки ножа, которым убили Джекки Блант, или отпечатки пальцев с мясницкого тесака?

Филдинг посмотрел на часы.

– Мне сказали, что сегодня мы получим эти результаты. Они уже должны поступить.

Зазвонил спутниковый телефон Мэйсона. Он отступил в сторону и принял звонок.

– Мэйсон, это Келли.

Ощущение тепла нахлынуло на него при звуках ее голоса.

– Я слушаю, Келли.

– Мы нашли камеру. Команда К9 обнаружила камкордер Кэти Колбурн. Он находился в воде, ремешок зацепился за камни на речном берегу.

Мэйсон ощутил прилив адреналина. Возможно, это решающая улика, которая позволит раскрыть дело.

– В каком состоянии камера?

– Она довольно побита, но, судя по всему, еще функционирует. Это одна из камер для экстремального отдыха с ударопрочной и влагостойкой конструкцией.

Его пульс участился, и он невольно улыбнулся:

– Хорошая работа, Поиск-один. Дьявольски хорошая. Спасибо.

Келли рассмеялась:

– Конец связи, сержант.

Мэйсон дал отбой. Филдинг и Джейн напряженно смотрели на него.

– Они нашли камеру Кэти Колбурн. У реки, где упала Стелла Дагер.

В этот момент затрещала рация у него на поясе.
– Сержант Денье! Сержант!
Хабб.
Он поспешно принял вызов.
– Доложите обстановку, Хабб.
– У нас экстренная ситуация. В больнице.

Сейчас

Стелла

Я нахожусь в темном, туманном месте, но здесь тепло. И мягко. Вроде океана с тепловатой водой, и я плыву, поднимаюсь и опускаюсь на мелкой зыби. Красный солнечный свет просачивается сквозь закрытые веки. Потом меня подхватывает большая волна, и я поднимаюсь все выше, пока не соскальзываю в ложбину между гребнями. Внезапно я ухожу под воду. Вниз, вниз, вниз по спирали, все глубже и глубже. Волосы развеваются вокруг моей головы. Становится все темнее и холоднее. Вода стискивает грудную клетку и давит на барабанные перепонки. Поднимается паника. Я начинаю барахтаться. *Здесь нет воздуха.*

Помогите!

Все глубже и быстрее. Я барахтаюсь в воде, пытаясь подняться к поверхности. Но что-то тянет меня за лодыжки, что-то сильное затягивает меня на темное дно.

Внезапно появляется силуэт. Я плохо вижу под водой, но слышу голос. Он исходит изнутри, но это не мой голос.

Нет, нет, не сопротивляйся. Все будет хорошо, Стелла.

Я замираю.

Франц? Это ты, Франц?

Расслабься. Все будет в порядке. Отдайся этому.

Франц? Это ты?

Теперь я успокоилась и моргаю, стараясь лучше рассмотреть это странное место.

Я умерла, Франц?

Я слышу его смех – озорное, утробное кудахтанье, которое я так любила, – исходящий из темного угла в роскошном, фантасмагорическом кабинете его старого особняка в Галиано. Я почти ощущаю запах превосходного виски в его бокале и ароматный дым кубинской сигары. Почти слышу тихое потрескивание дров в каминном очаге. Я улыбаюсь…или чувствую, что улыбаюсь. Мое тело

немного приподнимается при звуке его голоса. *Я умерла. Так должно быть. Потому что Франц мертв, а значит, я нахожусь здесь вместе с ним. Но где именно?*

Я пытаюсь повернуть голову, чтобы увидеть это место, но движение затягивает меня в калейдоскопический водоворот кружащейся воды. Появляются другие звуки, обрывки слов. Механизмы. Запах антисептика. Женский голос. Луч холодного света пронзает и слепит меня; его источник находится где-то высоко наверху.

Я снова поднимаюсь вверх. Вверх. Вверх.

Я слышу крик. Звучит сигнал тревоги.

Я нахмуриваюсь. Неожиданно я останавливаюсь и начинаю опускаться, туда, где находится Франц.

Я никого не собиралась убивать, Франц. Я даже не знаю, убила ли я Дэна Уитлока, – не знаю, умер ли он в конце концов…

Я улетела прежде, чем успела узнать, как сильно он пострадал и удалось ли ему выжить…Ты был прав в одном, Франц, – собери кучку людей с темными секретами вместе, отрежь им путь к отступлению, напугай их – и тогда ты даже не сможешь представить, как обернется дело. Но, как ты и говорил, всегда происходит одно и то же. Они всегда превращаются в зверей под влиянием своих внутренних чудовищ.

А потом они набрасываются друг на друга.

Мои глаза наполняются слезами. Я снова вижу изломанное тело моего мальчика, лежащее на мостовой. Дождь падает на его невинное лицо, затекает в его открытый, незрячий глаз. Я протягиваю руку в этом странном и темном чистилище, вслепую ощупываю пространство вокруг себя.

Мамочка.

Невероятный, душераздирающий момент.

Зик? Эзикиел?

Мама?

Ты здесь, мой мальчик?

Я так долго хотела умереть. Я была полностью готова к такому концу. Я собиралась повеситься в лесу или просто сгинуть в глуши. После того как они посмотрели мне в глаза и сказали, как они сожалеют о том, что сделали с моим маленьким мальчиком.

Эзикиел, милый, где ты?

Внезапно он оказывается здесь, в глубокой тени перед Францем. Он сидит на табуретке, ест «Тути-Попс» и смотрит мультфильм. Здесь стоит вечное субботнее утро с лимонно-желтым солнечным светом, проникающим сквозь лиственные кроны перед нашим домом в Китсилано. У меня перерыв между двумя рейсами.

Милый?

Он поднимает голову и улыбается той самой улыбкой с ямочками на щеках, которую я так люблю. Я подхожу к нему и целую его в затылок. Его волосы пахнут сеном и мягким щенком. Мое сердце поет. Я ставлю кофе и делаю тосты.

Кухня наполняется запахом кофе и свежего жареного хлеба. Клубничным ароматом «Тути-Попс», залитых молоком. Мне сладостны эти запахи. Мой сладкий, мой дорогой мальчик. Чистая сладостность жизни.

Какой-то шум. Холодно, темно. Снова начинаются гудки. Тревога! Запах антисептика. Серебристо-белый свет такой силы, что режет глаза. Два голоса – мужской и женский. Они спорят или ссорятся друг с другом? Потом все начинает меркнуть. Мои мысли приходят в смятение. Меня тянет прочь от Зика, прочь от Франца – дергает, отрывает от них.

Нет… нет. Я тянусь к Зику. Он протягивает руку навстречу.

Мамочка! Не оставляй меня! Мама!

Зик! Его рука… Она вдруг лежит неподвижно на холодной и темной улице. Кровь течет у него изо рта, и дождь собирается лужицами вокруг его лица. Я захлебываюсь слезами.

Зик.

Я слышу голоса. Я снова дышу, я больше не под водой. Я слышу звучный мужской голос, который говорит: «Дебора Стронг, отойдите от кровати. Вы арестованы. Вы имеете право хранить молчание и обратиться к адвокату по вашему выбору…»

Паника вползает в мое сердце.

Полиция? Здесь? Где… В больничной палате. Нужно сказать…

Но я не могу прорваться через пелену. Не могу пошевелиться. Я пытаюсь говорить, но не издаю ни звука.

Нет, Стелла, не паникуй. В этом нет нужды. Ты можешь сделать выбор. Это просто: выбери, и все.

Франц, это твой голос?

Мамочка.

Я замираю при звуках этого голоса. Отворачиваюсь от больничных звуков, от полиции, от ощущения того, что Дебора находится где-то рядом. Я поворачиваюсь к Зику и Францу.

Я чувствую, как опускаюсь вниз, вниз, вниз. И там, на дне, больше не холодно. Там тепло и мягко. Наверное, так чувствует себя ребенок в материнской утробе.

На этот раз я опускаюсь еще ниже по спирали, тихо и приятно. Все так чудесно.

Зик здесь. Он улыбается. Я опускаюсь на корточки и раскрываю объятия.

Он бежит ко мне, сверкая ободранными коленками. Врезается в меня, и мы падаем на зеленую траву, усеянную желтыми одуванчиками. Я смеюсь и глажу его волосы.

Ты пришла, мамочка.

Я не могу говорить; чувства слишком сильны. По моим щекам текут слезы. Я киваю и глажу его волосы. Голос возвращается ко мне.

Я больше никогда не оставлю тебя, Зик.

Франц неожиданно оказывается передо мной. Уголки его рта изгибаются в загадочной полуулыбке. Струйка дыма поднимается от сигары в его руке.

Я это сделала, Франц. Я беру сына за плечи и заглядываю ему в глаза; они такого же цвета, как и у меня. *Я это сделала, Зик*.

Они страдали. Я *заставила* их страдать. В конце концов они поняли, почему оказались там, но стоило ли оно того? Было ли это правосудием? Разве их наказание сделало меня счастливее? Мне не нравилось причинять им боль. Это были обычные люди, которые пытались выжить. Все, даже Стивен.

Но самое главное, теперь я свободна, потому что мне больше ничего не нужно от них. Мне нужно было отпустить их.

Поэтому я простила их.

На самом деле прощение – это освобождение от ненависти и жалости к себе, которые разъедают мозг, словно раковая опухоль, день за днем и год за годом. Это все, что нам нужно, не так ли? Отпустить боль, не позволить ненависти управлять нами и наконец обрести свободу?

Зик обнимает меня за шею, и я тону в его любви, в его прикосновении. Я дома. Я наконец-то вернулась домой, после стольких лет боли.

И мы стали одним целым.

Сейчас

Мэйсон

Мэйсон остановил служебный автомобиль возле маленькой больницы, не выключая двигатель. Хабб взволнованно расхаживала перед деревянным пандусом; ее выдохи белыми облачками клубились у розового лица.

Она побежала к машине, как только Мэйсон открыл дверь.

– Подгорски остановил ее, сэр! – с почти свирепым выражением на лице сообщила она. – Как вы и сказали, мы просто следили за ней, не показываясь на виду. Подгорски был на месте, ждал за занавеской. Я последовала за ней; после выхода из участка она направилась прямо сюда. Все, как вы и думали. Она заглотила наживку вместе с крючком. Я передала ему по рации, что она входит в больницу. Он держался скрытно, но не упускал ее из виду на тот случай, если она что-то сделает с жертвой. Она попыталась отключить дыхательную трубку, сержант. Дебора Стронг попыталась убить Стеллу Дагер.

– Где она? И где Подгорски?

– Он удерживает Дебору Стронг внутри. Он арестовал ее и заковал в наручники. – Она помедлила. – Сэр?

– Что еще, Хабб?

– Она мертва, сэр.

– Дебора Стронг?

– Стелла Дагер. Врачи объявили ее мертвой.

– Но вы сказали, что Стронг лишь попыталась…

– Да. И Подгорски помешал ей отключить искусственную вентиляцию. Но Дагер все равно умерла.

Мэйсон смотрел на нее, усиленно размышляя. Он мог быть виноват в случившемся. Подгорски мог быть виноват в случившемся. Он прошел мимо, перескакивая через две ступеньки, и распахнул дверь больницы.

– Сюда, сержант, – Хабб поспешила указать ему дорогу.

Она быстро шла вразвалочку по коридору, неуклюжая в служебном бронежилете под курткой, и приоткрыла дверь, ведущую в маленькое служебное помещение. Подгорски стоял рядом с Деборой Стронг, со скованными руками сидевшей на пластиковом стуле, безумно озираясь по сторонам.

Лицо Подгорски было суровым, когда он встретился взглядом с Мэйсоном.

– Я зачитал ей гражданские права, сэр, – произнес он в нехарактерной для него попытке выглядеть официально. – Она потребовала адвоката.

Мэйсон заглянул в глаза Деборе Стронг, и она бестрепетно выдержала его взгляд.

– Я не сделала ничего плохого. Я ее не убивала. Это она убийца. Она все это сделала.

– Отвезите ее в участок, – велел он Подгорски. – Хабб, отправляйтесь с ними. Оставайтесь рядом с ней и не спускайте с нее глаз.

Он вызвал Горда Филдинга по спутниковому телефону.

– Мои сотрудники скоро привезут Дебору Стронг. Стелла Дагер умерла. Я собираюсь поговорить с ее врачом.

Мэйсон дал отбой и обнаружил врача рядом с телом Стеллы Дагер. На ее простынях и подушке была кровь. Его сердце учащенно забилось.

Врач поднял голову, когда он вошел. Его лицо было хмурым и сосредоточенным.

– Мне очень жаль, сержант, но она умерла.

– Что произошло? – Мэйсон покосился на трубки и аппарат для вентиляции легких.

– Обширный инсульт, – мощное мозговое кровоизлияние, вероятно, вызванное травмой головы. Это случилось очень быстро. Мы ничего не могли поделать.

Мэйсон судорожно вздохнул. Он наклонился к Стелле Дагер и посмотрел ей в лицо. В уголке ее рта и под носом запеклась кровь. Пятна крови остались на подушке под ее головой. Но что-то в чертах ее лица подсказывало Мэйсону, что она наконец обрела мир с собой.

Он сглотнул, ощущая странное сочувствие, к которому примешивалась горькая досада. Они потеряли ключевого свидетеля.

– Подозреваемая… это сделала Дебора Стронг? – резко спросил он.

– Как я и сказал, скорее всего, это был результат травмы, полученной ранее.

– Значит, это случилось бы независимо от того, что недавно произошло в палате между моим сотрудником и подозреваемой?

– Таково мое предположение, – врач потянулся к простыне. – Аутопсия подтвердит его.

Значит, Подгорски не виноват. Это не ошибка следствия, допущенная с его стороны. Мэйсон глубоко вздохнул, только теперь осознав, что он затаил дыхание. Он смотрел, как врач накрывает простыней лицо Стеллы Дагер.

С этого момента сотрудничество Деборы Стронг представлялось маловероятным. Теперь извлечение визуальной информации из поврежденной камеры Кэти Колбурн приобретало решающее значение.

Мэйсон покинул маленькую больницу и вышел навстречу ветру. Он немного постоял на обочине. Перед его мысленным взором был Люк, по замерзшей улице бегущий к нему со школьным рюкзачком, болтавшимся на спине, с взъерошенными ветром волосами. Он слышал смех Дженни. Он чувствовал их присутствие. Холодный горный воздух обжигал легкие. Да, они последовали за ним сюда, в этот уединенный городок посреди дикой глуши. Но по какой-то причине Мэйсон больше не пытался обогнать их. Ему было хорошо иметь их рядом с собой. Своих личных призраков.

Он подтянул молнию на куртке и зашагал к своему автомобилю.

Сейчас

Мэйсон

Пятница, 13 ноября

Через пять дней после смерти Стеллы Дагер и ареста Деборы Стронг Мэйсон сидел в диспетчерской вместе с Флемингом, Джейн и Хабб и просматривал видеозапись, извлеченную из камеры Кэти Колбурн.

Филдинг и Джейн оставались в городе для дополнительных допросов Деборы Стронг. Но она заручилась поддержкой адвоката и молчала во время допросов, отказываясь от какого-либо сотрудничества. Рано утром судебные приставы отвели ее на самолет для транспортировки в Ванкувер. Филдинг и Джейн должны были улететь следующим рейсом, но техники прислали часть восстановленной записи для предварительного просмотра.

Они смотрели в сосредоточенной тишине, как Стелла тихо говорит в объектив камеры в маленьком круге света посреди черного леса, – зловещая виньетка, напоминавшая Мэйсону иллюстрации в старинных мрачных сказках.

– Не думаю, что мы еще долго протянем. Стивену становится все хуже. Быстрее, чем я думала. Я… *я даже не уверена, что записываю правильно*.

Стелла подалась вперед; ее лицо побледнело и увеличилось, когда она приблизилась к свету. Камера задрожала. Стелла повернула ее на древесном пне и снова посмотрела в объектив.

– Я веду запись потому, что хочу задокументировать события. Не уверена, что камера или наши останки когда-либо будут найдены и кто-то вообще узнает о том, что случилось. Это была идея Франца. Мой дорогой, гениальный Франц… – Ее голос осекся. Она вытерла нос и откашлялась.

Мэйсон ощутил сопереживание как давление в груди. Его сердце забилось чаще. Он обменялся взглядом с другими полицейскими и

увидел, что они были напряжены не меньше его. Им так же сильно хотелось узнать о событиях в лесу.

Стелла продолжала хриплым голосом:

– Он сказал, что я должна пройти через это, хотя и понимал, что скоро умрет. Он подал идею, вдохновленную романом Агаты Кристи о десяти негритятах. Персонаж, игравший роль судьи в этой книге, тоже умер. Он оставил сообщение в бутылке, где объяснил, что случилось на самом деле. Это мое послание в бутылке.

Она помедлила, шмыгнула носом и утерла лицо рукавом.

– С тех пор как убили Зика, я всегда желала расплаты. За моего сына. За меня. За мою семью. Я хотела, чтобы водителя поймали и предали суду. Примерно наказали его. Я хотела, чтобы все они заплатили за содеянное. Но справедливость так и не восторжествовала. Мне никто не помог. Заговор молчания скрыл правду.

Стелла надвинула на уши шерстяную шапку.

– Я больше не знаю, что такое справедливое возмездие. Раньше я думала, что знаю. Я знала, чего хочу. Я хотела, чтобы они заплатили за свои дела. Чтобы они страдали и знали, *почему* они страдают. Чтобы они пожалели о содеянном. Но то, что я сделала, не вернет Зика. Может быть, правда – это сама по себе благородная цель… я не знаю. Но ради этой правды я сделала то, что предложил Франц. Я последовала плану, который он привел в действие. Сегодня вторник, третье ноября, и вот что я сделала…

Гости в лесном доме

Дебора

Вторник, 3 ноября

Дебора проснулась и резко выпрямилась. Было темно. Тихо и холодно. Угли в костре еще не прогорели. Ее пронзил страх, она не собиралась засыпать, когда волки находились так близко. Прошлым вечером, в сумерках, они видели одного из них. Большой и черный, с желтыми глазами. Он наблюдал за ними из-за деревьев. Натан бросил камень, и волк убежал, но они знали, что стая бродит где-то рядом.

Они ждали.

Что разбудило ее? Дебора поежилась и вгляделась в сумрачные тени. Опустился густой туман. С деревьев капало. Так ничего и не увидев, она обернулась к темным фигурам у костра.

Стеллы не было.

Сердце Деборы гулко застучало в груди. Она прислушалась к тихим лесным звукам и услышала тихое совиное уханье. Никаких волков. Шелест воды: моросящий дождь над лесным пологом. Она замерла. Что это там, женский голос? Разговор?

Дебора бесшумно поднялась на ноги. Она потянулась за налобным фонарем и заряженным ружьем, прислоненным к бревну. Другие не проснулись. Стивен находился на грани жизни и смерти. Натан тоже – он страдал от лихорадки, то дрожа, то потея от инфекции после открытого перелома на ноге. Временами он начинал бредить. Моника была психически сломлена. А теперь Стелла куда-то ушла, и Дебора слышала ее бормотание где-то в глубине леса.

Она подкралась к краю рощи и направила во тьму тонкий луч своего налобного фонаря. Снова прислушалась. Ей было страшно. Вокруг бродили дикие звери. Она ощупала спусковой крючок и напомнила себе, что знает, как пользоваться ружьем. Дело было давнее, но она все хорошо помнила.

Она медленно кралась по мягкому лесному ложу, заросшему губчатым мхом и усыпанному хвойными иглами. Когда она снова прислушалась, голос звучал громче. Она направилась в ту сторону.

Вскоре она увидела слабый свет налобного фонаря. Он мерцал в тумане и временами исчезал в густой мгле. Она выключила свой фонарь и подкралась еще ближе. Голос Стеллы стал громче. Она с кем-то разговаривала.

Дебора обошла крупное дерево и увидела Стеллу. Ее сердце учащенно забилось.

Стелла сидела на бревне. Она направляла свет фонаря на пень перед собой. Там находилась камера с мигающим красным огоньком. Шла запись.

Камера Кэти Колбурн; Стелла взяла ее с собой. Теперь она записывала свой голос.

У Деборы пересохло во рту. Держа ружье наготове, она подошла немного ближе и сместилась под тень от дерева. Она ждала и слушала.

– Не думаю, что мы еще долго протянем, – тихо сказала Стелла. – Стивену становится все хуже. Быстрее, чем я думала…

Дебора испытала тошнотворное, холодное ощущение вторжения в чужую жизнь. Она не шевелилась, зачарованная этой светящейся виньеткой в средоточии вековечного леса. Завороженная, напряженная, она наблюдала, положив палец на спусковой крючок.

– Я следовала плану, который он привел в движение. Его сценарию. Я заманила посетителей. Подготовила реквизит, включая ядовитые грибы и деревянные фигурки, заказанные Францем, которые были предварительно доставлены туда и собраны таким образом, чтобы я могла легко обезглавить их. Я делала это каждый раз, когда кто-то умирал или пропадал без вести, хотя и не принимала участия в их смерти. Потому что я никого не убивала – во всяком случае, собственными руками.

Дебора едва не поперхнулась. Ее сердце было готово выскочить из груди. Она наклонилась, приоткрыв рот, и задышала быстрее.

– Я поставила тарелку с грибами на кухне, – продолжала Стелла. – Для того чтобы усилить психическое напряжение. Для того чтобы подозрение пало на Натана, грибного профессора. Все знали, что он был микологом. Я инсценировала поломку рации на гидроплане. Я привезла картину, заказанную Францем. Я сделала это несколько

недель назад, когда привезла бакалейный пакет, книгу, шахматную доску с фигурками, ружье и патроны к нему. Я привезла бензин для генератора в дровяном навесе. Консервы, чтобы мы могли продержаться какое-то время, сколько понадобится. Я вложила в книгу стихотворение, написанное Францем. Я изучила маршрут, по которому в итоге повела остальных, хотя и знала, что это ни к чему не приведет, что мы никогда не доберемся до Клуэйн-Бэй. Во всяком случае, вовремя. До того, как ляжет снег. До того, как придет помощь. Потому что я забрала с собой записку для спасателей, которые могли прийти за нами.

Дебора подалась еще ближе; горячая ярость вскипала в ее сердце. Ее палец дрожал на спусковом крючке. Все это время она держалась и притворялась невинной жертвой в ожидании того, пока все остальные умрут и останется только она одна. А потом придет помощь. Она была уверена в этом. Потому, что они оставили записку.

– Но вот чего я не делала. Я не резала канаты и не упускала мой самолет. Я не знаю, что случилось с Джекки Блант. Я не убивала Берта Кундеру. Я не клала ядовитые грибы в тарелку Стивена. Я не вешала Кэти Колбурн. Но я знаю, кто это сделал. И если вы просмотрите съемку до этой записи, то сами все услышите. Вы услышите, как Дебора Стронг заставила Кэти Колбурн влезть на стул под угрозой ножа. Вы услышите, как Дебора угрожала убить дочь Кэти, а потом вы услышите звук стула, выбито- го из-под ее ног, потому что Кэти догадалась, кто она такая. Дебора Стронг не хочет, чтобы правда вышла наружу. Вы услышите, как умерла Кэти Колбурн.

Черт! Черт-черт-черт! Она не может так поступить со мной! Если кто-то узнает, то со мной покончено.

Дебора вышла из тени.

– Прекрати, Стелла! Немедленно прекрати это!

Стелла обернулась, изумленно приоткрыв рот.

Дебора прицелилась ей в голову и включила свой налобный фонарь.

– Отойди от камеры. Немедленно. Давай!

Стелла медленно поднялась на ноги. Ее лицо было мертвенно-бледным.

– Ты психопатка! – рявкнула Дебора. Ее начало трясти, так что ружье в ее руках заходило ходуном. – Знаешь что? Ты больная на всю

голову!

Стелла медленно вытянула руки перед собой и шагнула назад.

– Дебора, опусти ружье.

– Почему? Потому что кто-то умрет? – Она дико расхохоталась. – Лишь один из нас останется жить. Должен остаться *только один*, Стелла. Так сказано в стихотворении. И это буду я.

– Дебора. Пожалуйста, опусти ружье.

За ее спиной треснула ветка, и в то же мгновение раздался мужской голос:

– Что происходит?

Дебора развернулась на месте.

Стивен. Согнувшийся пополам и опиравшийся рукой на древесный ствол.

– Дебора, послушай ее, – слабым голосом прохрипел он. – Просто… положи ружье. Нам понадобятся пули… когда придут волки.

Он нетвердо шагнул к ней. Дебора напрягла палец на спусковом крючке; ее сердце обожгло лютой ненавистью.

– Стой, где стоишь!

Он сделал еще один шаг.

– Стой, Стивен, или я выстрелю. Знаешь почему? Мне *хочется* убить тебя. Если бы ты не сшиб насмерть ребенка Стеллы, мы бы не оказались здесь, посреди этого безумного кошмара!

Стелла за ее спиной сдавленно простонала. Но Дебора смотрела только на Стивена, держа палец на спусковом крючке. Кровь грохотала у нее в ушах.

Шатаясь, почти не в состоянии управлять собой, Стивен снова шагнул вперед.

Дебора вскинула ружье и выстрелила.

Стивен замер как вкопанный. Она затаила дыхание. Он смотрел ей в глаза, щурясь от света фонаря. На его груди расцвело темное пятно. У него подогнулись колени, и он протянул к ней руку, словно умоляя о помощи.

А потом с глухим стуком упал на землю.

Гости в лесном доме

Стелла

Стелла отпрянула, когда Дебора развернулась и прицелилась в нее. Ее пульс зашкаливал, но ее взгляд был прикован к Стивену и к темному пятну, расплывавшемуся у него на груди.

– Выключи камеру! – завопила Дебора. – Немедленно!

Стелла сглотнула и осторожно двинулась к камере, глядя на ружье в руках Деборы. Она выключила камкордер, и красный огонек перестал мигать.

Стивен застонал и приподнял голову. У Стеллы перехватило дыхание; она инстинктивно рванулась к нему.

– Стой! – рявкнула Дебора. – Держись подальше от него. Возвращайся к костру.

Стелла повернулась к ней.

– Я иду к Стивену.

– Тогда я убью тебя. Можешь не сомневаться.

Но Стелла все равно пошла к Стивену. Ее ладони вспотели, во рту пересохло… В голове звенело. Она опустилась на корточки рядом со Стивеном.

– Стивен? – тихо сказала она.

Их взгляды встретились в темноте, и она содрогнулась от боли, которую увидела в его глазах. Ее мысли бумерангом вернулись к тому дню, когда она стояла на коленях на мокрой мостовой и смотрела в глаза своего сына. Этот человек убил ее ребенка. А потом сбежал.

– Стелла, – прошептал он, и темная кровь запузырилась в уголке его рта. – Я… убил его. Я убил твоего мальчика. И… мне очень жаль, – он кашлянул и с хлюпающим свистом втянул глоток воздуха. – Мне так жаль…

Слезы хлынули из глаз Стеллы и заструились по щекам. Она задрожала. Вся ее ненависть… вся ее жгучая обида на мир разлетелась вдребезги. Вот до чего дошло. С мокрым от слез лицом она посмотрела на лесной полог, на древние кроны, тысячи лет

произраставшие в этих местах. Она услышала волчий вой и на мгновение ощутила бесконечность леса и окружающей вселенной.

Она чувствовала, что Зик где-то близко.

Все вдруг утратило былое значение. Что-то внутри ее освободилось, и она зарыдала, вздрагивая всем телом.

Стивен потянулся к ее руке. Кончики его пальцев были холодными как лед, когда они прикоснулись к ее коже.

– Я… я испугался, Стелла, – он кашлянул и захлюпал, втягивая воздух. – Я… эгоист. И я испугался. – Он попытался сделать очередной вдох, и у него изо рта пошла кровавая пена. – Я… заслужил расплату. Я… заслужил… такую смерть. Пожалуйста… пожалуйста, прости меня.

Стивен замолчал, глядя на нее. Кровь, которая в темноте казалась черной, тонкой струйкой вытекала из уголка его рта.

Она посмотрела на Дебору. Женщина казалась застывшей, ее лицо было мраморно-белым под налобным фонарем, похожим на глаз Циклопа.

Стелле вдруг захотелось убежать. Она получила от Стивена то, за чем она пришла сюда. А теперь, среди голода, боли, изнеможения, огромных расстояний, бескрайних лесов и гор, все выглядело по-другому. Ей больше не хотелось иметь ничего общего с этим позорным кошмаром, который она сама привела в действие вместе с Францем.

Но другая ее часть не хотела никуда бежать. Она создала все это. Это была *ее* ответственность. И ей некуда было идти; она не могла вернуться домой. И если она собиралась умереть здесь, то сделает это на своих условиях, а не по воле Деборы. И не по воле Стивена. Она умрет как человек, сохранивший способность к состраданию.

– Я собираюсь оттащить его к костру, хорошо? – обратилась она к Деборе.

Ее слова как будто вывели женщину из неестественного оцепенения.

– Оставайся на месте. – По-прежнему направляя ружье на Стеллу, Дебора попятилась к камере, подхватила устройство и опустила в карман.

Стелла проигнорировала приказ Деборы. Она подхватила Стивена под мышки, приподняла и несколько дюймов проволокла по земле. Он

застонал от боли. Кровь быстрее заструилась у него изо рта. Стелла ощущала влажное тепло от сквозной раны в его груди.

Слезы брызнули у нее из глаз. Она набрала побольше воздуха и потянула сильнее. Стивен продвинулся еще на несколько дюймов; каблуки его ботинок оставляли глубокие борозды в глинистой почве.

Он вскрикнул от боли.

Стелла, ослабевшая от голода, в изнеможении опустилась на колени. Она тяжело дышала, отчаяние стесняло ей грудь.

– Оставь его, черт побери, – сказала Дебора, подошедшая к ним. – Просто оставь его.

По грязным щекам Стивена текли слезы. Его дыхание клокотало в пробитой груди. В Стелле вспыхнуло жаркое отвращение к Деборе.

Она снова попробовала тащить Стивена и продвинулась еще на несколько футов. Ее сапоги заскользили в грязи, и она упала, хрипя и отдуваясь.

В ее голове звучали слова Франца:

«Налет цивилизации очень и очень тонок, Стелла. Как хрупкая скорлупа птичьего яйца. Малейшее усилие может надломить его. И трещины появляются не там, откуда исходит свет. Они там, где зло просачивается наружу. Там, в этой темной жиже, обитают чудовища. Мои игры, мои сценарии… Они всего лишь помогают создавать эти трещины. Все остальное создается игроками. Они показывают, кто мы такие на самом деле, глубоко внутри, лишенные всех покровов. Дикие звери».

Стелла замерла, глядя на Циклопа с ружьем в руках. Она откашлялась и сплюнула в сторону.

– Я собираюсь сделать это, Дебора. Собираюсь оттащить его к костру. Туда, где Натан и Моника.

– Он все равно умирает. Завтра он все равно бы подох. Вы все умрете – с моей помощью или самостоятельно.

– Просто… дай мне умереть, – пробормотал Стивен. – Дай… умереть.

Он выкашлял темный сгусток крови и стал хватать ртом воздух. Стелла наклонилась ближе и мягко отвела мокрые и окровавленные волосы с его лица.

– Я положу тебя у костра. Рядом с остальными. Там теплее.

– Почему… почему, Стелла? Почему ты… добра ко мне?

– Потому что я не могу иначе. Я не могу оставить тебя здесь, Стивен. Не могу допустить, чтобы волки сожрали тебя заживо.

– Я убил твоего сына.

Стелла на мгновение задохнулась. Она заморгала, возвращаясь к действительности.

– Я знаю, – тихо сказала она. – И я не могу оставить тебя умирать здесь, как ты оставил моего сына. – Ее голос прервался от нахлынувших чувств. – Потому что… я выше этого, Стивен. Я лучше тебя. Я…

Впереди послышался треск, и Стелла замолчала. Дебора напряглась и повела стволом ружья в сторону звука.

Из сырого тумана появилась Моника.

– Что тут…? – Ее взгляд перескакивал со Стеллы и Стивена на Дебору. – Что это? Что случилось?

Она уставилась на Стивена. Какой-то нечеловеческий звук вырвался из ее горла, когда она рухнула на колени прямо в глину рядом с ними.

– Это ты сделала? – закричала Моника на Дебору. – Это ты застрелила его? Ты, кровавая сука, ты…

– Заткнись, мать твою, – отрезала Дебора. Она прицелилась в Монику. – И не вздумай выпендриваться передо мной – ты, старая богатая стерва! Ты тоже убила ее ребенка. Вместе с ним, – она дернула подбородком в сторону Стивена. – А твой муж подложил грибы в его тарелку.

Моника побелела.

– Что?

– Вставай и возвращайся к костру.

Моника посмотрела на Стеллу.

– Это правда? Это сделал Натан?

– Помогите мне, Моника, – сказала Стелла. – Помогите оттащить его к костру.

Моника тупо уставилась на нее, приоткрыв рот, – видение, сумасшедшая женщина со спутанными прядями волос, выбивавшихся из-под шапки.

– Моника, – сказала Стелла.

– Это правда?

– Сами его спросите. Он ваш муж. Но… помогите мне со Стивеном. Мы не можем оставить его здесь. Придут волки. Они чуют кровь.

Они поволокли его к костру. В их голодном, ослабленном, почти истощенном состоянии это потребовало неимоверных усилий. Наконец они с Моникой прислонили Стивена к мшистому бревну. С желтой кожей и белками глаз, с темной кровью, сочившейся изо рта, он лишь отдаленно напоминал человека.

– Прижмите перчатку к его ране, – попросила Стелла. Она не могла придумать ничего лучше. Они надели практически все, что взяли с собой.

– Что происходит? – спросил Натан, дрожавший возле угасающего костра. Его лихорадило; лицо было бледным и потным, руки тряслись. Моника опустилась рядом с ним.

Дебора встала по другую сторону маленького костра, обложенного камнями. Она направила ружье на Макнилов. Стелла осталась стоять. Ее мысли вращались по кругу, пока она смотрела на эту картину, пытаясь найти хоть какой-то выход из положения.

– Дебора застрелила Стивена, – тихо сказала Моника своему мужу.

– Почему?

– Натан, ты отравил его? – спросила Моника. – Это был ты?

Он встретился взглядом с женой, но ничего не сказал.

Она медленно поднесла руку ко рту и посмотрела на Стивена. В ее глазах блестели слезы.

– Я ненавижу его, – сказал Натан, стуча зубами. – Я ненавижу его и хочу, чтобы он умер.

– Тебя… тоже, Натан, – прошептал Стивен. – Яиц у тебя нет… кастрат ты этакий.

– Но посмотри, кто здесь умирает. Это *ты*, Стивен.

– Ох, заткнись ты! – рявкнула Дебора. – Все заткнитесь! Садись, Стелла.

Стелла метнулась за ружьем.

Дебора заметила ее бросок и отступила вбок, взмахнув прикладом. Стелла полетела вперед, размахивая руками, и Дебора с силой опустила приклад ей на голову. Раздался отчетливый хруст. Стелла почувствовала, как треснула кость. Удар отдался в челюсть, заставив ее

прикусить язык. Она попыталась удержать равновесие, но инерция швырнула ее вперед.

Она упала в грязь. Лес вокруг замелькал в головокружительном калейдоскопе. Тошнота волной поднялась из желудка. Лес потемнел. Время как будто растянулось. Внешние звуки уплыли куда-то далеко, словно в другое измерение. Стелла лежала на животе, повернув голову; ее щека упиралась в острые сосновые иголки. Она наблюдала за остальными сквозь полузакрытые веки, словно смотрела кино издалека. Она не могла пошевелиться.

Дебора двигалась как в замедленной съемке. Она прижала ружейный приклад к плечу и прицелилась в Стивена, беспомощно прислонившегося к бревну.

– Ты убийца. До свидания, Стивен.

Она нажала на спусковой крючок. Ее плечо отдернулось назад при отдаче; сухой треск выстрела породил многочисленные отголоски в лесу. Стайка птиц вылетела из кустов, хлопая крыльями. Между глаз у Стивена возникла черная дыра. Его руки безвольно упали, пожелтевшие глаза незряче уставились в пустоту. Челюсть медленно отвисла.

Моника завопила, как банши.

Дебора спокойно прицелилась в Натана и выстрелила. Пуля вошла ему в шею, и его тело содрогнулось. Моника вскочила и с протяжным криком побежала в мглистую тьму среди деревьев.

Головокружение Стеллы немного уменьшилось. Она могла шевелить руками и ногами. Она с усилием встала на четвереньки, потом поднялась на ноги. Зашаталась, выпрямилась, потом побежала в противоположную сторону от Моники. Грянул еще один выстрел.

Стелла обернулась, когда достигла укрытия на краю леса. Моника уползала на четвереньках, скользя и повизгивая. Пуля попала ей в спину.

Дебора круто развернулась и увидела Стеллу.

Стелла ахнула и нырнула под свод нависавших ветвей.

Гости в лесном доме

Стелла

Среда, 4 ноября

Стелла пряталась. Она сидела, привалившись к стволу могучей ели под пологом толстых ветвей, безмолвная и дрожащая. Кровь сочилась из раны у нее на голове. Она прислушалась к отдаленному карканью ворон, уханью совы и вою волков, который становился все громче. Она пыталась закрыть свой разум от кровавого ужаса последних событий, разыгравшихся на лесной поляне.

Она не имела представления, сколько времени провела под защитой ветвей старого дерева. Ей казалось, что она несколько миль вслепую ломилась через кусты, натыкаясь на стволы, поскальзываясь и снова поднимаясь на ноги. Дебора не пришла за ней. Может быть, потеряла след? Или она ждет, пока Стелла снова начнет двигаться и обнаружит себя?

Бледный серый свет нового дня просочился в лес. Видимость по-прежнему была ничтожной из-за тумана и редкого снега, падавшего с низко нависавших облаков.

Стелла выползла из-под дерева и прислушалась. Никаких признаков Деборы. Возможно, ей действительно удалось скрыться от убийцы. По оценке Стеллы, сейчас Дебора должна была двигаться к западу, в сторону озера. Она пошла через кусты и между деревьями, держа примерный курс на север. Она надеялась снова выйти на звериную тропу и повернуть обратно. Отчасти она была даже не уверена в том, почему попыталась убежать. Но другая часть ее существа была движима чистым упрямством и нежеланием отдать победу Деборе. Той самой Деборе, которая украла у Стеллы надлежащую концовку ее «игры». Деборе, которая так и не извинилась за свою роль в сокрытии убийства ее сына.

Она стиснула зубы, противясь холоду, сырости и пульсирующей боли в голове, и вдруг осознала, что ее силы питает еще более

глубокая потребность. Первобытная потребность выживания, запрограммированная в клетках и тканях ее тела. Стелла поняла, что еще не готова расстаться с жизнью.

Кому-то придется ей помочь.

Но только не Деборе. Никогда. Она отказывалась предоставить Деборе такую власть над собой.

Она шла через осиновые рощи, пробивалась сквозь колючие кусты, проходила плотные скопления хвойных деревьев. Воспоминания о том, что произошло на поляне, преследовали ее, словно хищные звери. Она слышала голос Стивена.

«Я убил твоего сына… Я… заслужил расплату. Я… заслужил… такую смерть. Пожалуйста… пожалуйста, прости меня».

Дебора нажимает на спусковой крючок. Треск выстрела. Выражение глаз Стивена. Хриплое карканье Натана.

«Я ненавижу его… Я ненавижу его и хочу, чтобы он умер».

«Тебя… тоже, Натан. Яиц у тебя нет… кастрат ты этакий».

«Но посмотри, кто здесь умирает. Это ты, Стивен».

Она пошла быстрее, стараясь обогнать их голоса. Ее мышцы горели. Холодный воздух резал горло и обжигал легкие. Из глаз потекли слезы. Она сорвалась на бег, ветви хлестали в лицо.

Внезапно перед ней появилась река.

Стелла остановилась. Тяжело дыша, она смотрела на воду.

Вода быстро и безмолвно струилась у ее ног, прозрачная как стекло над гладкими, окатанными камнями. Но слева от нее вода гремела и разлеталась белыми брызгами. Где-то там, в густом тумане, скрывался водопад.

Стелла помедлила и оглянулась. Она могла пойти в другую сторону.

Но вдруг за ее спиной раздался треск ветвей. Она развернулась. Дебора выходила из тумана, словно призрак с ружьем. Она бежала прямо к реке.

Сердце Стеллы подпрыгнуло к горлу. Она вошла в реку, и вода затекла ей в сапоги. От леденящего холода у нее перехватило дыхание. Течение тянуло ее в сторону. Чем глубже она заходила, тем мощнее становилась тяга. Вода доходила ей до бедер. Она нагнулась, преодолевая силу течения.

Поспеши. Поспеши.

Она услышала всплеск за спиной и оглянулась через плечо.

Дебора приближалась, мощно рассекая воду. Она держала ружье наперевес. И молчала.

Ее молчание было устрашающим. Она была упорным, немым, неотступным Чудовищем.

Стелла напрягалась изо всех сил, стараясь двигаться быстрее, но перенапряжение заставило ее оступиться. Она упала в воду. Холодный шок почти остановил ее сердце. Она размахивала руками и плескалась в воде, пока ее уносило ниже по течению. Она ударилась об камень, ухватилась за него онемевшими пальцами и удержалась на месте. Перевела дух и снова выпрямилась.

Потом подняла голову.

Дебора стояла посреди реки. Она вскинула ружье, тщательно прицелилась и нажала на спусковой крючок.

Стелла почувствовала удар одновременно с треском ружейного выстрела – ее как будто ударили в плечо деревянным молотком.

Шок пригвоздил ее к месту.

Медленно, очень медленно она повернула голову и посмотрела на свое плечо. Рваная ткань. Рваная плоть. Она приложила руку к ране. Теплая кровь протекала между ее заледеневшими розовыми пальцами. Она посмотрела на Дебору.

Дебора смотрела на нее, держа ружье в одной руке.

У нее закончились патроны. Больше нет патронов…

Но Стелла не могла преодолеть напор текущей воды. У нее не осталось сил. Из раны на голове снова потекла кровь. Она увидела, как Дебора достает камеру из кармана и колотит ее об камень. *Бац, бац, бац*. Правда, она не слышала звука ударов из-за грохота воды, ревущей в тумане за ее спиной.

Дебора подняла над головой разбитую камеру и помахала ею Стелле, а потом бросила в реку.

Стелла попыталась оттолкнуться от валуна, к которому прижималась. Она сделала шаг в сторону, попыталась отойти. Течение почти сразу же подсекло ей ноги, и она рухнула в воду. Она закружилась и понеслась к порогам перед водопадом. С налету ударилась головой об камень. Ее пронзила боль, и сознание снова стало ускользать от нее. А потом все померкло, и ее понесло лицом вниз к грохочущему водному провалу.

Сейчас

Мэйсон

Пятница, 13 ноября

Мэйсон вздрогнул от резкого хлопка, когда Дебора выстрелила в Стивена на видеозаписи. Они увидели, как упал Стивен Боден. У Мэйсона пересохло во рту. Он покосился на остальных.

Филдинг, Джейн и Хабб сидели в напряженном молчании, наблюдая за жестоким разворотом событий. Их лица были бледными и застывшими, не считая Хабб, на скулах которой проступили красные пятна.

Хабб встретилась с его взглядом.

– Дело сделано, – спокойно сказала она. – Мы взяли Дебору с поличным. У нас есть видеозапись, где она убивает Стивена. У нас есть признание Стеллы.

Он сглотнул, наклонил голову в знак согласия и вернулся к экрану.

– Выключи камеру! – рявкнула Дебора. – Немедленно!

Стелла направилась к камере. Экран почернел.

Филдинг отмотал запись назад. Они внезапно оказались в одной из комнат дома. Камера лежала на кровати, и одеяло большей частью закрывало обзор. Но они слышали, что там происходило.

Словно зачарованные, они слушали голос Деборы, которая угрожала ножом Кэти Колбурн, обещая убить ее дочь, если та не будет слушаться. Она заставила Кэти сунуть голову в петлю, а потом они услышали звук падающего стула, который вышибли у нее из-под ног.

Мэйсону стало нехорошо, когда он услышал клокочущий хрип и судорожные толчки, пока Кэти боролась за свою угасающую жизнь.

Потом они отмотали запись назад еще дальше и увидели прибытие группы под пеленой дождя. Дебору вытащили из прибрежных зарослей камыша, когда она упала в воду. А перед этим все стояли и улыбались на фоне желтого гидроплана и голубого неба на пристани отеля «Тандерберд».

Филдинг наклонился вперед и остановил просмотр. Он жестко провел ладонью по лицу.

– Вот черт, – пробормотала Хабб и откинулась на спинку стула. – Стелла не убивала их. Она даже не собиралась это делать – по крайней мере, своими руками. Интересно, думала ли она в самом конце, что ей удалось восстановить справедливость?

– Что такое справедливость? – сказала Джейн. – Что такое возмездие? Можно признать, что в конце концов она обрела желаемое. Она заставила их страдать. И они знали, *почему* страдают.

– Кажется, мне нужен горячий душ, – Хабб встала и потянулась.

Мэйсон тоже встал.

– Она права. У нас есть все необходимое для того, чтобы убрать Дебору с глаз долой. Надолго, очень надолго. Теперь она ваша, – обратился он к Филдингу и Джейн. И, честно говоря, он был рад тому, что все закончилось. У него не было уверенности в том, что все получили по заслугам.

– Хотите позавтракать с нами перед нашим отъездом? – спросила Джейн, когда стала собирать свои бумаги, а Филдинг начал убирать снаряжение.

Мэйсон взглянул на часы и покачал головой.

– Был бы рад, но у меня назначена деловая встреча, – сказал он. – С капралом Хабб и несколькими восьмилетними детьми.

– Елки-палки, – пробормотала Хабб. – Я едва не забыла. Следите за временем; Подгорски должен вот-вот заступить на смену, – она поспешно обменялась рукопожатиями с Филдингом и Джейн. – Для меня было честью работать с вами.

– Надеюсь на скорую встречу, капрал Хаббл, – сказал Филдинг. – В следующем году нам предстоят переводы некоторых сотрудников, и мы надеемся усилить нашу следственную группу ценными сотрудниками.

Она вспыхнула и широко улыбнулась.

– Спасибо, сэр. Есть, сэр, – сказала она и вышла.

Джейн на какое-то время удержала взгляд Мэйсона, пока они обменивались рукопожатием.

– Как вам здесь, нормально? – спросила она. – Уже освоились?

Он подумал о Келли. И о Бене, и о других детях, которые ждали его. И улыбнулся.

– Лучше, чем ожидал, – искренне ответил он. – Здесь лучшее место для меня.

Сейчас

Келли

Келли улыбалась, пока Бенни и его одноклассники со смехом бежали к столу, где их ждал обильный ланч, предоставленный за счет полицейского отделения Клуэйн-Бэй и сервированный в одном из гаражей. Хабб помогла выстроить учеников в аккуратную шеренгу.

Мэйсон был верен своему слову. Он пригласил класс Бена – на самом деле объединенную группу из десяти учеников первого и второго классов, потому что школа была совсем маленькой, – на экскурсию в полицейский участок.

– Они выглядят довольными, – заметил Мэйсон, когда помогал Келли раздавать детям картонные тарелки, которые быстро наполнялись жареной курятиной и картофельными чипсами с минимальной добавкой капустного салата.

Келли поморщилась, наблюдая за обжорством.

– Ну почему дети так плохо сочетаются с овощами?

– Эй, я сам не любил эту зелень. – Мэйсон помолчал, и она посмотрела на него. – И Люк тоже. – Он протянул ей тарелку. – А вы чего изволите? Жареных цыплят?

Какое-то время Келли смотрела на него, размышляя о его утрате и о том, какие чувства вызывало у него беззаботное веселье Бена и его сверстников. Потом она скорчила гримаску.

– Серьезно? Вы знаете, на сколько лет одна порция этой жирной еды укорачивает вашу жизнь?

– Полковник Сандерс[13] дожил до девяноста лет, – он улыбнулся, и в его глазах заплясали озорные огоньки.

Келли замерла, пораженная тем, как улыбка изменила его лицо, весь его облик. До сих пор он практически не улыбался, во всяком случае, не так, как сейчас. Он удержал ее взгляд, и между ними пробежал слабый разряд невидимого тока. Она взяла тарелку, отвернулась, немного помедлила, а потом положила себе горячую

куриную ножку, просто ради того, чтобы развеять странное ощущение, возникшее между ними.

Она устроилась за одним из столиков для пикника, принесенных полицейскими в гараж по такому случаю. Хабб сидела вместе с группой детей, где Бенни возглавлял судебные слушания, и посмеивалась над его репликами. Сердце Келли пело от радости, когда она видела своего сына в такой компании. Он был собой. Он был счастливым и уверенным в себе, окруженным друзьями.

Мэйсон устроился напротив нее. Он занялся картофельной соломкой, а его взгляд проследовал за взглядом Келли к детскому столу.

– Как вы догадались, что жареные цыплята будут иметь такой успех? – поинтересовалась Келли, вгрызаясь в свою порцию.

– Бен сказал мне.

Она уставилась на него.

– А когда вы спросили? – пробормотала она с набитым ртом.

– Когда я пришел в школу и пригласил детей. Он подошел ко мне, и мы немного поболтали. Он сказал, что обожает цыплят, которых готовят в забегаловке рядом с больницей.

– И вы поехали в Сильверкрик ради жареной курицы?

– Нет, – он бросил в рот картофельную соломку. – Я послал Подгорски. Попросил его заодно приобрести термическую сумку, чтобы еда не успела остыть до возвращения.

Сильверкрик. Больница. Питер. Келли мысленно вернулась к тому дню, когда они искали гидроплан, и вспомнила, как сильно Бен хотел поесть жареной курочки, когда они приедут к Питеру после того, как найдут самолет и мертвого пилота. Ее настроение изменилось. Она потеряла аппетит. Отсутствие Питера ударило ее с новой силой. И общество Мэйсона не улучшало положение, поскольку она бы солгала себе, если бы сказала, что не считает его привлекательным мужчиной.

– Все в порядке, Келли?

Она глубоко вздохнула.

– Да, я всегда в порядке, – ей удалось выдавить улыбку. – Вы же знаете, это жизнь.

Она пожала плечами.

– Питер?

Она кивнула.

– Если вы хотите поговорить, то…

– Не хочу.

Его руки, державшие куриное крылышко, замерли в воздухе.

– Хорошо, – тихо сказал он.

– Мэйсон… я люблю его. Люблю своего мужа, – кровь бросилась ей в лицо, когда она сказала это.

– Я знаю.

Она тихо выругалась и положила обгрызенную куриную ножку на тарелку.

– Извините. Я… понятия не имею, откуда это взялось. Боже, я чувствую себя полной дурой.

Она начала подниматься, но он накрыл ладонью ее руку.

– Постойте, Келли. Я понимаю.

Она сглотнула, внезапно ощутив комок в горле.

– Я понимаю, Келли. Просто… знайте, что я здесь, если вам захочется с кем-то поговорить. Вы помогли мне, когда выслушали меня. Вы спасли мою задницу в теснине реки Таксис, когда я упал. Вы помогли мне переправиться через тот затор в ущелье, – он понизил голос. – Вы помогли мне больше, чем я мог надеяться. Это маленький город, и хорошо иметь в нем друзей. Мне это нравится – быть вашим другом. И Бена тоже.

Он улыбнулся. Это была добрая, хорошая улыбка. Она затронула потаенные струны ее существа, где ему не было места. Она нервно прикоснулась к обручальному кольцу, пока он смотрел ей в глаза.

– Кроме того, у нас получилась хорошая команда.

– Полагаю, что да.

Бен подошел к ним. Его щеки разрумянились от новых впечатлений.

– Мы видели полицейское оружие, мам! – Он покосился на Мэйсона. – «Не трогать, только смотреть». – Он ухмыльнулся. – И снегоходы, и кабинеты, и камеру предварительного заключения, и наблюдательные камеры!

– Камеры наблюдения, – поправила она.

Бен кивнул.

– И даже полицейских собак. Офицер Грегсон сказал, что он специально прибыл из штаб-квартиры с овчаркой Труди.

Друг Бена позвал его, и он бегом вернулся к столу.

– Грегсон все еще в городе? – спросила Келли.

– Он получил увольнительную на несколько дней и решил пошататься вокруг.

– В Клуэйн-Бэй? В такое время года?

Взгляд Мэйсона переместился на Хабб, которая смеялась вместе с детьми за другим столом.

– Кажется, что-то здесь привлекло его интерес.

– Хабб? Вы шутите?

– Это как сказать.

Келли несколько секунд смотрела на Биркен Хаббл. Ее радовало, что Хабб с кем-то встречается. Последний ухажер бросил ее без какого-либо уведомления, и с тех пор ее сердце было разбито. Она уже давно с недоверием относилась к мужчинам. Келли знала, что будет скучать по Хабб, когда ее переведут на новое место, как было принято в RMCP.

– Она находится на седьмом небе с тех пор, как помогла арестовать Дебору Стронг, – сообщил Мэйсон. – Она хороший коп, и у нее все впереди.

Келли помедлила.

– Кстати, о Деборе. Что с ней теперь будет? Ее обвинят в убийствах?

– Теперь это дело находится в руках Филдинга и прокуратуры. Они занимаются оформлением документов в Принс-Джордже. Да, в каком-то качестве она будет обвиняемой по большинству убийств. Мы видели, как она застрелила доктора Бодена. Мы слышали, как она повесила Кэти Колбурн. Ее застигли с поличным, когда она попыталась убить Стеллу Дагер в больнице.

– Или закончить работу.

Он кивнул.

– А ДНК на рукоятке ножа совпадает с ДНК Деборы, она же Катарина Василева. То же самое относится к латентным отпечаткам на мясницком тесаке. Это прямая связь с убийством Берта Кундеры и Джекки Блант. А когда ее отпечатки провели по базе данных после ареста, то выяснилось, что у Деборы-Катарины есть недавно закрытая криминальная история. Тринадцать лет назад она была осуждена за вооруженное нападение на другую проститутку из Виктории, которая пыталась посягнуть на ее рабочую территорию. Она порезала

соперницу ножом так сильно, что та едва не умерла. Дебора отбыла десять месяцев в тюрьме за нападение и хранение наркотиков. Так что она хорошо знакома с насилием.

Келли приподняла брови.

– Значит, она бывшая преступница?

Он кивнул и подцепил еще кусочек картошки.

– После освобождения из тюрьмы она прошла программу профессиональной подготовки для бывших заключенных, выждала необходимое время, потом обратилась с просьбой в совет по условно-досрочному освобождению и получила помилование. Но такие вещи остаются под замком лишь до следующего преступления.

– И она не рассказала вам о своем тюремном сроке, когда вы допрашивали ее?

– Она опытная лгунья.

– А как насчет других убийств – Натана и Моники Макнил?

– Если Дебора не сознается в убийстве Моники и Натана, это будет трудно доказать на суде. По крайней мере, так обстоят дела на данный момент. Но криминалисты до сих пор работают на той поляне. И в доме. Они также тщательно просматривают сохранившиеся видеозаписи. Прокуроры совершенно уверены в своей позиции. Нет никаких сомнений, что Дебора Стронг отправится в тюрьму. На этот раз очень надолго.

– Как вы думаете, почему она пристегнула Джекки Блант в кресле пилота перед тем, как обрезать причальные канаты?

Он покачал головой.

– Возможно, в конце концов она сама расскажет. Судя по всему, она полагала, что самолет уплывет вниз по озеру и где-то утонет во время бури. Она хотела, чтобы Джекки Блант пошла ко дну вместе с самолетом, чтобы ее тело не всплыло на поверхность.

– Пресловутые башмаки из цемента.

Он криво усмехнулся.

– Возможно, она надеялась, что гидроплан никогда не найдут. Или если его найдут через двадцать лет, то все решат, что Блант была пилотом рухнувшего самолета.

– В тюрьме у нее родится ребенок, – сказала Келли.

Он вздохнул и покачал головой. Она отвернулась.

– Мне горько от этого, правда. Из-за ребенка. Дебора старалась вырваться, и ей это почти удалось. Она могла бы начать все сначала.

– Если бы прошлое не настигло ее в облике Стеллы Дагер.

– Похоже, у нее было очень плохое детство и ранняя юность. Как видно, если твой путь рано пересекается с настоящим злом, то почти невозможно избежать последствий. И теперь есть отец, который ни в чем не виноват, чей ребенок родится в тюрьме. Он навсегда останется связанным с Деборой Стронг через этого ребенка. С преступницей. Ребенок вырастет и узнает, что его мать была убийцей.

– С людьми постоянно случаются плохие вещи. Дети не рождаются плохими людьми. Детсадовцы вряд ли говорят, что они хотят быть преступниками или убийцами, когда их спрашивают, кем они мечтают стать, когда вырастут.

Келли встретилась с его взглядом. Она видела двойной смысл слов Мэйсона. Он тоже мог убить молодого человека, чья глупость и неосторожность погубили его жену и сына. Она понятия не имела, что сама могла бы сделать, если бы кто-то угрожал Бенни. Или Питеру.

– Иногда, Келли, между плохим и хорошим выбором стоит только добрый друг.

Вроде тех друзей, которые удержали Мэйсона, когда он отправился к дому того водителя с убийственной яростью в душе.

– Но есть и друзья вроде Франца Готтмана, который в конечном счете подтолкнул Стеллу через край, – возразила Келли.

Он тихо фыркнул.

– Да. Готтман был… особенным человеком.

– Как Франц и Стелла смогли найти всех, кто был причастен к смерти Зика? – поинтересовалась Келли. – Каким образом частный сыщик смог преуспеть, когда полицейское расследование зашло в тупик?

Мэйсон отодвинул тарелку и вытер рот салфеткой.

– Стелла Дагер оставила в сейфе отчет фирмы, которая занимается частными детективными расследованиями, чтобы мы могли прочитать его. Время лечит. Любой коп, который занимался «висячими» делами, может это сказать. Связи и союзы меняются. Люди умирают. Старые страхи и угрозы внезапно теряют значение. Люди, много лет хранившие молчание, вдруг начинают говорить по любым причинам. По сути дела, они нашли свидетельницу автомобильного инцидента во

многом так же, как это сделал Дэн Уитлок. Одной следовательнице пришлось побегать больше, чем остальным. Она беседовала со старыми владельцами магазинов на той улице, где сбили Зика Маршалла, и с домовладельцами, которые жили или до сих пор живут там. Все они подтвердили, что четырнадцать лет назад тот перекресток был постоянной торговой точкой для проституток…

– Но если Уитлок мог это сделать, то почему полиция не смогла? – допытывалась Келли.

– Когда детективы из Ванкувера пришли к сутенеру, контролировавшему этот квартал, никто не стал говорить с ними. Никто не сообщил, какая девушка стояла на перекрестке в тот вечер. Сейчас этот сутенер отбывает срок за убийство и торговлю людьми, и ему предстоит сидеть еще очень долго. Следовательница посетила его. Ему было нечего терять, но содействие полиции могло скостить срок, поэтому он рассказал, что некая Катарина Василева видела тот инцидент. Он также сообщил, что Дэн Уитлок заплатил ему за информацию о Катарине, а также нанял бывшего полицейского следователя, имевшего проблемы с алкоголем, чтобы запугать Катарину и заставить ее уехать из города.

– Джекки Блант, – сказала Келли.

Мэйсон кивнул.

– По словам сутенера, Катарина забрала номерной знак и детский рюкзак с места происшествия. Он сказал, что это был «блатной номер». И добавил, что соседка Катарины видела, как Джекки Блант уходит с этой табличкой. Эту женщину нашли в старом пансионе на восточной окраине Ванкувера. Она находилась при смерти и лежала под кислородной подушкой. Но она помнила табличку с надписью MONEAL.

– Она помнила? Все это время?

Мэйсон взял чашку сока, отхлебнул и скривился. Келли усмехнулась.

– Знаю, это ужасно. Специально для детских вкусовых сосочков.

– Без шуток, – он отставил чашку. – Да, она запомнила номер. Она сказала, что Катарина находилась в ужасе и показала ей эту табличку. Поскольку тогда она тоже была несовершеннолетней проституткой и наркоманкой, то надпись создала у нее мысленную ассоциацию «деньги за еду»[14]. Это застряло у нее в голове, потому что в конце

концов Катарина получила приличную сумму за то, что отдала табличку Джекки Блант.

– На пропитание.

– Вот именно. Но Катарина снова ввязалась в неприятности, теперь уже в Виктории. Она была арестована, осуждена и отсидела срок. Потом вышла на свободу и начала отстраивать жизнь заново. Ее прошение об официальной смене имени было отслежено.

– Дебора Стронг.

– Точно.

– А потом поиск по базе регистрации автомобильных номеров показал, что табличка с надписью MONEAL принадлежала Монике Макнил?

– Совершенно верно. Дополнительный поиск показал, что «БМВ» был продан в Альберту человеком, который уже находился на полицейском радаре из-за связи с организованной преступностью через своего брата. Он занимался черной работой для байкерских шаек.

– Берт Кундера.

– Полиция уже отследила этот «БМВ». Он по-прежнему на ходу, хотя и перекрашен, но сравнение серийных номеров подтверждает идентификацию с автомобилем Моники. Ремонтная работа по бамперу соответствует повреждениям, полученным при лобовом столкновении.

– Хорошая работа.

– Эта детективная фирма основана бывшими сотрудниками полиции. У них хорошие связи по обе стороны границы. К тому же масса свободного времени и деньги Франца Готтмана.

– Как они обнаружили Натана и Стивена?

– Судя по отчету из сейфа, они не занимались Макнилом, но Франц Готтман и Стелла Дагер пришли к убеждению, что он *должен* быть причастным к преступлению. У Моники не было возможности самостоятельно избавиться от автомобиля. Натан работал недалеко от подпольной мастерской Берта Кундеры. Его коллега раньше пользовался услугами Берта и рекомендовал его Натану, или хотя бы упомянул о нем. Так или иначе, Натан получил приглашение на курорт «Лесная сень» в комплекте с Моникой.

– Наверное, Франц решил, что это внесет элемент пикантной напряженности между Моникой и Стивеном, – сказала Келли.

Мэйсон кивнул.

– И Натан, скорее всего, приложил руку к последней трапезе в лесном доме.

– Он подложил грибы в тарелку Стивена?

– Мы еще не вполне уверены. Но, согласно заявлению Стеллы в том последнем фрагменте видеозаписи, она этого не делала.

– Значит, после того, как частная сыщица нашла Уитлока, она стала расследовать происхождение денег? – спросила Келли.

– Да. Потому что кто-то заплатил Уитлоку кучу денег за то, чтобы вернуть отлетевшую номерную табличку «БМВ» и утихомирить свидетельницу. Она установила, что Уитлок регулярно выполнял грязную работу для одного из самых респектабельных ванкуверских адвокатов. В свою очередь, он был известным «решалой» для высокопоставленных клиентов. Негласные денежные выплаты, закулисные договоренности и прочее. Это был Ричард Ормонд из адвокатской конторы «Бэйтс, Ормонд, Рис и партнеры». Тогда эта фирма сотрудничала с легальным агентством частных расследований BCI Limited, которое досрочно прекратило контракт с ними из-за теневых связей Ормонда с Уитлоком. Они не хотели, чтобы их агентство как-то ассоциировалось с делишками Уитлока.

– Дэн Уитлок был известен полиции?

– Да, потому что он иногда пересекал запретные линии. Ему нравилось работать на грани дозволенного, формально не выходя за рамки закона. Детектив Франца связался с одним из пожилых следователей BCI Limited, который поделился именами некоторых клиентов Ормонда, заказывавших «грязную работу».

– А это было этично? – поинтересовалась Келли.

– Очевидно, он не испытывал угрызений совести по этому поводу. С его точки зрения это все равно была грязная работа. И одним из имен в его списке было имя доктора Стивена Бодена из хирургической клиники Оук-Стрит. Женщина-детектив проверила весь список, но только Боден имел какое-то отношение к Монике Макнил – через благотворительный детский фонд. Она начала копать глубже и узнала от подруги бывшей жены Бодена, что он имел несколько романов на стороне. Один из этих романов, по слухам, был связан с Моникой Макнил, наследницей сети бакалейных магазинов. Их любовная интрига началась незадолго до происшествия с наездом на мальчика и

резко прекратилась сразу же после трагического инцидента. Тогда следовательница пришла к выводу, что за рулем «БМВ» находился Стивен Боден. Эстелла Маршалл сказала полицейским, что в тот вечер она мельком видела двух человек в автомобиле, сбившем ее сына. Мужчину за рулем и женщину на пассажирском месте.

Келли тихо выругалась.

– Человек, наехавший на Зика Маршалла, был врачом! Он мог хотя бы попытаться помочь Зику. Возможно, ему бы даже удалось спасти ребенка.

– Вместо этого он уехал с места происшествия.

– А Стелла не заметила номерную табличку, отлетевшую от бампера?

– Ее внимание было всецело сосредоточено на ребенке, а людей в автомобиле она заметила на бегу.

– Но почему следовательница пришла к выводу, что водителем был Стивен Боден, а не Натан Макнил, который мог везти свою жену?

– Потому что именно Боден приложил большие усилия и потратил много денег ради того, чтобы вернуть номерную табличку и заткнуть рот свидетельнице преступления.

– Ну, конечно. Вот черт! – она провела рукой по волосам, собранным в хвостик на затылке. – Теперь вы можете понять, почему из меня не получится хороший полицейский. Или хороший преступник, если уж на то пошло.

Мэйсон рассмеялся.

Ее мысли вернулись к Стелле. К матери, которая подвела своего ребенка и подверглась всеобщему осуждению. Которая все потеряла.

– Как вы думаете, Стелла в конце концов получила то, чего она хотела? – тихо спросила она.

– Думаю, теперь она покоится с миром.

Келли медленно кивнула.

– Такое наводит на мысль, что нужно покрепче держаться за своего ребенка. – Она пожалела о своих словах, как только произнесла их. – Ох… Извините. Я…

Он грустно улыбнулся:

– Все в порядке. Бенни повезло, что у него есть вы. И Питеру тоже.

Она почувствовала, что краснеет.

– Я… нам пора заканчивать мероприятие. Собирать детей и усаживать в автобус, – она встретила его взгляд. – Спасибо, Мэйсон. За то, что устроили такой замечательный праздник для детей.

– В нашем городке люди должны держаться друг друга. – Он встал и немного помедлил. – Как я уже говорил, у нас получилась хорошая команда.

– Да, это так.

Когда она смотрела, как он подходит к столу, за которым смеялись дети, то поняла, что городу крупно повезло с сержантом Мэйсоном Денье. И благодаря ему какая-то малая частица ее самой тоже вернулась к жизни.

Независимо от того, что ждет впереди, было хорошо иметь друга. Такого мужчину, как Мэйсон, который поддержит ее, если ей когда-нибудь это понадобится. Ей и Бенни.

И что бы ни чувствовала Стелла в последние моменты своей жизни, она обрела справедливость для маленького Зика Маршалла. Правда была сказана в память о ее сыне.

Благодарность автора

Мечта любого автора – работать с такой командой, как Элисон Дашо, Шарлотта Хершер и литературный агент Эми Танненбаум. У меня не хватает слов, чтобы выразить благодарность за редакторские наставления, издательский опыт и общую поддержку. Мне повезло, что наши пути пересеклись. Также выражаю глубокую благодарность остальным членам команды Montlake и агентству Джейн Ротросен.

Эта книга была написана в непростое для моей семейной жизни время, и я благодарна моему брату Джону Дж. Уайту, который выкраивал время из своего напряженного графика, чтобы прилетать из Австралии и поддерживать огонь в домашнем очаге, пока я изо всех сил старалась уложиться в заданные сроки между визитами в разные больницы. Мелани Уайт, спасибо тебе за то, что поделилась со мной поддержкой своего мужа, чтобы рано утром я могла просыпаться на все готовенькое! Роки Тамболайн и Джоанна Уайт – эта книга не появилась бы на свет без вашей поддержки. И я безмерно благодарна всем врачам и медсестрам, которые помогли моему мужу справиться с болезнью, угрожавшей его жизни, и которые до сих пор помогают моей маме.

Большая-пребольшая благодарность также достается моей младшей дочери Марлине Бесвитрик за глубокомысленные и поучительные беседы во время наших лесных прогулок. Я не могу дождаться того времени, когда ты начнешь писать собственные романы, потому что по литературной части с твоей головой мало что может сравниться! И мне остается только желать, чтобы я могла читать книги хотя бы вполовину так же быстро, как это делаешь ты, когда проглатываешь их целиком.

1

Скорее всего, имеется в виду поэма «Четыре квартета» Т. С. Элиота («Ист-Коукер», V: «В моем конце – начало») – *(прим. пер.)*.

2

RMCP (Royal Canadian Mounted Police) – Канадская королевская конная полиция (*прим. пер.)*.

3

SAR (Search and Rescue) – поисково-спасательная группа – (*прим. пер*.).

4

Акрофобия – боязнь высоты (*прим. пер*.).

5

«Между морем и небом» – рекламное название шоссе 99, которое начинается от Ванкувера, некоторое время идет вдоль побережья Атлантики, а потом заворачивает вглубь, проходя через гористые участки, перевалы и многочисленные озера. Примерно через 350 км шоссе 99 заканчивается у исторического поселения Хат-Крик (*прим. пер*.).

6

Реально существующий концерн по производству радарных и видеосистем (*прим. пер*.).

7

Стандартное наименование неопознанного тела; мужчина – Джон Доу, женщина – Джейн Доу (*прим. пер*.).

8

Skinner – в прямом смысле «свежеватель» (*прим. пер*.).

9

TSB – служба техподдержки при департаменте безопасности воздушного сообщения (*прим. пер*.).

10

Регион Лоуэр-Мэйнленд расположен на крайнем юго-западе провинции Британская Колумбия и включает территории вокруг Ванкувера и Бернаби (*прим. пер*.).

11

Внутренний Проход (Inside Passage) – прибрежный проход по сети маршрутов через острова на северо-западном побережье Британской Колумбии (*прим. пер*.).

12

«Эгоистичный ген» – научно-популярная книга об эволюции, написанная Ричардом Докинзом (*прим. пер*.).

13

Полковник Сандерс – основатель сети быстрого питания KFC (*прим. пер*.).

14

MONey for MeAL *(англ.)*.